БОРИС
АКУНИН

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

После тяжелой продолжительной болезни

Annotation

Этой эпохе посвящено больше литературы, чем всей остальной отечественной истории вместе взятой. Целые академические институты занимались «историей революции» — в сущности, очень коротким периодом. Пожалуй, можно сказать, что предыдущие тома «Истории российского государства» являлись подготовкой к этому. Попробуем разобраться в причинах гибели государства. Была — и остается — надежда, что если правильно проанализировать анамнез болезни, то, может быть, удастся с ней справиться при следующем обострении.

- Борис Акунин
  -
  - Предисловие
  - Часть первая
    - Дефект анатомии
      -
      - Самодержец и самодержавие
      - Борьба между Властью и Обществом
    - Бремя Империи
      -
      - Дальневосточная проблема
      - Балканская проблема
    - Национальные «вопросы»
      -
      - Польский «вопрос»
      - Еврейский «вопрос»
      - Финляндский и другие «вопросы»
    - Социальная структура
      -
      - Население страны на пороге XX века
      - Культурный уровень народа
      - Социальные мутации
      - Лучше никогда, чем поздно
    - Болезнь роста
      - От промышленной революции к социальной

        - Пропагандисты и боевики
        - Рабочее движение
        - Террор
        - Большие Беспорядки
        - Борьба с революцией
    - Пандемия
        - Главная причина
        - Второстепенные причины
        - Повод
- Часть вторая
    -
    - Тысяча восемьсот девяносто четвертый год
    - Тысяча восемьсот девяносто пятый год
    - Тысяча восемьсот девяносто шестой год
    - Тысяча восемьсот девяносто седьмой год
    - Тысяча восемьсот девяносто восьмой год
    - Тысяча восемьсот девяносто девятый год
    - Тысяча девятисотый год
    - Тысяча девятьсот первый год
    - Тысяча девятьсот второй год
    - Тысяча девятьсот третий год
    - Тысяча девятьсот четвертый год
    - Тысяча девятьсот пятый год
    - Тысяча девятьсот шестой год
    - Тысяча девятьсот седьмой год
    - Тысяча девятьсот восьмой год
    - Тысяча девятьсот девятый год
    - Тысяча девятьсот десятый год
    - Тысяча девятьсот одиннадцатый год
    - Тысяча девятьсот двенадцатый год
    - Тысяча девятьсот тринадцатый год
    - Тысяча девятьсот четырнадцатый год
    - Тысяча девятьсот пятнадцатый год
    - Тысяча девятьсот шестнадцатый год
    - Тысяча девятьсот семнадцатый год
    - Заключение. Продолжение следует
- notes

- 1
- 2
- 3
- 4

Борис Акунин
После тяжелой продолжительной болезни. Время Николая II

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Проект «История Российского государства» издается с 2013 года

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
О.В. Будницкий доктор исторических наук (НИУ ВШЭ)
Ф.А. Гайда доктор исторических наук (МГУ)
Ю.Г. Степанов кандидат исторических наук (СГУ)
Оформление переплета — А.В. Ферез Карты — М.А. Романова Художник — И.А. Сакуров

В оформлении использованы иллюстрации из свободных источников

© B. Akunin, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Предисловие

Этой эпохе посвящено больше научной, учебной и художественной литературы, чем всей остальной отечественной истории вместе взятой. В советские времена целые академические институты десятилетиями занимались «историей революции» — в сущности, очень коротким периодом.

Канва событий хорошо известна российскому читателю со школы и может быть изложена в одном предложении.

Самодержавная монархия не выдержала испытаний, которые обрушил на нее двадцатый век; одолеваемая внутренними противоречиями, она распалась в ходе общемирового кризиса — Первой мировой войны.

Поэтому главной своей задачей я считаю не пересказ фактов, знакомых аудитории, а анализ причин, по которым разразилась мегакатастрофа. Под таковой я имею в виду не падение монархии, а полный коллапс российского государства и последовавшую затем череду трагических потрясений.

Крах государства — вероятно, худшее, что может произойти со страной. У нас такое случалось дважды: в начале XVII века, когда весь тогдашний уклад рассыпался и Россия на несколько лет погрузилась в Смуту, и в начале XX века, когда произошло то же самое, только в неизмеримо большем масштабе.

Около восьми миллионов людей погибли от насилия, лишений и эпидемий во время Гражданской войны; около семи миллионов крестьян были заморены голодом в результате «коллективизации»; около шести миллионов были арестованы (из них 700 тысяч казнены) в годы террора; целые нации отправились в ссылку; народ попал в гораздо худшее угнетение, чем при царизме, свергнутом во имя народной свободы.[1]

Пожалуй, можно сказать, что предыдущие тома моей «Истории» являлись не более чем подготовкой к этому главному тому, ради которого и затевался весь проект. Мне хотелось разобраться в причинах гибели государства, *не вставая ни на одну из сторон*, чтобы не утратить объективности. Была — и остается — надежда, что если правильно проанализировать анамнез болезни, то, может быть, удастся

с ней справиться при следующем обострении. А болезнь никуда не делась, страна по-прежнему нездорова — мы все это знаем.

Поставленная задача определила непривычную композицию книги. Она разделена на две половины, устроенные по-разному.

Первая часть называется «Букет болезней», потому что таковых было несколько. Среди них имелись врожденные или приобретенные естественным образом — вследствие специфики российского государственного устройства. Были «болезни роста» — вполне универсальные, присущие в то время всем развивающимся странам. Наконец, в 1914 году разразилась «пандемия», общий кризис западной цивилизации, приведший к мировой войне. Глобальное сотрясение погубило несколько государств с ослабленной сопротивляемостью организма, и раньше всех Россию.

Во второй половине книги излагается — в хроникальной манере, от года к году — «клиническая картина», приведшая к летальному исходу. Предварительно разобравшись во внутренних причинах происходящих процессов, читатель сможет лучше ориентироваться в хаосе стремительных событий. При желании том можно читать в обратной последовательности: сначала последнюю часть, описательную, а потом, «уже зная сюжет», — первую, аналитическую.

Много места в томе уделено попыткам лечения больного государства.

«Терапий» было три: охранительно-государственническая, прогрессивно-либеральная и революционная. У каждого из «докторов» были свои резоны и своя правота — но были и свои дефекты.

«Государственники» в целом лучше понимали человеческую природу и законы управления обществом, потому что обладали опытом власти, здравым смыслом и сознавали ответственность за страну. Однако к XX веку самодержавная система, за которую упорно держались «государственники», стала чересчур архаичной, она плохо соответствовала реалиям нового времени, ослабляла Россию, тормозила ее развитие. Попытки сохранить этот устаревший строй были заведомо обречены.

«Либералы», тогдашние властители дум, руководствовались высокими идеями человеческого достоинства, свободы, народовластия,

но, не имея практических навыков государственного управления, плохо представляли себе практические последствия своих прекраснодушных проектов.

«Революционеры» в основной своей массе (этот лагерь довольно пестр) были смелыми, самоотверженными людьми, которые тоже вдохновлялись очень красивыми идеями — идеями коммунизма, тогда еще не скомпрометированного. Как ни странно нам сегодня это сознавать, но у большевиков до революции была неплохая общественная репутация, ведь они не делали ставку на террор, как эсеры, не шли на компромиссы с царизмом, как либералы, и чуть ли не единственные выступали против мировой войны. Однако, как мы увидим, истинная роль революционных партий в крахе государства оказалась не столь уж велика. Поэтому — вопреки сложившейся традиции — я уделю в книге очень немного внимания Ленину и его соратникам. Если бы данный том охватывал события всего семнадцатого года, вплоть до Октября, нужно было бы, конечно, подробно осветить всю эволюцию РСДРП, но для рассказа о Февральской революции эти знания нам не понадобятся. *Монархию свергли не революционеры.*

Ни один из трех рецептов России здоровья не принес. Может быть, не то и не так лечили?

Часть первая
Букет болезней

Дефект анатомии

В оправдание последнего самодержца можно сказать, что главные недуги его империи были наследственными. Первая болезнь, врожденная, имела тот же возраст, что и государство, — четыреста с лишним лет.

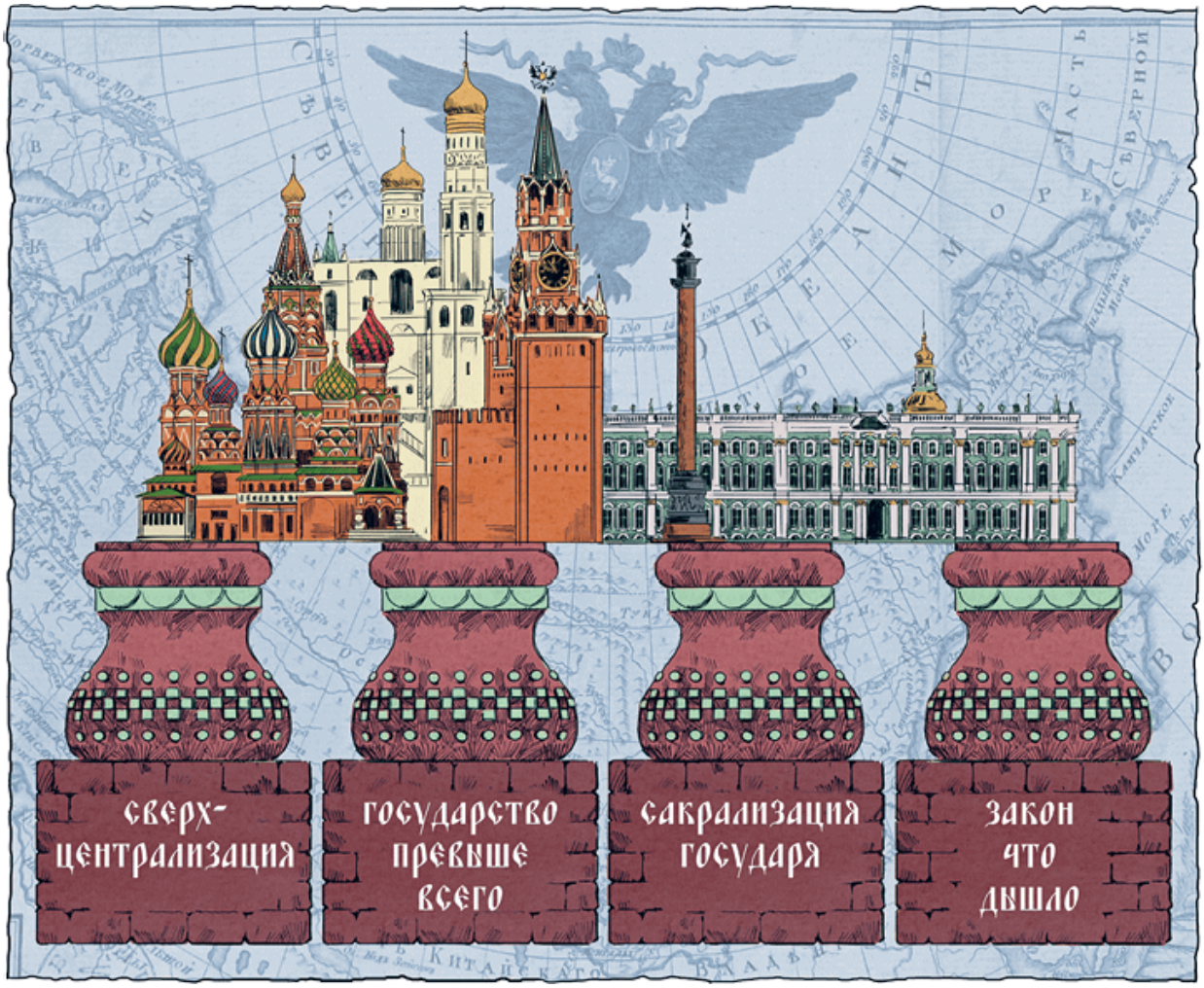
Здание, построенное во второй половине XV века отцом-основателем российского государства Иваном III, основывалось на жесткой централизации власти, которая в тогдашних условиях и тем более в последующие века обеспечивала сохранность обширной, разноукладной и разноплеменной страны.

Я называю эту модель «ордынской», потому что Иван Васильевич позаимствовал ее в Золотой Орде, у монголов.

Государство «ордынского» типа — это очень сильный механизм. Главный его принцип — сверхцентрализация и единство управления — подкрепляется еще тремя «опорными колоннами», каждая из которых необходима, чтобы конструкция не рассыпалась. Это обожествление Государства как сверхидеи; сакрализация фигуры правителя; верховенство административной власти над законами. Нарушение или ослабление любого из несущих элементов подвергает всё строение риску разрушения.

В течение примерно полутора веков эта модель обеспечивала московскому государству преимущество над рыхлыми соседними державами, и оно быстро росло. Но «ордынскость» имеет и свои минусы. Первый распад российского государства, Смута, был вызван разрушением сакральности царской власти — пресеклась династия Рюриковичей. Потом, на протяжении всего семнадцатого века, пришлось эту опору восстанавливать, постепенно возвеличивая царей новой династии, Романовых.

К тому времени, когда авторитет и престиж верховной власти были реставрированы, обнаружилась новая проблема. Оказалось, что в новых исторических условиях сверхцентрализованность перестала быть эффективной. В Европе сформировался новый тип успешного государства, крепнущего за счет частной инициативы — торговли и промышленности. Россия быстро отставала от передовых стран.



«Ордынское государство». *И. Сакуров*

Петр Первый нашел «асимметричный» способ преодолеть это отставание: превратил страну в военную империю (об этом в следующем разделе). Для этого царь-реформатор не разобрал обветшавший фундамент государства, а всемерно укрепил его. Суть петровских преобразований заключалась вовсе не в «европеизации», а, наоборот, в «азиатизации» державы. Все четыре «ордынские» опоры поднялись еще выше. Самодержавие устранило параллельные властные «подпорки» — боярскую думу, патриархию, земские соборы — и стало править тоталитарно. Административная «вертикаль» восстановила почти чингисхановскую стройность. Всё население, включая дворянскую элиту, было лишено личной свободы и фактически зачислено на государственную службу — установился своего рода

культ Государства. Страна управлялась не по своду законов, а по указам, спускаемым сверху.

В дальнейшем выяснилось, что империя исправно завоевывает новые земли, но плохо распоряжается доходами-расходами; хорошо показывает себя во время войны и плохо — во время мира. Техническое и экономическое отставание стало приобретать угрожающие размеры, когда в западном мире развернулась индустриальная революция.

Правительство сознавало остроту проблемы и — еще со времен Екатерины II — неоднократно пробовало ее как-то разрешить. Но за каждой попыткой реформ следовал откат назад. В этом не было злой воли, как казалось многим либералам и революционерам, ненавидевшим самодержавие. Просто расшатывание любой из четырех опорных колонн создавало риск обрушения всей конструкции — и правительству приходилось спешно восстанавливать прежнюю систему.

Послабление в цензурных строгостях приводило к критическим атакам на власть (заметим, совершенно справедливым). Это подрывало сакральность фигуры государя и саму идею самодержавной власти. Если она не священна, то на каком основании ей следует безропотно повиноваться?

Ослабление зависимости от государства, от необходимости ему служить побуждало вольнодумцев критически пересматривать привычную идеологию. А что такого уж великого в Государстве? Почему его интересы важнее достойной жизни?

Установление единых для всех законов (судебная реформа 1860-х годов) нанесло удар по всесилию исполнительной власти. Судебная власть конкурировала с административной, что для «ордынской» модели совершенно невозможно.

Всякое нарушение единоначалия в условиях гигантской страны приводило к шатанию и разброду.

Н. Эйдельман писал: «Есть, очевидно, два способа управления такими территориями: первый — когда большую роль играет местное самоуправление, выбранное населением и отчасти контролируемое из центра. Один из создателей США, Томас Джефферсон, писал: “Наша страна слишком велика для того, чтобы всеми ее делами ведало одно правительство”. Второй способ — централизаторский: сверху донизу

всеведущая административная власть, которая подавляет всяческое самоуправление».

Любой средний путь не работает, он разрушителен, а государственные и общественные лидеры предреволюционной России именно этим и занимались: искали средний путь — одни сверху, другие снизу.

Трагический парадокс российской жизни конца девятнадцатого — начала двадцатого века заключается в том, что демонтаж самодержавной диктатуры представлял для страны не меньшую опасность, чем сама диктатура.

Изнутри государство погубили два фактора: архаичность государственной конструкции и усилия лучших (без преувеличения лучших) людей того времени от этой архаичности избавиться.

Вот почему данный раздел состоит из двух больших глав. Одна посвящена людям, которые руководили государством и не спасли его; другая — борьбе между правительством и Обществом. (Когда я пишу это слово с большой буквы, имеется в виду не всё население страны, а его политически активная часть.)

Главным полем сражения был вопрос о самодержавии, то есть о том, какой должна быть власть в России — сверхцентрализованной или разделенной с Обществом.

Самодержавие плохо справлялось с управлением, но всячески отталкивало Общество, которое упорно пыталось ухватиться за руль. Автомобиль под названием «Россия» несся всё быстрее, вилял от обочины к обочине и в конце концов, на крутом повороте, полетел под откос.

Самодержец и самодержавие

«Индифферент-оптимист»

Начнем с носителя верховной власти — Николая Александровича Романова.

Очень многие пытались дать характеристику этому исторически важному персонажу. По большей части эти характеристики развернуты и многословны. Самую лаконичную и точную формулу, пожалуй, вывел

один из придворных, князь Николай Оболенский, близко знавший императора: «Государь по натуре индифферент-оптимист. Такие лица ощущают чувство страха, только когда гроза перед глазами, и, как только она отодвигается за ближайшую дверь, оно мигом проходит». Именно это качество — фаталистская вера в то, что всё как-нибудь устроится, что Господь придет на помощь Своему помазаннику и спасет его, — дает ключ к пониманию многих поступков правителя.

Министров подобный ни на чем не основанный оптимизм бесил, историков приводил в недоумение, на самом же деле это была совершенно естественная и, пожалуй, психологически единственно возможная защитная реакция абсолютно ординарного человека на ту исключительную ситуацию, в которую поставила его судьба. Когда ум не в состоянии справиться с объемом и сложностью обрушенных на него задач, приходится уповать только на Бога. Протопресвитер Г. Шавельский пишет, что Николай как-то признался: «Я стараюсь ни над чем серьёзно не задумываться — иначе я давно был бы в гробу».

Дело не в том, что царь обладал очень средними интеллектуальными способностями и вообще был натурой неяркой. К концу XIX века государство превратилось в такой сложный агрегат, что никакой гений в одиночку не смог бы им управлять. Нагрузка самодержца была совершенно невозможной. Времена, когда претенденты брали престол с боем и затевали перевороты, остались в далеком прошлом. Последним царем, рвавшимся к власти, был Павел. Уже его сын Александр мечтал о том, чтобы отказаться от престола и жить частной жизнью. Все последующие государи, даже динамичный Николай I, считали корону тяжким бременем и, если б существовал выбор, с радостью от нее отказались бы.

Отец последнего императора Александр III не блистал ни умом, ни способностями, но по крайней мере обладал сильным характером и взошел на престол в зрелом возрасте, имея некоторый опыт государственной деятельности. Его сын стал царем, совершенно не готовый к роли властителя империи. «Когда мой отец умер, я был просто командир лейб-эскадрона гусар», — скажет Николай впоследствии. Он действительно ничем крупнее эскадрона прежде не управлял. К тому же власть свалилась на него неожиданно. Лишь за две недели до кончины Александра III стало ясно, что болезнь этого 49-летнего богатыря опасна. Когда царь умер, его наследник оцепенел не

только от горя, но и от ужаса. Он пишет в дневнике о «страшной перемене», которая с ним произошла: «Для меня худшее случилось, именно то, чего я так боялся всю жизнь!».

Всё время своего правления этот заурядный, не уверенный в себе человек честно пытался соответствовать своему положению — не более.

Николай II. *Б. Кустодиев*

Нельзя сказать, что цесаревича плохо готовили к высокой миссии. Романовы еще со времен Екатерины считали воспитание наследников важнейшим государственным делом. В детстве и юности у Николая были превосходные педагоги. Его учили по индивидуальной программе финансист Н. Бунге, правовед К. Победоносцев, химик Н. Бекетов и лучшие преподаватели Академии Генштаба. Молодой человек в совершенстве владел тремя иностранными языками — английским, французским и немецким. Но использовать полученные знания на практике в бытность наследником он не успел. По статусу обязанный присутствовать на заседаниях Государственного совета и комитета министров, Николай никак там себя не проявлял. В 26 лет по кругу интересов это был обыкновенный гвардейский офицер, по-настоящему увлекавшийся только охотой, спортом и музыкой.

Все, кто проштудировал личный дневник Николая, исправно ведшийся на протяжении всей его жизни, вероятно, испытали горестное недоумение по поводу того, от какой тусклой личности зависела жизнь огромной страны — не только ста семидесяти миллионов ее тогдашних обитателей, но и последующих поколений. Это весьма депрессивное чтение. Возникающий портрет саморазоблачителен.

Ноль мыслей, минимум эмоций, а те, что встречаются, как правило, мелки — чаще всего они вызваны погодой: «Утром погода привела меня в отчаяние», «Обиделся на мороз и не пошел гулять утром». Бесконечные перечисления подстреленной дичи, причем больше всего почему-то достается несчастным воронам: «Удалось наконец убить ворону из монтекристо!» «Во время прогулки убил отлично — ворону». «Гулял два часа; сегодня удалось дойти до 50 убитых в парке ворон». Просто какой-то вороний маньяк.

Государь за любимым занятием. *И. Сакуров*

Про государственные дела записей немного, а если и встречаются, то сделаны они явно без интереса, часто с досадой. «В 2 часа у меня происходило заседание соединенного присутствия Сибирского Комитета и департамента экономии. Оно окончилось в 3 3/4, и затем мы поспешили в Аничков на каток». «Полоскался с наслаждением в моей ванне и после кофе засел за несносные телеграммы».

Интровертность, замкнутость, сдержанность в проявлении эмоций для венценосца вполне естественны, но в Николае ощущается еще и природная скудость чувств. Трудно без содрогания читать записи, сделанные в самые драматические дни истории. Скупое упоминание об ужасной трагедии на Ходынском поле заканчивается так: «Обедали у Мама в 8 ч. Поехали на бал к Montebello [французский посол]. Было очень красиво устроено, но жара стояла невыносимая. После ужина уехали в 2 ч». В день, когда пришло известие о Мукденской катастрофе (людские потери — сто тысяч человек), царь вздыхает: «Господи, что за неудачи». Следующая фраза: «Имел большой прием. Вечером упаковывали подарки офицерам и солдатам санитарного поезда Аликс на Пасху».

А вот полностью запись от 15 апреля 1906 года — это поворотный в истории государства день, когда завершилась политическая карьера премьер-министра Витте: «В час ночи отправился на глухарей через дер. Замостье. Ночь была очень теплая. Убил трех глухарей. Вернулся домой в 6 час. Спал до 10 ч. Имел три доклада. Фредерикс завтракал. Долго говорили втроем о церемониале открытия Думы. Была гроза с градом. Гулял, когда погода поправилась. Много занимался. Принял отставку Витте. Обедали Мари и Дмитрий. Отвезли их во дворец».

Мало кому из исторических деятелей современники и потомки давали столь полярные оценки. Революционеры, а затем советские историки Николая демонизировали, даже дали ему прозвище «Кровавый» (незаслуженно). Другой крайностью было возведение истребителя ворон в святые Русской православной церкви. Одни авторы доказывали, что царь был человеком слабым и бесхарактерным, другие — что он обладал очень сильной волей.

Истина же, кажется, заключается в том, что Николай Александрович как личность был, подобно воде, лишен цвета, вкуса и

запаха. Он принимал форму сосуда, в который его «наливал» исторический момент. (О твердых людях, под воздействием которых царь менялся, пойдет речь в следующей главе.)

И все же в поведении этого бесцветного правителя явственно проступают несколько постоянных, укорененных черт. Каждая сыграла свою роль в истории.

Николай был не просто фаталистом. В нем несомненно жила глубокая религиозность. В самые важные моменты царь принимал решения, руководствуясь неким мистическим ощущением «прямого канала» между помазанником и Богом. Барон Р. Розен, дипломат и гофмейстер, в своих мемуарах пишет, как поражало его невероятное хладнокровие государя во время потрясений 1905 года. Однажды Николай сказал барону: «…Я столь мало встревожен, ибо твердо и непоколебимо верю в то, что судьба России, моя собственная судьба и судьба моей семьи в руках Всемогущего Господа, который сделал меня тем, что я есть».

Другой мемуарист, генерал А. Мосолов, начальник царской канцелярии (по мнению П. Милюкова, человек умный и наблюдательный), свидетельствует: «Он [царь] воспринял от отца, которого почитал и которому старался подражать даже в житейских мелочах, незыблемую веру в судьбоносность своей власти. Его призвание исходило от Бога. Он ответствовал за свои действия только пред совестью и Всевышним… Царь отвечал пред совестью и руководился интуицией, инстинктом, тем непонятным, которое ныне зовут подсознанием… Он склонялся лишь пред стихийным, иррациональным, а иногда и противным разуму, пред невесомым, пред своим всё возрастающим мистицизмом».

Николай остро ощущал ответственность за свои решения и поступки — но не перед народом, а перед Господом. Сергей Ольденбург, автор чрезвычайно почтительной биографии царя, утверждает то же самое: «Вера в Бога и в свой долг царского служения были основой всех взглядов императора Николая II. Он считал, что ответственность за судьбы России лежит на нем, что он отвечает за них перед престолом Всевышнего. Другие могут советовать, другие могут ему мешать, но ответ за Россию перед Богом лежит на нем. Из этого вытекало и отношение к ограничению власти — которое он считал переложением ответственности на других, не призванных, и к

отдельным министрам, претендовавшим, по его мнению, на слишком большое влияние в государстве. “Они напортят — а отвечать мне” — таково было в упрощенной форме рассуждение государя».

«Какой иной развязки, кроме случившейся, можно было ожидать от этой царственной психологии, скудной идеями и богатой лишь верой в судьбу, предрешенную Промыслом?» — горестно вздыхает Милюков, впрочем много способствовавший этой «развязке».

Про Николая Второго важно понимать, что это ни в коем случае не был человек, упивавшийся властью (как, скажем, его прадед Николай Первый). Министру внутренних дел Святополк-Мирскому последний царь однажды сказал: «Я придерживаюсь самодержавия не для своего удовольствия, я действую в этом духе только потому, что я убежден, что это нужно для России, а если бы для себя, я бы с удовольствием от всего этого отделался».

Выше я писал о природной скудости эмоций, но это касалось только государственного служения, которое Николай считал своим тяжким крестом. В частной жизни это был человек отзывчивый и любящий. Сергей Витте пишет: «…Отличительные черты Николая II заключаются в том, что он человек очень добрый и чрезвычайно воспитанный. Я могу сказать, что я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий император». Письма, которые государь отправлял жене, полны любви и нежности.

Но на фоне гигантских событий, за которые несет историческую ответственность этот прекрасный семьянин, нас должны интересовать не его приватные, а его государственные качества. Вернее сказать, важность имеют не сами свойства этого характера, а то, как они отражались на управлении страной.

Уже говорилось, что в самые критические моменты царь уповал не на разум, а на веру. Иногда это выливалось в катастрофические последствия.

Преданная любовь к супруге и детям, бывало, оказывала решающее влияние на политический курс — это тоже огромный недостаток для правителя. Заботы «малого мира», мира человеческих отношений, не могут быть для главы государства существенней интересов Большого Мира, которому он служит, — а если всё же перевешивают, для страны это беда.

Во вред делу шла и внутренняя неуверенность, вследствие чего царь, с одной стороны, все время попадал в зависимость от напористых, деятельных министров, а с другой — через некоторое время начинал этим тяготиться и проникался неприязнью к тем, кто на него давил. Проблема в том, что дееспособные администраторы, сделавшие карьеру за счет своей энергии и способностей, часто бывают чересчур настойчивы — потому что твердо знают, чего хотят, и умеют этого добиваться. Чем дольше Николай находился у власти, тем хуже он выносил людей подобного типа. На последнем этапе царствования, самом проблемном, он терпел подле себя только покладистых помощников. Ему с ними было легче. Стране — тяжелее.

Император очень старался входить сам во все дела, но, во-первых, не обладал для этого нужными талантами, а во-вторых, при объеме и запутанности возникающих вопросов это было в принципе невозможно. Никому не доверяя, подозревая каждого в каких-то задних мыслях и тайных намерениях, Николай долгое время обходился без собственной канцелярии и даже не держал личного секретаря. Он гордился тем, что отлично ориентируется в поступающих бумагах, корпел над ними с утра до вечера, но мало что успевал и нередко упускал важное.

> В начале 1914 года, в канун мировой войны, один из опытнейших государственных деятелей, П.Н. Дурново, бывший министр внутренних дел, отправил царю докладную записку огромного значения.
>
> Петр Николаевич в это время уже находился в отставке, болел, жить ему оставалось недолго, и он мог себе позволить писать всё что думает без обиняков. Старый сановник заклинал царя не вступать в конфликт с Германией и с поразительной точностью предсказывал, что произойдет, если война все-таки разразится: какие сложатся коалиции, сколько тягот принесут России военные испытания и чем всё закончится. «…Все неудачи будут приписываться правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него… В стране начнутся революционные выступления… Армия, лишившаяся наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле,

окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные авторитета в глазах населения оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению».

Про этот меморандум, обнаруженный уже после революции, написано немало исторических работ, в том числе ставящих под сомнение подлинность документа, — так поразительно, вплоть до деталей, исполнились его пророчества.

Но самое примечательное в выстраданном прогнозе Дурново то, что царь записку, кажется, даже не прочел. То ли она утонула в бумагопотоке, то ли у Николая нашлось чтение поважней.

П.Н. Дурново

Несчастливой для верховного правителя чертой была и прославленная мягкость Николая. По выражению уже поминавшегося министра Святополк-Мирского, царь «ускользает от всего неприятного». Ему было трудно сказать сотруднику, что тот уволен от

должности, или просто сказать «нет». Деликатность — прекрасное свойство, но не в управлении государством. Из-за того, что Николай Александрович не любил себя расстраивать, постоянно возникали двусмысленные ситуации, недоразумения и проволочки, а за царем укрепилась репутация человека фальшивого и ненадежного, способного пойти на попятный и нарушить данное слово. Это очень серьезный минус для главы государства.

«Мне как участнику и близкому свидетелю всего происшедшего, ясно как Божий день, что Император Николай II, вступивши на престол совсем неожиданно, представляя собою человека доброго, далеко не глупого, но не глубокого, слабовольного… не был создан, чтобы быть императором вообще, а неограниченным императором такой империи, как Россия, в особенности», — писал Витте, когда до краха самодержавия было еще далеко.

Повторю еще раз, что в начале XX века никто не был бы хорош в качестве неограниченного правителя России, а уж Николай Александрович Романов с его неблестящими дарованиями тем более. И все же упрек в слабоволии, брошенный Сергеем Витте, несправедлив. Уступая внешнему давлению в вопросах второстепенных, царь упорно не сдавал главной позиции: самодержавной власти. В феврале семнадцатого года, когда все его бросят и предадут, самодержец будет *держаться сам* — до последнего. В конце концов он останется один, как капитан на мостике тонущего корабля, с которого сбежала вся команда. Вряд ли такого человека можно назвать слабовольным или малодушным.

Влиятельные люди

Во главе властной вертикали находился человек, не способный самостоятельно разработать стратегию и тем более тактику государственной политики. При этом ему было недостаточно просто царствовать, он желал править и весьма ревниво оберегал эту прерогативу. В результате получалось, что царь принимал все решения, но постоянно находился под влиянием своего непосредственного окружения. Иногда появлялись сильные фигуры, на время подчинявшие монарха своему доминирующему воздействию, но чаще давление было

сразу с нескольких сторон. Из-за этого всё царствование выглядит каким-то зигзагообразным, поворачивает то вправо, то влево — подчас чуть ли не в ежедневном режиме, как это происходило в 1905 году.

На раннем этапе, когда молодой император был психологически раздавлен свалившейся на него непосильной ношей, он ничего менять не стал. Лидировали те же персоны, что при Александре III: синодальный обер-прокурор Победоносцев и министр финансов Витте (министерство финансов тогда управляло и всей экономикой).

Первый, занимая вовсе не ключевой пост, являлся чем-то вроде «серого кардинала»: покойный государь редко принимал решения, не посоветовавшись с главным советником. Второй попал в правительство всего несколько лет назад, но благодаря своим выдающимся способностям, а также тому значению, которое в девяностые годы приобрела быстро развивающаяся экономика, считался совершенно незаменимым.

К **Константину Петровичу Победоносцеву** Николай привык относиться с двойным почтением — как к ближайшему соратнику обожаемого родителя и как к бывшему учителю. Всё немудрящее, но крепко укорененное мировоззрение самодержца было сформировано под руководством обер-прокурора. В изложении С. Ольденбурга это кредо выглядит так: «Государь … глубоко верил, что для стомиллионного русского народа царская власть по-прежнему остается священной. Представление о добром народе, противопоставляемом враждебной интеллигенции, жило в нем всегда. Он был также верным и преданным сыном православной церкви. Он верил в величие России и, в частности, придавал большое значение ее роли в Азии». Все эти тезисы — за исключением «азиатского», о котором мы в свое время поговорим — были взяты из победоносцевских поучений, определивших курс предыдущего царствования.

К.П. Победоносцев. *А. Маковский*

Все ожидали, что при молодом, неуверенном государе значение Победоносцева еще больше возрастет, но довольно скоро стало ясно, что этого не происходит. Виной тому был сам Константин Петрович, чересчур давивший на Николая (а как мы знаем, царь этого не выносил). В первые годы в царском дневнике постоянно упоминается о том, что снова заезжал (и даже «заходил») Победоносцев, чтобы «побеседовать». Потом такие записи встречаются всё реже.

Константин Петрович был очень невысокого мнения о дарованиях Николая — иронически описывал, как тот скучал и томился на государственных заседаниях. В конце концов императора стала раздражать покровительственная, менторская манера обер-прокурора. «В первые годы меня изредка спрашивали… А затем меня уже и не спрашивали», — с горечью будет вспоминать Победоносцев на исходе жизни.

Тем не менее он продолжал занимать свою синодскую должность, утратившую былое значение, еще больше десяти лет. В 1905 году, после выхода октябрьского манифеста, разрушавшего прочность самодержавной конструкции, которую Константин Петрович призывал всеми силами оберегать, старый консерватор подал в отставку и вскоре умер. Он считал, что дело всей его жизни потерпело крах (и не ошибся).

Более полихромной фигурой являлся **Сергей Юльевич Витте**. Под конец жизни он считался завзятым либералом, за это ультраправые даже попытаются его убить, но на самом деле убеждения этого человека постоянно менялись. Вероятнее всего, он руководствовался не идеологией, а конъюнктурой.

Довольно обычный путь российского государственного человека — от вольнодумства в молодости к консерватизму в зрелые годы. У Сергея Витте вышло наоборот. В 1881 году, после убийства Александра II, он даже состоял в подпольной сверхреакционной организации «Священная дружина», готовившейся истреблять революционеров. Но затем его взгляды резко переменились. «По моим семейным традициям, так и по складу моей души и сердца, конечно, мне любо неограниченное самодержавие, — рассказывает Витте, — но ум мой после всего пережитого, после всего, что я видел и вижу наверху, меня привел к заключению, что другого выхода, как разумного ограничения, как устройства около широкой дороги стен, ограничивающих движения самодержавия, нет». (Впрочем, как мы увидим, и в 1905 году, возглавив правительство, Сергей Юльевич будет готов повернуть и налево, и направо.)

С.Ю. Витте

В правительстве Витте представлял собой редкое явление, потому что был выходцем не из чиновничества, а из бизнеса. Он окончил физико-математический факультет, сделал себе имя в железнодорожном предпринимательстве и потом успешно руководил министерством

финансов, которое в конце 1890-х годов, исключительно благодаря личному влиянию Сергея Юльевича, стало главным правительственным ведомством, потеснив всемогущее министерство внутренних дел.

При Витте состоялась первая Всероссийская перепись населения, событие большой государственной важности. Он же в 1897 году осуществил важную денежную реформу, установив золотой стандарт рубля.

Однако на рубеже нового века аппаратный вес министра пошел на убыль — по той же причине, по которой закатилась звезда Победоносцева. Сергея Юльевича было слишком много, и он слишком сильно давил на императора. К этому времени Николай уже более или менее освоился с положением самодержца, и самоуверенный Витте его все больше раздражал. Кроме того, между царем и властным министром обнаружились серьезные противоречия по дальневосточному вопросу. Подробнее об этом мы поговорим в своем месте, но, если коротко, Витте категорически возражал против обострения отношений с Японией, а у царя — в кои-то веки — было собственное представление о том, как Россия должна действовать в Тихоокеанском регионе.

В 1903 году Витте был отставлен от дел (точнее, переведен на декоративную должность председателя Комитета министров), но скоро подтвердилась его правота в японском вопросе, и два года спустя состоялось триумфальное возвращение Сергея Юльевича. В 1905 году он подпишет приемлемый для России мирный договор с Японией, а затем возглавит правительство. Наверху Витте продержится всего несколько месяцев, но ему выпадет трудная задача — проводить самую радикальную из всех реформ государственного переустройства российской монархии. На Витте ляжет и ответственность за грозные последствия этого потрясения. Больше Сергей Юльевич в правительство не вернется и до конца жизни будет занят сочинением мемуаров, в которых сведет счеты со всеми своими обидчиками и объяснит потомкам, какой он был великий.

Вот портрет этого важного для отечественной истории деятеля, составленный Павлом Милюковым: «Это был редкий русский самородок — со всеми достоинствами этого типа и с большими его недостатками. Конечно, он стоял головой выше всей той правящей

верхушки, сквозь которую ему приходилось пробивать свой собственный путь к действию. А действовать — это была главная потребность его натуры… Он умел брать с собой всё нужное, что попадалось по дороге, и отбрасывать всё ему ненужное: людей, знания, чужие советы, закулисные интриги, коварство друзей, завистников и противников… При неудаче он становился страстен и несправедлив, никогда не винил себя, чернил людей, ненавидел противников. Наткнувшись на препятствие, которого одолеть не мог, он сразу падал духом, терял под ногами почву, бросался на окольные пути, готов был на недостойные поступки — и наконец отходил в сторону, обиженный, накопляя обвинительный материал для потомства, потому что в самооправдании он никогда не чувствовал нужды».

По мере того, как ослабевало значение Витте накануне его первой отставки, возрастало значение другой сильной фигуры — **Вячеслава Константиновича фон Плеве**, который в 1902 году возглавил министерство внутренних дел и сразу же вернул этому ведомству первенствующее положение в правительстве. На то имелись и объективные причины. Период внутриполитической стабильности закончился, и полицейские функции стали важнее финансово-экономических.

В.К. Плеве. *И. Репин*

Плеве враждовал с Витте и, в отличие от последнего, был человеком «с идеологией» — сторонником сильной власти и «твердой руки». После встречи с Вячеславом Константиновичем Милюков пишет: «Он мне представился каким-то Дон-Кихотом отжившей идеи, крепко прикованным к своей тачке, — гораздо более умным, чем та сизифова работа спасения самодержавия, которой он был обязан заниматься». Того же мнения и С. Ольденбург: «Новый министр внутренних дел В.К. Плеве, назначенный государем как бы в ответ на убийство его предшественника, был человеком умным и энергичным. Но он, по-видимому, сам не верил в те начала, которые был призван защищать; в частных беседах он не раз это высказывал».

К Обществу Плеве относился с презрением, считая, что любые уступки «либералам», во-первых, опасны для государства, а во-вторых, бессмысленны, поскольку эта шумная группа населения малочисленна и мало на что способна. Главным врагом самодержавия он считал

революционеров. В начале 1880-х, будучи директором Департамента полиции, Плеве разгромил «Народную волю» и, когда после двадцатилетнего затишья террор возобновился, уповал в основном на репрессивные меры. Назначенный министром, он съездил исповедаться и причаститься в Троице-Сергиеву лавру — знал, что может сложить голову в этой борьбе. «Я “moriturus” (идущий на смерть)», — сказал Плеве архимандриту. Так оно и вышло — министра убил революционер. А ответ на то, что для самодержавия опаснее — Общество или террористы — история даст уже после Плеве, в феврале 1917 года.

В 1905 году, в самый разгар беспорядков, вдруг стал очень влиятелен человек невеликого калибра и небольшого ума — **Дмитрий Федорович Трепов**, ранее занимавший скромную должность московского обер-полицмейстера, но сразу после «Кровавого воскресенья» назначенный столичным генерал-губернатором и неотлучно находившийся при особе императора.

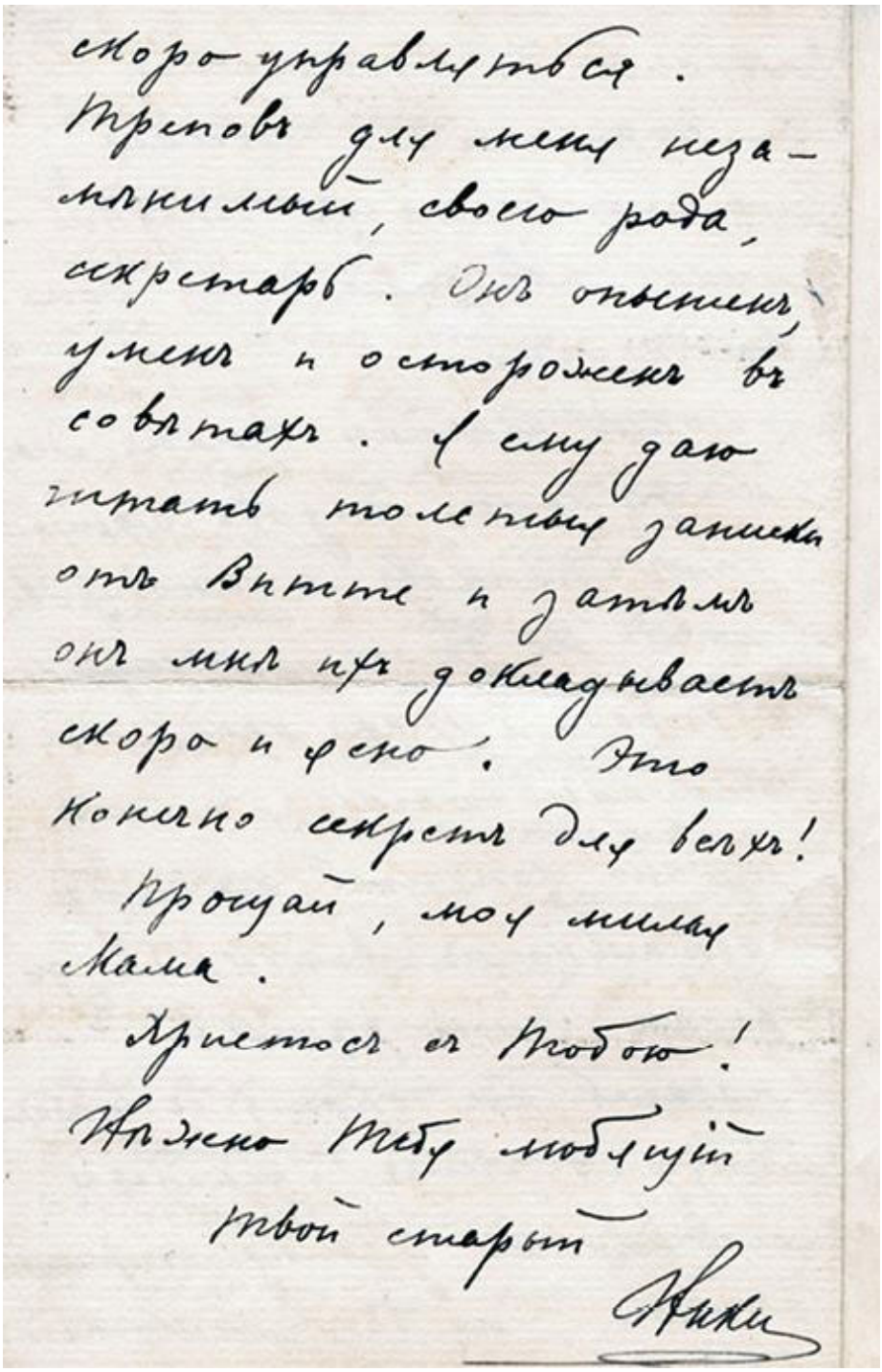
Николаю нравилась военная решительность генерала в сочетании с абсолютной преданностью и готовностью выполнить любой приказ. Должно быть, царь чувствовал себя спокойнее и увереннее, имея рядом такого ревностного слугу.

> Дмитрий Федорович был достойным сыном столичного градоначальника Трепова, в которого когда-то стреляла Вера Засулич. Был таким же истовым служакой, более всего отличаясь бравостью.
>
> Рассказывают, что, командуя гвардейским эскадроном на траурной процессии в день похорон Александра III, Трепов в гробовой тишине громогласно приказал солдатам «глядеть веселей».
>
> Так же браво глядел он на государя в 1905 году, когда его величеству тоже было не до веселья.

Д.Ф. Трепов

Я уже писал, что император по природной подозрительности обходился без личного секретаря, а Трепову он полностью доверял. Четкий человек Дмитрий Федорович моментально навел порядок в документообороте. «Трепов для меня незаменимый, своего рода секретарь, — пишет Николай матери в январе 1906 года. — Он опытен,

умен и осторожен в советах. Я ему даю читать толстые записки от Витте, и затем он мне их докладывает скоро и ясно». У самого Витте было иное мнение о деятельности незаменимого генерала: «…От Трепова зависело, что хотел — подать Государю, особенно рекомендовать царскому вниманию, а что хотел — смазать как недостойное государева внимания. (Государю ведь действительно и без того столько приходится читать.) А если записок и проектов на желательную тему, например, такого содержания — как хорошо было бы такого-то министра прогнать, — нет, то ведь всегда такую записку можно заказать и она будет прекрасно написана, литературно и до слез патриотично».



скоро управляться.
Треповъ для меня незамѣнимый, своего рода, секретарь. Онъ опытенъ, уменъ и остороженъ въ совѣтахъ. Я ему даю читать толстыя записки отъ Витте и затѣмъ онъ мнѣ ихъ докладываетъ скоро и ясно. Это конечно секретъ для всѣхъ!
Прощай, моя милая Мама.
Христосъ съ Тобою!
Нѣжно Тебя любящій
твой старый
Ники

Фрагмент письма Николая II матери 14 января 1906 г.

Современники считали Трепова «фактическим диктатором» России, потому что этот человек постоянно находился подле вечно колеблющегося государя и, как выразились бы сегодня, «контролировал информационные потоки». «В конце концов он явился как бы

безответственным главою правительства, а я ответственным, но мало влиятельным премьером», — жаловался Витте.

Однако, обладая столь широкими возможностями, Трепов не имел никакой программы. «Бравый генерал со страшными глазами», «вахмистр по воспитанию и погромщик по убеждению» (так его аттестовали современники), автор знаменитого приказа войскам «холостых залпов не давать, патронов не жалеть» заметался, когда осенью 1905 года события вышли из-под контроля — и бросился за спасением к тому же Витте, торопя его поскорее подготовить манифест о предоставлении свобод.

Примечательно, что Николай не разлюбил приятного человека и после этой метаморфозы. Трепов оставался близок к царю до конца своей жизни. Если бы не скоропостижная кончина в сентябре 1906 года, он, вероятно, и дальше пользовался бы аппаратным влиянием, исполняя роль «азиатского евнуха, неотлучно находящегося при его величестве», как выразился всё тот же злоязыкий Витте.

Перестав полагаться на решительность Трепова и устав от сложных отношений с Витте, в 1906 году Николай наконец нашел помощника по-настоящему выдающегося — **Петра Аркадьевича Столыпина**. Это был не только самый крупный деятель царствования, но и, пожалуй, самый убедительный представитель «государственнической» линии в отечественной истории. Возвращаясь к медицинской метафоре, это был доктор, который прописал тяжелобольному организму в принципе возможный путь излечения, только сделано это было слишком поздно, да и пациент — государь император — не оказал врачу нужной поддержки.

Остановимся на личности Столыпина подробнее. Она того стоит.

Его карьера напоминает вертикальный взлет другого яркого исторического деятеля, графа Лорис-Меликова, который четвертью века ранее пытался модернизировать монархию, и, если б не трагическая гибель Александра II, страна могла бы пойти совсем по другому пути.

Столыпин по своему происхождению тоже был далек от столичной элиты и основную часть жизни провел вдали от Петербурга — сначала на выборных дворянских, затем на административных должностях. Петр Аркадьевич был одним из полусотни российских губернаторов, по чину всего лишь действительным статским советником.

Как и в 1880 году, когда после взрыва в Зимнем дворце зажглась звезда Лорис-Меликова, в начале 1906 года наверху царила растерянность. Держава разваливалась, и царь не видел вокруг себя никого, кто мог бы спасти ситуацию. Нужен был человек твердый, не растерявшийся. В значительной степени случайным образом (по рекомендации того же вездесущего Трепова) ставка была сделана на саратовского губернатора, который сумел каким-то чудом избежать серьезных беспорядков во вверенном ему крае. Точно так же и по той же причине Александр II четверть века назад возвысил харьковского губернатора Лорис-Меликова.

П.А. Столыпин

Похожа была и тактика «умиротворения», к которой прибег новый глава правительства: разделить оппозицию на непримиримую и «примиримую»; первую часть, революционеров, быстро и решительно уничтожить или по крайней мере изолировать, вторую —

Общество — вернуть в легальное русло. Октябрьский манифест давал такую возможность: у «либералов», которые прежде поддерживали радикалов, не видя иного способа избавиться от самодержавия, возникла надежда, что Россию удастся реформировать парламентскими методами, без насилия.

Идеологию Столыпина (а это был человек очень ясных и твердых убеждений) можно определить как «эволюционное самодержавие». В одной из своих знаменитых думских речей Петр Аркадьевич, превосходный оратор, так изложил свое кредо: «Историческая самодержавная власть и свободная воля Монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана в минуты потрясений и опасности для государства к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды». И далее: «Русское государство росло и развивалось из своих собственных русских корней, и вместе с ними, конечно, видоизменялась и развивалась и верховная царская власть. Нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужестранный цветок. Пусть расцветет наш родной русский цвет, пусть он расцветет и развернется под влиянием взаимодействия верховной власти и дарованного ею нового представительного строя».

Позднее мы поговорим о том, возможно ли было приспособить самодержавие к реалиям XX века, как мечталось Столыпину, но он, по крайней мере, попытался.

Стратегия Петра Аркадьевича основывалась на том, что реформы не могут проводиться под давлением снизу — это лишь распаляет аппетиты радикалов. «Успокоение, а потом реформы» — такова была столыпинская формула. Отчасти она сработала, а если не осуществилась в полном объеме, то не по вине премьер-министра.

Его, разумеется, люто ненавидели революционеры и после пяти лет охоты в конце концов убили, но еще большую опасность для Столыпина и его начинаний представляло самодержавие, которое он так талантливо спасал. Сыграл свою роль и субъективный, психологический фактор. Николай II с его антипатией к сильным личностям стал тяготиться главой правительства, который чересчур на него давил и даже позволял себе выдвигать ультиматумы. Влияние Столыпина шло на убыль. Если б он и не погиб от пули террориста, то

все равно вскоре был бы снят. Самодержавие отказывалось эволюционировать.

После Столыпина сильные личности российское правительство уже не возглавляли. Император предпочитал людей «психологически комфортных», то есть покладистых, — и чем дальше, тем в большей степени: «технократа» Коковцова сменил тихий старенький Горемыкин, потом «осторожный и деликатный» Штюрмер, а в самый канун революции, когда напряжение в стране дошло до предела, во главе кабинета оказался «милейший человек» Николай Голицын, совершенно не способный справиться с кризисной ситуацией.

Отдельную и весьма могущественную «группу влияния» на протяжении всего царствования представляли собой члены императорской семьи.

На раннем этапе это были дяди царя, державшиеся с неуверенным в себе молодым человеком довольно бесцеремонно. Командующий гвардией Владимир Александрович, натура властная и решительная, бывало затмевал и своего старшего брата-императора. Многие считали, что из великого князя Владимира получился бы более удачный государь, чем из тугодумного Александра.

Генерал-адмирал Алексей Александрович был экспансивен и громогласен.

Московский генерал-губернатор Сергей Александрович, к тому же еще женатый на родной сестре новой царицы, имел собственные представления о государственной пользе и распоряжался вверенным ему регионом, вторым по важности в империи, как считал правильным.

Первое время Николай смотрел на старших родственников снизу вверх. «Его дяди… в его глазах имели гораздо большую опытность и значение и занимали более или менее важные государственные посты тогда, когда император был еще совсем младенцем. Естественно, что вследствие этого они на него имели большое влияние», — пишет Витте.

Для истории государства имеет значение, что Владимир и Сергей Александровичи придерживались весьма правых, реакционных взглядов и были сторонниками политики «ежовых рукавиц». Первый сыграл зловещую роль в событиях, приведших к «Кровавому воскресенью»; второй имел репутацию ярого антисемита (о болезненном значении «еврейского вопроса» рассказ впереди).

Но мужая и набираясь опыта, Николай постепенно выходил из-под опеки братьев отца. Иное дело — женское влияние. Рядом с царем находились две женщины с сильным характером, мать и супруга, постоянно пытавшиеся воздействовать на самодержца. Давление со стороны представительниц другого пола у Николая внутреннего протеста, по-видимому, не вызывало.

Вдовствующая императрица, особа умная и ловкая, была особенно могущественна в начале нового царствования. Сын слушался ее советов, а робкая невестка страдала оттого, что свекровь так популярна в обществе, но ссориться с нею не осмеливалась.

Мария Федоровна считала совершенно нормальным напрямую вмешиваться в назначение высших сановников и государственную политику. То ли из-за своего скандинавского происхождения, то ли в пику молодой императрице, придерживавшейся крайне консервативных взглядов, мать государя поддерживала государственных либералов. По крайней мере однажды, в 1904 году, она даже сумела вывести на ключевую должность министра внутренних дел своего человека — князя Святополк-Мирского. Не оставляла Мария Федоровна попыток влиять на большую политику и позднее, но с середины первого десятилетия нового века она уже не могла соперничать с невесткой.

Главным политическим лоббистом империи становится **Александра Федоровна**.

У этой дамы скверная историческая репутация — и, в общем, заслуженно. Ее ответственность за ошибки власти, приведшие страну к катастрофе, очень велика. Однако в личном, человеческом отношении царица производит довольно симпатичное впечатление. Это была любящая преданная жена и самоотверженная мать. Начисто лишенная фальши и лицемерия, искренне привязанная к своей второй родине, ненавидящая роскошь и праздность, она изо всех сил старалась быть полезной — прежде всего мужу, но и России. Во время мировой войны, несмотря на слабое здоровье, императрица заботливо ухаживала за ранеными, плакала над умирающими, многим помогала, не предавая это огласке.

К сожалению, для страны прекрасные качества Александры Федоровны имели гораздо меньше значения, чем ее недостатки.

Царица была удручающе неумна, но при этом постоянно вмешивалась в вопросы государственной политики. Эта активность многократно усилилась в годы войны, особенно с 1915 года, когда Николай взял на себя функции Верховного главнокомандующего и переселился в Ставку. Оставаясь в столице, государыня чувствовала себя ответственной за «тыл» и вела себя как соправительница.

Императрица-мать Мария Федоровна. *Уильям и Дэниел Дауни*

В письмах она настраивает царя против деятелей, которые ей не нравятся: «Прости меня, но мне не нравится выбор военного министра»; «У меня абсолютно нет доверия к Н. [великому князю Николаю Николаевичу, главнокомандующему]»; «Есть еще другой

министр [юстиции], который мне не нравится на своем месте, Щегловитов», и так далее.

Императрица Александра Федоровна

С таким же упорством Александра Федоровна продвигает свои кандидатуры на государственные посты: «милого старого Горемыкина» и прочих приятных людей.

Дает конкретные указания: «Не прикажешь ли ты Штюрмеру послать за Родзянко (мерзавцем) и очень твердо сказать ему, что ты требуешь, чтобы бюджет был окончен до Пасхи». Иногда даже напрямую вмешивается в управление: например, в ноябре 1916 года, когда царь хотел отправить в отставку явно негодного министра внутренних дел Протопопова, очень нравившегося Александре, та поехала в Ставку и спасла своего протеже (который три месяца спустя, во время февральского кризиса, проявит полную беспомощность).

И еще жена постоянно, с терпением классной дамы, учит мужа, каким он должен быть монархом. «Если бы ты только мог быть строгим, мой дорогой, это так необходимо. Они должны *слышать* твой голос и видеть неудовольствие в твоих глазах… Они должны выучиться дрожать перед тобой». «Прости меня, мой драгоценный, но ты знаешь, что ты слишком добр и мягок… Они должны лучше помнить, кто ты такой». «Никогда не забывай, что ты есть и должен остаться самодержавным императором. Мы не подготовлены к конституционному правлению». «…Не надо министра, ответственного перед Думой, как они добиваются. Мы для этого не созрели, и это было бы гибелью для России. Мы не конституционная страна и не смеем ею быть. Наш народ необразован и неготов. Слава Богу, наш император самодержец и должен оставаться таким, как ты это и делаешь, — только покажи больше силы и решимости!».

Если такова была супружеская переписка, легко себе представить, под каким прессингом мягкий Николай находился при очном общении.

Злополучная «министерская чехарда» последнего периода монархии, когда без конца сменялись руководители правительства и основных ведомств, усугубляя административный хаос, в значительной степени была результатом мнительности и подозрительности Александры Федоровны, которой повсюду мерещились тайные враги.

Спасение от своих страхов императрица находила в религии. Если Николай был человеком глубоко верующим, то его супругу можно назвать фанатично религиозной. Эта, казалось бы, сугубо приватная сторона ее жизни сыграла в крахе монархии роковую роль.

Речь идет о феномене **Григория Распутина**, вернее о феномене «распутинщины», потому что сам Распутин при всей своей колоритности являлся личностью случайной и некрупной. Он был не первым по счету мистическим увлечением Александры Федоровны, и на его месте вполне мог оказаться какой-нибудь другой «гуру». Обожаемый царицей «Старец» обычно изрекал всякие банальности, облаченные в иносказательную форму, Александра умилялась и восхищалась — ей, немке, казалось, что это голос «простого народа», которого ее величество вблизи никогда не видывала и любила умозрительно. Но она твердо усвоила, что глас народный — Глас Божий.

Необразованный, с узким кругозором и мелким умом, Старец не особенно стремился влиять на политику, а если делал это, то обычно под воздействием вертевшихся вокруг него мутных дельцов. В последние годы империи наверху сложилась удивительная ситуация. Страной, которая вела тяжелую войну, управлял слабый самодержец, находившийся под сильным влиянием жены, которая находилась под сильным влиянием домашнего проповедника, которым, в свою очередь, управляли всякие проходимцы, — это и была «распутинщина».

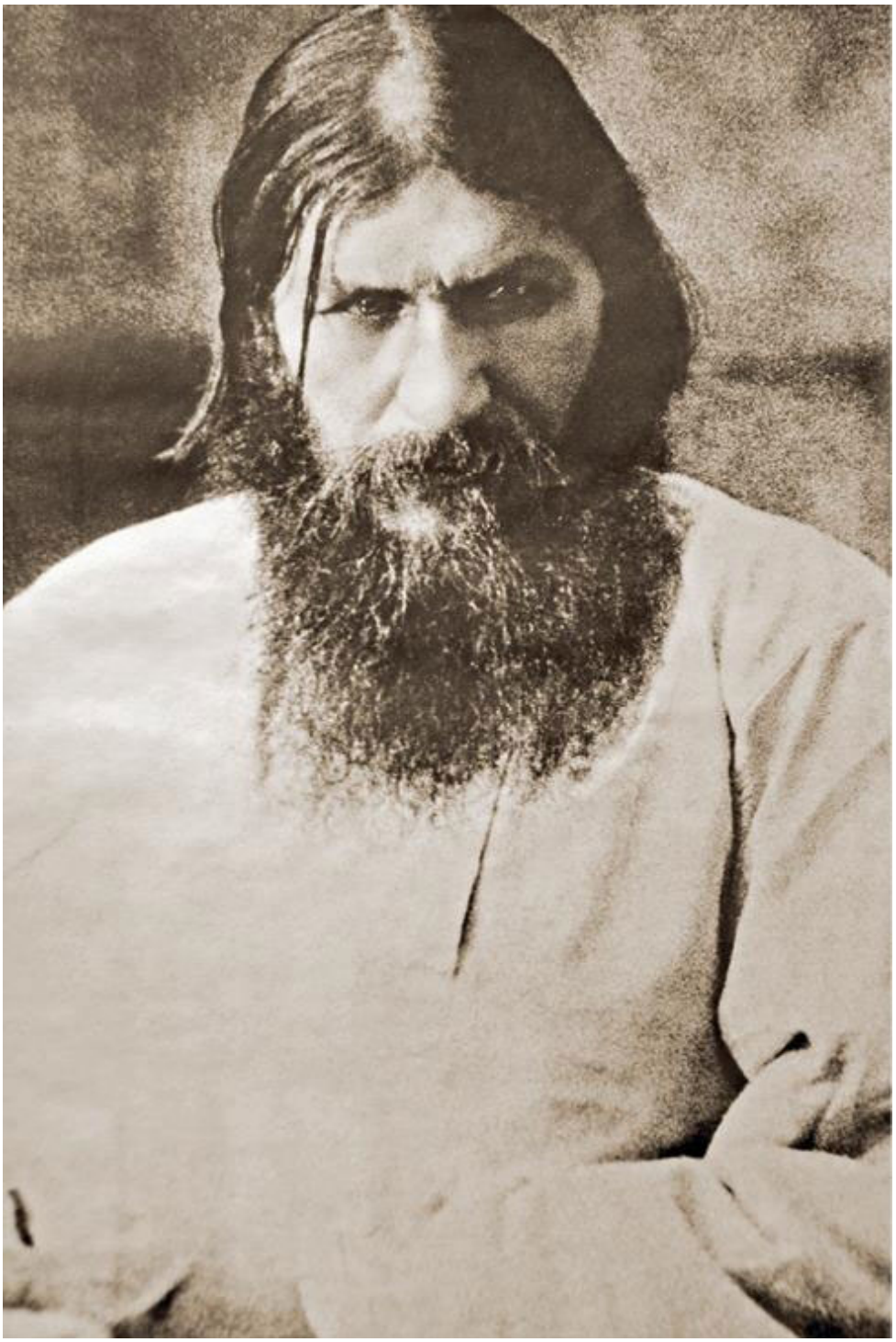
По-видимому, Распутин обладал какими-то экстрасенсорными способностями, хорошо действовавшими на легковнушаемых людей и на детей. Положение Старца очень упрочилось, когда однажды ему удалось «заговорить» (то есть гипнотически купировать) кровотечение у больного гемофилией цесаревича. После этого императрица уже не сомневалась в «чудесной, ниспосланной Богом мудрости нашего Друга» (“our Friend’s wonderful, Godsent wisdom”).[2]

> Однако на людей невпечатлительных магическая аура Распутина совершенно не действовала. В воспоминаниях главы правительства Коковцова есть забавное описание встречи со Старцем, который попросил о встрече, — и премьер из уважения к царской семье согласился.
>
> «Когда Р. вошел ко мне в кабинет и сел на кресло, меня поразило отвратительное выражение его глаз. Глубоко сидящие в орбите, близко посаженные друг к другу, маленькие, серо-стального цвета, они были пристально направлены на меня, и Р. долго не сводил их с меня, точно он думал произвести на меня какое-то гипнотическое

воздействие… Затем он резко закинул голову кверху и стал рассматривать потолок, … потом потупил голову и стал упорно смотреть на пол — все время молчал. Мне показалось, что мы бесконечно долго сидим в таком бессмысленном положении, и я наконец обратился к Р., сказавши ему: «Вот вы хотели меня видеть, что же именно вы хотели сказать мне? Ведь так можно просидеть и до утра».

Когда царь спросил премьера о впечатлении, Коковцов ответил, что «Распутин типичный сибирский варнак, бродяга, умный и выдрессировавший себя на известный лад простеца и юродивого и играющий свою роль по заученному рецепту».

В общем, глава правительства и «варнак» друг другу не понравились — с печальными последствиями для первого. Вскоре Коковцов был отправлен в отставку.



Г.Е. Распутин

Как этот механизм работал, мы знаем из писем императрицы, для которой мнение Старца о том или ином государственном человеке имело решающее значение. «Слушайся нашего Друга, верь Ему… Бог

же для чего-то послал Его нам», — взывала она к мужу, а далее следовало что-нибудь вроде: «Ты знаешь, как велика ненависть Николаши к Григорию» — и Николай Николаевич лишался поста главнокомандующего.

Кадровые перемещения, производившиеся подобным образом, конечно, шли не на пользу стране, но в тысячу раз хуже был урон, который «распутинщина» наносила авторитету царской семьи. Повсюду распространялись слухи о том, как простой мужик распоряжается в царском дворце. Император потребовал от министерства внутренних дел принять «решительные меры к обузданию печати», и цензура запретила газетам писать о Распутине, но вышло еще хуже. Люди начали выдумывать всякие небылицы, в том числе похабно-скандального свойства. Вся Россия судачила о делишках «царицы Сашки и Гришки».

Историческая роль «распутинщины» заключалась не в лоббировании тех или иных интересов, а в подрыве одной из опор «ордынского» государства — сакральности фигуры правителя. Александр Гучков, один из главных деятелей Февраля, потом признает, что толчком к падению режима была не революционная агитация, а «общее падение престижа власти».

Это потом, после ужасов Гражданской войны, интеллигенция будет вздыхать по «старому доброму времени»: «Какие прекрасные лица и как безнадежно бледны — наследник, императрица, четыре великих княжны», а на закате империи Общество уже не испытывало по отношению к «царю Николашке» ничего кроме отвращения, и все ждали, не могли дождаться, когда же наконец грянет революция.

Борьба между Властью и Обществом

Слабость сильных и сила слабых

Падению монархии предшествовала продолжительная и упорная политическая война, где основные бои велись вокруг главной, несущей «колонны» российской государственности: сверхцентрализации управления. Оппонировали друг другу Власть и Общество. Повторю, что, когда я пишу это слово с большой буквы, я имею в виду так

называемую «активную фракцию» населения, то есть людей, интересовавшихся «большими вопросами», а не только своей частной жизнью. В воспаленные периоды активизировались и те слои, которые обычно не размышляют о политике. Верный признак революционной ситуации — когда очень большая или даже бóльшая часть общества превращается в Общество.

Власть была идеологически неоднородна. В рядах правящей элиты имелись и «жесткие» государственники, не хотевшие ничего менять, и государственники «мягкие», готовые в чем-то идти навстречу оппозиции, и «системные либералы», выступавшие примерно за те же реформы, которых добивались либералы «несистемные», но непременно под эгидой самодержавия. Единства наверху никогда не существовало. Подвержен был колебаниям и носитель высшей власти — государь император.

Еще пестрее были ряды оппозиции. Революционеров в эту категорию я не включаю. Они, конечно, тоже являлись частью Общества, но сознательно от него обособлялись и относились к «либералам» с презрением. Революционеры преследовали принципиально иную цель — хотели не реформировать государство, а разрушить его и создать новое, социалистическое или коммунистическое. В борьбе, о которой пойдет речь в этом разделе, революционные партии напрямую почти никогда не участвовали, если не считать короткого периода, когда все противники Власти действовали единым фронтом. Революционеры ускорили распад империи, но развалили ее не они; их настоящее время наступит только после Февраля.

Итак, главное политическое противостояние в России происходило между самодержавной Властью и свободолюбивым Обществом. Революционеры возглавили эту борьбу только однажды, в 1905 году — и потерпели поражение.

В предыдущем томе я подробно рассказывал о том, как в России сформировалось и эволюционировало Общество, которое к описываемой эпохе всё еще было молодо — его история не насчитывала и одного века. Не буду напоминать о том, через какие стадии оно проходило и как постепенно обретало всё больший идейно-нравственный вес, вернусь лишь к роковому моменту, с которого Общество и Власть вступили в непримиримую конфронтацию.

Естественно, что в стране с дефицитом свобод Общество всегда будет оппозиционно государственной машине, но оппозиция бывает конструктивной и деструктивной. Когда после окончания удушливого царствования Николая I наверху заговорили о реформах, Общество с энтузиазмом восприняло эти сигналы и включилось в работу по обновлению России. Сам Герцен обратился к царю-освободителю с сакраментальной фразой: «Ты победил, Галилеянин».

Именно тогда — в шестидесятые и семидесятые годы — Общество очень разрослось количественно и окрепло качественно. Оно начало сознавать себя серьезной силой и действительно стало ею. Но затем дали себя знать побочные эффекты, сопутствующие всякой революции сверху. Аппетиты Общества растут быстрее, чем хочется Власти. Молодые и пассионарные свободолюбцы радикализируются, начинаются эксцессы, в том числе кровавые, потому что Власть ревностно оберегает стабильность — уж как умеет (а умеет она плохо). В ответ на полицейские притеснения часть прогрессистов переходит из либерального лагеря в революционный, потом начинает заниматься пропагандой активного сопротивления, потом самые отчаянные берутся за оружие. Для того, чтобы не потерять контроль над общественным настроением, Власть должна возглавлять политический процесс, а не отставать от него. Этим сложным искусством правительственные реформаторы владели плохо.

После того как народовольцам удалось убить «отца реформ» Александра II, наверху возобладала идея, что прогресс вообще опасен и даже разрушителен для государства. Нужно остановиться, а еще лучше откатиться назад. Сделать это можно было, только превратив Россию в полицейское государство, где Общество лишалось всякой свободы действия и высказывания, а любого подданного можно было посадить за решетку или отправить в ссылку просто по подозрению, без суда — это называлось «в административном порядке». С 1881 года в стране действовало «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Его ввели временно, после убийства царя как чрезвычайный инструмент для подавления революционного подполья, однако не отменили и после разгрома «Народной воли», используя чрезвычайные полномочия для подавления любых оппозиционных поползновений.

Проблема с Обществом, однако, заключается в том, что, появившись на свет, оно уже не исчезнет. Его представителей, конечно, можно поголовно истребить (и несколько десятилетий спустя Иосиф Сталин это проделает), но в монархии, которая провозглашала приверженность христианскому закону, такое было невозможно. Поэтому Общество никуда не делось — просто на время притихло и ответило самодержавию на полицейские притеснения враждебностью. В революционное подполье уходили единицы, основная масса переместилась в «глухую оппозицию», которая для Власти много опасней бомбистов, потому что совершенно не поддается искоренению. Мастера полицейского сыска умеют справляться с зубастыми волками, но не с вирусной инфекцией.

Казалось бы, в борьбе правительства с фрондирующей интеллигенцией силы были, мягко говоря, неравны: с одной стороны — вся мощь государства, полиция, жандармерия, армия, местная администрация, цензура и прочее; с другой — аморфная, неорганизованная, не слишком храбрая (смельчаки ушли в революцию) и даже не особенно многочисленная прослойка «говорунов и бумагомарателей». Однако первый лагерь при ближайшем рассмотрении оказывался не столь уж силен, а второй не столь уж слаб. Всё зависит от арены, на которой ведется бой. Есть зоны, где Власть всегда или почти всегда проигрывает Обществу.

Строго выстроенная вертикальность — атрибут сверхсильного государства — одновременно является и его дефектом. Все линии управления в России сходились в одну высшую точку — к самодержцу, которому принадлежала вся законодательная и исполнительная власть. Министры подчинялись непосредственно императору. Имелся председатель комитета министров, но это была фигура не руководящая, а координирующая. Генерал-губернаторы и градоначальники столиц тоже не имели над собой никого кроме царя. Он же был главой правящей церкви.

Если человек, соединявший в своих руках столько полномочий, оказывался недостаточно компетентен, «вертикаль» не столько управляла страной, сколько мешала ей развиваться, тормозя естественное развитие.

«Вертикаль» на карикатуре А. Радакова

Справедливости ради надо сказать, что качество российской административной элиты было весьма недурным. Уровень образования, чувство долга, наконец личная порядочность находились на гораздо более высоком уровне, чем в последующие времена. Коррупция была широко распространена на среднем и низовом уровнях, но на самом верхнем являлась скорее исключением (разумеется, отчасти из-за того, что на первые государственные посты обычно попадали люди из привилегированных и обеспеченных кругов).

Однако деловых качеств и честности для большой карьеры оказывалось недостаточно. Нужно было нравиться царю, а в последние годы монархии еще и царице или, того пуще, Распутину. И второе условие часто имело большее значение.

То же происходило и в вооруженных силах — а в это время Россия дважды вступала в войну: сначала в большую, затем в грандиозную. Офицерский корпус был неплох, но высший генералитет — люди, назначавшиеся с ведома императора, — очень часто никуда не годился. И у японцев, и у германцев качество полководцев было много выше. В 1904 году русскими силами на Дальнем Востоке командовал бездарный, но приятный царю Алексеев, в 1914 году верховным главнокомандующим стал двоюродный дядя государя Николай Николаевич — тоже не лучший выбор. Когда же — сам собой, без протекции — выдвинулся сильный полководец Брусилов, благодаря которому Россия одержала самую крупную победу в той злосчастной войне, царица немедленно начинает настраивать мужа против героя дня: «Милый, наш Друг совершенно вне себя от того, что Брусилов не послушался твоего приказа о приостановке наступления».

Другим традиционным гандикапом безраздельного первенства строго вертикальной иерархии является отсутствие контроля со стороны депутатской и судебной властей, а также свободной прессы. В таких условиях представителю администрации — губернатору или уездному начальнику — достаточно иметь поддержку сверху, от своего непосредственного руководства; отношение подведомственного населения к действиям местной власти — фактор для карьеры несущественный. Это создает почву для всякого рода злоупотреблений и произвола. Неудивительно, что симпатии людей обычно оказываются на стороне представителей Общества, а не Власти.

Реформы шестидесятых — семидесятых годов не допустили Общество к политическому управлению, но содействовали созданию его инфраструктуры — земств и городских дум. Эти органы могли заниматься только хозяйственными вопросами: больницами и школами, всякого рода благоустройствами, но подобная деятельность затрагивала жизнь населения в большей степени, чем политика.

Земства (они существовали в тридцати четырех из пятидесяти губерний) не назначались, а избирались, что было безусловным нарушением классического «ордынского» принципа и очень не

нравилось Власти, когда после 1881 года та повернула назад, к прежнему формату самодержавия. Упразднить земства вовсе было невозможно, у государства не хватило бы бюджетных средств, чтобы поддерживать систему низового образования и медицинского обеспечения, поэтому при Александре III был изменен избирательный ценз, что обеспечило преобладание дворянства в местных выборных органах. Проблема, однако, заключалась в том, что бывшее привилегированное сословие теперь тоже в значительной степени придерживалось либеральных взглядов. Многие прежние помещики, оставшись без крепостных, пополнили ряды интеллигенции.

Несмотря на цензурные ограничения, самые популярные периодические издания были на стороне Общества, а не Власти. «Большинство больших газет и журналов было заведомо оппозиционным», — сетует С. Ольденбург. Еще важнее, что мнение оппозиционной периодики воспринималось публикой охотней. Невозможность прямого политического высказывания лишь усиливала воздействие критического печатного слова — мало кому интересно платить за подписку на издание, излагающее казенную точку зрения.

Гипертрофированное общественное значение в России приобрела художественная литература — по той же самой причине: поскольку публицистическое высказывание было затруднено, о насущных проблемах страны и общества стали рассуждать писатели. Времена, когда среди них имелись и выдающиеся сторонники «правых» идей — Достоевский или Лесков, — ушли в прошлое. В полицейском государстве, установившемся при Александре III, приличному писателю стало невозможно поддерживать Власть. Властителями дум становились только авторы, обличавшие российскую действительность.

Образованное сословие империи чувствовало себя — да и являлось — частью европейской цивилизации. Оно реагировало на реакционный курс правительства еще острее, потому что на Западе в ту эпоху происходил противоположный процесс. В передовых странах повсеместно расширялось избирательное право, в парламентах кипели политические дискуссии, очень велика была роль свободной прессы. Россия была единственной европейской страной, не имевшей конституции (если не считать крошечную Черногорию).

Затяжную войну за умы и сердца Власть определенно проигрывала.

К девяностым годам сложился прочный стереотип: быть передовым, современным и вообще достойным человеком — значит осуждать самодержавие. В Обществе возникла своего рода обратная цензура, неофициальная, но в определенном смысле еще более суровая, чем государственная. Публичный деятель, выступивший в поддержку правительства, мог подвергнуться остракизму, навсегда потерять репутацию.

> Знаменитый историк В. Ключевский, придерживавшийся вполне либеральных взглядов и всеми уважаемый, после кончины Александра III выступил с прочувствованной речью (что вообще-то в порядке вещей над свежей могилой): «Он одержал победу в области, где всего труднее достаются эти победы, победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению, покорил общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, ободрил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное самосознание, и сделал все это так тихо и молчаливо, что только теперь, когда Его уже нет, Европа поняла, чем Он был для нее».
>
> Но интеллигенция и студенчество не простили почтенному профессору панегирика в адрес «сатрапа». Тот, при ком тысячи людей были сосланы, при ком вышел «указ о кухаркиных детях», *увеличил количество добра*?
>
> Общественный гнев и презрение обрушились на бедного Василия Осиповича. Прошло немало времени, прежде чем это «фо-па» было ему прощено. Но не забыто — так и осталось пятном на репутации.

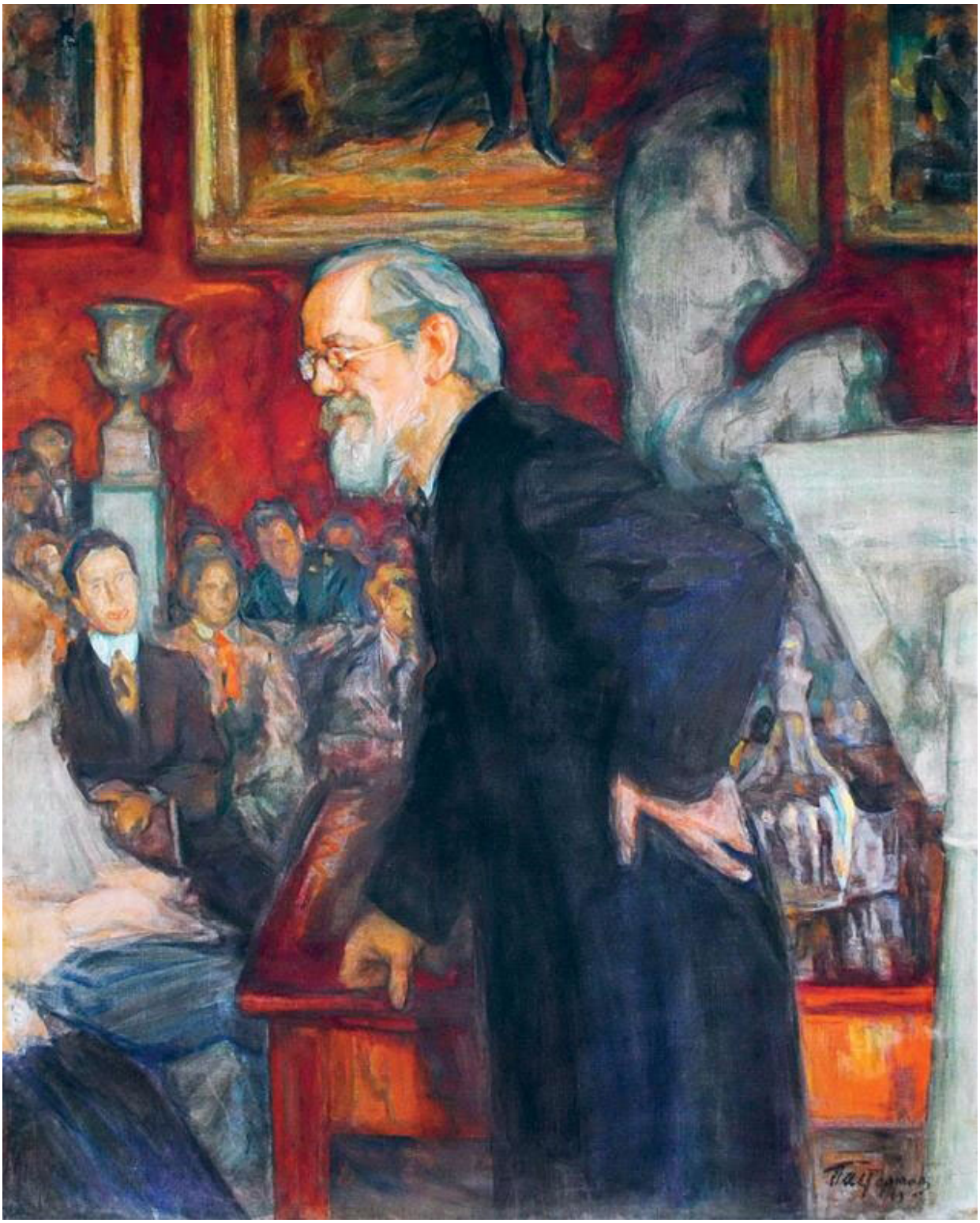
«Рядовой интеллигент был глубоко убежден, что те, кто не разделяют его воззрений, либо подкупленные, бесчестные личности, либо, в лучшем случае, люди не совсем нормальные», — возмущается С. Ольденбург. На это можно ответить, что государство расправлялось с теми, кто ему не нравился, куда более жестокими средствами. Каждый из оппонентов использовал то оружие, каким располагал.

Как уже говорилось, правительство относилось к либеральным фрондерам не так серьезно, как к революционерам. И совершало большую ошибку.

Да, оппозиционная интеллигенция не стреляла в губернаторов, не строила баррикад. На словах она была смелее, чем в поступках. Но эта группа населения формирует идеи и общественные течения, которые впоследствии меняют страну.

На протяжении всего царствования Николая II Власть постепенно ослабевала, а Общество усиливалось.

За короткий, менее чем четвертьвековой период этот процесс прошел несколько этапов.



«На лекции профессора Ключевского». *Л. Пастернак*

От «бессмысленных мечтаний» к концу «стабильности»

Уходя из жизни, Александр III оставил наследнику страну, в которой всё было тихо и спокойно. Полицейский режим, установившийся с 1881 года, расправился с революционерами и приструнил либералов. Активные смутьяны отправились в Сибирь или в эмиграцию, большинство же недовольных, как водится, притихло, пассивно ожидая перемен к лучшему.

Эти «сон и мгла» в тени победоносцевских «совиных крыл» по инерции длились еще несколько лет после смерти грозного царя, а потом развеялись, после чего Россию с большей или меньшей интенсивностью лихорадило уже вплоть до падения монархии.

В том, что стабильность оказалась непрочной и недолгой, вины Николая II нет. Если бы Александр прожил дольше, несомненно случилось бы то же самое. Ресурс «искусственного замораживания» общественной активности всегда ограничен. Нарастает внутреннее напряжение, прилетает какой-нибудь «черный лебедь», и сжатая пружина распрямляется.

Николай Обществу поначалу понравился, хотя широкой публике мало что было известно про личные качества нового императора. Все преисполнились надежд, что такой молодой и миловидный государь станет править по-другому, что атмосфера очистится и начнутся перемены.

Однако Николай ничего менять не собирался. Во-первых, из почтения к памяти отца; во-вторых, из неуверенности в себе; в-третьих, из-за того, что правительственная команда осталась прежней. Общая логика была такая, что от добра добра не ищут. Раз в стране всё спокойно, пусть так и останется.

Первый же публичный акт правителя — речь, произнесенная 17 января 1895 года перед представителями дворянства, земств и городов, — положил конец иллюзиям. Царь в частности сказал: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твёрдо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель». Всех сразил эпитет «бессмысленные» применительно к заветным чаяниям интеллигенции. Есть версия, что в подготовленном тексте было написано

«несбыточные» и царь то ли оговорился, то ли решил спонтанно усилить «мессидж». Так или иначе, Общество было оскорблено и начало относиться к новому самодержцу враждебно. Впоследствии это отношение уже не менялось.

С этого момента вновь начинает активизироваться деятельность революционных кружков — например, возникает «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», одним из членов которого являлся помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов. Эту маленькую организацию, как и другие подобные начинания, быстро уничтожает опытная полиция, но с ростом оппозиционных настроений в Обществе сыск ничего поделать не может. Раздражение против властей постоянно усиливается. С конца девяностых годов даже в умеренных, либеральных кругах лозунг «долой самодержавие» перестает восприниматься как нечто чрезмерно радикальное.

Обаятельный Николай на портрете В. Серова

Следующий после манифеста о «бессмысленных мечтаниях» импульс к конфронтации произошел в 1899 году. В течение нескольких лет разрабатывался проект завершения земской реформы. В свое время она не была доведена до конца — в западных губерниях выборные

органы местного хозяйственного самоуправления так и не появились. Министр внутренних дел Горемыкин сделал заявление, вновь наполнившее сердца прогрессистов светлыми надеждами: «Основой действительной силы государства, какова бы ни была его форма, есть развитая и окрепшая к самостоятельности личность; выработать в народе способность к самоустройству и самоопределению может только привычка к самоуправлению». Это была музыка для либерального слуха. Но государь император, послушавшись консервативных советников, проект упразднил, а на место мягкого Горемыкина поставил сурового Сипягина, про которого Витте в мемуарах пишет: «Убеждения его очень узкие, чисто дворянские, он придерживается принципа самодержавия, патриархального управления государством на местах; это его убеждения, и убеждения твердые».

1899 год можно считать моментом, с которого «стабильность» начинает рушиться. Таким образом, она не продержалась и двух десятилетий.

Первой ласточкой стало брожение в среде студенчества, всегда чувствительного к переменам в общественной атмосфере.

Вести себя с молодежью Власть никогда не умела, а если предпринимала какие-то попытки в этом направлении, то они получались медвежьими. Вводились всякого рода административные строгости, ограничивались университетские свободы, возмутителей спокойствия исключали или без суда отправляли в ссылку. В результате подобных действий обычное юношеское бунтарство («блажен, кто смолоду был молод») перерастало в нечто более серьезное. Государство не могло обходиться без высших учебных заведений, но те выращивали не только необходимых стране специалистов, но и противников существующего режима. Как выражается С. Ольденбург, «правительству приходилось лавировать между Сциллой отсталости и Харибдой взращивания своих врагов».

> У московских студентов существовал «союзный совет», объединявший сообщества земляков. В 1895 году полиция не придумала ничего лучше, как арестовать эту подозрительную команду, всего лишь ведшую вольные разговоры. В ответ студенты избрали новых лидеров, и те объявили, что их цель теперь — «подготовка борцов для политической

деятельности». В 1896 году, по следам Ходынской трагедии, впервые после многолетнего перерыва состоялась студенческая манифестация в память о жертвах. Последовали сотни новых арестов. В учебных заведениях по всей стране были проведены акции солидарности.

«Молодежная политика» властей пополняла ряды оппозиции эффективнее любой революционной пропаганды.

В 1899 году, на волне широкого общественного недовольства, студенческий протест принял беспрецедентный размах.

На сей раз началось с Санкт-Петербургского университета, и повод был пустяковый. Ректор сделал выговор студентам за плохое поведение и пригрозил полицией. Упреки были справедливы, но произнесены в оскорбительном тоне. От этой маленькой искры разгорелся большой пожар. Ректора освистали, прибывшую полицию закидали снежками. В ответ засвистели нагайки.

Университет забастовал. На собрании было принято обращение, по своему содержанию уже не пустяковое: «Мы объявляем Санкт-Петербургский Университет закрытым и прекращаем хождение на лекции, и, присутствуя в Университете, препятствуем кому бы то ни было их посещать. Мы продолжаем этот способ обструкции, пока не будут удовлетворены наши требования: 1) опубликование во всеобщее сведение всех инструкций, которыми руководствовались полиция и администрация в отношении студентов, и 2) гарантии физической неприкосновенности нашей личности». То есть речь шла о защите человеческого достоинства, а не о частном случае полицейского насилия, которое «преступно даже в применении к самому темному и безгласному слою населения» (говорилось в декларации)

Движение было подхвачено студенчеством других учебных заведений по всей стране. Возник единый организационный комитет.

Конфликт поколений. *И. Сакуров*

Правительство растерялось, столкнувшись со столь широким протестом. По высочайшему указу назначили комиссию для рассмотрения случившегося. Всем студентам, которых выслали за участие в беспорядках, разрешили вернуться.

Вместо того чтобы удовлетвориться достигнутым, молодежь пришла в еще большее возбуждение. Тогда власти переменили тактику — решили явить суровость. Охваченные волнениями заведения были на полгода закрыты. Столичные профессора, сочувствующие студентам, уволены. Плюс к тому вышло постановление, согласно которому студентов, совсем как во времена Николая I, можно было отправить в армию, чтобы поучились там дисциплине.

Я столь подробно рассказываю о коллизиях локального конфликта, потому что точно такой же тактики Власть в дальнейшем будет

придерживаться и по отношению ко всему протестному движению. Сначала какие-то непродуманные действия распаляют тлеющий огонь недовольства; затем следуют уступки, воспринимаемые как слабость; потом переход в другую крайность — к чрезмерному насилию — на время восстанавливает внешнее спокойствие, но еще больше повышает градус враждебности, что через некоторое время приводит к новому взрыву.

Если говорить о молодежи, то практика насильственной сдачи студентов в солдаты лишь способствовала радикализации учащихся. Беспорядки будут происходить вновь и вновь, а затем дело дойдет до эксцессов более серьезных.

Один из исключенных студентов застрелит министра просвещения Н. Боголепова. Этот выстрел, прогремевший 14 февраля 1901 года, можно считать окончательным завершением «периода стабильности» и началом новой эпохи — общественных потрясений и политического терроризма.

Главной причиной перелома, однако, были вовсе не студенческие протесты, а явление более глобального свойства: закончился долго продолжавшийся экономический подъем.

В 1900 году разразился общемировой кризис производства, больнее всего ударивший по России. Закрывались фабрики и заводы, падали в цене акции (у ведущих предприятий вроде Путиловского и Сормовского гигантов — на 60–70 %), резко сократилась добыча топливного сырья, сотни тысяч рабочих оказались на улице, без средств к существованию.

Упадок и застой экономики растянутся почти на десять лет, порождая социальный протест. Эти настроения выльются в драматические события, которые принято называть «Первой русской революцией».

Вслед за промышленностью от кризиса пострадало и сельское хозяйство. С 1902 года константой российской жизни становятся не только рабочие, но и крестьянские волнения, часто ожесточенные и подавляемые военной силой.

С самого начала нового века, как только рухнула непрочная «стабильность», государству пришлось вести войну на два фронта:

против растущего революционного движения и против либерального лагеря, который в новых условиях стремительно радикализировался.

Либералы переходят от слов к делу

Этой короткой фразой можно пересказать суть процессов, которые происходили внутри Общества накануне большого политического кризиса, разразившегося в 1905 году.

Конечно, «дело» все равно ограничивалось словами, но для мыслящего сословия они и есть главное оружие, поскольку формируют и направляют общественное мнение. Без его поддержки любые действия, даже самые решительные и успешные, ничего не дадут. Пример тому — операция, блестяще проведенная «Народной волей» 1 марта 1881 года, но давшая обратный эффект, в том числе и потому, что Общество пришло в ужас от цареубийства и отшатнулось от революционеров.

Работа, которой занялись либеральные деятели в самом начале нового столетия, наоборот, подготавливала широкие слои российского населения к будущему столкновению с Властью.

На домашних концертах пели «Дубинушку» и (негромко) «Марсельезу». Всеобщее восхищение вызывали задорные литературные сочинения вроде горьковской аллегории о Буревестнике. Когда мирная публика начинает скандировать «Пусть сильнее грянет буря!», буря рано или поздно обязательно грянет.

С 1902 года самые деятельные представители Общества начинают всерьез готовиться к борьбе с режимом — ненасильственной, но основательной. Впоследствии эти события вызовут у историков несравненно меньший интерес, чем генезис большевистской партии, а ведь действия тихих либералов сыграют гораздо большую роль в грядущем распаде государства, чем споры Ленина с Мартовым о диктатуре пролетариата.

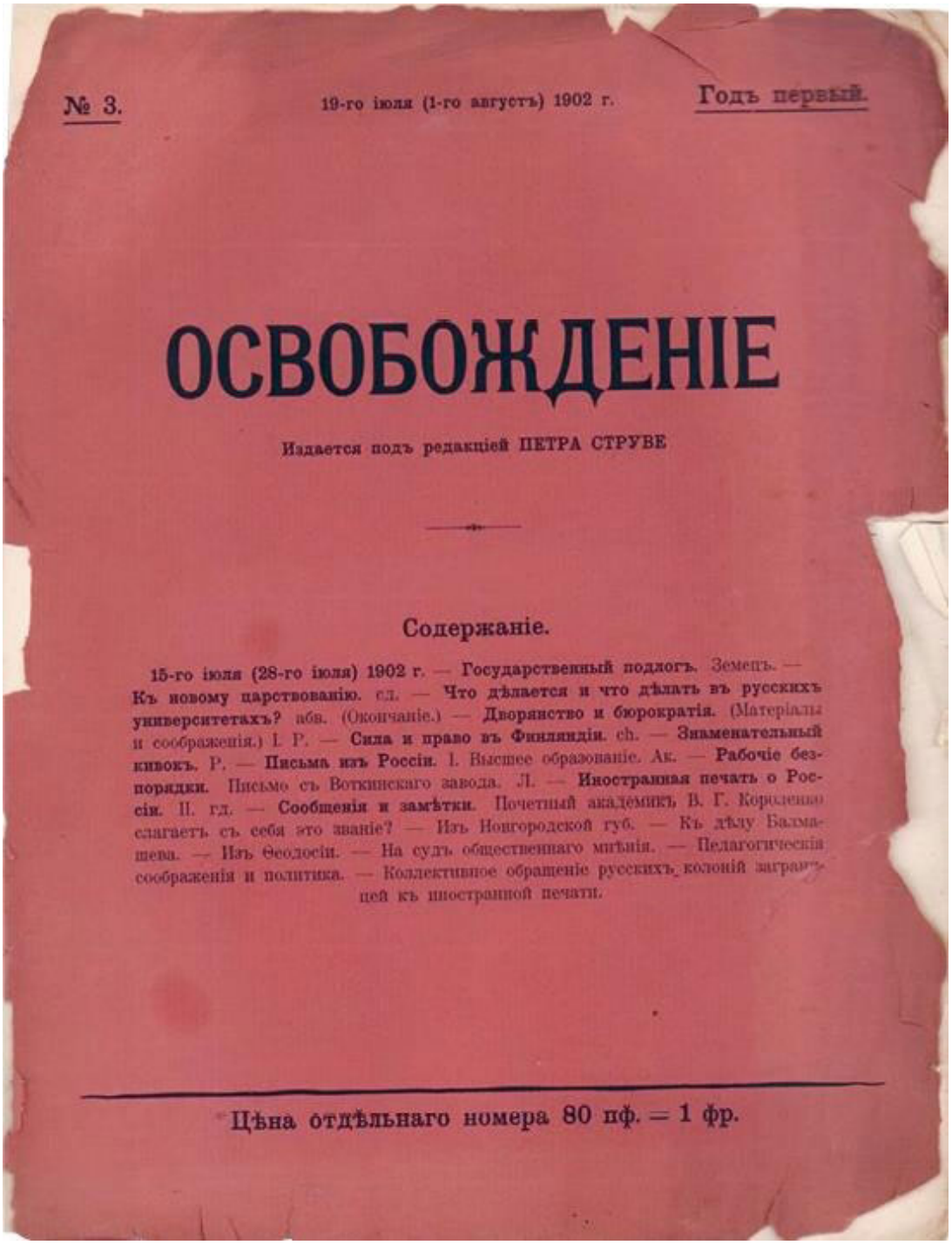
Первым шагом консолидации несоциалистической оппозиции (можно назвать ее и так) было создание журнала. Экономист Петр Струве, к 32 годам побывав и под арестом, и в ссылке, миновав увлечение марксизмом, пришел к заключению, что для России

предпочтительнее всего путь демократических свобод. Эмигрировав, он основал в Штутгарте редакцию «Освобождения» — печатного органа, который выступал против самодержавия, *но не за революцию*.

В статье П. Милюкова, опубликованной в первом же номере, излагалась суть либеральной программы: личные свободы, гарантированные независимым судом; основные политические права (печати, слова, демонстраций, партий) и учреждение парламента — «бессословного народного представительства» с правом высшего контроля и утверждения бюджета.

Среди авторов журнала были лучшие умы и перья России: юрист А. Кони, философ Н. Бердяев, писатель В. Короленко, ученые, земские деятели, поэты. Печатались они под псевдонимами, чтобы не навлечь на себя репрессии.

Успех «Освобождения» был громаден. Впервые со времен герценского «Колокола» эмигрантское издание имело такое общественное влияние. В Россию журнал попадал всякими хитроумными путями — была создана целая система доставки, существовали даже специальные «конспиративные» версии, печатавшиеся на кальке. В донесении заграничной агентуры Охранки (где служили очень неглупые люди) говорилось, что «Освобождение» по-настоящему опасно, ибо свидетельствует об укреплении «либерального движения», которое «в самом ближайшем будущем явится неизбежным фактором падения самодержавия».



№ 3. 19-го іюля (1-го августъ) 1902 г. Годъ первый.

ОСВОБОЖДЕНІЕ

Издается подъ редакціей ПЕТРА СТРУВЕ

Содержаніе.

15-го іюля (28-го іюля) 1902 г. — **Государственный подлогъ.** Земецъ. — **Къ новому царствованію.** с.д. — **Что дѣлается и что дѣлать въ русскихъ университетахъ?** абв. (Окончаніе.) — **Дворянство и бюрократія.** (Матеріалы и соображенія.) І. Р. — **Сила и право въ Финляндіи.** ch. — **Знаменательный кивокъ.** Р. — **Письма изъ Россіи.** І. Высшее образованіе. Ак. — **Рабочіе безпорядки.** Письмо съ Воткинскаго завода. Л. — **Иностранная печать о Россіи.** II. г.д. — **Сообщенія и замѣтки.** Почетный академикъ В. Г. Короленко слагаетъ съ себя это званіе? — Изъ Новгородской губ. — Къ дѣлу Балмашева. — Изъ Ѳеодосіи. — На судъ общественнаго мнѣнія. — Педагогическія соображенія и политика. — Коллективное обращеніе русскихъ колоній заграницей къ иностранной печати.

Цѣна отдѣльнаго номера 80 пф. = 1 фр.

Журнал «Освобождение»

Милюков в воспоминаниях пишет интересную вещь — он считал очень важным, чтобы «программа не расширялась влево», то есть не смыкалась с революционной. При постоянной эскалации напряжения

между Властью и Обществом выдержать эту линию становилось всё трудней.

Второй шаг по формированию либеральной оппозиции произошел в следующем, 1903 году. Авторы и сторонники журнала собрались в Швейцарии, чтобы создать организацию. Она получила название «Союз освобождения». Своей задачей эти люди считали *легальную борьбу* за изменение существующего строя.

В сентябре было еще одно собрание, уже на территории России, в Харькове, — разумеется, *не*легальное. В январе 1904 года под прикрытием Съезда по техническому образованию в Петербурге на частных квартирах был проведен первый съезд «Союза освобождения». Отделения этой протопартии возникли в 22 городах империи. «Учредительный съезд развернул недоговоренные части первоначальной программы, — рассказывает Милюков. — Закон о выборах принял определенную форму всеобщей подачи голосов на основании всеобщего, равного, тайного и прямого голосования». Делегаты выбрали руководящий орган (естественно, подпольный) — Совет Союза.

Незадолго перед тем возникла еще одна нелегальная организация либерального направления — «Союз земцев-конституционалистов», объединившая тех участников земского движения, которым было недостаточно заниматься хозяйственной деятельностью. На своем съезде они решили, что будут добиваться конституционной монархии.

Подобные довольно многолюдные собрания, конечно, для полиции секретом не являлись, и все же они происходили.

Такое стало возможно, потому что к этому времени в стране началось брожение, против которого прежние, полицейские меры уже не помогали.

Брожение

Сначала власти пробовали действовать испытанным способом. После того как в 1902 году от пули террориста погиб суровый министр внутренних дел Сипягин, на его место поставили еще более непреклонного Вячеслава Плеве. Тот не смог переломить ситуации и стал одним из лоббистов «маленькой победоносной войны». В декабре

1903 года военный министр А. Куропаткин записал в дневнике: «Плеве не прочь иметь войну с Японией. Он надеется, что война отвлечет внимание масс от политических вопросов».

Это сильное средство, с успехом опробованное в 1877 году, когда Общество переключилось с борьбы против самодержавия на борьбу за освобождение «славянских братьев», поначалу тоже, казалось, работает. На время во внутренней политике наступило затишье. В феврале 1904 года на своем втором съезде «земцы-конституционалисты» хоть и приняли петицию к государю о даровании «народного представительства», но обратились к соотечественникам с призывом поддержать военные усилия правительства.

Однако Общество отвлеклось от борьбы с режимом ненадолго. Очень скоро, уже весной, началась череда военных поражений. Патриотический подъем сменился негодованием против самодержавия, так цепко держащегося за единоличную власть и так плохо с нею справляющегося.

Кроме того, борьбу не прекратили революционеры. В июле 1904 года они убили ненавистного Плеве, и самым большим потрясением для Власти стала даже не гибель ключевого члена правительства, а бурная радость, с которой широкие общественные круги откликнулись на это кровавое событие. Было совершенно очевидно, что «закручивание гаек» дало обратный эффект: Общество стало поддерживать революцию.

Главный политический вопрос — куда двигаться теперь: еще дальше вправо или, может быть, попробовать влево? — решался внутри царской фамилии, по-семейному. Великие князья Владимир и Сергей, завзятые реакционеры, склоняли августейшего племянника к «ежовым рукавицам», но государь послушался не дядьев, а мать, вдовствующую императрицу Марию Федоровну. По ее настоянию министром внутренних дел назначили князя П. Святополк-Мирского, который ратовал за примирение с Обществом.

Курс правительства резко изменился. Самые одиозные чиновники министерства внутренних дел были смещены, цензурные строгости ослаблены, многие сосланные получили разрешение вернуться.

Либеральная общественность встретила эти шаги с энтузиазмом. Начался эйфорический период, всегда сопутствующий политической «оттепели». Он получил название «Эпоха доверия», потому что в

первой своей речи Святополк-Мирский произнес прекрасные слова: «Плодотворность правительственного труда основана на искренно благожелательном и истинно доверчивом отношении к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще. Лишь при этих условиях работы можно получить взаимное доверие, без которого невозможно ожидать прочного успеха в деле устроения государства».

Земские учреждения, городские думы и просто частные лица по тогдашнему обыкновению слали герою дня приветственные адреса и телеграммы, но происходили и события более значительные. Вожди либерализма активно занялись организационной работой, не опасаясь препятствий со стороны полиции.

В начале октября в Париже либералы из «Союза освобождения» встретились с революционерами, чтобы попытаться выработать общую программу. Вроде бы сошлись на том, что нужно совместными усилиями уничтожить самодержавие и установить «свободный демократический режим», а также гарантировать нациям право на самоопределение (в съезде участвовали финские, польские, кавказские и латышские революционеры). Однако отказываться от насильственных действий революционеры не собирались и втайне от либералов разработали собственный план вооруженной борьбы, впоследствии осуществленный. Тем не менее попытка сближения умеренных левых с ультралевыми была событием знаковым.

В ноябре впервые полулегально (официального разрешения не было) состоялся Земский съезд, принявший резолюцию с требованием политических свобод и народного представительства. Святополк-Мирский пообещал представить эту программу императору.

В поддержку инициативы была организована так называемая «банкетная кампания». Ее инициаторы вдохновлялись опытом французской революции 1848 года, которая началась с митингов, замаскированных под банкеты, поскольку политические собрания были запрещены.

По всей стране вдруг затеяли праздновать 40-летие судебной реформы — отличный повод для произнесения под видом тостов зажигательных спичей о народных правах и свободах. Сотни «пирующих» принимали резолюции самого радикального свойства. Потом текст печатался в газетах.

Правые фельетонисты и суровые революционеры иронизировали, поминая щедринское: «Чего-то хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном», но ситуация была совсем не комической. На петербургском банкете модный романист и драматург Максим Горький, подобно своему буревестнику, призывал «не давать себя бить нагайками и топтать; пускать в ход револьверы, кинжалы и собственные зубы, лишь бы произвести большой переполох среди полиции, стоящей на страже современного полицейского правительства, — иначе уличные демонстрации не имеют смысла». Призыв был нешуточный. Надвигался кризис.

Он грянул в начале декабря. Выполняя обещание, данное земцам, Святополк-Мирский подготовил проект государственной реформы, в которую включил пункт о выборных представителях в Государственном Совете от «общественных учреждений». Это превратило бы высший законосовещательный орган в нечто вроде протопарламента.

Пусть сильнее грянет буря! *И. Сакуров*

Но император опять заколебался и призвал на помощь тяжелую артиллерию — Победоносцева. На заседании 4 декабря обер-прокурор повторил свое свершение 23-летней давности, когда он не дал графу Лорис-Меликову провести в жизнь аналогичную реформу — о представительных комиссиях. Смысл возражений старого консерватора был тот же: всякое выборное представительство нанесет удар по самодержавному принципу (и расшатает главную опору «ордынскости», добавим мы). Николаю эта логика была близка. Великие князья Владимир и Сергей призывали его к твердости. В результате самый важный пункт грядущей реформы — о представителях — из окончательного текста был изъят. Указ, названный «О мерах к усовершенствованию государственного порядка», призванный успокоить Общество, вместо этого вызвал бурю возмущения. Одновременно еще и вышло распоряжение впредь пресекать недозволенные «сборища» при помощи полиции.

А дальше произошло то, что всегда происходит, когда «революция сверху» тормозит и дает задний ход. Общество останавливаться не пожелало и снова перешло в оппозицию — более решительную, чем прежде.

Не прошло и месяца после провала инициативы Святополк-Мирского, как разразилась беда, выведшая противостояние на новый уровень. О «Кровавом воскресенье» будет рассказано в разделе, посвященном другой российской «болезни», революционной, сейчас же отмечу лишь, что одной из причин трагедии стали правительственные метания справа налево и опять направо.

Николай Александрович смиряется с неизбежным

После шока «Кровавого воскресенья» начался внутренний политический кризис, прошедший через несколько этапов.

Точно так же через несколько разных психологических состояний прошел и самодержавный правитель империи. Они довольно точно совпадают с классическими фазами психологического осознания болезни.

Началось, как водится, с «Отрицания».

Потрясенный кровопролитием в столице, Святополк-Мирский ушел в отставку (на следующий же день) и до самого конца жизни в политику больше не возвращался.

На первые роли выдвинулся энергичный Дмитрий Трепов, бывший начальник московской полиции и близкий соратник «ястреба» Сергея Александровича. Непосредственным поводом для карьерного взлета генерала было покушение на его жизнь. Бравый и решительный человек, ненавистный революционерам и не боящийся их, — вот кто был нужен царю в такой момент.

Карикатура 1905 г. на Трепова. *М. Чемоданов*

Трепов организовал делегацию рабочих, которая прибыла к императору в Царское Село и выслушала от его величества

укоризненную нотацию: «Вы дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменниками и врагами нашей родины» — то есть сами виноваты в том, что вас расстреляли.

Эта неуклюжая «пиар-акция» еще больше разъярила Общество.

Из-за газетной цензуры точных данных о количестве убитых и раненых публика не знала, и по стране ходили слухи о тысячах жертв. Со всех сторон раздавались крики ужаса и возмущения. Забастовали студенты, к которым присоединились многие преподаватели. Занятия в высших учебных заведениях были отменены вплоть до осени.

Четвертого февраля в Москве эсер Каляев подорвал бомбой великого князя Сергея Александровича — и опять, как после убийства Плеве, террористу рукоплескали. Настроение наверху стало таким нервным, что царь не решился даже поехать на похороны дяди — боялся покушения.

У Николая начинается следующая стадия — «Гнев». Восемнадцатого февраля царь выпустил эмоциональный манифест «о нестроении и смутах», который во всем винил «ослепленных гордыней злоумышленных вождей мятежного движения», а от представителей власти требовал «усугубления бдительности по охране закона, порядка и безопасности». Это была личная и, кажется, спонтанная инициатива самодержца. Витте пишет в мемуарах: «Когда мы приехали на вокзал, сели в вагон и поезд двинулся, то один из министров говорит: “А вы читали манифест, который сегодня появился в собрании узаконений, а равно и указ сенату?” Мы все были удивлены, не имея понятия ни об этом манифесте, ни об указе. В том числе был удивлен и министр внутренних дел Булыгин».

Из сурового воззвания вроде бы следовало, что никаких послаблений не будет.

Но настроение правителя немедленно сменилось на противоположное — перешло в стадию «Торг». На следующий же день после грозного манифеста вышел высочайший рескрипт на имя Булыгина, где вдруг объявлялось: «Я вознамерился привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений». Министр внутренних дел получил

приказ готовить закон о народном представительстве — но «при неизменном сохранении незыблемости основных законов империи». Как такое возможно, в рескрипте не разъяснялось, и началась долгая, бюрократическая работа, в ходе которой авторы проекта пытались совместить несовместимое.

Наверху воцарились апатия и уныние — верные симптомы «Депрессии». Этому способствовали и ужасные известия с театра военных действий: в конце того же месяца русская армия была разбита под Мукденом, а в мае при Цусиме погиб весь флот. Вместе с ним утонули последние надежды избежать поражения. «На душе тяжело, больно, грустно», — пишет в дневнике Николай.

Шатание и смута усугублялись, а подготовка «булыгинского проекта» всё тянулась и тянулась. Она продолжалась целых полгода. Подобные темпы никак не соответствовали стремительному развитию событий. К тому же по настоянию царя обещанные свободы всё время урезались.

В окончательном виде закон, вышедший только 6 августа, получился очень куцым. В число «достойнейших людей», которые притом допускались всего лишь к предварительному обсуждению законопроектов, не попали рабочие и малоимущие крестьяне, студенты (не говоря уж о женщинах, которые тогда не имели права голоса и в самых передовых странах). При этом крестьянские депутаты еще и фильтровались через четырехступенчатую систему выборщиков. В городах голосовали только домовладельцы и люди обеспеченные (вводился высокий имущественный ценз).

Времена, когда Общество могло удовлетвориться такой подачкой, остались в прошлом. Опубликованный закон лишь подлил масла в огонь.

Очередной земский съезд постановил больше не апеллировать к царю, а обратиться за поддержкой непосредственно к народу. «Союз союзов», объединивший «Союз освобождения» с другими общественными организациями, стал призывать к протестной всеобщей забастовке. Вновь открывшиеся университеты беспрерывно митинговали.

Опаснее всего для правительства было то, что умеренные оппозиционеры стали действовать заодно с революционерами. В

результате всеобщая забастовка, развернувшаяся в октябре, практически парализовала страну.

Новый глава правительства Витте, от которого император ждал спасительных решений, сказал, что таковых существует два: либо даровать стране нормальные политические свободы и широкое избирательное право — либо вводить военную диктатуру и «с непоколебимой энергией путем силы подавить смуту во всех ее проявлениях».

Несколько дней царь колебался. Впоследствии он так описал свои сомнения: «Представлялось избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу; затем была бы передышка, и снова пришлось бы через несколько месяцев действовать силой». Окружающие, к которым он обращался за советом, либо виляли, как Витте, либо говорили, что надо идти на уступки.

> Великий князь Николай Николаевич, проехав по охваченной волнениями стране из своего имения в столицу, увидел, какой масштаб приобрели беспорядки. Будучи человеком действия, его высочество прибег к крайней форме убеждения.
>
> Гофмейстерина Е. Нарышкина в мемуарах пишет: «Николай Николаевич составил первоначальный проект конституции и представил его Императору, заявив, что принес с собой пистолет, и если Император не подпишет документ, то, покинув дворец, он застрелится».
>
> Военная диктатура в любом случае невозможна, объяснял племяннику великий князь, поскольку нет достаточного количества верных полков. Поскольку это говорил председатель Совета государственной обороны, не поверить ему было нельзя.

Даже бравый Трепов заметался. Четырнадцатого октября он издает знаменитый приказ столичным войскам «холостых залпов не давать», но сразу вслед за тем тоже начинает говорить, что положение спасет только высочайший манифест о даровании свобод.

И семнадцатого октября 1905 года этот исторический текст был спешно опубликован. Произошел существенный сдвиг во

взаимоотношениях Общества и Власти.

Самым важным итогом этого государственного акта, пожалуй, было то, что он внес раскол между либералами и революционерами. Их пути разошлись. Умеренная оппозиция была готова договариваться с Властью — теперь для этого появлялись новые возможности и механизмы.

В то самое время, когда революционеры пытались выйти на новый уровень борьбы с режимом и во второй столице шли уличные бои, либералы занялись делом более интересным и менее опасным — создавали легальные партии и готовились к выборам в парламент. У Общества появилась надежда, что от самодержавия можно будет избавиться без кровавых потрясений.

Большие Беспорядки продлятся еще долго, но шансов перерасти в революцию у них теперь нет.

Немножко ограниченное самодержавие

Реформа, провозглашенная «Высочайшим манифестом об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября, выглядела более грандиозной, чем преобразования Александра Освободителя. Те были растянуты по времени и напрямую не затрагивали главной основы государственного строя — единоличной, ничем не ограниченной власти самодержца.

Теперь же учреждался парламент, который мог одобрить или не одобрить законы и бюджетные проекты, представляемые правительством. Манифест обещал «установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей». У Общества появлялся мощный инструмент давления на Власть.

Другим пунктом провозглашались «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов».

А кроме того — в ответ на возмущение узостью «булыгинского проекта» — к выборам допускались «те классы населения, которые

ныне совсем лишены избирательных прав».

Пока это было только декларацией, на законодательное оформление которой понадобилось еще полгода. В апреле 1906 года реформа приняла окончательный вид. Конституции у России не появилось, но изменения, внесенные в законодательство, по общему значению превращали страну в некое странное государство, которое можно назвать «полуконституционной монархией» или «немножко ограниченным самодержавием».

К управлению страной Дума не допускалась, потому что весь состав правительства назначался и утверждался личным решением императора. Не мог парламент и отправить правительство в отставку. Зато император мог своей волей распустить Думу и назначить новые выборы.

Лучше всего суть произошедшего передает изменение в формуле пункта о государственной власти. Раньше в законе говорилось, что императору принадлежит «самодержавная и неограниченная власть», теперь стало просто «самодержавная».

Но к весне 1906 года, когда окончательно прояснились параметры реформы, запросы Общества успели далеко продвинуться, и слабого парламента без каких-либо властных полномочий предводителям оппозиции теперь было мало. «Накануне открытия Государственной думы правительство решило бросить русскому народу новый вызов, — говорилось в заявлении новоизбранных депутатов демократического направления. — Государственную думу, средоточие надежд исстрадавшейся страны, пытаются низвести на роль прислужницы бюрократического правительства. Никакие преграды, создаваемые правительством, не удержат народных избранников от исполнения задач, которые возложил на них народ».

«17 октября 1905». *И. Репин*

Первой реакцией Общества на октябрьский манифест, явившийся для всех полной неожиданностью, была бурная радость. Казалось, самые смелые чаяния либералов, те самые «бессмысленные мечтания» наконец осуществились. В конце октября 1905 года Россия являла собой фантасмагорическую картину. В больших городах на улицах интеллигенты и студенты устраивали ликующие демонстрации. Революционеры агитировали рабочих не останавливаться на достигнутом и браться за оружие. Но огромное большинство населения, жившее вдали от центров всей этой ажитации, мало что понимало и, как обычно в подобных ситуациях, наблюдало за происходящим с подозрительностью.

По стране прокатилась волна погромов. Били евреев и «очкастых». Неграмотные народные массы, приученные не ждать от любых перемен ничего хорошего, выплескивали страх перед неизведанным так, как умели.

Но было много эксцессов и противоположного свойства, когда крестьяне грабили помещиков, а рабочие нападали на владельцев предприятий.

Стихийные беспорядки приобрели такой размах еще и потому, что местные власти растерялись. Для них Манифест тоже стал неожиданностью, и было неясно, что следует «пресекать», а что — нет.

Таким образом Общество и общество (в широком смысле) реагировали на перемены по-разному.

Хаос достиг пика в декабре, когда в Москве революционеры устроили вооруженное восстание. Но не получив поддержки ни от Общества, ни от общества, потерпели поражение и на время выпали из политического процесса — ушли в подполье. В выборах революционные партии участвовать не стали, считая эту затею вредной для революции (что было правдой).

С началом избирательной кампании градус насилия в стране несколько снизился. Террористы по-прежнему стреляли и бросали бомбы, но это стало уже привычной чертой российской жизни, а вот народных представителей в стране выбирали впервые.

По новому закону, выпущенному в декабре, состав избирателей, как и было обещано в Манифесте, существенно расширялся — главным образом благодаря отмене имущественного ценза. К голосованию не допускались женщины, учащиеся, военнослужащие и кочевые народы (последние из-за сложностей с регистрацией по месту жительства).

Для российского Общества наступили золотые дни. Газеты писали, что хотели. На митингах можно было произносить любые речи. Повсюду шли собрания, формировались союзы единомышленников для участия в выборах. Повсеместно возникали политические партии. Большинство из них оказались нежизнеспособными и просуществовали недолго, но постепенно в демократическом лагере выделились две группы, которые впоследствии будут задавать тон и в парламенте, и в Обществе. Важную, даже решающую роль сыграют они и в истории государства.

Одна из этих групп, «Союз 17 октября» («октябристы»), была в целом удовлетворена завоеванными правами и в дальнейшем собиралась сотрудничать с правительством — если оно не нарушит данных в Манифесте обещаний. Это была партия умеренных

либералов, стремившихся по возможности избегать потрясений. В руководство входили предприниматели, крупные землевладельцы, государственные служащие — то есть практики, люди дела.

Лидером «октябристов» был 43-летний Александр Иванович Гучков, личность сильная и яркая. Он происходил из знаменитой, очень богатой семьи промышленников-старообрядцев, однако общественная деятельность привлекала его больше, чем предпринимательская.

Гучков окончил историко-филологический факультет и потом поехал завершать образование в Европу, но, когда в 1891 году в России из-за неурожая разразился голод, вернулся на родину и возглавил на Нижегородчине движение по оказанию помощи крестьянам.

В Александре Ивановиче будто уживались два очень разных человека: методичный организатор и темпераментный искатель приключений. Про него впору писать две биографии. В одной он служил мировым судьей, потом товарищем московского городского головы (по-современному заместителем мэра), потом управлял банками и компаниями, заседал в Думе. В другой — дрался на дуэлях и совершал рискованные путешествия: по глухим турецким провинциям для изучения бедственного положения армян; в далекий Тибет встретиться с далай-ламой; по Монголии и Средней Азии верхом на лошади; в Маньчжурию строить КВЖД; в Южную Африку сражаться с англичанами на стороне буров (и был ранен); в Китай воевать с «боксерами»; в Македонию принять участие в антитурецком восстании; на японскую войну, где попал в плен; уже побыв председателем Думы — на Балканскую войну, снова сражаться с турками.

Для правительства Гучков будет попеременно то важным союзником, то опасным противником. Его терпеть не мог император, которому вообще не нравились люди такого склада, особенно если они, подобно Александру Ивановичу, позволяли себе давить на помазанника божьего. Между тусклым самодержцем и ярким оппозиционером

существовала личная вражда, которая сыграет свою роль в падении монархии.

А.И. Гучков

Левее и оппозиционней «октябристов» находилась Конституционно-демократическая партия, возникшая на основе «Союза освобождения», «Союза союзов» и земцев-конституционалистов. «Кадетам» (как их скоро стали называть) «полупарламента» и «недоконституции» было недостаточно. В их программу входило требование созыва Учредительного собрания как высшего органа власти, немедленное освобождение политзаключенных и предоставление избирательного права женщинам. По отдельным вопросам кадеты готовы были поддерживать правительство, но в целом считали себя самостоятельной силой, которая одинаково далека и от реакционеров, и от революционеров. Оба компонента в названии партии обозначали пределы, выходить за которые она не собиралась. «Конституционная» означало, что целью является не республика, а конституционная монархия; «демократическая» — что о социализме речи не идет. Идеалом для кадетов была британская система с полным набором личных свобод, сильным парламентом и монархом — символом национального единства. Правда, вскоре название пришлось изменить, потому что простым избирателям слова «конституционная» и «демократическая» были не очень понятны. Левые либералы переименовались в «Партию народной свободы», но в обиходной речи так для всех и остались «кадетами». «Это есть первая попытка претворить интеллигентские идеалы в осуществимые практические требования», — говорил лидер партии Милюков.

Павел Николаевич Милюков был человеком совсем иного склада, чем Гучков. Он не искал приключений, его храбрость была не физического, а гражданского свойства: он не боялся публично говорить то, что думает. При реакционном режиме это опасней дуэлей.

Тихий кабинетный ученый, автор серьезных исторических исследований пришел к политической деятельности еще и потому, что ему не давали заниматься научной. Университетская академическая карьера Павла Николаевича прервалась в 1895 году, вскоре после знаменитой речи нового царя о «бессмысленных мечтаниях». Молодого, подающего большие надежды приват-доцента за «намеки на общие чаяния свободы» по тогдашнему обыкновению безо всякого суда отправили в ссылку и

отстранили от преподавания. Милюков смог найти работу только за границей, в Болгарии, но по требованию российского посольства должен был покинуть и это место. Пожив за границей, он вернулся в Россию, где в то время происходили студенческие волнения. Учащиеся попросили Милюкова выступить. «Я, разумеется, не мог отказаться», — пишет он в воспоминаниях. В своей речи Павел Николаевич всего лишь высказал вполне очевидную мысль: «Всякая динамика революционного движения, не приводящего к цели, кончается террором». Это предостережение было воспринято полицией как призыв к терроризму, и профессор на несколько месяцев оказался за решеткой.

После этого он и стал сначала ведущим автором эмигрантского журнала «Освобождение», а затем одним из создателей «Союза освобождения».

В довольно небольшом диапазоне между относительно компромиссным либерализмом «октябристов» и относительно бескомпромиссным либерализмом «кадетов» предстояло лавировать будущей Думе.

П.Н. Милюков

Готовилась к новому формату и Власть. Одним из важных административных новшеств стало введение поста председателя Совета министров — высшего чиновника с большими полномочиями.

Прежде члены кабинета подчинялись и докладывали непосредственно государю. Но царь Николай, во-первых, сам чувствовал, что ему не хватает компетенции руководить работой правительственных ведомств, а во-вторых, самодержец не собирался отчитываться в парламенте перед депутатами. За собой царь оставил только управление обороной и дипломатией.

Премьером стал Витте. Он казался кудесником, который способен вывести страну из хаотического состояния, но скоро разочаровал царя. Как и в истории с принятием Манифеста, когда Сергей Юльевич колебался между двумя крайностями, он и теперь делал маневры в противоположных направлениях. «Витте после московских событий [декабрьского восстания] резко изменился. Теперь он хочет всех вешать и расстреливать», — пишет Николай императрице-матери.

Вместе с тем премьер затевает переговоры с «кадетами» — не согласятся ли они войти в правительство (те ставят условием созыв Учредительного собрания и отказываются). «Я никогда не видел такого хамелеона», — жалуется царь.

В апреле 1906 года, накануне открытия новоизбранной Думы, император принимает отставку Витте и назначает на его место предсказуемого и беспроблемного Горемыкина.

В новый этап взаимоотношений Власти и Общества страна входит с вялым главой правительства и энергичным — как всё новое — органом народного представительства.

Октябрьская «реформа сверху», с одной стороны, достигла своей непосредственной цели: не дала стране провалиться в революцию, но в то же время это была мина, даже несколько мин, заложенных под фундамент российского государства. Самодержавие вроде бы не поделилось с Обществом и тем более с народом властью, но «ордынской» системе противопоказана всякая двусмысленность в управлении. Приказы не могут обсуждаться, а Дума предназначалась именно для обсуждения. Более того: активные, талантливые люди, выдвинутые избирателями, не имели возможности применить свою энергию для практической государственной деятельности — только для критики. Этой возможностью они сполна воспользуются. Сильной опорой оппозиции и серьезной угрозой для Власти станет свободная пресса, которая будет подрывать другую опору самодержавия — сакральность верховной власти.

Перетягивание каната между правительством и Думой разделится на два этапа: на первом совместная работа окажется вовсе невозможной, на втором кое-как наладится.

Ничего не получается

Несмотря на существенное отличие от первоначального, «булыгинского» законопроекта, выборы все равно не были демократическими, потому что не являлись ни равными, ни прямыми. Вводилась сложная, громоздкая система (она называлась «сословно-куриальная»), по которой преимущество в представительстве получали состоятельные слои. Глава правительства Витте не обинуясь объяснял эту несправедливость тем, что «в крестьянской стране, где большинство населения не искушено в политическом искусстве, свободные и прямые выборы приведут к победе безответственных демагогов», под каковыми, естественно, имелись в виду прежде всего либералы.

Избиратели были разделены на четыре «курии»: землевладельческую, городскую, крестьянскую и рабочую. При этом «землевладельцами» считались только те, кто владел землей и недвижимостью стоимостью не менее 15 тысяч рублей, что исключало даже крестьян-середняков. Вопиюще неравной была и пропорция. Высшая курия, помещичья, получала одного депутата от 2000 избирателей, а низшая, рабочая, от 90 000.

Кроме того, выборы делились на ступени: в больших городах двухступенчатые, у рабочих трехступенчатые, а у крестьян даже четырехступенчатые. То есть в деревне сначала выбирали представителя от десяти дворов, потом уполномоченных от волости, потом от уезда и только те уже — депутатов. Предполагалось, что подобная фильтрация уменьшит выборный ажиотаж и отсеет слишком рьяных возмутителей спокойствия.

Все эти предосторожности блистательно провалились. На первых в истории общероссийских выборах, проходивших в феврале — марте 1906 года, сокрушительную победу одержали конституционные демократы — в значительной степени потому, что революционные

партии в кампании не участвовали и к кадетам перешел почти весь протестный электорат.

Состав Государственной думы, с точки зрения правительства, был катастрофически плох. Из почти 500 мест больше трети досталось конституционно-демократической партии; сто с лишним мандатов получили трудовики (члены «Трудового Союза»), занимавшие еще более левые, народнические позиции; радикально были настроены и представители некоторых национальных регионов, прежде всего польских и кавказских округов. Вместе левые имели абсолютное большинство. Правых, то есть сторонников традиционного самодержавия, было немного. Центристов — на это положение претендовали «октябристы» — прошла всего горстка.

Первый российский парламент, избранный в условиях политического хаоса, и не мог получиться умеренным — это не соответствовало бы настроениям и состоянию общества.

Церемония открытия Думы, состоявшаяся 27 апреля 1906 года в Георгиевском зале Зимнего дворца, сразу же продемонстрировала, что Власть и Общество понимают смысл новоучрежденного органа совершенно по-разному и вряд ли найдут общий язык.

Началось всё очень монархично. Под «Боже, царя храни» в зал сначала проследовала помпезная процессия из дворцовых служителей и сановников, которые торжественно внесли царские регалии, включая бриллиантовую корону. Потом появился император, за ним обе императрицы в русских национальных головных уборах, великие князья и княгини, адъютанты, фрейлины и прочая свита.

Депутаты, половину которых составляли крестьяне, а другую половину интеллигенты, полюбовались на этот парад былых времен, выслушали тронную речь государя («Я буду охранять непоколебимыми установления, Мною дарованные…»). Потом сразу же выбрали сплошь кадетский президиум во главе со всеми уважаемым профессором С. Муромцевым.

Председатель Думы сначала выставил из зала «посторонних лиц», то есть высшее чиновничество, а затем дал слово одному из создателей «Союза освобождения» И.

Петрункевичу. «Долг чести, долг совести требует, чтобы первое свободное слово, сказанное с этой трибуны, было посвящено тем, кто свою жизнь и свободу пожертвовал делу завоевания русских политических свобод», — заявил радикальный земский деятель и под шумные аплодисменты потребовал амнистии для политзаключенных.

Вся чинность сразу же была разрушена.

Боевитая Дума и дальше все время обостряла отношения. На «тронную речь» самодержца депутаты решили ответить «адресом», в котором потребовали упразднить Государственный Совет и ввести ответственность кабинета перед парламентом.

Эти претензии на реальную политическую власть потрясли правительство. Оно-то планировало в качестве первого материала для обсуждения отправить депутатам проект о создании прачечной и оранжереи в Дерптском университете.

Тронная речь Николая II. *В. Поляков*

При столь разном представлении о назначении Думы никакой совместной работы, конечно, получиться не могло.

От требований «адреса» правительство попросту отмахнулось. На проект амнистии ответило, что «в настоящее смутное время» она невозможна.

Депутаты почти единогласно выразили кабинету «формулу недоверия». Каждый раз, когда выступал какой-нибудь министр, в зале кричали «в отставку!».

Основные бои велись по двум вопросам: об отмене смертной казни (раз уж не получилось с амнистией) и о земельной реформе, в которой были заинтересованы депутаты-крестьяне. Речь шла ни более ни менее как о «принудительном отчуждении частновладельческих земель».

Когда Дума решила вынести этот взрывоопасный вопрос на всенародное обсуждение, терпение правительства закончилось.

Девятого июля 1906 года вышел царский манифест о роспуске парламента. Здание заседаний окружили войска. Депутатов внутрь не пустили.

«Я сел на велосипед и около 7 часов утра объехал квартиры членов Центрального комитета [партии кадетов], пригласив их собраться немедленно у Петрункевича», — вспоминает Милюков. Затем велосипедист наскоро, на крышке рояля, набросал документ взрывного содержания, тут же принятый остальными участниками совещания. Это был призыв к «пассивному сопротивлению», то есть к кампании гражданского неповиновения.

В тот же день более трети членов Думы перебрались в Выборг, на территорию автономной Финляндии, где не могла помешать российская полиция, и выступили с воззванием к российскому народу не платить налоги и не отбывать воинскую повинность: «ни копейки в казну, ни одного солдата в армию».

Произошла ситуация, очень похожая на французские события 1789 года. Тогда монарх точно так же созвал всенародное собрание — Генеральные Штаты, чтобы умиротворить общественное возбуждение, но случилось нечто противоположное. Когда выяснилось, что депутаты не согласны ограничиваться пустыми речами, и перед ними заперли двери зала заседаний, радикалы перебрались в другое помещение и

объявили себя Учредительным собранием, после чего разразилась революция.

Профессор Милюков действует. *И. Сакуров*

Сущностная разница между французским 1789 годом и российским 1905-м заключалась в двух обстоятельствах. Во-первых, в России не сложилось многочисленного «третьего сословия», то есть среднего класса, которому была бы близка идея Учредительного Собрания. Во-вторых, либеральные вожди всячески подчеркивали свою

нереволюционность. Концепция «пассивного сопротивления» явно не могла увлечь «широкие народные массы» и тем более привести к штурму Бастилии. «У нас не было языка, которым мы могли бы поднять народ, потому что истинный смысл совершившегося был ему мало доступен», — признал впоследствии Милюков.

Кроме того правительство проявило непривычную для него гибкость. «Выборжцы» храбро вернулись в Петербург, ожидая ареста и рассчитывая, что репрессии вызовут общественный взрыв. Это наверняка случилось бы, но бунтарей не арестовали. Воззвание было просто проигнорировано властями. И лишь потом, когда стало ясно, что никакого «пассивного сопротивления» нет, всех подписавших воззвание предали суду. Приговор был мягким — три месяца заключения, что трудно было назвать «жестокой расправой», но осужденные лишались избирательного права. Таким образом все предводители лево-либерального движения не смогли попасть в парламент следующего состава.

Внезапное хитроумие Власти объяснялось тем, что у нее сменился командующий — одновременно с роспуском Первой Думы вместо тусклого Горемыкина премьер-министром был назначен Петр Аркадьевич Столыпин.

Под руководством нового стратега самодержавие стало экспериментировать с трудной проблемой народного представительства. Было понятно, что надо как-то воздействовать на выборы следующего парламента, дабы он снова не получился чересчур оппозиционным. Мысль о подтасовках и фальсификациях государственным мыслителям тогда в голову не приходила, но были опробованы другие методы.

Помимо вышеописанного трюка с отстранением самых активных деятелей Общества от выборов, придумали ловкую штуку. Антиправительственно настроенные партии (всех левее «октябристов») не стали легализовать, то есть, выражаясь современным языком, регистрировать; при этом печатать избирательные бюллетени имели право только легализованные партии. Другим шагом по дерадикализации будущей Думы стало недопущение к выборам бедных крестьян и значительной части рабочих.

Новая избирательная кампания стартовала в ноябре 1906 года. Несмотря на «профилактические» меры, принятые правительством, проходила она совсем неблагостно. Нелегализованные партии легко обошлись без печатания бюллетеней — наоборот, превратили этот дефект в эффект: возникло движение волонтеров, заполнявших бумаги от руки. Кроме того, одумавшись, в выборах приняли участие революционеры — и социал-демократы, и социалисты-революционеры.

Таким образом за места во Второй Думе сражались уже четыре силы: сторонники традиционного самодержавия (правые); октябристы (центристы); радикальные либералы (левоцентристы) и социалисты (левые).

В результате парламент получился поделенным на две половины, причем лагеря образовались не столько по идеологическому признаку, сколько по готовности сотрудничать с правительством. Скажем, содержательного различия между октябристами и кадетами было намного меньше, чем между кадетами и социалистами или между октябристами и правыми, но при голосовании умеренные и «неумеренные» либералы обычно оказывались по разные стороны баррикад.

По этому параметру Дума опять получилась «нерабочей».

Кадеты, оставшись без «медийных лиц», потеряли много мест, зато возник довольно многочисленный социалистический блок. Суммарно заведомые нонконформисты получили 321 мандат из 518, а в ходе заседаний выяснилось, что вместе с левыми голосует и часть остальных депутатов.

Правда, теперь с трибуны громче зазвучали голоса «справа». У ревностных сторонников самодержавия появились яркие ораторы: В. Пуришкевич, В. Бобринский, В. Шульгин. Но о «правом» секторе Общества (который тоже существовал) мы поговорим позже.

В любом случае самой яркой «звездой» нового парламента был не кто-то из его членов, а глава правительства Столыпин.

Он отлично понимал важность общественного мнения и довольно искусно пытался им управлять. Речи премьера были красивы, энергичны и содержательны. Некоторые из них по праву считаются историческими. Масштаб личности Петра Аркадьевича чувствовали даже его политические оппоненты. Революционеров склонить на свою сторону он не пытался, но найти общий язык с широким кругом

либералов пробовал, иногда небезуспешно. Важнее всего, что он олицетворял новые большие идеи, которые сумели увлечь некоторую часть Общества.

Но никакой волшебник не сумел бы справиться с Думой, большинство членов которой были настроены на конфронтацию, а некоторые вовсе рассматривали это учреждение как один из способов подрыва самодержавного государства.

Из-за крайне левых депутатов в конце концов и разразился кризис. Социал-демократическая фракция приняла активное участие в деятельности подпольной марксистской организации солдат. Об этом знала Охранка, имевшая там своих агентов. Столыпин потребовал снять с замешанных депутатов неприкосновенность. Когда Дума стала затягивать решение вопроса, премьер убедил царя распустить ее, пока подозреваемые не скрылись.

Это произошло 3 июня 1907 года. Вторая Дума проработала всего три с половиной месяца.

Сосуществование Власти и Общества в парламентском формате никак не складывалось. Партнеры не были готовы к встречному движению. Правительство, собственно, и не воспринимало думских «краснобаев» как партнеров, а те, в свою очередь, всего лишь отражали настроения среды, из которой вышли и которую представляли.

Нужно было экспериментировать дальше. Этим Столыпин и занялся.

Проблемное сотрудничество

3 июня 1907 года, день закрытия Второй Думы, принято считать концом массовых волнений, длившихся два с половиной года. Может показаться, что Власти было достаточно продемонстрировать твердость — и порядок в стране восстановился. Однако причина была не в твердости, во всяком случае не в ней одной и не в первую очередь. Как мы помним, к силовым методам правительство прибегало и прежде, причем неоднократно, да и Думу уже разгоняло, но оппозиционное движение только разрасталось.

В чем же дело? Как удалось Столыпину добиться того, что не получалось у его предшественников?

В условиях несвободы активная часть населения всегда будет настроена оппозиционно — если только правительство не найдет способа направить эту энергию в полезное для себя и интересное для Общества русло.

Премьер-министр не ограничился «закручиванием гаек», а одновременно предложил программу действий: грандиозную реформу, которую всё Общество стало обсуждать, а многим захотелось и поучаствовать в большой, важной работе. Иными словами, Власть вновь, как после 17 октября, «завладела повесткой», но на сей раз не просто предоставила активным людям свободу действий, а повела основную их часть за собой. Много лет спустя А. Гучков скажет, отвечая на вопрос интервьюера (отсюда некоторая нескладность изложения): «Накопление многих претензий к старому строю и наивная вера, что добиться новых основ жизни можно в порядке насильственном, революционном, а попытка компромисса не приведет ни к чему серьезному. Общее революционное настроение было. Сотрудничество с властью — это значит человек предает себя. Потом перемена пришла со Столыпиным. Сотрудничество можно было наладить с правительством Столыпина». Бывший премьер-министр В. Коковцов в своих мемуарах пишет: «Призывы бунтарского свойства вовсе прекратились, и рядом с быстро загоравшеюся новою избирательною кампанией наступило какое-то давно небывалое спокойствие в стране».

Но содержательной программы было недостаточно. Требовалось сформировать парламент, который принял бы эту программу, а не начал ставить ей препоны, демонстрируя свою независимость. Дума должна была стать работоспособной, что при авторитарной системе означало «управляемой», послушной правительству. Прибегать к фальсификациям и прочему мелкому жульничеству монархия не могла, потому что самодержавная власть должна печься о своей респектабельности, ее утрата подрубает одну из опор такого государства. Злоупотребления, конечно, происходили, но эпизодические, на региональном уровне — кое-где местная администрация от излишнего усердия мешала нежелательным кандидатам зарегистрироваться. О таких случаях писала пресса, и эффект как правило получался обратным.

Но в распоряжении государя императора было иное средство — он мог по собственному усмотрению менять правила игры.

Вышла новая редакция избирательного закона. Теперь вводились иные пропорции представительства. Они и прежде были мягко говоря неравными, отныне же становились просто гротескными.

Крестьянство, составлявшее четыре пятых населения, получало 22,5 процента мест (раньше — 42 %). Количество выборщиков от городской бедноты, включая рабочих, тоже резко сокращалось. Зато землевладельцам гарантировалось большинство — 50,5 % (раньше 31 %). То есть получалось, что один помещичий голос равнялся более чем двумстам крестьянским. Кроме того в манифесте о новом порядке выборов провозглашалось: «Созданная для укрепления государства Российского, Государственная дума должна быть русской и по духу. Иные народности, входившие в состав державы нашей, должны иметь в Государственной думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских». На практике это означало, что поляки и кавказцы теперь выбирали в три раза меньше депутатов, а народы Средней Азии были вообще объявлены не достигшими «достаточного уровня гражданственности». Эта неприкрыто шовинистическая поправка обострила другую хроническую болезнь государства — национальную.

Новая электоральная структура, конечно, была вопиюще несправедливой, но свою непосредственную задачу выполнила. Парламент по-прежнему остался трибуной для оппозиции, которая произносила дерзкие речи, но при голосовании обычно оказывалась в меньшинстве.

Строй, установившийся в России с июня 1907 года и просуществовавший до Февральской революции, называли «думской монархией». «Думская» не означало «парламентская», потому что никаких реальных возможностей участвовать в управлении страной у депутатов не было. Обе палаты могли делать запросы министрам о «незаконных деяниях» и, если не удовлетворялись полученным разъяснением, *доводить до государя свое недовольство* — не более. Право утверждения законов подрывалось тем, что в случае конфликта правительство имело право на время распустить квазипарламент, «если

чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере» и ввести необходимый закон собственной волей, что в марте 1911 года и случилось. Однако подобный конфликт был исключением.

В результате модификации избирательного механизма Третья Дума получилась вполне лояльной по отношению к самодержавному режиму. Она была более чем на треть «правой» (главным образом за счет землевладельческой «курии»), менее чем на треть «левой», а центральное положение заняли октябристы и их союзники. От того, к какому флангу примыкала середина, и зависел исход голосования. При Столыпине центр почти всегда был на стороне правительства, что обеспечивало более или менее гладкую законодательную работу. Председателем Думы стал Гучков, всячески поддерживавший премьера — до тех пор, пока не разразился вышеупомянутый кризис 1911 года, о котором будет подробно рассказано, когда мы дойдем до рассмотрения столыпинских реформ.

В третьем, сильно поправевшем составе Дума наконец смогла отработать полный срок, пять лет.

Следующие выборы прошли осенью 1912 года. Четвертая Дума работала уже не с харизматичным, волевым Столыпиным, а с премьер-министрами «закатной» поры самодержавия, и каждый следующий был слабее предыдущего.

В новой Думе тон задавали не центристы, а крайние «фланги» — левый и правый. Оба были не столько многочисленны, сколько активны. Взаимные оскорбления и шумные скандалы стали обычным атрибутом заседаний. Вообще «шоу-составляющая» превратилась чуть ли не в главный элемент российской парламентской жизни. Из чтения газет и мемуаров складывается впечатление, что вся эта накипь занимала прессу и публику гораздо больше, чем дебаты по законодательству.

> По французской моде депутаты Думы третьего и четвертого созывов то и дело вызывали обидчиков на дуэль — это был своеобразный способ самопиара, вполне безопасный. Из четырех десятков думских дуэлей ни одна не завершилась трагически. Кажется, только однажды пролилась кровь — когда А. Гучков легко ранил другого «октябриста» графа А. Уварова, который обозвал его «политиканом».

«Для дуэли нужны, во-первых, оскорбления, во-вторых, широкая реклама, в-третьих, полдюжины автомобилей, затем десяток газетных репортеров, наконец, фотографический аппарат (еще лучше кинематограф)», — иронизировала газета «Утро России» в фельетоне «Сирано де Гучков».

Другой депутат О. Пергамент, член кадетской партии, по происхождению еврей, вызывал лютую ненависть у ультраправых, которые даже сочинили эпиграмму:

Жид Пергамент
Попал в парламент.
Сидел бы дома,
Ждал погрома.

Вместо того, чтобы сидеть дома и ждать погрома, Пергамент стрелялся с черносотенным депутатом Н. Марковым.

Заклятые враги поехали за город с секундантами, тоже депутатами Думы. Картинно обменялись выстрелами. Не попали. «Господа, ваша честь защищена, теперь вы можете протянуть друг другу руки», — объявил секундант. Все выпили шампанского и поехали домой.

Дуэль Гучкова и Уварова. *«Петербургский листок»*

Пока обстановка в стране не стала критической, особенных проблем с Думой у правительства не возникало.

Покладистость парламента обеспечивалась еще и тем, что председательствовал в нем октябрист М.В. Родзянко, сменивший на этом посту Гучкова еще в прежнем составе и сумевший сохранить расположение большинства. Михаил Владимирович был приемлем и для царя, поскольку был убежденным монархистом, камергером двора. По дальнейшей эволюции взглядов этого неконфликтного, осторожного человека можно проследить за тем, как центральная часть Думы постепенно левела и переходила в лагерь, враждебный самодержавию. Забегая вперед, скажу, что разрыв между Властью и Обществом, предрешивший падение монархии, произойдет, когда в августе 1915 года в Думе сформируется Прогрессивный блок из левых и правых либералов, то есть центр присоединится к оппозиции.

Казалось бы, при «думской монархии» парламент был низведен до положения декорации или же «свистка», в который выходил весь пар общественного недовольства. Люди читали газеты, восхищались дерзостью ораторов, и создавалось ощущение, что в стране происходит политическая жизнь, что есть народные представители, которые в

будущем, может быть, чего-то добьются. На самом же деле самодержавие не допускало Общество ни к каким важным решениям, а при всяком затруднении попросту приказывало Думе завершить очередную сессию.

Но даже такой недопарламент представлял собой угрозу для российской государственной модели. В роковую минуту, когда Власть зашатается, вдруг окажется, что в стране есть альтернативный центр политической воли — легитимный и уже привычный. Тогда декорация перестанет быть декорацией.

Во второй части книги будет хронологически показано, как постепенно подготавливался и с какой неожиданной легкостью осуществился этот поворот.

Бремя Империи

Империей Россия стала двумя веками ранее, в результате грандиозных преобразований Петра Великого. Обрела статус великой державы, разрослась в западном, восточном и южном направлениях. На пике своего военного могущества почти в одиночку выдержала французское (на самом деле всеевропейское) нашествие и после взятия Парижа на сорок лет даже превратилась, как выразились бы теперь, в сверхдержаву, диктовавшую свою волю половине континента.

Однако имперский формат имеет не только преимущества, но и серьезные дефекты. В сущности, он сам по себе — болезнь, только уже не специфически российская. Главное отличие империи заключается в том, что она, подобно газу, стремится занять всё доступное пространство. Империя должна все время расти и расширяться, а затем защищать добытое пространство и завоеванное влияние.

К началу XX века в мире сложилось несколько таких образований. Британская, французская, австро-венгерская и российская империи считались ветеранами, самая старая, турецкая, уже совсем одряхлела. Кроме этих уже традиционных конкурентов появился молодой хищник — германская империя, а далеко на востоке набирала силу Япония, к которой, впрочем, европейцы пока всерьез не относились. Соединенные Штаты тоже вели себя по-имперски, занимая новые территории военной силой.

В двадцатом столетии империи распадутся — одни раньше, другие позже. Наступит эпоха нового глобального экспансионизма, культурно-экономического, и сохранит свои позиции только Америка, которая раньше всех переориентируется с «жесткой» силы на «мягкую».

Самым слабым членом «имперского клуба» окажется Россия, которая развалится первой — и единственной из лагеря стран-победительниц в Первой мировой войне. Не понадобится даже военного поражения, как в случае Германии, Австро-Венгрии и Турции. Окажется достаточно внутренних болезней.

В какой же момент и в связи с чем имперский статус для России перестал быть преимуществом и превратился в обузу?

Главная причина заключалась в том, что на протяжении восемнадцатого и девятнадцатого веков страна делала ставку почти

исключительно на военную мощь. У России почти всегда был самый большой в мире военный бюджет и самая большая армия. Другие империи увеличивали свое влияние и за счет торгово-промышленного развития, захватывали колонии для выколачивания прибыли, богатели. Российский же способ приращивания земель был скорее затратным: новые территории часто не пополняли бюджет, а, наоборот, требовали дополнительных расходов (пример тому — дорогостоящее во всех смыслах завоевание Кавказа). Можно сказать, что имперскость обходилась стране слишком дорого — просто в финансовом смысле. Экономический рост начался только после реформ 1860-х годов, то есть с большим опозданием, и частная инициатива постоянно сталкивалась с обычными для несвободного государства трудностями: коррупцией, всесилием бюрократии, гражданским бесправием.

Положение «сверхдержавы» было утрачено еще в середине XIX столетия, после неудачной Крымской войны. Но империей из-за этого Россия быть не перестала, а лишь перенаправила вектор экспансии туда, где встречала меньше сопротивления: на восток. На западе она и так проглотила больше, чем могла переварить, — Польша никак не желала интегрироваться и представляла собой вечную проблему.

В шестидесятые — восьмидесятые годы русские войска активно колонизировали среднеазиатские просторы, но затем столкнулись со встречным движением британцев, подбиравшихся к Персии, Ирану и Афганистану с юга. Некоторое время две державы были на грани войны, но в конце концов договорись о разделе сфер влияния.

После этого «свободным» вектором экспансии остался только Дальний Восток, где находились соблазнительно слабые Китай с Кореей. Империя просто не могла не попытаться освоить этот огромный, богатый регион, иначе она не осталась бы империей.

Другой функцией всякой империи является защита уже имеющихся зон влияния (на языке той эпохи это называлось «зонами интереса»). Такой зоной, в частности, были Балканы, где России приходилось соперничать с Австро-Венгрией, тоже претендовавшей на первенство.

Обе имперские проблемы, дальневосточная и балканская, внесли свой вклад в крах самодержавной монархии.

Дальневосточная проблема

Проект «Желтороссия»

Россия всегда стремилась к расширению в восточном направлении. Это движение, начавшееся еще во времена Московского царства и поначалу имевшее форму «первопроходчества», то есть освоения ненаселенных или малонаселенных земель Сибири, к концу XVII века привело русских к столкновению с китайцами и установлению границы, за которой находились владения империи Цин. Затем в течение еще полутора веков государственные и частные экспедиции исследовали северотихоокеанское побережье, основывая там далеко разбросанные опорные пункты. Интерес к огромному региону в то время был сугубо коммерческий — там добывали пушнину и «рыбий зуб», сама территория особенной ценности не представляла. В середине XIX века российские владения «на том берегу» — Калифорнию, а потом и Аляску — вообще уступили американцам за весьма скромную плату.

Но в тот же период Петербург изменил отношение к подконтрольным землям, расположенным поблизости от Китая. Это произошло после опиумных войн, обозначивших колониальный интерес европейских держав, прежде всего главной геополитической соперницы — Британии, к ветхой Срединной империи. С точки зрения России, как непосредственная соседка Китая она тоже могла претендовать на эту добычу.

Соседство, однако, было номинальное. Восточная окраина выглядела российской только на карте. На самом деле это был совершенно пустынный край, куда из обжитых областей страны приходилось добираться минимум полгода, с огромными трудностями и затратами. Из Англии по морю попасть в Гонконг выходило и быстрее, и проще, и дешевле. Вплоть до самого конца девятнадцатого века из метрополии на Дальний Восток грузы следовали не коротким сухопутным путем через Сибирь, а кружным, через Индийский океан.

После основания морского порта с говорящим названием Владивосток в 1859 году усилия правительства по освоению и заселению этих дальних краев активизировались. При Александре III

был разработан колоссальный проект строительства Транссибирской железнодорожной магистрали, которая должна была многократно облегчить этот процесс. Трассу строили с невероятной скоростью, не жалея средств.

В девяностые годы Китай становится главным объектом вожделений для всех империй. К нему тянут руки и новые, очень энергичные игроки: Япония, Германия, Америка. Первая в 1895 году отобрала у Пекина остров Тайвань и стала претендовать на первенство в Корее. Вторая заняла в 1897 году стратегический порт Циндао. Третья готовилась к аннексии Филиппин, откуда было рукой подать и до материка.

С империалистической точки зрения, медлить было нельзя. Главенствующее значение для господства в Тихом океане имел флот, а России негде было его разместить — акватория Владивостока зимой замерзала. Нужна была новая база, южнее, а стало быть, на чужой территории.

К вышеперечисленным «объективным» причинам экспансии прибавлялась субъективная, не менее существенная: личная заинтересованность государя императора. Она возникла с тех времен, когда он, еще наследником престола, сначала совершил путешествие морем до Владивостока, а затем председательствовал (пусть номинально) в комитете по строительству Транссиба.

Вероятно, увлеченность Николая дальневосточным вопросом психологически объяснялась тем, что в этой сфере молодой царь чувствовал себя более компетентным, чем министры, — в отличие от всех остальных государственных вопросов. Ведь он там был и видел всё собственными глазами.

Витте рассказывает: «Государь Император … увлекался этой идеей именно потому, что в первый раз он вышел, так сказать, на свободу поездкою на Дальний Восток. Но, конечно, в то время у него никакой определенной программы не сложилось; было лишь только стихийное желание двинуться на Дальний Восток и завладеть тамошними странами». После восшествия на престол программа (ее называли «большой азиатской») сформировалась. Если во времена первого Николая много говорили и писали о том, что историческая миссия России — водрузить крест над Цареградом, то при втором Николае миссией стали считать пробуждение второй, восточной головы

имперского орла. «Император Николай II на рубеже XX в. был главным носителем идеи имперского величия России», — пишет Ольденбург.

Особенное раздражение, опять-таки личное, у царя вызывала «нахальная» и «дерзкая» (цитирую по дневнику военного министра Куропаткина) китайско-корейская политика Японии. Японцев Николай не любил с тех пор, как в 1891 году, во время визита в Страну Восходящего солнца, его чуть не убил бывший самурай, которого за это даже не повесили. Екатерина Святополк-Мирская, жена министра внутренних дел, заносившая в дневник содержание бесед мужа с государем, пишет: «Японская рана, я думаю, не бесследно прошла, и я думаю, что она больше вреда России принесет, чем японская война. Есть нечто роковое в отношениях государя с Японией».

Помимо неприязни к Японии император еще и относился пренебрежительно к ее военному потенциалу — опять-таки руководствуясь личными воспоминаниями о давней поездке. «Государь был, конечно, глубочайше уверен, что Япония, хотя может быть с некоторыми усилиями, будет разбита вдребезги… В первое время обыкновенное выражение его в резолюциях было “эти макаки”». (О том, насколько выросла мощь Японии между 1891 и 1904 годами, я расскажу чуть ниже.)

Справедливости ради нужно сказать, что антияпонские и антикитайские настроения тогда были распространены не только при дворе, но и в широких слоях русского общества. Многие рассуждали о «желтой угрозе», которая захлестнет западную цивилизацию, если вовремя не дать ей укорот. Даже возвышенный Владимир Соловьев в 1894 году пугал соотечественников:

> О Русь! Забудь былую славу:
> Орел двуглавый сокрушен,
> И желтым детям на забаву
> Даны клочки твоих знамен.

Все эти факторы делали конфликт с Японией неизбежным. Тут сталкивались две имперские «миссии»: одну сконструировали в Петербурге, другую в Токио, где считалось естественным, что «Азия для азиатов» (под последними, разумеется, имелись в виду сами японцы).

Эскалация российско-японской напряженности прошла через несколько этапов.

В 1895 году, когда маленькая Япония неожиданно для всех разгромила в войне китайского колосса и слишком алчно воспользовалась плодами победы, три европейские державы — Россия, Франция и Германия — вмешались в раздор между «азиатами» с позиции «белого человека». Японию заставили смягчить условия мира, в частности отказаться от Ляодунского полуострова, удобного плацдарма для проникновения в глубь Китая.

Это вмешательство (в Японии его назвали «интервенцией трех стран») настроило островную державу прежде всего против России, поскольку было известно, что инициатива вмешательства исходила от Петербурга.

Два года спустя русские усугубили ситуацию, взяв отобранный у японцев полуостров в многолетнюю аренду. Там находился незамерзающий Порт-Артур, пригодный для базирования флота. Кроме того, Китай позволил России строить на маньчжурской территории железную дорогу, которая соединила бы Читу с Владивостоком, а затем и с Ляодуном. Вся зона дороги отдавалась под юрисдикцию России, которая таким образом фактически получала контроль над Маньчжурией. «…Если оставить в стороне коварство подобной меры как по отношению Японии, так и по отношению Китая и руководствоваться исключительно эгоистическими соображениями, — писал Витте, — то и в таком случае, по моему мнению, мера эта является опасною… Все это вовлечет нас в такие осложнения, которые могут кончиться самыми плачевными результатами».

Российская зона влияния в Китае. *М. Романова*

В 1900 году объединенная армия великих держав, в число которых впервые вошла Япония, совместными усилиями разгромила китайское восстание против иностранного засилия. И опять Япония почувствовала себя оскорбленной. Из репараций, наложенных на Китай, ей досталось всего 7 %, а России — 30 %, притом что японский контингент был самым большим.

В правительстве обеих стран имелись как сторонники войны, так и сторонники компромисса, но каждое новое унижение усиливало позиции японских «ястребов».

В России, кроме Витте, в ту пору министра финансов, вооруженного столкновения не желал и военный министр А. Куропаткин. Он даже отправил государю специальный доклад. «Написал, что война с Японией будет крайне непопулярна в России, что противоправительственная партия воспользуется этой войною, чтобы увеличить смуту», — записывает в дневнике министр.

Но были у «жесткой» линии и влиятельные сторонники, прежде всего министр внутренних дел Плеве, доказывавший обратное: война-де, наоборот, отвлечет общество от смуты. Кроме того, у царя появились активные помощники, не занимавшие больших постов, но целиком и полностью разделявшие идею Николая о «большой азиатской программе». В обществе эту лоббистскую группу прозвали «безобразовской кликой» по имени А. Безобразова. Этот отставной чиновник невысокого ранга еще в 1896 году подал на высочайшее имя докладную записку с обоснованием неизбежности и даже полезности конфронтации с Японией. В дальнейшем идея приобрела вид развернутой программы действий. Предлагалось учредить на Дальнем Востоке особое наместничество; наращивать военно-морское и армейское присутствие, а также форсировать проникновение в Корею. Для достижения последней цели Безобразов и его единомышленники предлагали учредить товарищество якобы для лесопромышленных работ на территории Кореи, а при товариществе будет нечто вроде частной армии, «лесной охранной стражи», которая и станет инструментом экспансии. (Ту же тактику в свое время использовали англичане при завоевании Индии.) При этом лесная концессия кроме политических целей преследовала и коммерческие, но это не афишировалось. Будущий премьер-министр В. Коковцов, в то время государственный секретарь, пишет с некоторым недоумением: «От Вонлярлярского [золотопромышленник, партнер Безобразова] я узнал также, но тоже как-то вскользь, что государь дал некоторую сумму денег из своих личных средств на концессию на [реке] Ялу, что дал их и великий князь Александр Михайлович».

Постепенно наверху укрепляется мнение, что богатую и сравнительно (по китайским меркам) малолюдную Маньчжурию неплохо было бы вообще присоединить к России. Со временем этот проект получил название «Желтороссия». Приамурский генерал-губернатор Н. Гродеков докладывал: «Отказаться от господства над Маньчжурией и допустить не только постороннее, но даже китайское влияние в этой стране мы не можем, не рискуя нашими интересами первостепенной важности» (в виду имелись, естественно, интересы имперские).

Базой колонизации должна была стать Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), вдоль которой планировалось построить

десятки городов и поселков, где жили бы русские переселенцы. Была создана еще одна частная армия, «Корпус пограничной стражи». Формально она должна была защищать железную дорогу, но на деле обеспечивала российское владычество в будущей «Желтороссии». Служили в «Корпусе» казаки, платило им министерство финансов. Предполагалось, что в дальнейшем этот контингент преобразуется в Сунгарийское казачье войско.

В 1903 году сторонники российской «жесткой линии» взяли окончательный верх. Упрямого Витте убрали из министров. Куропаткин ограничивался увещеваниями, которых царь уже не слушал. На Дальнем Востоке учредили наместничество во главе с адмиралом Е. Алексеевым, наделенным чрезвычайными полномочиями (это был член «безобразовской клики»). Сам Безобразов получил должность статс-секретаря.

Из Токио зорко наблюдали за этими демаршами. Там полным ходом шла подготовка к неизбежной войне. Японское правительство, в отличие от Плеве, не рассчитывало, что она будет «маленькой», но надеялось, что победоносной.

Медведь сосет лапу. Тигр готовится к прыжку

Я много писал об имперских аппетитах России, но Япония в этом смысле вела себя и активнее, и агрессивнее. Островную страну, вышедшую из спячки после двухсотпятидесятилетней самоизоляции, переполняла энергия — точно так же, как другую молодую империю, германскую. Дальневосточное государство, сильное монолитностью и высоким уровнем дисциплины, руководимое честолюбивыми, амбициозными людьми, стремительно усиливалось, используя «эффект задержанного развития».

Империей Японию делали два обстоятельства. Во-первых, перенаселенность и нехватка ресурсов. Во-вторых, традиционное культивирование воинского духа. В прежние, феодальные времена его придерживалось только самурайское сословие, но идеологи «реставрации Мэйдзи» (так назывался новый политический режим, вернувший верховную власть императору) поставили перед собой задачу превратить всё население в воинов. Очень небогатая страна

тратила огромную часть скромного бюджета на создание современной армии и сильного флота.

И если Россия могла выбирать, в каком направлении вести экспансию — на запад, на юг или на восток, — то у Японии подобной альтернативы не было. Расти она могла только за счет соседних Кореи и Китая.

В обоих регионах пришлось соперничать с Россией.

Поначалу самим японцам казалось, что со столь могущественным конкурентом можно только договариваться, о военном столкновении нечего и думать. Однако настроение правящих кругов менялось под воздействием, с одной стороны, всё новых и новых российских афронтов, больно ранивших национальное самолюбие, и с другой — под влиянием крепнущей уверенности в собственных силах.

В 1894–1895 годах компактная, маневренная японская армия без труда разгромила шестисоттысячную китайскую. В 1900 году, сражаясь бок о бок с европейцами против китайских повстанцев, японцы увидели, что ничем не уступают вооруженным силам великих держав.

Воевать с Россией в Токио всё еще опасались, но стали вести себя уверенней. В 1901 году самый влиятельный и авторитетный член правительства маркиз Хиробуми Ито прибыл в Петербург с намерением договориться о разделе сфер влияния. «Забирайте себе Маньчжурию, а нам отдайте Корею», — такова была суть предложения, совершенно имперского, поскольку делили чужое, но, с японской точки зрения, очень честного. (Ито считался политическим деятелем умеренного толка и к тому же русофилом.)

К этому времени российско-японская борьба за Корейский полуостров находилась в подвешенном состоянии.

> В 1884 году Россия заключила с Кореей договор о дружбе и торговле, взяла курс на превращение этой дальневосточной страны в протекторат. Зажатое между Китаем и Японией королевство понемногу склонялось в пользу такого решения, представлявшегося меньшим из зол. Но пока русские готовились, японцы перешли к действию. Корея была для них трамплином в Азию, залогом имперского будущего.
>
> В 1895 году японские агенты устроили кровавый переворот, убили правительницу королеву Мин и захватили в плен короля. Опешив от такого напора, русские тоже

задвигались. Высадили небольшой десант, помогли королю бежать и дали ему пристанище в своем посольстве.

Однако к более решительным шагам Петербург тогда был не готов. Транссибирская магистраль еще только строилась, на Дальнем Востоке не было ни флота, ни войск.

Поэтому договорились, что русские и японцы будут держать в Корее одинаковое число солдат «для охраны своих миссий».

Предложение маркиза Ито царя не устроило. В это время уже был запущен безобразовский проект ползучего завоевания Кореи — только что учредили «Русское лесопромышленное товарищество». Маньчжурию же и так считали по факту уже российской.

На случай отказа у японцев был альтернативный план. Два месяца спустя они заключили союзный договор с Англией. Речь шла о взаимном «признании интересов» в Китае, а Корея отныне считалась японской зоной «особого интереса», то есть отдавалась ей на съедение. Это был настоящий оборонительный альянс с пунктом о гарантии военной помощи, если некая третья держава попробует составить коалицию против одной из сторон. В переводе с дипломатического языка это гарантировало, что ни Франция, ни Германия помочь России в конфликте не смогут. Не менее важное значение имели договоренности о закупке в Англии современных боевых кораблей для японского флота.

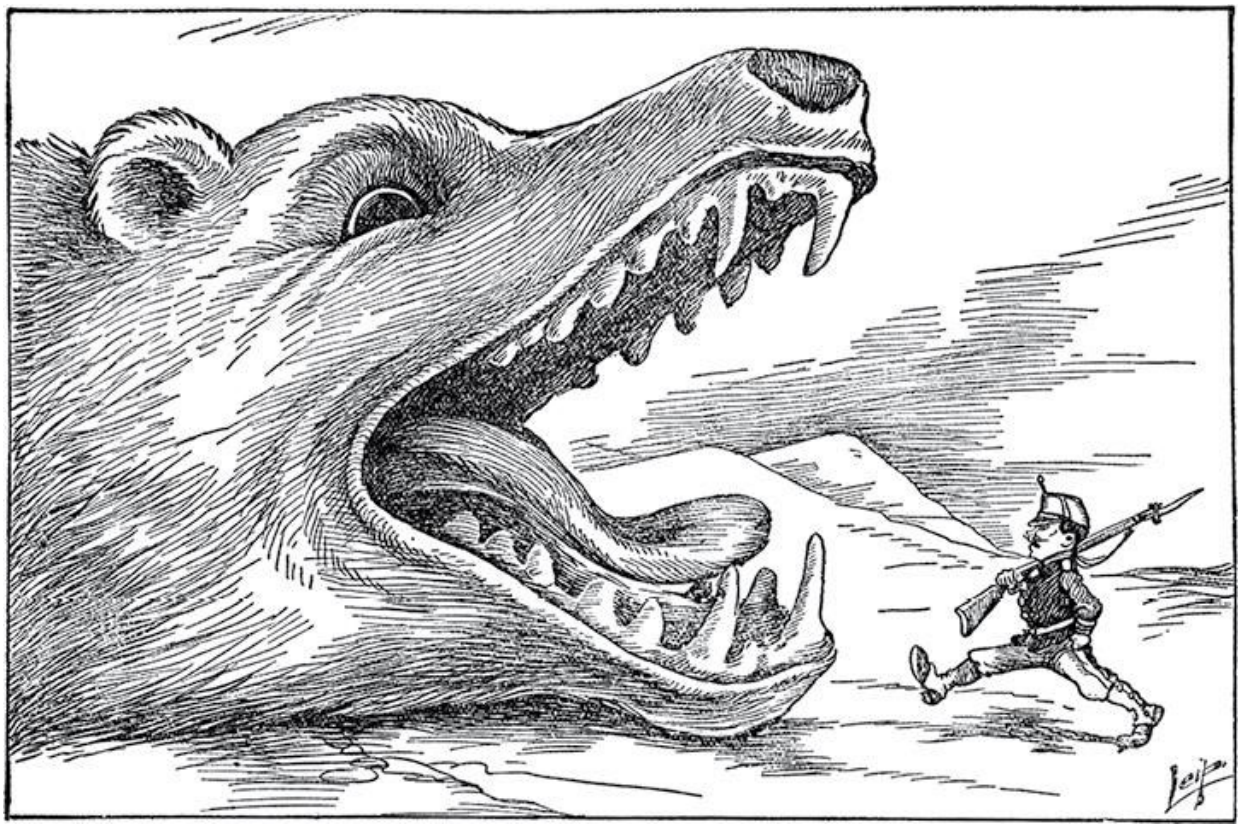
Потом Петербургу было сделано еще одно предложение о «размене» Кореи на Маньчжурию, но и оно осталось без последствий. Войны с «макаками» Николай II не боялся.

При тогдашнем европейском комплексе расового превосходства сама идея о том, что «желтая» страна нападет на «белую», да еще такую великую, казалась абсурдом.

Силы выглядели слишком неравными.

Российский ВВП был втрое больше японского, население — тоже. Царская армия мирного времени насчитывала 900 тысяч штыков и сабель, а японцы могли позволить себе содержать только 150 тысяч солдат. К тому же в Петербурге были уверены, что воины микадо способны побеждать только китайцев, а перед настоящей армией не устоят.

Завышенное представление о собственных силах и заниженное представление о возможностях противника создавали у петербургских стратегов ощущение, что времени на подготовку вполне достаточно. Военное присутствие на Дальнем Востоке наращивалось, но без особенной спешки. Думали, что грядущий конфликт будет чем-то вроде недавнего китайского похода, в худшем случае — бурской войны.



Так японско-русское противостояние изображали карикатуристы

А между тем военное превосходство России было мнимым.

На одной из карикатур Россию и Японию очень верно изобразили как сонного медведя, повернутого спиной к тигру, изготовившемуся к прыжку. Дальний Восток действительно был «спиной» российской империи. Там у России имелось не более 100 тысяч солдат, разбросанных на обширном пространстве от Владивостока до Ляодуна: 20 тысяч защищали Порт-Артур, еще столько же стояли гарнизонами в Маньчжурии; остальные находились далеко, в Уссурийском крае. Транспортировка подкреплений с запада по одноколейной, еще не

вполне готовой Сибирской магистрали представляла собой огромную логистическую проблему.

Японцы же могли при мобилизации увеличить армию до полумиллионного состава и быстро переправить ее через Корейский пролив. В боевых качествах этих войск русским генералам скоро предстояло убедиться.

Еще хуже для России была ситуация на море. В целом российский флот был в несколько раз больше японского, но опять-таки в основном находился за тысячи километров от театра будущей войны. На Тихом океане соотношение было в пользу японцев, особенно по количеству быстроходных крейсеров и миноносцев.

Однако в Токио знали, что русские перебрасывают на Дальний Восток новые части, что готовятся к отправке корабли. Время работало на Россию и против Японии.

И тигр прыгнул.

В отечественной исторической литературе часто писали, что японцы напали неожиданно и коварно. Это не так. В те времена — в отличие от времен Пёрл-Харбора — империя Восходящего Солнца еще слишком заботилась о своем международном престиже и стремилась вести себя «по-европейски».

Двадцать четвертого января (6 февраля) 1904 года посол Курино известил российское министерство иностранных дел о разрыве отношений — в дипломатической практике это было прямым предупреждением о переходе конфликта в военную стадию, так что о неожиданности говорить не приходится. Международная конвенция о том, что началу военных действий должно предшествовать «предварительное и недвусмысленное предупреждение», будет принята только в 1907 году, на Гаагской конференции.

Япония нанесла удар через два дня после ноты своего посла.

Немаленькая и непобедоносная война

Ход военных действий будет подробнее описан во второй, «хронологической» части книги. Пока ограничусь общей фабулой.

Иначе чем избиением этот полуторагодовой позор назвать трудно. В российской истории прежде еще не случалось войн, состоявших из

сплошных неудач. Даже в злосчастной Крымской эпопее все же было две победы — Синопское сражение и взятие крепости Карс. Кроме того, Россия противостояла коалиции ведущих держав, теперь же она не могла справиться с небольшой азиатской страной, которая европейцам казалась каким-то кукольным домиком.

Молодая империя оказалась крепче пожилой. Русская армия, считавшаяся самой мощной в мире, терпела поражение за поражением.

Главная борьба велась за Порт-Артур, где базировалась русская Тихоокеанская эскадра. Это был ключ ко всему Китаю. Расстояние от Японии и от российской дальневосточной границы до Порт-Артура было примерно одинаковым, но японская армия преодолела его по морю намного быстрее и осадила крепость. Гарнизон был сильным, артиллерия мощной, в гавани стояли боевые корабли. Это позволило портартурцам продержаться несколько месяцев.

Всё это время основная русская армия пыталась прорваться на полуостров и деблокировать город, а японцы успешно мешали этому.

После трех неудачных сражений — на реке Ялу, под Ляояном и на реке Шахэ — стало ясно, что русские войска прорваться к Порт-Артуру не смогут, и в декабре 1904 года крепость капитулировала.

После этого продолжать войну смысла уже не было, и Россия вела ее в расчете добиться хотя бы неунизительных условий мира — ради «спасения лица». К тому же на Дальний Восток с противоположного конца земного шара, с Балтики, спешили две эскадры, основные силы флота. Выручить Порт-Артур они не успели, но была надежда, что на море российский флаг покажет себя лучше, чем на суше.

С армией-то было совсем плохо. В феврале 1905 года она еле спаслась после Мукденского разгрома, потеряв больше трети своего состава (притом значительную часть пленными).

Надежды на флот рухнули в мае, когда адмирал Того с обидной легкостью уничтожил в Цусимском проливе эскадру адмирала Рожественского. Стоило ради этого преодолевать тридцать тысяч километров! Само слово «Цусима» стало нарицательным как символ позорной неудачи.

Японцы потешаются над русской армией. *К. Утагава*

В это время в России, народ которой был потрясен чередой поражений, происходили масштабные беспорядки, грозившие развалить империю изнутри.

Кроме того надвигался финансовый кризис. Военные расходы составили колоссальную сумму — два с половиной миллиарда рублей. «Дальнейшее ведение войны было возможно, только прибегнув к печатанию бумажных денег (а министр финансов в течение войны и без

того увеличил количество их в обращении вдвое, с 600 миллионов на 1200 миллионов рублей), т. е. ценою полного финансового, а затем и экономического краха», — пишет Витте.

В не менее тяжелом положении находилась и Япония, располагавшая куда меньшими ресурсами. Она смогла так долго воевать лишь потому, что получила существенную денежную помощь извне — прежде всего от американских финансистов еврейского происхождения, враждебно настроенных к юдофобскому российскому правительству. (Об этом — в разделе, посвященном «национальным болезням» империи.) Однако к лету 1905 года и японская финансовая система находилась на грани банкротства.

Поэтому предложение о посредничестве, сделанное американским президентом Теодором Рузвельтом, было охотно принято обеими сторонами.

На переговорах в Портсмуте российскую делегацию возглавил Сергей Витте, в свое время тщетно отговаривавший царя от дальневосточной авантюры. Витте сумел выторговать условия, которые в Петербурге были восприняты с огромным облегчением. Россия уступала половину острова Сахалин и Ляодунский полуостров, а также признавала Корею японской «зоной интереса», зато не выплачивала контрибуции.

Очень довольный результатом, царь вскоре сделает кудесника Витте главой правительства и наградит графским титулом (недоброжелатели потом звали Сергея Юльевича «графом Полусахалинским»). В Японии же результат кровопролитной войны, обошедшейся стране в четверть миллиона убитых и раненых, наоборот, вызвал народные волнения — после стольких побед все ждали большего.

Но мир получился взаимовыгодным. Конфликт между двумя империями закончился компромиссом. Одна несколько потеснилась, умерив аппетиты, другая расправила крылья пошире.

Пять лет спустя, в 1910 году, Россия и Япония, уже добрые друзья, подписали соглашение по Китаю, поделив и его: Монголия и Северная Маньчжурия попали в русскую сферу влияния, Южная Маньчжурия — в японскую. Корею Токио, с согласия Петербурга, просто аннексировал. Россия активно колонизовала периферию КВЖД — проект «Желтороссия», хоть и несколько усохший, продолжал развиваться.

На уровне мировой расстановки сил проигранная война привела к некоторой корректировке в иерархии империй. Позиция Японии поднялась, позиция России опустилась. «Российская империя, в сущности, была военная империя; ничем иным она особенно не выдавалась в глазах иностранцев, — пишет Витте. — Ей отвели большое место и почет ни за что иное, как за силу. Вот именно потому, когда безумно затеянная и мальчишески веденная японская война показала, что однако же сила-то совсем не велика, Россия неизбежно должна была скатиться».

Провал «большой азиатской программы» Николая II имел и еще одно последствие, роковое.

Столкнувшись с преградой на Востоке, Россия вернулась к более традиционному вектору имперского интереса — балканскому.

Там как раз назревали серьезные события.

Балканская проблема

Взрывоопасный полуостров

Причина напряженности здесь была та же самая: Российская империя видела потенциал для расширения и не могла им не воспользоваться.

В результате упадка Османской державы, в свое время захватившей большой кусок европейского континента, развернулась активная борьба за дележ турецкого наследства. В России на уровне риторики и пропаганды это подавалось как помощь освободительному движению порабощенных народов, но фактически соперничающие империи, прежде всего австрийская и российская, конкурировали между собой за сферы влияния. Франция и Англия тоже постоянно вмешивались в балканские дела — главным образом чтобы не допустить чрезмерного усиления России.

Начиная с греческого восстания 1820-х годов, в регионе неоднократно завязывались войны, в которых участвовали отнюдь не только обитающие здесь народы. Последним большим вооруженным конфликтом было столкновение Турции с Россией, Румынией, Сербией и Черногорией во второй половине семидесятых годов, опять

закончившееся вмешательством западных держав. Они заставили Петербург отказаться от вытребованных у побежденной Турции условий мира и навязали другие, менее выгодные.

В последней четверти девятнадцатого века на европейской карте появилось несколько новых стран, которые постоянно испытывали на себе давление империй, а иногда и извлекали для себя выгоду, лавируя между Веной, Петербургом, Берлином, Лондоном и Парижем. При этом отношения между балканскими странами тоже были непростыми.

Положение усугублялось тем, что «европейский больной» Турция всё больше хирел.

Начало царствования Николая II совпало с очередным кризисом. В 1896 году на Крите вспыхнуло антитурецкое восстание, вскоре поддержанное Грецией. Турецкая армия так вяло сопротивлялась греческим войскам и даже плохо вооруженным повстанцам, что в Петербурге возникла идея окончательно решить старинный «турецкий вопрос»: ввести флот в Босфор и взять проливы под свой контроль. В военном отношении сделать это было нетрудно, но наверняка возникли бы осложнения с державами. Поколебавшись, молодой император решил не рисковать. «Государь не пожелал нанести удар, который рикошетом мог привести к большому европейскому столкновению», — пишет Ольденбург.

Вместо этого, развязывая себе руки для дальневосточной экспансии, российское правительство предпочло наладить отношения с Австро-Венгрией. Две империи договорились поддерживать на Балканах статус-кво, и там ненадолго возникло затишье.

Это равновесие было очень хрупким. Расклад сил выглядел следующим образом.

Самой большой территорией по-прежнему владела **Османская империя**, в политическом отношении постепенно сближавшаяся с Германией, которая делала активные инвестиции в турецкую экономику, прежде всего в железнодорожное строительство. Кайзер Вильгельм II поддерживал тесные отношения с султаном Абдул-Хамидом II и даже лично посещал его, что было беспрецедентно для западно-восточных монархических отношений. В докладной записке российского МИДа в 1898 году говорилось: «Интимная дружба, соединяющая германского императора и турецкого султана, уже

привела к весьма осязательным политическим результатам и обещает в ближайшем будущем много сюрпризов».

Все остальные балканские государства относились к Турции с большей или меньшей степенью враждебности, но это единственное, что их объединяло. Политическая ориентация у этих стран была пестрая.

Балканы в начале XX века. *М. Романова*

В **Румынии** царствовал Карл I из династии Гогенцоллернов, по-родственному тяготевший к кайзеру. В 1886 году румынский король чуть было не стал и монархом Болгарии, но этому воспротивился Петербург, потому что тремя годами ранее король заключил оборонительный союз с «центральными державами». Это еще больше настроило Карла против Петербурга, однако в целом румынское

образованное общество симпатизировало Франции, а простой народ — православной России.

Примерно такая же ситуация сложилась в **Болгарии**, формально — автономном княжестве под эгидой Константинополя, на деле же независимом государстве. Болгарский народ был благодарен русским за 1878 год, но на государственном уровне отношения были холодными. Первоначальная дружба разрушилась из-за слишком бесцеремонной политики Петербурга, который вел себя в молодой стране как в собственной вотчине. В 1886 году Александр III даже прервал дипломатические отношения. При новом царе они восстановились, но сердечными не стали. Правитель Фердинанд I Саксен-Кобургский, в прошлом австрийский офицер, твердо держался Берлина и Вены. Кроме того, обладая самой сильной на Балканах армией (в свое время созданной русскими инструкторами), София вынашивала планы экспансии — в первую очередь за счет Турции, где жило много этнических болгар. Были у Болгарии и территориальные претензии к Румынии.

В **Греции** правил король Георг I, родственник и свойственник Романовых сразу по нескольким линиям. Правительство страны было русофильским, что в значительной степени объяснялось надеждой на поддержку России в будущей войне с Турцией. Афины, как и София, мечтали о гегемонии на Балканах. Там много писали и говорили о «Великой идее» — восстановлении греческой Византийской империи со столицей в Константинополе.

Но самым проблемным элементом балканского «карточного домика» являлась **Сербия**. Из-за географической близости к австро-венгерским владениям это королевство находилось под постоянным давлением со стороны Вены. Вследствие этого правительство и королевское семейство Обреновичей придерживались очень осторожного, скорее проавстрийского курса. Однако в стране преобладали противоположные настроения, а в армии и обществе крепло движение за создание единого южно-славянского государства. Поскольку значительная часть южных славян жили под управлением Австро-Венгрии, последняя считалась у сербских националистов заклятым врагом.

В мировой истории встречаются поразительные сюжеты, когда какое-то вроде бы малозначительное событие впоследствии имеет колоссальные последствия.

Именно это произошло, когда молодой сербский король Александр из династии Обреновичей вступил в мезальянс с дамой, которая очень не нравилась подданным. Королева Драга имела несчастное свойство плодить врагов, к тому же она была на 15 лет старше супруга и не могла произвести на свет наследника. Несколько горячих голов, офицеров сербской армии во главе с 26-летним капитаном Драгутином Димитри́евичем, пламенные сторонники идеи «Югославии», единого государства сербов, хорватов и словенцев, составили заговор и в 1903 году умертвили королевскую чету.

В ту эпоху монархов убивали довольно часто, и переворот в третьестепенной стране произвел на Европу впечатление только своей экзотической «балканской» свирепостью: заговорщики не только застрелили Александра и Драгу, но еще и зверски искромсали их трупы.

В Сербии решительного Димитриевича провозгласили «спасителем отечества». Поверив в свою миссию, он создал тайную организацию «Черная рука», которая намеревалась добиваться великой цели славянского объединения любыми, в том числе террористическими методами. В 1914 году боснийские заговорщики, связанные с сербской разведкой, убьют наследника австрийской короны — а заодно подпишут смертный приговор всем империям, боровшимся за Балканы: и российской, и австрийской, и германской, и турецкой.

В результате переворота сербский престол занял Петр I из рода Карагеоргиевичей. Эта семья поддерживала давние, прочные связи с царским двором, и новая власть заняла отчетливо пророссийскую и антиавстрийскую позицию.

«Статус-кво» был нарушен. В Вене забеспокоились, видя, что баланс сил склоняется в пользу России.

Тревогу австрийцев вызывала и **Черногория** — не столько сама эта страна, очень маленькая (300 тысяч жителей), сколько активность дочерей черногорского короля Николы. Анастасия и Милица были замужем за русскими великими князьями и, будучи дамами весьма

влиятельными, занимались в Петербурге антиавстрийским политическим лоббированием.

Ослабление России после японской войны, а затем изменение ситуации в Турции подтолкнули Австрию к акту, который запустил цепную реакцию, закончившуюся мировой войной.

Петр Карагеоргиевич и убийство сербской королевской семьи. *«Ле пти журналь»*

Обострение

Летом 1908 года деспотический режим Абдул-Хамида II зашатался. В Турции сформировалась политическая сила, желавшая реформ и обновления угасающей империи. Движение называлось «младотурецким», и его костяк действительно составляла офицерская молодежь. Победа мятежников была половинчатой. Султан поступился частью власти, согласившись на парламентские выборы, но готовил реванш. В стране установилось двоевластие.

Этим кризисом воспользовался сначала Фердинанд Болгарский, объявивший о том, что его страна отныне полностью суверенна, и принявший титул царя. Австро-Венгрия отреагировала на турецкие события тем, что присоединила Боснию и Герцеговину, которыми в течение предыдущих тридцати лет управляла, но не владела. Мотивировка была своеобразной: неприлично держать тамошнее население в условиях, невыгодных по сравнению с соседней Турцией, где теперь конституция и парламент. Пусть-де славяне Боснии и Герцеговины тоже получат свое представительство в австрийском рейхсрате.

Если декларация Болгарии особенного резонанса в мире не вызвала, то австрийский демарш чуть было не привел к большой войне. В Петербурге он был воспринят как акт агрессии. С одной стороны, в австро-германо-русском соглашении 1881 года содержалась статья, по которой Вена имела право аннексировать эти две провинции «в то время, когда найдет это нужным». С другой стороны, более позднее соглашение 1897 года вроде бы вносило в это условие коррекцию. Как обычно в таких случаях, каждая сторона приводила аргументы, которые подтверждали ее позицию.

Сербия и Черногория объявили мобилизацию и, естественно, ожидали помощи от России. Германия подтвердила, что в случае войны придет на помощь австрийскому союзнику.

Шесть лет спустя очень похожий конфликт приведет к мировой войне, но в 1908 году еще не оправившаяся после дальневосточных потерь Россия была вынуждена уступить. Это, однако, не означало, что она бросает Сербию на произвол судьбы, то есть выводит ее из своей сферы влияния. Совсем наоборот.

С этого момента активность русского правительства на Балканах и особенно в Сербии усиливается. Российская армия приступает к форсированной модернизации. Всем понятно, что две империи

столкнутся вновь, и не где-нибудь, а именно в этом проблемном регионе.

Но ситуация на Балканах была воспаленной и без австрийско-российского противостояния.

Турция продолжала слабеть. Осенью 1911 года итальянские войска высадились в Ливии, которая принадлежала Османской империи. Началась война, в которой расшатанная внутренними раздорами Турция терпела неудачу за неудачей.

В следующем году вспыхнули восстания в Македонии и Албании. Турецкие власти, как обычно, ответили репрессиями. Это дало повод четырем соседним странам — Черногории, Болгарии, Сербии и Греции — заступиться за угнетенные народы.

Турок громили на всех фронтах, и успешнее всего болгары. Бои продолжались всего месяц, потом Стамбул запросил мира.

Но тут младотурки, уязвленные национальным позором, устроили очередной переворот. Захватив власть, они продолжили боевые действия.

Воевали еще полгода, после чего и новому турецкому правительству пришлось признать поражение. Однако, отдавая коалиции почти все свои европейские владения, турецкие дипломаты поступили очень хитро: победители сами должны были распределить, кому что достанется.

«Великая идея» Афин, «Великая Болгария» Софии и югославская мечта Белграда плохо сочетались между собой. Австрийские агенты подливали масла в огонь, ссоря союзников — Балканский союз в Вене считали потенциально пророссийским, а стало быть, опасным.

Балканы накануне Первой мировой войны. *М. Романова*

Уверенная в своем военном превосходстве Болгария напала на Сербию и на Грецию, но тем на помощь пришли Турция и Румыния, имевшая к Болгарии территориальные претензии. Сразу на четырех фронтах болгарская армия сражаться не могла. Царь Фердинанд признал поражение.

По условиям Бухарестского мира Болгария должна была уступить Румынии южную часть Добруджи, отказаться от Македонии и вернуть Турции захваченную ранее Адрианопольскую область.

В ходе двух этих войн погибло около четверти миллиона человек, а балканский узел затянулся еще туже. Принцип «разделять и

властвовать» сработал в пользу Габсбургской империи. «Балканский союз» рассыпался.

Сербия и Черногория остались в российской сфере влияния, Болгария и Турция окончательно связали свою политическую судьбу с «центральными державами», Румыния колебалась.

Империи готовились к следующему раунду борьбы.

Национальные «вопросы»

Третий болезнетворный процесс, национальная рознь, приобрел критические размеры, когда Россия поглотила большие инокультурные регионы со сложившейся национальной идентичностью. Следовательно это был побочный эффект второй «болезни», имперской.

Чем успешнее держава, чем шире ее границы, чем многочисленнее подвластные ей народы, тем больше противоречий между «главной» нацией и остальными. В Турции и Австро-Венгрии, где титульные этносы были в меньшинстве, национальный вопрос стоял еще острее. В начале XX века Османская империя уже разваливалась; «лоскутная» Габсбургская (23 процента австрийцев, 19 процентов венгров, все остальные — «меньшинства») тоже трещала по швам.

Ненамного лучше было и состояние российской «тюрьмы народов». Обидный термин был когда-то введен Астольфом де Кюстином, который, собственно, имел в виду все народы, обитавшие в несвободном царстве Николая I, включая и русский, но публицисты последующих времен использовали это выражение главным образом для описания национальной политики самодержавия.

Ее особенность заключалась не в том, что «великороссы» ставились в привилегированное положение сравнительно с меньшинствами. Иногда происходило прямо противоположное. Жители исконно русских областей, например, обладали меньшим объемом прав, чем население Финляндии, а русские крестьяне в девятнадцатом веке были угнетенней, чем прибалтийские или польские. Дискриминируя «чужих», государство не очень-то жаловало и «своих».

Разумеется, правильная государственная политика в многонациональной стране должна строиться на том, чтобы гражданам любого состава крови жилось одинаково хорошо. Но у царского правительства были иные приоритеты.

Главные усилия направлялись на достижение единообразия, на ассимиляцию. Для Николая I идеалом страны было нечто армейское, где все шагают строем, носят одинаковые мундиры и знают свое место в шеренге.

При Александре III, во многом вернувшемся к методам деда, этот курс был воскрешен, что соответствовало общей победоносцевской

идеологии «монолитности». Национальное своеобразие рассматривалось не как естественная сила и преимущество страны, а как дефект, угрожающий единству и стабильности.

Правительство ставило перед собой задачу постепенно привести империю к делению на стандартные административные единицы-губернии, безо всяких автономий и по возможности без этнокультурной пестроты. Но задача была невыполнимой. После приобретения новых азиатских территорий этнические русские теперь составляли менее половины населения. Официальная статистика завышала эту пропорцию, не выделяя украинцев и белорусов — и совершенно напрасно, поскольку насильственная русификация у многих тамошних жителей вызывала протест.

В общем, народностей в империи было много и проблем хватало у каждой, но некоторым нациям приходилось тяжелее, чем другим. Особенно болезненными при Николае II являлись три «вопроса»: польский, еврейский и финский.

Польский «вопрос»

Самая головоломная и масштабная из национальных проблем возникла после захвата Польши. Царская власть перепробовала все средства — и кнут, и пряник, причем неоднократно. Александр I и его брат, наместник Константин, пытались приручить поляков, но не преуспели. Николай I захотел поляков приструнить — и вызвал мощное восстание 1830–1831 годов, после чего в течение четверти века в покоренном крае безжалостно давили всякое национальное движение, не только политического, но и сугубо культурного свойства.

При Александре II, во времена «оттепели», другой Константин, глава либеральной партии, желал смягчить поляков милостями и послаблениями, чтобы продемонстрировать, как славно они могут жить под эгидой России. Но вольнолюбивый народ требовал независимости. В прекраснодушного великого князя стреляли, потом разразилось новое восстание, подавленное жесткими мерами.

У поляков отобрали последние вольности, само слово «Польша» стало крамольным, официально она стала называться «Привислинским краем».

При Александре III процесс «деполонизации» и «декатолизации» активизировался. Всё делопроизводство велось только по-русски, католикам запрещалось работать учителями, преподавание на польском языке не допускалось. Никакого местного самоуправления — ни земского, ни городского — западные губернии не получили, чтобы не создавать потенциальные организационные ячейки будущих мятежей.

Все активные борцы за независимость были сосланы или эмигрировали. Но неприятие русского владычества никуда не делось, просто приобрело затаенную, пассивную форму. Всем — в том числе и правительству — было понятно, что это мина замедленного действия, которая однажды взорвется.

Новый император попытался смягчить напряжение небольшими поблажками. Вышло дозволение поставить памятник Адаму Мицкевичу. Упразднили санкции против землевладельцев-шляхтичей, наказанных после восстания 1863 года особым налогом. Милостиво отменили обязательное посещение православных богослужений для католиков-учащихся. Наконец, в Варшаву назначили князя А. Багратиона-Имеретинского, про которого пишут, что он был «человек высокообразованный и приятный». Правда, в высочайшем рескрипте новому генерал-губернатору предписывалось заботиться о благе польского населения «наравне со всеми верноподданными державы русской *в неразрывном государственном единении*». Смысл инструкции был очевиден: особого статуса не будет, польские земли ничем не отличаются от остальных. То же заявил полякам и новый наместник, пообещав «споспешествовать не только их материальным интересам, но и духовным их потребностям, под одним непременным условием, чтобы они пребывали верными подданными Императора Всероссийского, сознавая себя гражданами единого и нераздельного русского царства».

Одной из первых поездок царя после коронации был визит в Варшаву, обставленный с всевозможной пышностью и сопровождавшийся милостивыми, но твердыми декларациями в том же роде.

После этого произошло то, что всегда происходит в обществе, находящемся под гнетом. С одной стороны, возникло движение, ратовавшее за компромисс с верховной властью — раз уж даже любимая поляками Франция заключила с Петербургом союз. К

сторонникам примирения большинство поляков относились презрительно, называли их «угодовцами».

Нашлись и люди решительные, непреклонные, готовые бороться за независимость любыми способами.

Ненависть к русскому засилью соединилась с ненавистью к самодержавию, поэтому движение приняло социалистический характер.

Подпольная организация называлась Польской партией социалистов (ППС). Из ее рядов впоследствии выйдут руководители будущей независимой страны.

Со временем партия поделилась на два крыла, одно из которых было в первую очередь социалистическим, а другое — в первую очередь националистическим. Симпатии польского общества в основном были на стороне второй группы, «ППС-революционной фракции», потому что в ней состояли люди действия, проводившие всякие героические (то есть кровавые) акции. Возникла «Боевая Организация ППС», одним из пунктов ее программы значился террор.

Двумя самыми громкими операциями боевиков были «Кровавая среда» и «экс» (ограбление) почтового вагона в Безданах.

В среду 15 августа 1906 года по всей Польше, в двух десятках городов, была проведена скоординированная акция по истреблению жандармов, полицейских и агентов Охранки. Всего произошло около ста «инцидентов», в том числе крупных, вылившихся в настоящие бои. Счет жертв с обеих сторон шел на сотни.

Организаторы хотели, продемонстрировав свою силу, вынудить власти отказаться от репрессий, но, естественно, достигли обратного эффекта. К этому времени наверху уже возобладали сторонники «жесткой линии», которая — с точки зрения правительства — отлично показала себя при подавлении московского восстания и бунта на Черноморском флоте. Массовые аресты и расправы заставили националистов-радикалов отказаться от вооруженной уличной борьбы.

Вторая акция, проведенная в 1908 году на станции Безданы (Литва), имела вид точечного удара. Партии нужны

были деньги, и она добыла значительную сумму, 200 000 рублей, напав на поезд, в котором везли собранные налоги. Устроено всё было очень технично, никто из нападавших не пострадал и не был пойман.

Самое примечательное в том, что среди грабителей были четверо будущих глав польского правительства, поэтому «экс» вошел в историю под названием «Акция четырех премьеров».

Боевик стреляет в полицейского. *Рисунок из польской социалистической газеты Robotnik*

Одним из четверки был Юзеф Пилсудский, ставший вождем национального движения.

Его жизненный путь — яркое подтверждение тезиса о том, что радикалов всегда плодит само полицейское государство. Двадцатилетним студентом Пилсудский был привлечен к следствию в качестве всего лишь свидетеля, и тем не менее угодил в пятилетнюю

сибирскую ссылку, после которой ему запрещалось жить в университетских городах, то есть завершить образование. Что ж, молодой человек нашел себе более волнующее занятие.

С именем Пилсудского связано важное изменение в стратегии ППС. Понимая, что партии собственными силами с мощью Российской империи не справиться, Пилсудский придавал большое значение помощи извне.

В 1904 году, во время войны, он и его соратники вступили в контакт с японцами, пообещав им разведывательную, диверсионную и пропагандистскую поддержку.

Пилсудский побывал в Токио. Он предложил создать легион из пленных солдат польского происхождения, но японцев этот проект не увлек — их больше интересовала организация диверсий на Транссибирской железной дороге.

Мечта о подготовке кадров для будущей национальной армии стала главной идеей Пилсудского. Когда отношения между Габсбургской империей и Россией ухудшились и стало ясно, что дело идет к войне, австрийцы позволили польским эмигрантам создать офицерские курсы. Сразу же после объявления войны была мобилизована первая рота польских легионов, которые участвовали в боях против русской армии и впоследствии стали кадровой основой Войска Польского.

Пока национальное движение все больше радикализировалось и набирало поддержку среди поляков, царское правительство тщетно пыталось найти решение для польского вопроса. В Петербурге хорошо понимали, какую опасность представляют антироссийские настроения в прифронтовой зоне, которой станет весь западный регион в случае войны. В следующем разделе будет рассказано, с каким сопротивлением пришлось столкнуться премьер-министру Столыпину при введении там земств, которые безусловно перенаправили бы общественную энергию в созидательное русло. Преемники Столыпина — Коковцов и Горемыкин — добивались отмены унизительного для поляков запрета говорить на родном языке в собственных органах местного самоуправления, но Государственный совет счел это вредным.

Начало военных действий в 1914 году наконец вынудило правительство к серьезным обещаниям. Полякам стали сулить

восстановление прежних прав и свобод — как при Александре Благословенном, то есть автономию под скипетром русского царя. «Под скипетром этим да возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении», — объявлялось в обращении Верховного главнокомандующего Николая Николаевича.

Но было поздно. В 1915 году территория Польши была занята германскими войсками, и впоследствии «вопрос» решался уже без российского участия.

Еврейский «вопрос»

Эта проблема возникла одновременно с польской — и по той же причине. Присоединив земли Речи Посполитой, империя получила в подданство евреев, составлявших значительный процент тамошнего населения. На рубеже XX века более половины евреев планеты, примерно шесть миллионов человек, обитали на территории России. По численности это была пятая народность империи (после русских, украинцев, поляков и белорусов). Однако евреи были существенно ущемлены в правах. Как писал граф И. Толстой, либеральный министр просвещения в период после Октябрьского манифеста: «…Власть исходит из предпосылки, что она в лице евреев имеет дело с основательно испорченным, преступным и почти неисправимым народом».

В стараниях «спасти русских людей от дурного влияния евреев», правительство учредило так называемую «черту оседлости», наследие средневековых гетто: иудеям дозволялось жить только в специально перечисленных польских, литовских, украинских и белорусских губерниях плюс в Бессарабии, причем не где угодно, а в городах (не во всех) и «местечках», но ни в коем случае не в деревнях, чтоб эти страшные люди не портили доверчивых крестьян. Покидать черту оседлости, даже временно, запрещалось — на это требовалось особое разрешение. (Впрочем вплоть до отмены крепостного права и значительная часть русских была лишена права свободного перемещения.)

В девятнадцатом веке государственная юдофобия прошла через несколько стадий. Менее всего она была ощутима при Александре I. При Николае I политика по отношению к евреям имела отчетливо

ассимиляторский оттенок. Царя раздражало, что иудеи упорствуют в своей обособленности и непохожести. Поэтому вводились меры по ограничению еврейского самоуправления и русификации образования, а маленьких детей забирали в кантонисты, чтобы вывести из-под влияния среды и сделать «нормальными людьми». Переходя в православие, еврей считался русским и избавлялся от ограничений. (В личном плане железный император был скорее полонофобом, нежели юдофобом.)

Его преемник Александр II, следуя общему курсу на смягчение всяческих запретов, стал понемногу упразднять еврейские, а точнее сказать антиеврейские законы. Сначала разрешили свободно жительствовать купцам первой гильдии. Потом выпускникам университетов. Потом медикам. Потом — с ограничениями — ремесленникам высокой квалификации и солдатам, отслужившим в армии по рекрутскому набору.

И всё же через эти лазейки из гетто смогло выбраться не более четырех процентов еврейского населения. А после восшествия на престол Александра III государственный курс переменился. Тому было две причины. Первая — личная. Александр Александрович был классическим «бытовым антисемитом», уже не религиозного, а совершенно биологического свойства. Он не выносил и евреев, и тех, кто их защищает.

Витте, по взглядам вполне великорусский националист, пересказывает свою беседу с царем: «В первые годы моего министерства при императоре Александре III государь как-то раз меня спросил: «Правда ли, что вы стоите за евреев?» Я сказал его величеству, что мне трудно ответить на этот вопрос, и просил позволения государя задать ему вопрос в ответ на этот. Получив разрешение, я спросил государя, может ли он потопить всех русских евреев в Черном море. Если может, то я понимаю такое решение вопроса, если же не может, то единственное решение еврейского вопроса заключается в том, чтобы дать им возможность жить, а это возможно лишь при постепенном уничтожении специальных законов, созданных для евреев, так как в конце концов не существует другого решения еврейского вопроса, как предоставление евреям равноправия с другими подданными государя».

Но царю была ближе логика другого министра, обер-прокурора Победоносцева. Главный идеолог эпохи обосновывал дискриминацию

государственными соображениями. Адвокат Г. Слиозберг, одно время служивший помощником обер-прокурора Святейшего синода, так объясняет суть победоносцевской доктрины: «…Благодаря тысячелетней еврейской культуре евреи представляются элементом более сильным духовно и умственно; при темноте и некультурности русского народа борьба против более сильного в культурном отношении элемента, евреев, не представляется для него возможной; для того чтобы несколько уравнять шансы этой борьбы, является справедливым, с точки зрения правительства, поставить евреев в худшее правовое положение, при котором слабая способность окружающего населения бороться была бы уравновешена». Обидность столь низкой оценки собственного народа Победоносцевым, по-видимому, не ощущалась. Он опасался, что в условиях свободной конкуренции евреи «заполонят» высшие учебные заведения, «наводнят» промышленно-финансовую, юридическую, научную сферы, а не дай бог еще и проникнут на государственную службу. Не очень понятно, чем это было бы так страшно — не боялись же Романовы того, что неправославные россияне немецкого происхождения составляют диспропорционально высокий процент офицерства и чиновничества, но и Александр III, и его сын, унаследовавший отцовскую юдофобию, от подобной перспективы содрогались.

Особенным «жидомором» в августейшем семействе слыл великий князь Сергей Александрович. В начале его генерал-губернаторства из Москвы административным порядком было изгнано три четверти проживавших там евреев. (Выселили даже знаменитого живописца И. Левитана, но потом, по милостивому разрешению его высочества, так и быть, пустили обратно.)

Болезненным ударом для евреев, у которых всегда высоко ценилась тяга к образованию, стало введение в 1886 году процентного ограничения на прием в гимназии и университеты. Это не только существенно ограничивало путь к получению знаний и повышению социального статуса, но и лишало возможности выбраться из «черты оседлости».

Мера была не новой. Ранее, в 1864 году, той же дискриминации подвергли поляков — за участие в восстании. Ограничение против евреев Победоносцев объяснял соображениями справедливости: дай иудеям волю, и «при их склонности к наукам», они, составляя 5 %

населения, оставят русским 5 % университетских мест. В столичных учебных заведениях предписывалось удерживать евреев в пределах трех процентов.

На низовом уровне неприязнь к евреям принимала форму «погромов» — массовых насилий и грабежей.

Эти эксцессы чаще всего происходили самопроизвольно — просто потому, что у толпы было ощущение, что «евреев бить можно», за это от начальства ничего не будет.

> Так, например, произошел знаменитый кишиневский пасхальный погром 1903 года. Началось с драки на центральной площади. Потом при полном бездействии властей стали избивать, грабить, убивать евреев по всему городу. Началось со слухов о том, что 14-летний подросток был убит евреями в ритуальных целях. Слухи подогревала ежедневная кишиневская газета «Бессарабец». По требованию следователя, установившего истинного убийцу (родного дядю жертвы), газета напечатала опровержение, которое не произвело особого впечатления на уже сформировавшееся «общественное мнение».
>
> Есть много душераздирающих свидетельств «с еврейской стороны», но я приведу описание Ольденбурга, очень снисходительного к безобразиям царской эпохи (потому я этого автора так часто и цитирую — для равновесия с многочисленными ее обличителями). «Полиция, застигнутая событиями врасплох, растерялась; губернатор фон Раабен, благодушный старик, отставной генерал, метался по губернаторскому дому, телефонировал в участки, в казармы — где большинство офицеров и часть солдат были в отпуске из-за праздника Пасхи. В течение нескольких часов в городе царил хаос».
>
> Сотни еврейских лавок были разграблены, шестьсот домов разгромлены. Сорок пять человек убили, четыреста с лишним покалечили. «Благодушный старик» губернатор, ответственный за этот кошмар, отделался отставкой.
>
> Помимо прочего, это был еще и позор на весь мир. Вскоре он будет иметь для России очень серьезные последствия, о которых чуть ниже.

Еврейский погром. *Х. Новодворский*

Однако с обострением внутриполитической ситуации в бурный период 1905–1907 годов власти начинают использовать погромы как инструмент переориентации народного недовольства из социального в национальное русло.

В 1906 году местные власти инициировали еврейский погром в Седльце (Восточная Польша). Это была расплата за убийство полицейского офицера во время состоявшихся перед этим атак «Кровавой среды». (Террорист-поляк был наряжен евреем.)

Особенность погрома заключалась в том, что его готовили чины Охранки, а насилия творили солдаты специально переведенного в местечко Либавского полка. Была устроена провокация — якобы евреи-революционеры первые начали стрелять в военных, и потом солдатам разрешили грабить дома. 26 жителей были убиты, сотни ранены.

Другой подобный эпизод, произошедший в Гомеле, описывает Витте: «Там в декабре [на самом деле в январе 1906 года] последовал жестокий погром евреев… Расследованием неопровержимо было установлено, что весь погром был самым деятельным образом организован агентами полиции под руководством местного жандармского офицера графа Подгоричани, который это и не отрицал. Я потребовал, чтобы Дурново [министр внутренних дел] доложил это дело совету министров… По обыкновению, был составлен журнал заседания, в котором все это дело было по возможности смягчено. Согласно закону, журнал был представлен его величеству. На этом журнале совета министров Государь с видимым неудовольствием… положил такую резолюцию: “Какое мне до этого дело? Вопрос о дальнейшем направлении дела Подгоричани подлежит ведению министра внутренних дел”. Через несколько месяцев я узнал, что граф Подгоричани занимает пост полицеймейстера в одном из черноморских городов».

Но провокации, направленные на то, чтобы натравить народные низы на евреев, затевались не только на местном уровне. Тот же Витте рассказывает, как узнал о существовании в департаменте полиции особого отдела, «который фабрикует всякие провокаторские прокламации, особливо же погромного содержания, направленные против евреев». Руководил отделом ротмистр Комиссаров, впоследствии видный деятель тайной полиции.

Другим отвратительным проявлением государственного антисемитизма были судебные процессы, призванные разжечь ненависть к евреям.

> В 1900 году виленского фельдшера Давида Блондеса обвинили в попытке убийства христианки с целью «добыть крови для мацы». Расследование было поручено следователю «по важнейшим делам». Суд проходил предвзято, с многочисленными нарушениями. Несмотря на всякие несуразности, Блондеса признали виновным. Потом, на кассации, приговор отменили, но целый год правые газеты ссылались на решение суда как на доказательство страшных еврейских ритуалов.
>
> Еще известнее было дело Менделя Бейлиса, киевского приказчика, которого в 1911 году обвинили в ритуальном убийстве православного мальчика. Очень влиятельные силы в правительстве, полиции и прокуратуре делали все возможное, чтобы добиться обвинительного приговора. Следователей, которые пытались работать с другими версиями, отстраняли; правые газеты соответствующим образом настраивали публику, а стало быть, и будущих присяжных.
>
> В глазах всего мира процесс выглядел так, будто на нем судят не Бейлиса, а дикое российское самодержавие, всерьез верящее в средневековые бредни.
>
> В конце концов подсудимый был оправдан, но вся эта двухлетняя эпопея являлась мощной пропагандистской антисемитской кампанией, которую организовало и оплачивало государство.

Однако в правительстве были и люди, выступавшие за отмену еврейской дискриминации: кто-то, как Витте, из прагматических соображений, кто-то, как процитированный выше граф И. Толстой, из этических. Последний в бытность министром просвещения своим указом даже отменил процентную норму для высших учебных заведений. После Октябрьского манифеста на реформистской волне среди прочих послаблений был разработан проект расширения прав еврейского населения. Это предложение даже одобрил совет министров, но император был против.

С подавлением революционных выступлений началось движение в обратную сторону.

Процентную норму в 1908 году не только восстановили, но еще и наложили запрет на поступление евреев в целый ряд учебных заведений (в том числе почему-то в столичные театральные училища). В 1911 году перекрыли еще одну лазейку для получения образования: распространили процентную норму и на сдачу гимназического курса экстерном. В 1912 году новые ограничения распространились на адвокатскую профессию: уже действующих присяжных поверенных не тронули, однако впредь воспретили принимать евреев в эту корпорацию без разрешения министра.

Произошел еще один существенный сдвиг. В том же году поражение в правах, прежде касавшееся только лиц, исповедующих иудаизм, впервые распространилось на весь народ по принципу крови. Даже крещеных евреев и их потомков вплоть до четвертого колена перестали принимать в кадетские корпуса, производить в офицерские чины и допускать в Военно-медицинскую академию. (Перед 1914 годом, когда обнаружится катастрофическая нехватка офицерского корпуса и военных медиков, это было, конечно, сомнительным проявлением государственной мудрости.)

Последним по времени и самым массовым актом юдофобии самодержавия было повальное выселение еврейского населения из прифронтовых областей во время войны.

В 1915 году, на фоне военных неудач, в стране поднялась волна шпиономании. Надо было на кого-то свалить ответственность за поражения. Досталось прежде всего русским немцам, которые тоже познакомились с погромами, но применительно к евреям гонения приняли беспрецедентно массовый характер.

Было объявлено, что среди шпионов очень высок процент евреев. (Если учесть, что в «черте оседлости» евреи часто составляли большинство населения, удивляться тут нечему.) Поэтому — абсолютно так же, как три десятилетия спустя сделает Сталин с репрессированными народами, — вообще всех евреев заставили покинуть свои дома и под угрозой смертной казни отправляться на восток.

С мест были принудительно согнаны то ли пятьсот, то ли шестьсот тысяч человек. Многие из них не получили ни транспорта, ни питания,

ни размещения. Сколько людей при этой массовой репрессии погибло, в условиях войны никто не подсчитывал.

На этой драматической ноте дореволюционная история российского еврейства и заканчивается.

Но обостренность этого национального «вопроса» не ограничивалась давлением со стороны государства. Вражда была обоюдной, поскольку далеко не все евреи мирились со своим постоянно ухудшающимся положением.

Конечно, большинство пытались как-то приспособиться — благо исторического опыта было не занимать. С этой частью еврейского населения у правительства особенных проблем не возникало.

Другая часть, более динамичная, предпочитала уехать из страны-мачехи в другие края, где к евреям относились лучше.

Всего в эпоху государственного антисемитизма, то есть в правление Александра III и Николая II, из России эмигрировали почти два миллиона человек: более 80 % в США, остальные в Англию, Канаду, Аргентину, Палестину.

Самодержавие совершенно не препятствовало оттоку представителей нежелательной нации и лишь требовало перед отъездом обязательства никогда не возвращаться. Российские евреи, среди которых было много людей активных и способных, а также их потомки внесут свой вклад в развитие экономики, культуры и науки других стран, прежде всего США. Но потери «человеческого капитала» никого в правительстве не заботили (тогда и самого этого термина еще не существовало).

Беспокойство вызывал лишь третий тип еврейской реакции — сопротивление. Сталкиваясь с таким количеством несправедливостей, многие шли в оппозицию, а самые смелые и темпераментные — в революцию. Удивительно, если бы этого не произошло. Даже Столыпин как-то сказал: «Евреи бросают бомбы? …Если бы я жил в таких условиях, может быть, и я стал бы бросать».

Традиционное представление о евреях как о забитой, робкой, безответной массе разрушалось. Процент «лиц иудейского происхождения» в революционном и особенно террористическом движении был так высок, что правая печать стала писать о революции как о «еврейской заразе» — с точки зрения монархистской идеологии

это должно было дискредитировать бунтарство в глазах народа. «Конечно, далеко не все евреи сделались революционерами, — пишет Витте, — но несомненно, что ни одна национальность не дала в России такой процент революционеров, как еврейская».

В 1897 году возник «Бунд», «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России», социалистическая организация не классово-интернационалистской, а классово-националистической идеологии. Партия «еврейского пролетариата» выступала против ассимиляции и сионистской эмиграции. Своей задачей она считала объединение восточно-европейского еврейства на принципах национально-культурной автономии. При этом агитацией Бунд не ограничивался, при необходимости его сторонники брались и за оружие.

В политику в основном шли молодые люди из образованных семей — многие из-за того, что не имели возможности учиться и, как теперь сказали бы, из-за отсутствия «социальных лифтов». У еврейской бедноты, то есть на низовом уровне, имелся еще более насущный мотив, побуждавший к действию, — защита своих семей от насилия.

В ответ на погромы возникают отряды «еврейской самообороны», в которых участвуют отнюдь не только революционеры.

> Первый раз погромщики встретили сильный отпор в 1903 году во время гомельских беспорядков. Началось с драки на рынке между русскими и еврейскими рабочими, причем вторые взяли верх. Тогда собралась толпа мстителей, отправилась громить еврейские кварталы, но столкнулась там с сопротивлением, в том числе вооруженным. На помощь «своим» пришли солдаты, открывшие огонь по евреям. В результате столкновений число жертв с обеих сторон оказалось примерно равным.
>
> В 1906 году в Белостоке повторилось то же самое — солдаты помогли погромщикам. Убитых и раненых среди евреев здесь было в несколько раз больше, чем среди их противников, но это было не избиение, а бой.

Однако, пожалуй, самый большой ущерб империи нанесло не «внутреннее», а «внешнее» еврейство. В девятнадцатом веке в западном мире сложилось несколько финансовых империй, основанных

этническими евреями. Руководители этих могущественных корпораций считали своим долгом помогать единоплеменникам, оказавшимся под властью «Фараона» и «Валтасара», то есть русского царя.

Европейские магнаты-евреи главным образом оказывали поддержку эмиграции. Француз барон Эдмонд де Ротшильд потратил сорок миллионов франков на обустройство еврейских поселений в Палестине. Международный банкир и железнодорожный деятель барон Мориц Гирш пожертвовал семь миллионов фунтов на создание Еврейского колонизационного общества, которое отправляло евреев в Южную Америку.

Подобная филантропия самодержавию ничем не угрожала, но иначе повели себя американские банкиры еврейского происхождения.

Один из них, Джейкоб Шифф, считал делом своей жизни борьбу с самодержавной Россией. Триггером для него стал отвратительный кишиневский погром 1903 года. С этого момента Шифф начинает свою личную войну с царем.

Джейкоб Шифф

Это был человек энергичный и методичный, обладавший большим влиянием и обширными связями, один из лидеров бизнес-сообщества США и американской еврейской общины. В канун дальневосточной войны Шифф развернул деятельность по финансовой поддержке

Японии. Небогатая островная империя сумела выдержать бремя расходов только благодаря этой помощи. Считается, что половина японского военного бюджета была обеспечена льготными ссудами, добытыми Шиффом.

Царское правительство было очень обеспокоено активностью знаменитого финансиста и пыталось как-то его утихомирить. Министр внутренних дел Плеве пригласил Шиффа приехать для переговоров. Тот ответил, что согласится на это лишь при условии отмены визовых ограничений для всех евреев. Визит не состоялся.

Потом в Америке с «главой еврейского финансового мира» встречался Витте и пытался ему объяснить, что «предоставление сразу равноправия евреям может принести им более вреда, нежели пользы». Эта позиция Шиффу, разумеется, понравиться не могла.

Он вредил чем мог царскому правительству и после войны, иногда весьма ощутимо. Помогал революционерам, лоббировал антироссийские шаги американского правительства. В результате президент Тафт в 1911 году не стал продлевать двухсторонний договор о торговле — в качестве санкции за дискриминацию евреев при выдаче российских виз.

В общем, еврейский «вопрос» был незаживающей язвой, наносившей вред российскому государству сразу в нескольких сферах.

Финляндский и другие «вопросы»

Если еврейский и польский «вопросы» были уже застарелыми, то новый очаг напряженности, в тишайшей доселе Финляндии, возник лишь в конце девятнадцатого столетия.

В 1809 году великое княжество вошло в состав империи на таких привилегированных условиях, что повода для возмущений у тамошнего населения не возникало. Суровый Николай I ставил дисциплинированных, верноподданных финляндцев в пример другим менее спокойным народам.

Это была полностью автономная провинция, где действовала конституция, работал парламент-сейм, имелась собственная юрисдикция, своя армия с полицией и даже таможенная граница с Россией. Связь с центральным правительством велась через особого

министра, статс-секретаря по делам Финляндии. На эту должность по традиции назначались сановники, имевшие финское гражданство.

Но при Александре III с его стратегией унификации государственного устройства и тотальной русификации существование некоего автономного анклава, резко выделявшегося на фоне остальных структурных единиц империи, стало чем-то вроде красной тряпки. Особенное недовольство государя вызывало освобождение финнов от воинской повинности.

Государь твердо решил исправить это упущение и даже создал специальную комиссию, но умер прежде, чем ее работа завершилась.

Николай Александрович, пообещав во всем следовать политике отца, продолжил эту линию — и немедленно создал финляндский «вопрос».

В 1898 году царь назначил генерал-губернатором Н. Бобрикова, который начал действовать с военной решительностью. В его программу входило упразднение финляндской армии, переход на русский язык, отмена таможенного барьера и общий пересмотр статуса автономии. Статс-секретарем по делам княжества был назначен В. Плеве, что вызвало в маленькой стране (*пока еще* стране) бурю возмущения — Плеве не имел финляндского гражданства и был известен как реакционер.

Вышел манифест о введении на территории княжества общеимперского законодательства. Сразу же начались массовые манифестации — явление для этой мирной части империи небывалое.

Первое время протест был вполне законопослушным. Под петицией на высочайшее имя о соблюдении обещаний, данных Александром I девяносто лет назад, собрали 500 тысяч подписей, и пятьсот почтенных граждан отправились вручать прошение государю. Но царь их не принял.

Дальнейшие административные решения правительства только обостряли ситуацию.

Газеты оппозиционного толка закрывались. Самых активных протестущих безо всякого разбирательства, просто решением начальства, высылали за границу. В 1901 году военнообязанных решили призывать в русскую армию на общих основаниях. Тут взбунтовался даже сейм, отказавшийся принять этот закон. Тогда царь утвердил его без сейма. На всякий случай маленькую финляндскую

армию (пять с половиной тысяч человек) расформировали. Однако, учитывая настроение финских молодых людей, на деле призывать их так и не стали. В конце концов, в 1904 году финн шведского происхождения Эйген Шауман застрелил ненавистного Бобрикова и застрелился сам. Террориста оплакивали как национального героя.

Этот акт, совершенный одиночкой, был продолжен целой организацией, Партией активного сопротивления (в противоположность ненасильственному «пассивному сопротивлению»). Своей целью члены партии заявляли не восстановление автономии, а полную независимость от России. По своим взглядам это были отнюдь не социалисты, но они считали русских революционеров союзниками в борьбе с самодержавием и охотно им помогали. На финляндской территории они вели агитацию среди населения и устраивали покушения на ревностных слуг режима, но понимали, что Финляндия обретет свободу лишь с падением царизма, поэтому деятельно участвовали в подготовке вооруженного восстания в России.

Летом 1905 года лидер Партии активного сопротивления К. Циллакус по примеру Пилсудского связался с японской разведывательной резидентурой и получил от нее деньги на закупку оружия. В это время Япония уже еле держалась под тяжестью военных расходов и готова была использовать любые средства для ослабления противника — пусть даже революционные.

Зафрахтованный Циллакусом английский пароход доставил в Финляндию почти двадцать тысяч единиц огнестрельного оружия. Корабль сел на мель и был взорван командой. Но, если бы содержимое его трюма добралось до подпольщиков, итоги декабрьского восстания в Москве могли бы быть иными.

Могила Эйгена Шаумана

После того как правительство победило революционеров и восстановило в империи порядок, курс на «русификацию» великого княжества был продолжен. В 1910 году, невзирая на протесты сейма и всего общества, был провозглашен новый статус Финляндии. Сейм

теперь имел лишь «совещательный голос». Вся полнота власти находилась в руках администрации.

К началу великих испытаний военного времени бывший беспроблемный регион был насквозь проникнут антироссийскими настроениями. В царской армии финны воевать так и не будут, зато многие вступят добровольцами в «егерские батальоны», созданные германским командованием.

В 1917 году Финляндия первой, при единодушной поддержке населения, выйдет из состава России.

Помимо трех главных национальных «вопросов» были и другие, тоже непростые.

На Северном Кавказе, который официально считался «замиренным» с 1864 года, когда был подавлен последний очаг организованной борьбы, полного спокойствия так и не наступило. У горных народов сохранялись антироссийские настроения, периодически приводившие к кровавым инцидентам.

М. Лорис-Меликов в бытность начальником Терской области докладывал, что единственным способом покорить Кавказ является изменение этнических пропорций населения: «Основательное водворение наше на Северном Кавказе будет закончено тогда, когда и терский казачий элемент численностью своею будет, по крайней мере, равносилен туземному, живущему на плоскости». С этой целью власти, с одной стороны, способствовали переселению казаков и крестьян в удобные для земледелия местности, а с другой — всячески поощряли (иногда провоцировали) эмиграцию «неспокойных племен», прежде всего черкесов и чеченцев в Турцию.

Этот процесс, начавшийся еще в 1860-е годы, растянулся на полвека. В общей сложности из родных мест уехало почти полмиллиона кавказцев.

Среди тех, что остались, особенно в горных районах, не утихало абреческое движение. Многие абреки просто разбойничали, жили грабежом, но были и люди идейные, которых правильнее было бы назвать «повстанцами» или «партизанами», поскольку они брались за оружие из религиозных или национально-освободительных побуждений.

Помимо того что абреки убивали представителей власти и наносили казне материальный ущерб, самим фактом своего существования они поддерживали в горных народах дух сопротивления российской власти. Знаменитые абреки пользовались поддержкой населения, их считали героями. Когда национальное чувство накладывалось на социальный протест, как это произошло в 1905 году, отдельные эксцессы перерастали в массовые волнения.

Самый знаменитый из этих народных героев, чеченец Зелимхан Гушмазукаев, оставался неуловимым больше десяти лет. О его акциях часто писали и центральные газеты. Осужденный за убийство из кровной мести, Зелимхан бежал из тюрьмы, собрал отряд и повел настоящую войну против представителей администрации. Он не только грабил банки, но и проводил сугубо политические акции.

Когда в 1905 году, подавляя беспорядки в Грозном, полиция открыла огонь по толпе и убила 17 человек, Зелимхан остановил пассажирский поезд и расстрелял точно такое же количество русских офицеров и чиновников. Совершал он и «казни возмездия», истребляя наиболее одиозных начальников. Местные жители укрывали и оберегали партизан, несмотря на репрессии и карательные экспедиции. (Однажды войска даже открыли артиллерийский огонь по аулу, где засели люди Зелимхана.)

Лишь в 1913 году знаменитого разбойника, получившего прозвище «наместник Кавказа», наконец выследили и убили.

Абреческого движения это, однако, не пресекло.

Еще одна зона постоянного национального напряжения возникла по вине колониальной администрации в Восточном Закавказье. Когда там — как и во многих других местах — во время японской войны начались социальные волнения, власти решили применить старинный метод «разделяй и властвуй». Среди армян революционные настроения были распространены больше, чем среди азербайджанцев, армянская националистическая организация «Дашнакцутюн» нападала на чиновников, и новому бакинскому губернатору князю М. Накашидзе пришло в голову использовать религиозные и этнические различия

между двумя народами, до сих пор более или менее мирно сосуществовавшими, чтобы одним пожаром погасить другой.

В феврале 1905 года в Баку произошел армянский погром. На несколько дней город превратился в настоящее поле боя. Было убито и ранено около полутора тысяч человек. Виновного в провокации губернатора взорвали бомбой, но разожженный им пожар не угас и с перерывами полыхает уже второй век. Армяно-азербайджанская вражда (тогда говорили «армяно-татарская», потому что власти не делали различия между тюркскими народами) стала постоянным фактором закавказской действительности.

Не было покоя и в недавно завоеванных среднеазиатских областях, где власти вели себя совершенно по-колонизаторски.

Главной проблемой было непонимание (и нежелание понять) особенности быта, социального уклада и традиций покоренных народов.

Рецепт был тот же, что на Северном Кавказе, — русификация. Правительство старалось переселить как можно больше «колонистов» из метрополии. За время царствования Николая II русское население Средней Азии увеличилось почти вчетверо, до 750 тысяч — и все равно составляло лишь одну десятую всех жителей.

Приобщить местные народы к общероссийской жизни власть даже не пыталась. Как уже говорилось, после учреждения Думы избирательных прав тамошнее население не получило.

Жертвы Бакинской резни

Антирусские настроения, питавшиеся угнетением, культурной дистанцией и религиозной враждой, периодически обострялись, перерастая в мятежи.

Так, в 1898 году под влиянием экзальтированного проповедника Дукчи-ишана произошло восстание в Андижане. Повстанцы хотели возродить Кокандское ханство, упраздненное русскими четверть века назад. Бунт был быстро подавлен силой оружия, зачинщики казнены или отправлены на каторгу.

Но во время мировой войны, когда основная часть расквартированных в Средней Азии войск отправилась на фронт, справиться с антирусским восстанием оказалось трудней.

Оно вспыхнуло летом 1916 года, когда вышел царский указ о мобилизации невоеннообязанных «инородцев» на тыловые работы. В Средней Азии предполагалось «реквизировать» почти полмиллиона мужчин — для нужд далекой и чуждой им войны.

Бунт начался во многих местностях, причем гнев мятежников обрушился не только на представителей власти, но и на русских переселенцев, в пользу которых часто отторгались самые лучшие земли.

На территории Туркестана было введено военное положение. Командующий А. Куропаткин, в распоряжении которого имелось только 30 000 солдат, перебрасывал войска из одного конца огромного региона в другой и не успевал тушить все новые и новые пожары.

Трудовая мобилизация была сорвана. Тысячи русских колонистов и десятки, если не сотни тысяч плохо вооруженных мятежников погибли.

К февралю 1917 года, несмотря на крайнюю жесткость репрессий, среднеазиатское восстание полностью так и не было подавлено.

Социальная структура

Самым свежим из хронических недугов страны был социальный: болезненная реакция на своего рода ортопедический корсет — сознательную политику Александра III, направленную на фиксацию межсословных перегородок.

Опасаясь потрясений, правительство стремилось затормозить размывание исторически сложившихся классов: в деревне сохраняло общину, мешавшую крестьянам превратиться в фермеров, то есть в полноправных собственников земли и самостоятельных хозяев; пыталось удержать от окончательного распада дворянское сословие, которое после отмены крепостного права превратилось в явный анахронизм; наконец, ставило искусственные преграды на пути народного образования, чтобы плебс не напитался опасными идеями.

Государственная идеология, сложившаяся во времена всесилия Победоносцева, считала эти меры не просто полезными, а совершенно необходимыми. Главной ценностью объявлялась стабильность, а она имела свою цену.

Увеличение числа сельских собственников, открытый доступ для простонародья к полноценному образованию неминуемо привели бы к возникновению сильного среднего класса, что является проблемой для любой недемократической власти. Вся европейская история последнего столетия убедительно подтверждала этот факт.

«Заморозка» социального прогресса дала заметный и довольно быстрый результат: в восьмидесятые и девяностые годы страна жила без потрясений. Однако вечно эта ненормальная ситуация длиться не могла. Препятствия на пути естественного развития вызывали в общественном организме воспаление.

Население страны на пороге XX века

Страна была очень большая, самая большая в мире — если не брать Китай, где точное количество людей никто сосчитать не пытался (страны Индии еще не существовало).

В так называемом «клубе великих держав» — в нем до японской войны состояло шесть членов — на втором месте по населению были

США (75 миллионов человек), на третьем Германия (55 миллионов), потом Австро-Венгрия (47 миллионов), французская и британская метрополии (примерно по 40 миллионов).

Всероссийская перепись 1897 года, впервые точно определившая число подданных империи, установила, что их, включая финляндскую автономию, 129 миллионов.

Грандиозная статистическая операция была тщательно подготовлена. За несколько дней 150 тысяч счетчиков произвели тотальный учет. Данные были обработаны на специальных электрических машинах с использованием перфокарт.

Правительство и прежде проводило подсчет населения, главным образом с податными целями, но те «ревизские сказки» были весьма приблизительны, и последняя по времени состоялась сорока годами ранее. За это время, как выяснилось, людей в стране стало на 70 процентов больше — в основном за счет появления земской медицины и снижения детской смертности.

Россияне были очень молоды, медианный возраст составлял всего 21 год. Судя по среднему размеру «домохозяйства» нормой была семья, имевшая четверых детей.

По подсчетам современного историка Б. Миронова, среднестатистическая продолжительность жизни в конце века равнялась 29 годам у мужчин и 31 году у женщин, что даже по тем временам было для европейской страны очень мало (в Англии соответственно 45 лет и 51 год, в Германии 46 и 50).

Безплатно.

№. Листа 85

205

ПЕРВАЯ ВСЕОБЩАЯ ПЕРЕПИСЬ

населенія Россійской Имперіи,

на основаніи ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ПОЛОЖЕНІЯ 5 Іюня 1895 года.

Губернія или область:	ПЕРЕПИСНОЙ ЛИСТЪ ФОРМА А.	Уѣздъ или округъ:
Кіевской губ		Сквирск уѣзда

Переписной участ. № 13 Счетный участ. № 7

Станъ № 3 или полицейскій участокъ № 3

(Подчеркнуть подлежащее названіе и проставить №).

Волость, гмина, станица или соотвѣтствующее имъ дѣленіе Романовской волости

Сельское общество или соотвѣтствующее ему дѣленіе Новоселицкое общество

Село, деревня или другое поселеніе на земляхъ сельскаго общества (прописать подробно какого рода поселеніе и его названіе).

с новоселица

Имя, отчество и фамилія хозяина двора Иванъ Васильевъ Рачмедынъ

Хозяинъ живетъ въ собственномъ-ли дворѣ? Собств. или на квартирѣ въ чужомъ дворѣ?

Сколько во дворѣ жилыхъ строеній? одно ½

Изъ чего каждое строеніе построено	Чѣмъ крыто.	Изъ чего каждое строеніе построено.	Чѣмъ крыто.
1 дерево	солома	6	
2		7	
3		8	
4		9	
5		10	

Примѣчаніе. Эти свѣдѣнія относятся къ цѣлому двору и заполняются только въ случаѣ, если хозяинъ живетъ въ своемъ дворѣ или занимаетъ весь чужой дворъ. Если-же во дворѣ живетъ нѣсколько хозяйствъ, то на переписныхъ листахъ каждаго изъ нихъ эта табличка оставляется безъ заполненія, а свѣдѣнія о числѣ жилыхъ строеній во дворѣ проставляются на отдѣльномъ переписномъ листѣ, на которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается подсчетъ по всему двору; въ этотъ листъ вкладываются переписные листы отдѣльныхъ хозяйствъ двора, какъ въ обложку.

Подсчетъ населенія въ день, къ которому пріурочена перепись.

Всего наличнаго населенія.		Постоянно живущаго здѣсь населенія.		Въ числѣ наличнаго населенія было лицъ некрестьян. сословій.		Приписаннаго здѣсь крестьянскаго населенія.	
Здѣсь проставляется итогъ всѣхъ тѣхъ лицъ (мужчинъ и женщинъ отдѣльно), противъ которыхъ въ 10-й графѣ проведена черта, а также тѣхъ, противъ коихъ отмѣчено «врем. преб.» и «врем. преб. со знакомъ V».		Сюда вносится общее число всѣхъ тѣхъ лицъ (мужчинъ и женщинъ отдѣльно), противъ которыхъ въ 9-й графѣ отмѣчено «здѣсь».		Здѣсь проставляется (изъ графы 6-й) общее число всѣхъ лицъ некрестьянскихъ сословій (мужчинъ и женщинъ отдѣльно), противъ которыхъ въ графѣ 10-й проведена черта, а также тѣхъ, противъ коихъ отмѣчено «врем. преб.» и «врем. преб. со знакомъ V».		Сюда вносится общее число всѣхъ лицъ (мужчинъ и женщинъ отдѣльно), противъ которыхъ въ графѣ 8-й отмѣчено «здѣсь» и «здѣсь къ волости».	
М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
4	4	4	4	—	—	4	4

Подпись счетчика, собиравшаго свѣдѣнія Клиссовъ

ГАЛЬВ. КЛИШЕ СЛОВОЛИТИЯ О. И. ЛЕМАНЪ, СПБ

ТОВАРИЩ. „ПЕЧАТНЯ С. П. ЯКОВЛЕВА“.

Переписной лист

Несмотря на стремительное развитие индустрии и рост городов в последние десятилетия, подавляющее большинство людей (87 %) по-прежнему жили в сельской местности. В самом крупном городе Санкт-Петербурге обитало менее 1,3 миллиона человек. На втором месте стояла Москва (1 миллион), других городов-«миллионников» не было. Для сравнения: в это время в Лондоне насчитывалось 5 миллионов жителей, в Париже — 2,5 миллиона, в Нью-Йорке — 3,5 миллиона.

Опросные листы были составлены таким образом, что два важнейших показателя — национальный состав и социальное положение — по переписи определяются с трудом.

Этническая принадлежность напрямую не выяснялась. Ее приходится вычислять, сопоставляя ответы на два вопроса: о вероисповедании и родном языке. То есть, скажем, крещеный городской бурят, не знавший языка предков, должен был засчитываться как русский.

Но и с русскими всё было непросто. Всего их получилось 84 миллиона (65 %), однако на «великорусском» говорили пятьдесят пять с половиной миллионов (то есть 43 %), а сколько среди них было русскоязычных православных инородцев — бог весть. Двадцать два миллиона считали родным языком украинский («малорусский»), шесть миллионов — белорусский, но тоже приписывались к итоговой графе «русский язык».

Другими крупными языковыми группами (которые, повторю, нельзя приравнивать к этническим) были польскоязычная — 8 миллионов, идишская — 5 миллионов, «киргиз-кайсацкая», не делавшая различия между киргизами и казахами, — 4 миллиона и татарская — 3,7 миллиона.

По конфессиональному критерию выходило, что в империи 70 % православных (к ним, впрочем, причислили и униатов со старообрядцами), 11 % мусульман, 9 % католиков, 5 % протестантов, 4 % иудеев.

Еще путаней с современной точки зрения выглядит отчет о социальной принадлежности.

В опросных листах выяснялось «состояние, сословие или звание», то есть понятия очень разного смысла. Нужно было писать: «бывший

владельческий (государственный, удельный) крестьянин», дворянин (потомственный или личный), «чиновник без дворянства», мещанин, почетный гражданин, купец такой-то гильдии и прочее.

Имущественное положение не учитывалось, поэтому определить классовый состав затруднительно. Крупный землевладелец крестьянского происхождения и батрак попадали в одну категорию. Графы «рабочий» вообще не было. В последующие годы публиковались целые исследования, чтобы высчитать размер этого класса, и у разных авторов цифры складывались разные.

На бумаге «состояния» (но не профессиональная и имущественная принадлежность) распределялись так: крестьян 77,5 %, 10,7 % мещан (куда входили и рабочие, хотя многие из них попали и в крестьяне, поскольку считали своим домом деревню), 1,5 % казаков и 1,5 % дворян. Шесть с половиной процентов значились как «инородцы», что обозначало не все национальные меньшинства, а лишь некоторые — ограниченные в правах: кочевники, малые народы Сибири, «население Закаспийской области» и, разумеется, евреи.

Современный проект «Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX — начала XX века. Анализ данных Первой всеобщей переписи населения 1897 года» определяет основные виды занятости следующим образом:

87 миллионов человек жили земледелием;

3,3 миллиона — состояли в прислуге;

3,2 миллиона относились к рабочему классу (повторю, что из-за размытости критериев и неоднозначности данных эта цифра очень приблизительная);

на удивление мало людей зарабатывали на жизнь коммерцией (1,3 миллиона) — из-за низкой покупательной способности населения и стойкости натурального хозяйства на селе;

зато военных было очень много — 1,1 миллиона, и это еще без казачьих округов.

Государственных служащих — при вечных жалобах на засилие чиновников — в то время насчитывалось всего 225 000, что для нормального управления почти 130-миллионным населением вообще-то недостаточно. На местном хозяйственно-социальном уровне эту работу в значительной степени выполняли земские деятели.

У Б. Миронова приводятся данные на 1910-е годы, когда административный аппарат существенно увеличился, и все равно в среднем приходилось по одному чиновнику на 161 жителя, а, скажем, во Франции коэффициент равнялся 1:57, и нужно ведь еще учитывать несопоставимость внутренних расстояний.

Россия была полна парадоксов. Бюрократическая империя с дефицитом бюрократов; земледельческая страна с недоразвитым институтом частного землевладения; дворянская монархия с быстро исчезающим дворянством; полицейский режим со скудным штатом полиции — по одному служивому на 2500 жителей (в сегодняшней России, например, этот коэффициент вдесятеро выше — 1:240).

Культурный уровень народа

При революции степень «бессмысленности и беспощадности» народного бунта зависит прежде всего от цивилизационного уровня основной массы населения. Чем люди беднее и темнее, тем легче ими манипулировать, тем неистовей разгул хаоса и жестокости. Главная причина того, что в 1917 году страна не удержалась в рамках демократической республики и провалилась в тоталитаризм, заключалась в ментальной неготовности тогдашних россиян к более сложной форме государственного устройства.

Проблема культурной отсталости очень заботила лучших представителей русского общества первой половины и середины девятнадцатого века. Первой по важности задачей они считали просвещение простого народа, мечтали о прекрасном будущем, «когда мужик не Блюхера и не милорда глупого — Белинского и Гоголя с базара понесет». Дела, однако, обстояли еще хуже: мужик и «глупого милорда» не очень-то нес с базара, поскольку в основной своей массе вовсе не умел читать.[3]

Когда после Крымской войны во власть попали либералы, они деятельно занялись развитием образования. О всеобщем обучении мечтать не приходилось, на это в казне не имелось денег и негде было взять столько учителей, однако делали что могли. Появились четырехклассные земские училища, в гимназию стали принимать детей низших сословий, и плата была невысокой. Культурной революции в стране это не произвело, потому что доступ к образованию все равно

получил очень небольшой процент населения, но в высшие учебные заведения хлынул поток способных, любознательных, а стало быть, общественно активных юношей из народной гущи. Они видели, что в существующей сословной системе их возможности очень ограниченны, остро ощущали эту несправедливость — и радикализировались.

Власть тревожило, что среди революционеров высока пропорция выходцев из «разночинной» и крестьянской среды. Государственные мужи консервативного толка винили в этом образование. Их логика заключалась в том, что «в многих знаниях много печали» — не следует заронять в умы сословий, предназначенных для физической работы, слишком высоких стремлений, это опасно для государственной стабильности. Как говорилось в знаменитом «циркуляре о кухаркиных детях», детям простонародья «вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию».

В восьмидесятые годы были приняты соответствующие меры: элитизировано высшее образование и резко повышена плата за среднее. Это очень сократило приток «интеллигентов в первом поколении».

Естественно было бы ожидать, что государство вложится всей своей мощью в развитие хотя бы начального образования, дабы постепенно приготовить «кухаркиных детей» к более высокому уровню существования. Однако всё время находились иные приоритеты, и народное просвещение финансировалось по остаточному принципу. Оно, конечно, развивалось, но темпами для XX века совершенно неудовлетворительными. За время царствования Николая II достижения в этой сфере были скромными. В основном дело ограничивалось обсуждениями и прожектами.

Земская школа

После Октябрьского манифеста 1905 года, когда задули новые ветры, Дума поставила вопрос о введении всеобщего начального образования — в европейских странах эта система давно уже существовала. В 1908 году финансирование школ низшей ступени было увеличено, но и только. Денег на всеобщее образование после проигранной японской войны в бюджете не нашлось.

Вновь к этой теме вернулись в 1912 году, когда экономическая ситуация улучшилась. И опять законопроект о всеобщем образовании был отклонен. Вводить его решили неторопливо, завершив сей дорогостоящий процесс к 1928 году. (Эту задачу, примерно в те же сроки, осуществит уже совсем другое правительство.)

Давайте посмотрим на цифрах, что было сделано за время последнего царствования на этом важнейшем направлении государственной деятельности.

В 1894 году, когда Николай II взошел на престол, в начальных школах учились только три миллиона детей. К этому времени в Пруссии и Австрии всеобщее образование существовало уже более

ста лет; оно появилось даже в Японии, не столь давно расставшейся с феодализмом.

В средних учебных заведениях — гимназиях, прогимназиях, реальных училищах (их было девятьсот на всю страну) — имелось 224 тысячи учеников. В высших учебных заведениях — 14 тысяч студентов.

Перед Первой мировой войной, то есть уже во втором десятилетии XX века, когда неграмотность в Европе стала совсем диковиной, по данным Б. Миронова, в России умел читать 31 % взрослых (в Великобритании 91 %, в Германии 97 %, во Франции 89 %).

К 1914 году на 1000 человек населения приходилось: в России 59 учащихся, в Австрии — 143, в Великобритании — 152, в Германии — 175, в США — 213, во Франции — 148, в Японии — 146 человек. В статье Н. Ерофеева об уровне жизни россиян это объясняется разницей в бюджетных затратах. Скажем, британцы отводили (в тогдашних ценах) по 2 рубля и 84 копейки на ученика в год, а царское правительство — 21 копейку. При этом следует учитывать, что общественные деньги, выделяемые земствами и городскими думами, покрывали более половины расходов на школы (360 миллионов рублей против 300 миллионов государственных ассигнований).

Число средних учебных заведений за двадцать лет увеличилось менее чем вдвое.

Успешнее всего развивалась высшая школа — студентов стало почти вдесятеро больше, и это тоже было характерной приметой сословности образования. В квалифицированных специалистах (которыми могли стать только выпускники гимназий и реальных училищ, то есть преимущественно молодежь из обеспеченных семей) государство было заинтересовано больше, чем в просвещении народных низов.

Сложился своего рода заколдованный круг. Скудные доходы не позволяли бедным семьям давать детям образование, а отсутствие образования обрекало человека на нищенские заработки.

Другой объективной причиной медленного культурного развития был очень низкий уровень жизни.

Автор дореволюционного исследования «Россия в цифрах» Н. Рубакин высчитал, что в 1900 году годовой доход на душу населения

равнялся 63 рублям. Это было втрое меньше, чем в Германии, вчетверо меньше, чем во Франции, и почти вшестеро меньше, чем в Америке. Россия «сравнительно с другими странами — страна полунищая», — констатировалось в книге. По данным Н. Ерофеева, современного историка, к 1913 году средний доход вырос до 101 рубля. Вроде бы неплохой результат за тринадцать лет — 60 %. Но за годы, предшествовавшие мировой войне, уровень жизни в других странах увеличился намного больше, так что отставание России по этому ключевому показателю стало еще разительней. «Для России все реальнее становилась перспектива оказаться на обочине цивилизованного мира», — резюмирует автор.

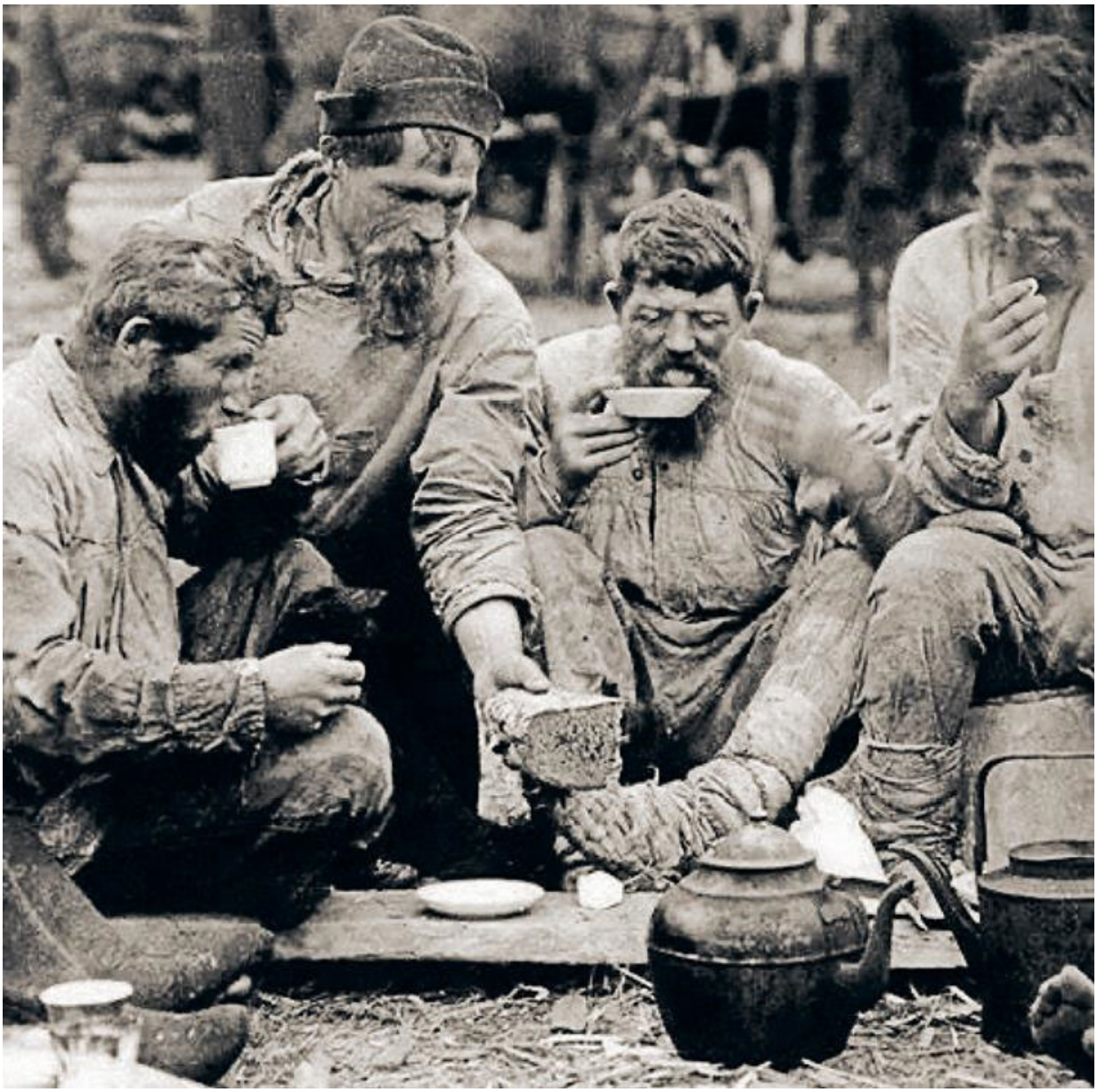
Я привел столько цифр, чтобы показать, чем объективно объяснялось печальное состояние народного массового сознания, отчасти искусственно поддерживаемое на низком уровне.

В отличие от большинства правительственных мужей деятели Общества — писатели, журналисты, земцы — очень хорошо сознавали угрозу, которую таила в себе подобная цивилизационная неразвитость. Об этом много писали — и в публицистике, и в художественной литературе.

> Процитирую Максима Горького — писателя, который, выйдя из низов, не обладал обычным интеллигентским комплексом вины перед «простым народом» и потому высказывался не обинуясь.
>
> «Но где же тот добродушный, вдумчивый русский крестьянин, неутомимый искатель правды и справедливости, о котором так убедительно и красиво рассказывала миру русская литература XIX века? В юности моей я усиленно искал такого человека по деревням России и — не нашел его. Я встретил там сурового реалиста и хитреца, который, когда это выгодно ему, прекрасно умеет показать себя простаком. По природе своей он не глуп и сам хорошо знает это. Он создал множество печальных песен, грубых и жестоких сказок, создал тысячи пословиц, в которых воплощен опыт его тяжелой жизни. Он знает, что «мужик не глуп, да — мир дурак» и что «мир силен, как вода, да глуп, как свинья». Он говорит: «Не бойся чертей, бойся людей». «Бей своих —

чужие бояться будут». О правде он не очень высокого мнения: «Правдой сыт не будешь». «Что в том, что ложь, коли сыто живешь». «Правдивый, как дурак, так же вреден.»…

Вывод, к которому приходит Горький, безжалостен: «Жестокость форм революции я объясняю исключительной жестокостью русского народа». Надо только помнить о том, что жестокость эта возникла вследствие жестоких и унизительных условий жизни, из которых система не давала людям вырваться.



Так выглядели большинство жителей империи

Накануне революции Россия была страной с высокоразвитой и высокообразованной, но очень немногочисленной культурной элитой (которая, впрочем, нигде многочисленной не бывает); с полуграмотной или вовсе неграмотной основной массой населения и с диспропорционально маленькой промежуточной прослойкой.

В этом смысле победоносцевский проект вполне удался: сильного среднего класса в обществе не сформировалось.

Социальные мутации

И все же, несмотря на попытки законсервировать социальную структуру и иерархию, российское общество менялось — не могло не меняться. Параллельно шли два процесса, и оба угрожали «стабильности»: во-первых, разрастались и всё активнее проявляли себя новые классы-сословия; во-вторых, трансформировались старые.

Понятно, что интересы новых социальных сил — рабочего класса, интеллигенции, бизнес-сообщества — не могли совпадать с интересами архаичного строя, но нестабильной была ситуация и с теми группами населения, которые Власть привыкла считать надежной опорой: дворянством, духовенством и крестьянством. (Эту идею декларировала уваровская триада «православие-самодержавие-народность».)

Второй ее элемент, касавшийся принципа управления, подразумевал соучастие аристократии во власти. Государственнические реформы Петра I превратили дворян в таких же крепостных, обязанных отбывать «барщину» в виде обязательной службы. Это был классически «ордынский», почти чингисхановский тип самодержавия. Но Екатерина II обновила формат государства, превратив высшее сословие из безгласных слуг в заинтересованных партнеров власти, своего рода «миноритарных акционеров». Дворянским собраниям в значительной степени было доверено административное управление провинциями, на которое у казны не хватало чиновников.

В период контрреформ Александра III правительство попыталось реанимировать эту конструкцию, возвысив значение главной опоры престола. В 1889 году вышел указ, согласно которому только потомственные дворяне могли назначаться земскими начальниками (это

было основное звено административной инфраструктуры в сельской местности). В губернских и земских учреждениях, в городских думах дворянская «квота» была значительно увеличена. Мы видели, что с появлением думских выборов правительство не успокоилось, пока — в третьей редакции избирательного закона — не гарантировало дворянству большинство мест, для чего в конце концов пришлось приравнять один дворянский голос к 260 крестьянским.

Проблема, однако, заключалась в том, что к началу XX века дворянство перестало быть столь уж надежным защитником самодержавия. За полвека после эмансипации дворянское сословие сильно мутировало. Лишившись сначала живой собственности, оно затем стало терять и земельную. К началу царствования Николая II лишь 14 % российских сельскохозяйственных угодий находилось в помещичьем владении, при этом задолженность владельцев Дворянскому банку превышала миллиард рублей. Подавляющее большинство дворян теперь существовали за счет полученного образования, тем самым переместившись в категорию служащих или интеллигенции. Другие занялись предпринимательством и превратились в капиталистов. Сословная принадлежность утрачивала смысл. В Третьей Думе, где дворян было втрое больше, чем крестьян, и в двадцать раз больше, чем мещан, основная часть критически настроенных депутатов была дворянского происхождения.

Нечто сходное происходило и в самом консервативном сословии, духовном. Рассчитывая на его поддержку, правительственные законодатели обеспечили священникам непропорционально высокое представительство в «благонадежных» Думах третьего и четвертого созывов. Социальная группа, составлявшая менее полупроцента населения, получила десятую часть мандатов. И тут вдруг выяснилось, что батюшки, жившие очень небогато и к тому же хорошо знавшие, каково приходится народу, вовсе не обязательно поддерживают существующий порядок вещей. В начале XX века русское духовенство в политическом смысле очень активизировалось, причем на обоих флангах — как на правом, так и на левом. Хорошо владея словом, пользуясь влиянием на прихожан, священники внезапно оказались важными общественно-политическими фигурами. Некоторым из них это нравилось. Стартом политического кризиса 1905–1907 годов станет деятельность отца Георгия Гапона, а во время Первой мировой войны

значительная часть депутатов от духовенства примкнут к оппозиционному Прогрессивному блоку.

Но главным из трех предположительно промонархистских сословий, конечно, было крестьянство. Составляя основную массу населения, оно в ту эпоху, в общем, и являлось Россией. Представление о «настоящем русском человеке», крестьянине, как о природном консерваторе, а значит, стороннике самодержавной власти, долгое время было недалеко от истины. Объяснялось это причинами сугубо психологическими. Когда люди мало информированы о мире за пределами собственной деревни, всё непривычное вызывает у них подозрение. Тот, кому очень тяжело живется, руководствуется принципом «не вышло бы хуже». Власти предержащие знали эту истину лучше, чем пламенные юноши и девушки, которые в семидесятые годы «пошли в народ», чтобы открыть ему глаза — и обычно бывали сдаваемы народом в полицию.

Однако страх перемен не равнозначен монархизму и становится ненадежной гарантией стабильности, когда перемены все равно происходят. А жизнь бывших крепостных после 1861 года изменилась очень сильно. Правительство усердно старалось сделать эту социально-психологическую революцию постепенной. Первые двадцать лет свобода была скорее номинальной, воспользоваться ею вчерашние рабы не могли. Они считались «временнообязанными», то есть обязывались выплатить помещику долг за полученные земельные участки. Ни настоящими собственниками, ни хозяевами своей судьбы бывшие крепостные пока не стали. Срок этой зависимости истек как раз во времена, когда государство взяло курс на сохранение межсословных перегородок, но тут нашелся другой действенный механизм торможения частнособственнических отношений на селе — крестьянская община.

Депутаты Думы от Вятской губернии

Она была официально объявлена одним из устоев государства, основой порядка и народной нравственности. «Ее отстаивали при этом не столько по экономическим, сколько по *социальным* соображениям; ее считали особым русским способом разрешения социальных вопросов, — объясняет Ольденбург. — Община имела несомненные преимущества и для казны: она коллективно отвечала за уплату налогов благодаря круговой поруке; поэтому-то она неохотно отпускала своих членов “на волю”: каждый уход увеличивал налоговое бремя для оставшихся». Будучи зависимым от общины, крестьянин не имел шансов превратиться в фермера, что устраивало государственных консерваторов. В девяностые годы они приняли законы, еще больше укреплявшие общинный строй. Теперь человек, даже полностью расплатившийся с долгом, имел право выйти из общины лишь при согласии двух третей односельчан.

Смысл государственной политики в этом вопросе с предельной ясностью сформулировал Витте: «При освобождении крестьян весьма бесцеремонно обошлись с принципом собственности и нисколько в

дальнейшем не старались ввести в самосознание масс этот принцип, составляющий цемент гражданского и государственного устройства всех современных государств». Но ведь победоносцевская Россия и не стремилась стать современным государством.

Однако расслоение крестьянства все равно происходило, потому что ход жизни остановить невозможно. Община связывала руки самым деятельным и работоспособным ее членам, мешала развитию аграрных технологий, развитию рыночных отношений. Численность населения росла много быстрее, чем производительность труда. В 1891 году впервые за долгое время возник голод. Избыточная смертность составила 400 тысяч человек. Потом до конца века продовольственные кризисы возникали еще дважды — новый век символически начался в 1901 году с большого неурожая.

Одновременно с этим во многих губерниях произошли крестьянские беспорядки. Это всегда происходит, когда недовольство условиями жизни становится сильнее страха перемен. «Стабильность» ветшала и трещала по швам.

Теперь уже и наверху понимали: с аграрным «вопросом» (так это называлось) нужно срочно что-то делать.

Лучше никогда, чем поздно

«Срочно что-то делать» в бюрократическом государстве означает создать комиссию. И в 1902 году она появилась при Государственном Совете: «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности».

Начали неторопливо, со сбора данных по положению деревни. Сведения с мест были до того пугающими, что работу решили приостановить — земских статистиков заподозрили в неблагонадежности. «Постоянное общение с крестьянами дает широкое поле для противоправительственной пропаганды, бороться с которой при слабости полицейского надзора в селениях представляется крайне затруднительным», — говорилось в правительственном извещении.

Министр внутренних дел Плеве уговаривал царя не расшатывать ситуацию в деревне, которая и так волнуется, — лучше подождать до более спокойных времен.

Подождали, но спокойнее не стало. С 1905 года волнения на селе приняли угрожающий характер.

Тогда создали другой орган — «Особое совещание по мерам к укреплению крестьянского землевладения». Министерство земледелия и государственных имуществ было преобразовано в Главное управление землеустройства и земледелия, да еще учредили Комитет по земельным делам при министерстве внутренних дел.

Вся эта бумажная активность утихла, когда в 1906 году аграрные беспорядки пошли на убыль, подавленные силой оружия. Государственный Совет с облегчением постановил отложить вопрос до открытия Думы.

Тут наконец правительство возглавил дееспособный человек с программой решения аграрного «вопроса» — Петр Столыпин.

Если изложить самую суть, программа преследовала три цели. Во-первых, превратить крестьянский класс в фермерский, упразднив тормоз в виде общины. Во-вторых, повысить производительность сельского хозяйства. В-третьих, заселить и обработать плодородные земли, пустующие на востоке страны.

Столыпин очень хорошо понимал, что через оппозиционную Думу любую реформу провести будет невозможно — процесс растянется до бесконечности, утонет в дискуссиях и встречных проектах. Это было одной из причин закрытия парламента 3 июня 1907 года. Революционную реформу провели по-старинному, указом государя императора.

В течение предшествующих лета и осени вышла серия постановлений, представлявших собой подготовку к главному шагу. Из удельных и казенных угодий был создан земельный фонд в несколько миллионов гектаров, предназначенный для передачи частным владельцам. Крестьянский банк получил средства на выдачу кредитов для приобретения наделов.

После этого 9 ноября 1906 года вышел указ о том, что общин больше не будет. Там говорилось: «…Крестьяне приобретают право свободного выхода из общины, с укреплением в собственность отдельных домохозяев, переходящих к личному владению, участков из мирского надела».

Земли, ранее находившиеся в коллективной собственности, теперь делились между хозяевами. На правительственную ссуду можно было

приобрести новые наделы или взять их в аренду. Тем, кто был готов переселиться на восток — в Сибирь и современный Казахстан, — правительство оказывало денежную помощь и бесплатно выделяло пахотную землю в пользование.

Понадобилось провести огромную работу, чтобы разделить общинные земли, разработать механизм урегулирования неизбежных конфликтов, организовать массовую миграцию, обработать заявки на получение ссуд, обустроить переселенцев.

Неповоротливая государственная машина справлялась с этими головоломными задачами неважно. Не хватало землемеров, во многих регионах местная администрация оказалась не готова к решению непривычных задач. Наконец, и сами крестьяне с их природной осторожностью не очень-то спешили менять свою жизнь.

За несколько лет, остававшихся до начала большой войны, собственность на землю оформила всего пятая часть крестьян-домохозяев. На восток вместо 25 миллионов, как планировал Столыпин, переехали и остались там примерно три с половиной миллиона (многим не понравилось, и они вернулись обратно).

Скромные результаты великого начинания в значительной степени объяснялись тем, что глава правительства столкнулся с серьезным сопротивлением и слева, и справа. Революционеры отлично понимали, что успех аграрной реформы будет означать конец надежде на социалистическое будущее России. Столыпин стал для них заклятым врагом. Правые же сознавали, что развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве неминуемо приведет к концу самодержавия.

Мирской сход. *С. Коровин*

В 1906 году, на волне революционных потрясений, казалось, что бóльшую опасность представляют крайние левые. Они действительно в конце концов убили автора реформы, но саму реформу подорвали и просаботировали монархисты — с попустительства самого монарха.

Проблемы с консервативным лобби у Столыпина обострились, когда он собрался перейти к следующему этапу аграрной реформы — политическому. Для этого нужно было усилить роль земств, основного двигателя задуманных преобразований. Весной 1911 года премьер подготовил законопроект о введении земств в западных губерниях — важном и населенном регионе, который до сих пор обходился без этого института. При этом тамошнее дворянство не должно было иметь сословных привилегий при выборах. Столыпин объяснял это сугубо имперскими соображениями — желанием ограничить засилие польского элемента, ведь западные дворяне по преимуществу принадлежали к шляхте. Однако прецедент бессословных выборов не мог впоследствии не сказаться и на выборах в остальных частях империи. Это была подготовка к тому, что в будущем представители крестьянства станут играть ведущую роль в жизни страны. Логически столыпинская реформа вела именно к этому, так что Петр Аркадьевич был вполне последователен.

Но эта перспектива никак не устраивала приверженцев самодержавия. Законопроект набрал большинство в Думе, но был отвергнут верхней палатой, Государственным Советом. Произошло это после того, как царь позволил его членам «голосовать по совести», то есть фактически воздержался от поддержки проекта. Именно так — как высочайшее разрешение голосовать против — истолковали сановники эти слова.

Столыпин счел это выражением недоверия со стороны государя и поставил ультиматум: или обе палаты временно будут распущены, или он подает в отставку. Как обычно, столкнувшись с прямым давлением, Николай уступил. Столыпин провел закон административным порядком, без одобрения Государственного Совета. Но это была пиррова победа. Ни высшее чиновничество, ни сам император выкручивания рук премьеру не простили.

После этого глава правительства занимал свой пост еще полгода, но его положение стало шатким. «Столыпин был политически конченый человек, искали только формы, как его ликвидировать», — рассказывал потом Гучков. Если бы Петра Аркадьевича не убила пуля террориста, его все равно убрали бы.

Часто пишут, что столыпинская реформа могла бы спасти монархию, если бы хватило времени полностью осуществить этот проект.

Думаю, что нет, не спасла бы. Времени для ее реализации у России к этому моменту уже не было и *не могло быть*. Противоречия между империалистическими державами завязались в узел, который должен был вот-вот разорваться. Во всяком случае срок, который Столыпин отводил на осуществление своей социальной программы, являлся абсолютно нереальным. В 1909 году в одном из интервью премьер-министр сказал: «Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!» О каких двадцати годах покоя могла идти речь на фоне лихорадочной гонки вооружений, да сразу после громовых раскатов Боснийского кризиса, непонятно. Видимо, Петр Аркадьевич уповал на божье чудо.

А ведь изначально времени на подобную реформу у российских правителей было вполне достаточно. К ней можно было приступить пускай не в 1861 году (это разорило и погубило бы весь помещичий класс), но хотя бы двадцать лет спустя, когда отменили «временнообязанность». Глядишь, в XX век Россия вошла бы уже не общинной, а фермерской страной. Пролетарская революция в ней стала бы невозможна.

Но вместо реформы правительство Александра III запустило контрреформы и остановило время. Оно таких экспериментов над собой не прощает.

Что получилось в результате просроченной и запоздавшей реформы Столыпина? Она только разбередила деревню, вызвав всеобщую ажитацию, разномыслие и конфликты. Едва притихшее после мятежей крестьянство снова заволновалось. Среда, на апатии которой держалось благополучие самодержавия, пришла в движение. Тяжелое испытание войной застало страну «на переправе», а это очень уязвимый период.

В 1914 году миллионы крестьян получат оружие, которое потом повернут против правительства.

Болезнь роста

От промышленной революции к социальной

Революционное движение не являлось, в отличие от перечисленных ранее проблем, явлением сугубо национальным или сугубо имперским. Это, конечно, тоже была болезнь, и болезнь для государства очень опасная, но ее можно назвать «побочным эффектом» развития. Ни одна из стран, вступивших на путь индустриализации, этой стадии не миновала, просто более крепкие общественные системы в конце концов преодолели «гормональную нагрузку переходного возраста», а государственные организмы, ослабленные другими недугами, испытания не выдержали.

В случае России роковую роль сыграло еще и то, что промышленная революция здесь началась с опозданием по меньшей мере на сто лет и повлекла за собой столь же революционные последствия в социальной сфере. Самая главная революция происходила не в экономике, а в жизни и сознании людей. В Англии от движения луддитов до всеобщей забастовки 1926 года, едва не приведшей к тотальному коллапсу, прошло больше века. В России между первым крупным выступлением рабочих (Морозовская стачка) и всеобщей стачкой 1905 года миновало всего двадцать лет, то есть в обоих событиях вполне могли участвовать одни и те же люди.

Приведу несколько цифр, чтобы показать, как изменилась экономика страны за восьмидесятые и девяностые годы, когда приток иностранных инвестиций и массовое внедрение новых технологий обеспечили бурный рост предпринимательства, а отмена «временнообязанного» статуса бывших крепостных выбросила на рынок труда массу дешевой рабочей силы.

Объем промышленного производства вырос более чем вдвое — по темпам развития Россия была на первом месте в мире. (К началу мировой войны эта цифра еще раз удвоится.) Выплавка чугуна увеличилась в два с половиной раза, стали — в восемнадцать раз. Возникла новая мощная отрасль — топливная, которая наряду с зерновой стала основой российского экспорта. Угля стали добывать в три раза больше, нефти — в четырнадцать раз. В начале XX века

российская экономика вышла на пятое место в мире (после США, Великобритании, Германии и Франции).

Для того, чтобы заводы, фабрики, шахты, мастерские, прииски работали, понадобилась армия наемных работников — рабочий класс, доселе в России почти не существовавший или во всяком случае весьма немногочисленный.

В конце девятнадцатого века это было самое быстрорастущее сословие в империи. За последнюю треть столетия его численность увеличилась втрое.

Это все равно была не столь уж значительная часть населения: на рубеже XX века к ней можно было отнести десять процентов россиян; крестьян было в семь раз больше.

Однако общественно-политическое значение промышленного пролетариата было диспропорционально высоким и все время возрастало. На то имелось несколько причин.

Во-первых, люди, живущие и работающие бок о бок, легче объединяются ради совместных действий.

Во-вторых, в отличие от крестьян, лишенные частной собственности рабочие действительно находились в ситуации, когда «нечего терять, кроме своих цепей». Большинство российских пролетариев существовали в невозможно тяжелых условиях, когда любые перемены могут быть только к лучшему.

В-третьих, условия технологичного труда и стремление получать более высокую плату требовали от человека повышения квалификации, а стало быть, развивали ум и привычку к учению, не говоря уж о том, что в городе учиться было проще, чем в деревне.

Наконец, в политическом отношении очень важно было то, что в столице, где находилось множество больших предприятий, концентрация рабочих во много раз превышала среднюю по стране. В канун революционных событий 1917 года в Петербурге они составляли половину его населения. В государстве сверхцентрализованного типа вопрос о власти всегда решается в том месте, где она сосредоточена. Переворот или победа революции в столице неизбежно означают смену режима во всем государстве. В семнадцатом именно петроградские социальные низы (примерно один процент российского населения) дважды свергнут правительство — сначала самодержавное, а потом демократическое.

Однако, как бы ни были угнетены, недовольны или возбуждены народные массы, в политическую силу они превращаются, только когда обретают цель, идеологию и начатки организованности. Эту задачу, как правило, берут на себя люди совсем не пролетарского происхождения.

То же произошло и в России.

Рабочие в цехе Путиловского завода

Пропагандисты и боевики

В российском революционном движении можно выделить два идеологических направления и два основных способа действий. Прямой связи между идеологией и методологией не существовало, что очень запутывает общую картину, а каждое из направлений еще подразделялось на фракции. Эти группы и группки обычно ссорились между собой в периоды общественной апатии, но когда начинался подъем политической активности, объединяли усилия, чтобы больнее ударить по самодержавию.

Это были (в основном) интеллигенты, мечтавшие о социализме, но по-разному прокладывавшие путь к революции.

Представителей первого направления можно назвать «неонародниками», потому что они следовали в русле прежнего народничества, рассчитывавшего на «природную революционность» крестьянства. По убеждению теоретиков «народного социализма» (их называли и так) русский крестьянин был склонен к коллективизму по самой своей ментальности. Доказательство тому — прочность общины, естественной ячейки будущего социализма. Нужно всего лишь настроить деревню против царизма, и тогда ему конец. Эта концепция для многих выглядела не просто убедительной, а единственно возможной в условиях сельской страны, где так остро стоит аграрный вопрос.

Второе направление, марксистское, на крестьян не надеялось, а делало ставку на промышленный пролетариат. Как уже говорилось, при относительной малочисленности этот класс был компактно расселен и, не имея частной собственности, мог быть восприимчив к коммунистическим идеям.

Постнароднические кружки стали возрождаться во второй половине девяностых годов. В самом начале XX века, когда из-за неурожаев начались крестьянские волнения, эти разрозненные группы объединились в партию социалистов-революционеров.

Одновременно происходило и организационное оформление марксистского движения. В 1898 году возникла Российская социал-демократическая рабочая партия, поначалу очень слабая, но тоже окрепшая, когда «стабильность» истончилась и общественная атмосфера стала накаляться.

В дальнейшем внутри обоих течений, эсеровского и эсдековского, начнется деление уже не по концептуальному, а по тактическому принципу: каким способом лучше свалить самодержавие — словом или прямым действием? Революционное движение разделится на «пропагандистов» и «боевиков».

У эсеров появится легальное крыло, действовавшее публично и даже участвовавшее в думских выборах; появится и воинственное подполье, которое продолжит дело «Народной воли», выбрав главным своим инструментом политический террор.

То же произойдет и с социал-демократами. Они разделятся на «меньшевиков», боровшихся с царизмом в рамках законности, и на «большевиков», существовавших нелегально и готовивших вооруженные восстания. К индивидуальному террору большевики относились скептически, поскольку, согласно их теории, победу пролетариату должна была принести классовая борьба, а не героизм одиночек.

Всего за несколько лет рабочее движение прошло через несколько стадий. Оно начиналось как естественная борьба за улучшение условий жизни — за повышение платы, за сокращение рабочего дня (его продолжительность достигала 13 часов), за смягчение системы штрафов и так далее. Затем, под влиянием марксистской агитации, обычным явлением стали демонстрации уже с политическими лозунгами. Отсюда оставался всего шаг до баррикад и уличных боев, и этот шаг был пройден с пугающей скоростью, за считаные месяцы.

Обоюдное ожесточение, неизбежное при повышении градуса вражды, дало толчок невиданной волне терактов, охватившей всю страну. В середине первого десятилетия террористы будут восприниматься правительством как главная угроза. После 1907 года, когда режим сумеет восстановить относительный порядок, на первый план вновь выйдет революционная пропаганда, теперь почти монопольно марксистского толка. Социалистическую агитацию среди крестьян подорвет столыпинская реформа. Аграрного вопроса она не решит, но в значительной степени погасит бунтарские настроения деревни, поскольку самая активная часть сельского населения увлечется новыми перспективами.

Граждане! Голосуйте за выборщиковъ рекомендуемыхъ соціаль-демократами!

Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Вся власть всему народу.

Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

Земства и городскія думы для бѣдняковъ.

Полное равноправіе всѣхъ гражданъ.

Полная свобода: слова, печати, совѣсти, собраній, союзовъ, стачекъ и неприкосновенность личности.

Народное войско съ сокращеннымъ срокомъ службы.

Всеобщее даровое обученіе.

Восьми часовой рабочій день.

Охрана труда.

Подоходный налогъ и налогъ на наслѣдства.

Отмѣна косвенныхъ налоговъ.

Передача безъ выкупа земли народу.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ
САМАРСКОЙ ОРГАНИЗАЦІИ Р. С.-Д. Р. П.

Январь, 1907 г. Печатано въ 3000 экземп.

Типографія Самарскаго Комитета.

Граждане! Голосуйте за выборщиковъ рекомендуемыхъ соціаль-демократами!

Граждане! Голосуйте за выборщиковъ рекомендуемыхъ соціаль-демократами!

Граждане! Голосуйте за выборщиковъ рекомендуемыхъ соціаль-демократами!

Листовка РСДРП

Революция же произойдет совсем не так, как виделось эсерам и большевикам.

Традиционно принято считать, что революций в России было три: Первая (1905–1907 годов), потом Февральская и Октябрьская. Но вообще-то революцией в полном смысле этого понятия является «широкое народное движение, приводящее к смене власти и политической системы».

Если так, то революция в России случилась только одна — Февральская. В 1905–1907 годах широкое народное движение безусловно наличествовало, однако власть удержалась, поэтому в дальнейшем я буду называть эти бурные события «Большими Беспорядками». Осенью же семнадцатого года имел место военный переворот, осуществленный одной ветвью власти (Советами рабочих депутатов) против другой (Временного правительства).

Роль профессиональных революционеров в Больших Беспорядках и Октябрьском перевороте огромна. В падении самодержавия — довольно скромна. Они помогли расшатать монархию, но свергли ее другие силы.

Самый компетентный специалист по этому вопросу, начальник Петроградского охранного отделения К. Глобачев, пишет, что накануне Февральской революции партия эсеров «как действующая организация прекращает совершенно свое существование», партия большевиков пришла «к полной бездеятельности» и «боролась за свое существование», анархические группы «положительно целиком ликвидировались», и проблему для полиции представляли только меньшевики, пользовавшиеся большим влиянием среди рабочих, но арестовывать меньшевиков было не за что — они «главным образом использовали легальные возможности», то есть, собственно, революционерами не являлись.

Давайте рассмотрим подробнее, через какие этапы прошло российское рабочее движение.

Рабочее движение

Как уже говорилось, вначале движение было далеко от всякой политики. В сущности, недовольство рабочих условиями труда — это конфликт между частными лицами, который должен решаться путем переговоров наемных служащих с работодателем. Если найти взаимоприемлемый компромисс не удается, у сторон есть в арсенале сильные средства: рабочие могут устроить забастовку, владелец предприятия может их уволить. Они рискуют остаться без куска хлеба, он рискует разориться. Казалось бы, властям тут незачем вмешиваться, поскольку с точки зрения закона рабочие и капиталисты обладают одинаковыми правами. К концу XIX века в большинстве индустриальных стран уже более или менее сложился механизм урегулирования подобных споров. Полицейские методы применялись, только когда протест не ограничивался простой остановкой работы, а принимал нелегитимные формы.

Однако с точки зрения российских властей всякая несанкционированная массовая акция была бунтом против установленного порядка и потому представляла собою опасность. Градоначальники и губернаторы всегда вставали на сторону работодателя и без колебаний применяли силу, в том числе военную.

На казенном языке организованный протест этого рода обозначался не нейтральным словом «забастовка», то есть остановка работ, а негативно окрашенным термином «стачка» — то есть акцент делался на том, что «стакнулись» злоумышленники.

Впервые с этим тревожным феноменом правительство столкнулось еще на самом старте индустриального рывка, в 1870 году, когда работники Невской бумажной фабрики возмутились тем, что их обманывают при расчете. Градоначальник Трепов (отец николаевского фаворита) разбираться не стал: разогнал стачку, а зачинщиков отдал под суд. Там выяснилось, что правота на стороне рабочих, и дело ограничилось высылкой организаторов из столицы. Но пятнадцать лет спустя, в более суровые времена Александра III, против участников грандиозной Морозовской стачки (8000 человек) уже действовали войска, и счет наказанных шел на сотни.

Когда наступило новое царствование и первая же декларация молодого Николая II положила конец надеждам на «оттепель», начался новый этап оппозиционного движения, в том числе социал-

демократического, ставившего своей целью пропаганду среди городского пролетариата.

По листовкам «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (одним из создателей которого был молодой юрист Владимир Ульянов) можно проследить, как марксисты постепенно политизировали свою агитацию.

В январской прокламации 1895 года к рабочим Семянниковского завода говорится только об условиях труда: «В Англии рабочий получает в 3 раза, а в Америке в 6 раз более, чем наш рабочий, и рабочий день у них меньше».

В ноябре того же года листовка, адресованная работницам табачной фабрики «Лаферм», совмещает экономические требования («Требуйте повышения расценки до 40 коп. с тысячи при машине») с призывом к солидарным действиям гражданского характера: «Требуйте освобождения всех арестованных, так как никаких зачинщиков не было и беспорядки были вызваны наглостью хозяев».

В декабрьском воззвании к рабочим Путиловского завода звучат уже откровенно политические ноты: «Арестами и высылками не подавят рабочего движения: стачки и борьба не прекратятся до тех пор, пока не будет достигнуто полное освобождение рабочего класса».

А первомайская листовка 1896 года уже целиком следует риторике классовой борьбы в духе социалистического «Интернационала»: «Товарищи, если мы будем дружно и единодушно соединяться, недалеко то время, когда и мы, сомкнув стройные ряды своих сил, сможем открыто присоединиться к общей борьбе всех рабочих всех стран, без различия веры и племени, против капиталистов всего мира. И поднимется наша мускулистая рука, и падут позорные цепи неволи, поднимется на Руси рабочий народ и затрепещут сердца капиталистов и правительства, которое всегда им усердно служит и помогает».

Полиция, разумеется, исправно выслеживала и вылавливала агитаторов (например, «Союз борьбы» просуществовал немногим больше года), но со второй половины девяностых забастовки

становятся обычным явлением. Некоторые из этих выступлений были масштабными и бурными.

В мае 1901 года на Обуховском сталелитейном заводе пропагандистам удалось организовать стачку не только с экономическими, но и с политическими требованиями: объявить праздником День международной солидарности трудящихся и учредить совет рабочих представителей.

Забастовщики не испугались полиции и вступили с ней в настоящий бой. Были убитые и раненые с обеих сторон. На помощь восставшим (а это было уже настоящее восстание) пришли рабочие с соседних предприятий. Для подавления бунта пришлось вызывать солдат.

В марте 1903 года в Златоусте протест принял еще более драматический характер. Толпа отказалась подчиняться, даже когда были вызваны войска. Солдаты открыли огонь на поражение, убили 45 человек и больше 80 ранили. В отместку за расправу эсеры, в свою очередь, застрелили губернатора.

Стачка. *Г. Савицкий*

В первый год царствования Николая II было 68 стачек, в которых суммарно участвовала тридцать одна тысяча человек; в 1903 году, последнем относительно спокойном перед большими потрясениями, — 550 стачек с 86 тысячами участников. Начало японской войны привело к временному затуханию движения, но в 1905 году оно даст невероятную «свечку»: произойдет 14 тысяч забастовок, а число стачечников приблизится к трем миллионам — и в основном это будут акции политического характера. Притом эти статистические данные далеко не полны, поскольку их собрала фабричная инспекция, имевшаяся не во всех губерниях и к тому же не учитывавшая многие категории наемных работников — например, транспортников и строителей. В современном научном исследовании «Хроника рабочего движения» говорится, что реальная цифра была вчетверо выше.

Рост рабочего движения и в особенности его политизация очень беспокоили представителей власти. Традиционной реакцией на стачки

было применение силы. У этой незамысловатой тактики наверху имелось много сторонников. Однако с 1901 года курс меняется. Власти пытаются «приручить» протестные настроения пролетариев, возглавив этот процесс и повернув его исключительно в экономическое русло, менее опасное для правительства.

> Автором идеи являлся Сергей Зубатов, чиновник Департамента полиции.
>
> Его судьба была не вполне обычной. Из идейных соображений он стал секретным агентом, внедренным в народовольческую организацию. Затем, выполнив задание, перешел на кадровую службу и, будучи человеком умным и ловким, сделал впечатляющую карьеру: из рядовых филеров в начальники Московского охранного отделения. На этом посту Зубатов весьма эффективно боролся с революционным подпольем, но пришел к выводу, что следует воевать с болезнью, а не с ее симптомами. Он подал докладную записку, в которой доказывал, что надобно изменить отношение рабочих к государственной власти: она должна восприниматься простыми людьми как защитник народа, а не капиталистов.
>
> Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович поддержал идею, и она стала претворяться в жизнь.

В 1901 году Зубатов начал создавать «общества взаимопомощи» — нечто вроде профсоюзов, ориентированных исключительно на экономические требования, рабочее самообразование, улучшение быта, облегчение условий труда.

В случае конфликта между рабочими и хозяевами полиция теперь брала на себя роль посредника и всячески подчеркивала, что принимает интересы трудящихся близко к сердцу. Возникло новое для России явление — легальные забастовки, которые не разгонялись силой и нередко заканчивались победой стачечников.

Это вызвало переполох в двух противоположных лагерях. С одной стороны, встревожились правые и фабриканты, завалившие правительство паническими жалобами. С другой — забеспокоились

левые, видя, что полиция поворачивает рабочую массу в верноподданническое русло.

Успехи «зубатовщины» (термин был введен противниками проекта) действительно выглядели впечатляюще. Марксистская пропаганда лишилась почвы, нередко рабочие сами избивали агитаторов или сдавали их в полицию.

Московский эксперимент был выведен на всероссийский уровень. Правительство издало несколько законов в пользу рабочих: об ответственности предпринимателей за несчастные случаи, о пенсии по утрате трудоспособности, о порядке переговоров между хозяевами и работниками.

Повсюду возникали не просто аполитичные, а декларативно лояльные самодержавию рабочие организации. Даже среди еврейского населения черты оседлости, недоверчивого к любым казенным инициативам, возникла Еврейская независимая рабочая партия, которая стала бороться с влиянием социалистического Бунда.

Но в августе 1903 года министр внутренних дел В. Плеве, сторонник жесткого курса, прекратил деятельность зубатовских организаций. Сам Зубатов, к тому времени уже начальник Особого отделения Департамента полиции, был не просто отправлен в отставку, но получил запрет на проживание в столицах и на занятия общественной деятельностью. Опальный экспериментатор доживет в провинции до Февральской революции и при известии об отречении императора застрелится.

Впоследствии некоторые авторы из тех, кто оплакивает монархию, расценивали остановку зубатовского проекта как роковую ошибку и чуть ли не главную причину будущей катастрофы. Мол, если бы рабочее движение пошло по тред-юнионистскому пути, никакой диктатуры пролетариата не было бы.

Это заблуждение. Плеве поступил совершенно правильно — разумеется, с точки зрения интересов самодержавия. Когда полиция сама стала поощрять коллективные действия рабочих, пускай абсолютно неполитического характера, она запустила очень опасный механизм.

Во-первых, городской пролетариат стал ощущать себя силой, с которой считаются. Во-вторых, в полиции не хватало компетентных сотрудников, чтобы уследить за всеми возникающими на местах

рабочими организациями. Они могли вначале быть совершенно проправительственными, а затем, под влиянием умелых агитаторов или каких-нибудь критических обстоятельств вдруг радикализировались.

С. Зубатов

Отставке Зубатова предшествовали июльские события 1903 года. Тогда стачки прокатились по всему югу, от Баку до Украины, но хуже всего ситуация была в Одессе, а началось всё с благонамеренной забастовки, разрешенной начальством. Дело в том, что инициатива исходила от «ручной» Еврейской независимой рабочей партии, которая хотела улучшить положение трамвайщиков и портовых грузчиков (среди них было много евреев). Однако движение разрослось, марксистские пропагандисты повернули его в социалистическую сторону, возникла угроза общегородской политической стачки. «Был момент, когда весь город был во власти рабочей массы», — писала эмигрантская газета «Освобождение». Когда полиция попробовала восстановить порядок, было уже поздно. Пришлось вводить войска.

Другой зубатовской затеей, которая впоследствии дорого обошлась самодержавию, были народные манифестации с изъявлением монархических чувств. Многотысячные демонстрации «простых русских людей» с хоругвями и царскими портретами умилительно смотрелись и красиво выглядели в полицейских донесениях. Например, 19 февраля 1902 года, в годовщину освобождения крестьян, к памятнику Александру II в Кремле пришли пятьдесят тысяч рабочих, которые спели «Боже, царя храни», а потом еще и помолились. Отсюда, однако, тянулась самая прямая дорога к Кровавому воскресенью.

Взрывоопасный эксперимент с «контролируемым протестом» был остановлен слишком поздно. Забастовки и рабочие демонстрации уже стали постоянным компонентом городской жизни. В 1905 году они приобрели такой размах, что еще чуть-чуть, и государство развалилось бы. Большие Беспорядки переросли бы в революцию.

Террор

Терроризм, казалось, совершенно искорененный полицией при Александре III, в 1901 году возродился как метод политической борьбы и скоро стал главным оружием революционного движения.

За двадцать лет, миновавшие с 1 марта 1881 года, когда народовольцы взорвали царя, было всего несколько террористических инцидентов.

Восемнадцатого марта 1882 года бывший студент физико-математического факультета Петербургского университета Николай

Желваков на Николаевском бульваре в Одессе застрелил прокурора Киевского военно-окружного суда генерала В. Стрельникова, особенно отличившегося в процессах против народников.

По делу «Террористической фракции» в 1887 году повесили пятерых студентов, в том числе Александра Ульянова. Заговор был дилетантский — полиция заранее раскрыла и «пасла» его.

Еще произошли два убийства, жертвами которых стали фигуры политически малозначительные. В 1883 году раскаявшийся двойной агент организовал покушение на своего «куратора», жандармского подполковника Судейкина, и в 1890 году польский революционер застрелил в Париже генерала Селиверстова, который, по ходившим в эмигрантской среде слухам, руководил в Европе полицейской агентурой (что не соответствовало действительности).

Вторая волна террора началась по той же причине, что первая, и в той же самой среде — молодежной, студенческой. Как уже рассказывалось, в 1899 году вспыхнули студенческие беспорядки. Власть по своему обыкновению ответила на них репрессиями. Это радикализировало активистов, и один из них, исключенный студент Карпович, в знак протеста застрелил министра народного просвещения Н. Боголепова.

Терроризм становится по-настоящему опасен, когда раздраженное полицейским режимом Общество начинает относиться к смельчакам, берущимся за оружие, с одобрением и восхищением. Именно это теперь и произошло — в точности, как четверть века назад, когда Вера Засулич стреляла в столичного градоначальника.

По мере обострения внутренней ситуации политические убийства происходили всё чаще. Помимо террористов-одиночек появились и подпольные организации, считавшие своей главной задачей истребление представителей власти.

Самыми деятельными являлись эсеры, называвшие себя прямыми наследниками «Народной воли». И цель была та же самая: напугав правительство, побудить его к широким репрессиям, что, в свою очередь, расшевелит инертное Общество и разожжет революционные настроения.

«Боевая Организация» эсеров, созданная в 1902 году, была автономна, глубоко законспирирована и нередко сама выбирала своих жертв.

На первом этапе группой руководил Григорий Гершуни, человек не только бесстрашный, но и весьма изобретательный — по определению Зубатова, «художник в деле террора». За короткий срок Гершуни организовал несколько терактов, потрясших страну, и превратился в живую легенду. Его долго не могли поймать, а когда в конце концов все же арестовали, не решились предать казни — вместо этого присудили к пожизненному заключению. В результате Гершуни сбежал из Сибири и продолжил свою деятельность, но болезнь легких, приобретенная на каторге, свела его в могилу.

Про следующего руководителя «Боевой Организации», Евно Азефа, личность еще более живописную, рассказ впереди.

В 1906 году из партии эсеров выделилось крайне левое крыло, назвавшееся «Союзом эсеров-максималистов». «Максималисты» считали индивидуальный террор главным оружием социалистической революции и создали собственную боевую организацию, которая проводила акции по принципу «лес рубят — щепки летят», не заботясь о количестве невинных жертв. Во время устроенного ими покушения на Столыпина от взрыва будут убиты и ранены более ста человек, в том числе дети.

Существовали еще и анархисты. Они были плохо организованы, потому что не признавали партийной дисциплины, но в эпоху Больших Беспорядков, на волне всеобщего хаоса, анархизм стал чрезвычайно популярен и по России возникли сотни кружков. У анархистов считалось, что местные ячейки сами решают, кто враг, поэтому количественно боевики этого извода совершали больше убийств, чем эсеры, просто жертвами обычно становились чиновники и полицейские невысокого уровня.

Отдельную категорию терактов составляли убийства с «этнической окраской». Существовали организации, как правило социалистического толка, которые боролись с самодержавием, уничтожая чиновников колониальной администрации. Особенно активны были польские и армянские боевики, а также латышские группы, хотя последние не отделяли себя от общероссийского революционного движения.

Завели собственную боевую организацию и большевики, прежде сосредоточенные исключительно на пропаганде. Они, правда, больше увлекались «эксами» — добыванием денег на партийные нужды: нападали на поезда, почтовые отделения, кассы и казначейские кареты.

Тифлисский «экс» 13 июня 1907 года, одна из многих подобных акций, впоследствии вызывала особенно пристальное внимание историков, потому что одним из организаторов нападения был Иосиф Джугашвили. Эта операция сильно продвинула прежде малозначительного партийца в большевистской иерархии.

Отряд из двадцати боевиков напал в центре города на карету Государственного банка, охраняемую солдатами и казаками. Конвой сначала закидали бомбами, потом расстреляли из револьверов. Было убито и ранено несколько десятков человек. Экспроприаторы захватили огромную сумму — больше 300 тысяч рублей (правда, основная часть была в 500-рублевых купюрах, обменивать которые потом оказалось слишком опасно, так что пришлось их сжечь).

Вся эта разнопартийная и беспартийная террористическая деятельность на несколько лет погрузила страну в настоящую вакханалию насилия — мировая история еще не знала подобной концентрации политического терроризма.

Во второй части книги, где дается хроника событий, будет рассказано о самых значительных моментах этой кровавой эпопеи, пока же ограничусь общей статистикой.

Тифлисский «экс». *И. Сакуров*

По подсчетам американского историка Анны Гейфман, общее число жертв индивидуального террора на пике, в 1905–1907 годах, превысило 9 000 человек. Затем волна убийств пошла на спад, но полностью не затухла. В 1908–1910 годах, то есть в годы, считавшиеся относительно спокойными, были убиты еще 732 государственных служащих плюс три с лишним тысячи «частных лиц». По общей же оценке историка за всё десятилетие при терактах было убито и ранено около семнадцати тысяч человек.

Это была настоящая война.

Большие Беспорядки

Бурные события 1905–1907 годов, которые, повторюсь, некорректно называть «революцией», были вызваны целым комплексом факторов. Главным из них, пожалуй, были последствия искусственного торможения социальных процессов. В Обществе долго копилось недовольство режимом. Пружина сжималась, сжималась, и наконец распрямилась. Другой причиной было ухудшающееся положение крестьян, задержка давно назревшей аграрной реформы. В промышленных городах, как мы видели, тоже росло напряжение — власти пытались то запугать рабочих, то заигрывать с ними, и это будоражило умы.

Опрометчивое вступление в войну — при переоценке собственных сил и недооценке вражеских — колоссально уронило авторитет царизма. Много лет россияне существовали в убеждении, что самодержавная система — это, конечно, не очень хорошо, потому что свободы мало, а несправедливостей много, зато «мы великая держава». По выражению Александра III, у России было только два союзника — армия и флот. И что же? Оба оказались никуда не годны. Ради чего же тогда люди должны были мириться с несвободой и несправедливостью?

Во всех слоях общества, сверху донизу, раздалось традиционно российское «так жить нельзя». При растерянности властей и тотальном недовольстве населения для взрыва не хватало только искры.

Остановимся на этом моменте подробнее. Он важен не только сам по себе, но и как хрестоматийный пример ошибочных действий

государственной власти, которая, пытаясь остановить революционные потрясения, добивается противоположного эффекта.

В силу стечения не вполне случайных обстоятельств инициатором грандиозных потрясений стал человек абсолютно не революционного рода занятий — священник Георгий Гапон.

Я уже писал о том, что в эту эпоху среди русского духовенства впервые с семнадцатого века появились политически активные пастыри, иногда пользовавшиеся большим влиянием и начинавшие играть важную общественную роль. Некоторые из них — например, протоиерей Иоанн Восторгов, архимандрит Макарий Гневушев, архимандрит Виталий Максименко — придерживались крайне консервативных позиций и стали видными фигурами ультраправого движения. Другие, попав в Думу, наоборот, примкнули к ее оппозиционному, антиправительственному крылу. Это напоминало французский 1789 год, когда из рядов тишайшего «первого сословия» выдвинулись революционные деятели вроде аббата Сиейса или епископа Отенского, будущего Талейрана.

Георгий Гапон

В 1913 году встревоженный этой тенденцией Святейший Синод даже выпустил указ, запрещающий лицам духовного звания заниматься партийной деятельностью.

Но были пастыри, которые и сами по себе, без партий, становились общественным явлением: очень популярный проповедник Иоанн Кронштадтский, неистовый реакционер епископ Гермоген Долганов, иеромонах Илиодор Труфанов, изображавший из себя нового Савонаролу.

Однако ни один из этих ярких людей не сыграл в истории такую роль, как отец Георгий Гапон, по своим качествам личность весьма небольшого масштаба.

> Молодой, двадцатидевятилетний священник, начавший служить в одной из столичных церквей на пороге нового века, отличался красноречием, был хорош собой, деятельно участвовал в различных благотворительных проектах. Он нравился и беднякам, которым помогал, и высокому начальству. Многообещающий «народный пастырь» привлек внимание Зубатова, который решил, что именно такой человек будет полезен для руководства легальным рабочим движением в столице.
>
> В 1903 году Гапон возглавил «Общество фабрично-заводских рабочих». После опалы Зубатова, когда курс правительства в «рабочем вопросе» изменился, проповедник внезапно оказался фактически бесконтрольным лидером массовой организации (в ней состояло около 20 тысяч человек). Курс правительства в «рабочем вопросе» все время менялся, единого мнения наверху не было, и Гапон был предоставлен сам себе. Амбициозный священник преисполнился великих замыслов: он станет тем, кто повернет ход истории.

Как уже говорилось, «Кровавое воскресенье» произошло на волне изначально легального монархического рабочего движения. В конце 1904 года, на фоне военных поражений (пал Порт-Артур) и растущего забастовочного движения, Гапон убедил рабочих обратиться к батюшке-царю с совершенно верноподданной — во всяком случае по форме — петицией: «Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы: они направлены не ко злу, а к добру, как для нас, так и для тебя, государь! Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения». Однако просьбы, а вернее,

требования этого документа были отнюдь не смиренные: освобождение всех политзаключенных, свобода слова и печати, конституция, прекращение войны, восьмичасовой рабочий день. А заканчивалось обращение прямой угрозой — что податели петиции явятся к царскому дворцу и устроят перед ним непрекращающуюся акцию: «…А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, — мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом».

На многолюдных собраниях петицию подписали сорок тысяч человек. Шествие было назначено на воскресенье 9 января 1905 года. В частных разговорах и интервью Гапон говорил, что, если власть не уступит, будет всеобщее восстание.

Правительство оказалось в очень сложной ситуации. Градоначальник И. Фуллон благодушно относился к гапоновскому движению, считая, что опасности оно не представляет, и спохватился только за два дня до назначенной манифестации.

Среди тех, кто принимал решение, единства не было. Либеральный министр внутренних дел князь Святополк-Мирский выступал против жестких мер. Он считал, что толпу нужно пропустить, принять депутацию рабочих, пообещать ей что-нибудь, и в конце концов все разойдутся. Но тут вспомнили, что в 1896 году на московской коронации скопление неконтролируемой людской массы закончилось давкой и многочисленными жертвами. Градоначальник сказал, что новой Ходынки, да еще перед царским дворцом допустить ни в коем случае нельзя. Хорошо бы арестовать зачинщика Гапона, но это надо было делать раньше — теперь он со всех сторон окружен рабочими, они его так просто не отдадут. В конце концов решили поставить заслоны на всех магистралях, ведущих к центру города, ибо главное — чтоб не было безобразий на Дворцовой площади.

Министр поехал к государю. У того своих идей не было. Запись в дневнике его величества лаконична: «Ясный морозный день. Было много дела и докладов. Завтракал Фредерикс [министр двора]. Долго гулял. Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется 120 000 чел. Во главе рабочего союза какой-то священник социалист Гапон. Мирский приезжал вечером для доклада о принятых мерах».

На всех направлениях расставили войска и полицию, в общей сложности сорок тысяч вооруженных людей. Командирам частей по сути дела была предоставлена возможность поступать по ситуации.

И назавтра произошло то, что не могло не произойти в таких обстоятельствах.

Военные действовали по уставу. Когда колонна отказывалась подчиниться приказу, сначала стреляли в воздух, а потом по толпе. Расстрел произошел в девяти разных местах. По разным оценкам, погибли от 130 до 200 человек, несколько сотен были ранены. Боясь новой Ходынки, власть устроила «Кровавое воскресенье» — и восстановила против себя всю страну, без того взбудораженную военными неудачами.

С хроникой дальнейших событий можно ознакомиться во второй части книги.

В кратком же изложении их последовательность была такая.

Первой реакцией на расстрел были оцепенение и ужас. Говорили, что под пулями погибли тысячи. Затем поднялась небывалая волна возмущения. В Риге и Варшаве прошли протестные забастовки. Зашумели студенты. Резко радикализировалось Общество. Казалось, в стране не осталось сословий, которые поддерживают правительство.

«Кровавое воскресенье». *В. Коссак*

Сверху поступали противоречивые сигналы, свидетельствовавшие, что верховная власть в растерянности. Царь приказал создать комиссию, чтобы «выяснить причины недовольства». Постановили заслушать рабочих представителей. Когда те выступили с политическими требованиями, комиссию упразднили. Затем, в феврале, одновременно вышли суровый манифест об «искоренении крамолы» и милостивый рескрипт о созыве Думы.

Весна прошла в обстановке всеобщей взвинченности. Либеральное Общество бурлило, рабочие бастовали, крестьяне волновались.

Положение правительства осложнялось скверными вестями с войны. В феврале под Мукденом разбили армию, в мае при Цусиме — флот.

Одновременно беспорядки вышли на новый уровень — стали не просто повсеместными, но во многих случаях сопровождались столкновениями с полицией.

Во время забастовки текстильных фабрик Иваново-Вознесенска (современное Иваново) произошло событие, которое будет иметь

большие последствия: рабочие создали Совет уполномоченных, и он попытался захватить власть в городе. Затем эта форма самоуправления распространилась и на другие города.

В июне рабочие демонстрации в Лодзи закончились баррикадами и уличными боями. Жертв было больше, чем в Кровавое воскресенье.

Сразу после этого поднялась Одесса и взбунтовался экипаж броненосца «Князь Потемкин-Таврический» — первый случай мятежа в вооруженных силах (в феврале 1917 года это приведет к падению монархии).

Всё лето ширилось стачечное движение, происходили митинги и манифестации, демонстранты дрались с полицией, террористы стреляли и кидали бомбы, легальные и нелегальные оппозиционеры пытались выработать совместный курс действий. В конце концов им это удалось, и осенью противостояние вошло в критическую фазу. В октябре началась всероссийская политическая забастовка.

Остановились железные дороги, кровеносная система огромной страны. Перестали выходить газеты. Прекратились занятия не только в высших учебных заведениях, но и во многих гимназиях. В Москве отключили водопровод.

Приближался тотальный паралич государства.

Вот в какой обстановке вышел эпохальный Манифест 17 октября — вынужденная уступка мощному протесту, справиться с которым у Власти не было ни умения, ни ресурсов.

В разделе, посвященном отношениям Власти и Общества, было рассказано, что эта уступка снизила напряжение ненадолго. Затем произошло то, что всегда происходит, когда правительство проводит реформы не по собственному почину, а под давлением снизу — это воспринимается как слабость.

Многим группировкам обширного оппозиционного лагеря — либералам, представителям национальных движений, а более всего революционерам — уступок, перечисленных в Манифесте, показалось мало. Негодование разразилось и в правых кругах, где тоже имелись свои экстремисты.

Поляки и финляндцы добивались свободы. Рабочие преисполнились ощущения своей силы и выдвигали все новые требования. Опаснее всего, что участились военные мятежи. В Кронштадте, то есть в непосредственной близости от столицы,

матросы на два дня захватили город — пришлось отправлять туда лейб-гвардию. Во Владивостоке взбунтовались возвращавшиеся с японской войны солдаты. В Севастополе произошло восстание и в армейских частях, и на флоте; мятежный крейсер «Очаков» пришлось подвергнуть артиллерийскому обстрелу.

В деревне новость о «свободах» восприняли обычным образом — наконец-то отдадут помещичью землю. Когда этого не произошло, в нескольких губерниях крестьяне стали забирать ее сами. Особенно бурно этот процесс происходил в Лифляндии и Курляндии, где к социальной розни присоединялась национальная, поскольку крестьяне были латыши, а помещики — немцы. Восставшие нападали не только на усадьбы, но и на солдат, пытавшихся сохранить порядок.

В этот период власти действовали по-пожарному: пытались гасить огонь после того, как тот уже вспыхнул, причем пробовали и кнут, и пряник. Строгости вызывали в Обществе и народе ожесточение, поблажки придавали борцам с режимом смелости.

В Польше ввели было военное положение, но неделю спустя пообещали, что это ненадолго. Вторую всероссийскую забастовку, объявленную в ноябре из солидарности с арестованными кронштадтцами, сначала запретили как нарушающую условия Манифеста, но потом пообещали судить матросов без излишней суровости. На селе, вдали от прессы и общественности, местная администрация не миндальничала — в основном применяла меры карательные. Но не помогало и это. Чтобы сбавить накал недовольства, правительство окончательно освободило крестьян от выкупных платежей за наделы. Тоже не подействовало.

В Петербурге, прямо под носом у правительства, возник Совет рабочих депутатов. «Новое “начальство” держало себя все более властно, — пишет Ольденбург. — Оно на несколько часов силою захватывало частные типографии, чтобы печатать свои “Известия”». Терпеть такое в столице было невозможно, и полиция арестовала председателя Г. Хрусталева-Носаря, в прошлом активиста гапоновского движения. Но место арестованного занял молодой, энергичный социал-демократ Лев Троцкий, и Совет повел себя еще радикальней: стал обсуждаться вопрос о вооруженном восстании. Решили, что оно невозможно, поскольку в городе и вокруг него расквартирована вся гвардия. Вместо этого Совет опубликовал — не в листовках, а прямо в

газетах — манифест о начале кампании гражданского неповиновения: налогов не платить и бумажных денег не употреблять, чтобы обрушить рубль. «Надо отрезать у правительства последний источник существования — финансовые доходы», говорилось в манифесте. После этого арестовали уже всех членов Совета.

В ответ социал-демократы и социал-революционеры объявили третью всеобщую забастовку, которая должна была перерасти в революцию. Воззвание, выпущенное 6 декабря, так и называлось — «Приказ о революции».

Поскольку Петербург слишком хорошо охранялся, решили начать со второй столицы, где рабочих было почти столько же, а войск немного.

В Москве начались уличные бои. Подавить восстание смог только гвардейский Семеновский полк, спешно переброшенный по Николаевской железной дороге. В ходе уличных боев погибло больше тысячи человек, в том числе много людей случайных.

Из других промышленных городов на призыв о восстании откликнулся только Ростов-на-Дону. Исход был тот же: несколько дней баррикадной борьбы закончились победой правительственных войск, которым пришлось применить артиллерию.

После декабрьских событий наверху сложилось ощущение, что следует держаться «твердой линии» — она работает лучше. И действительно: порядок на Транссибирской магистрали, парализованной восстаниями демобилизованных солдат и местных советов, довольно быстро восстановила карательная экспедиция генерала А. Меллер-Закомельского, ранее отличившегося при подавлении Севастопольского мятежа. Каратели без колебаний открывали огонь и без церемоний расстреливали пленных.

«Карательный» период растянулся надолго. Всюду повторялась одна и та же история: вспыхивал очередной бунт, прибывали войска, лилась кровь, зачинщиков казнили или отправляли на каторгу. Потом террористы начинали мстить, убивая особенно ревностных карателей. Насилие порождало насилие.

Самые кровавые инциденты произошли в финляндской крепости Свеаборг, где взбунтовался гарнизон; на Черноморском флоте, где восстал еще один боевой корабль — крейсер «Память Азова»; снова

в Кронштадте (всё это июль 1906 года); в Варшаве и Лодзи (август 1906 года).

Борьба пошла на спад только тогда, когда новый премьер-министр Столыпин в августе 1906 года провозгласил «двойной курс»: правительство будет непримиримо воевать с революционерами, но искать общий язык с Обществом. Возникли военно-полевые суды, которые получили возможность моментально расправляться с террористами и вооруженными повстанцами.

Декабрь в Москве. *Г. Савицкий*

> Эта чрезвычайная мера вводилась там, где было объявлено военное положение.
>
> Без предварительного следствия, без прокуроров и адвокатов, при закрытых дверях, одним только решением судей-офицеров, если они считали преступление «очевидным», обвиняемый получал смертный приговор, который немедленно приводился в исполнение. Военнослужащих расстреливали, гражданских вешали. За восемь месяцев действия военных судов было совершено около 700 казней.

Однако Большие Беспорядки сошли на нет не в результате применения «столыпинских галстуков», террора в ответ на террор, а благодаря второй составляющей новой государственной политики.

Правительство наконец перестало работать «по-пожарному», то есть только реагировать на возникающие кризисы, но увлекло Общество созидательной работой: подготовкой большой реформы и парламентскими дискуссиями. «П.А. Столыпину удалось разорвать заколдованный круг, — пишет Ольденбург. — До этого времени проведение реформ неизменно сопровождалось общим ослаблением власти, а принятие суровых мер знаменовало собою отказ от преобразований. Теперь нашлось правительство, которое совмещало обе задачи власти; и нашлись широкие общественные круги, которые эту необходимость поняли».

Беспорядки не переросли в революцию, потому что Общество перестало поддерживать революционеров. Те продолжали вести террористическую деятельность, но теперь «прогрессивная общественность» ей уже не рукоплескала, а ужасалась. Либералы устали от потрясений, им было интересней и приятней бороться за новую Россию не на баррикадах, а в Думе, в прессе, в составе разнообразных общественно полезных комиссий.

На уровне социальных низов успокоению способствовали два обстоятельства. Основная часть населения, крестьяне, присматривалась к новым возможностям, которые открывала столыпинская реформа. Кроме того, начался мощный экономический подъем — перед мировой войной российская индустрия каждый год росла на пятнадцать, а то и на двадцать процентов, что, конечно, сказывалось и на размере заработной платы. Жизненный уровень рабочих повышался.

В этот период, продлившийся до 1914 года, активность революционных партий очень снизилась. Кого-то арестовали, кто-то отошел от политики, многие уехали в эмиграцию и занялись межфракционными раздорами.

Но «рабочий вопрос» никуда не делся. Пролетариату все равно жилось плохо, а в капиталистической экономике за подъемом всегда следует кризис.

В начале лета 1914 года обстановка снова стала накаляться. Стачки и столкновения с полицией начались на бакинских нефтяных промыслах, которые к тому времени обрели огромное значение для

всей промышленности и в особенности для экспорта. В июле разразилась грандиозная стачка в Петербурге. Стачечники вели себя боевито: громили трамваи, валили телеграфные столбы, кидали камнями в полицию.

Обе акции проходили под политическими лозунгами.

Разгоравшееся пламя был потушено пожаром еще большего масштаба: мировой войной.

Через три года случится обратное: пожар революции поглотит пожар войны.

Борьба с революцией

Революционные пропагандисты, а позднее авторы советского периода называли Николая Второго «Кровавым» и изображали царскую Россию страной свирепого, ничем не ограниченного полицейского насилия, где правят казачья нагайка, тюрьма и каторга. Режим часто сравнивали с Опричниной.

На самом же деле самодержавие вовсе не было агрессивной и жестокой диктатурой, ведшей войну с собственным населением, как это делал Иван Грозный. Правительство всего лишь защищало исторически сложившийся формат государства — уж как умело.

Система была совершенно не приспособлена для управления, выражаясь по-современному, методами «мягкой силы», то есть не принуждением, а стимулированием. Не то чтобы царизм вовсе не пробовал действовать «по-хорошему», но всякий раз выходило неуклюже: результат получался либо обратным, как после зубатовского эксперимента или Октябрьского манифеста, либо в лучшем случае временным, как после столыпинской реформы.

Поэтому обычно Власть полагалась на более привычные, полицейские средства «общественного умиротворения», которыми владела гораздо лучше. Проблема заключалась в том, что подобного рода терапия всегда борется с симптомами болезней, но не с их причинами.

Тайная полиция

России принадлежат два сомнительных исторических «достижения». Здесь в 1870-е годы зародился организованный революционный терроризм, а затем возникла первая по-настоящему профессиональная спецслужба. За четверть века войны с революционным подпольем и общественным брожением империя создала почти идеальную машину надзора и быстрого реагирования.

Притом что обычная полиция, следящая за бытовым порядком, работала неважно и страдала от вечной нехватки кадров, полиция тайная по организации, численности и опытности не имела себе равных в мире. Это и неудивительно, поскольку никакому другому из тогдашних государств не приходилось бороться со столь грозным антиправительственным движением.

В суровые времена Николая I органы государственной безопасности — Третье отделение и Жандармский корпус — в основном гонялись за химерами, подчас выдумывая заговоры, где их не было (например, в деле петрашевцев). При Александре II, когда революционная угроза стала реальностью, систему пришлось спешно перестраивать. Кое-что успел сделать граф Лорис-Меликов, преобразовавший «Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии» (там было всего 72 сотрудника) в полноценный Департамент государственной полиции, но завершено переустройство было уже при Александре III.

Особенность полицейского государства среди прочего заключается в том, что оно никогда не обходится единой системой безопасности. Они всегда дублируются. Это происходит из-за того, что высшее начальство чувствует потребность перепроверять поступающую информацию и не хочет становиться заложником одной монопольной спецслужбы.

В законченном виде российская структура органов безопасности выглядела следующим образом.

Общее руководство осуществлял министр внутренних дел — вплоть до учреждения в 1905 году должности премьера это был самый влиятельный член правительства, фактически его глава.

Министру подчинялись два мощных ведомства, занимавшиеся борьбой с политической оппозицией: Жандармский корпус и Департамент полиции.

Основной контингент сил безопасности составляли жандармы, считавшиеся военнослужащими и имевшие обычные армейские звания. По всей стране существовали жандармские управления, в ведение которых входило наблюдение за общественными настроениями и нелегальными организациями, расследование государственных преступлений, розыск злоумышленников. Губернаторам начальники управлений не подчинялись и даже не всегда информировали их о своей работе. Отдельно функционировали жандармские органы на железных дорогах, которые представляли собой ключевую инфраструктуру империи и были уязвимы в случае транспортных забастовок или диверсий. Перед революцией в России было в общей сложности 108 региональных и транспортных жандармских управлений, где служили почти пятнадцать тысяч человек.

Если Жандармский корпус можно назвать «телом» системы безопасности, то его «мозгом» являлся Особый отдел Департамента полиции, созданный в 1898 году.

Отдел, поначалу очень маленький, постепенно разрастался и в конце концов объединил работу восьми отделений. Первое ведало охраной высочайших особ, контрразведкой и нереволюционными партиями. Второе — социалистами-революционерами. Третье — социал-демократами. Четвертое — националистами и кадетами (последние считались «полуреволюционерами»). Пятое — дешифровкой и перлюстрацией. Шестое — кадрами. Седьмое — общими вопросами политической благонадежности (что разрешать, а что запрещать). Было еще и восьмое, «особо секретное», для работы с тайной агентурой.

В ЦСА (Центральном справочном аппарате) имелась тщательно разработанная картотека не только по партиям, организациям и кружкам, но и по всем людям, попадавшим в поле зрения тайной полиции — в конце концов там наберется два с половиной миллиона учетных карточек.

На региональном уровне Департамент развернул еще и сеть оперативных управлений — так называемых «охранных отделений». Со временем они приобрели такую известность, что термином «Охранка» иногда стали называть вообще все органы политической полиции, тем более что жандармы, «охранники» и представители Особого отдела

часто работали вместе, помогая другу другу или конкурируя между собой.

До 1902 года охранные отделения имелись только в трех главных городах империи — в Санкт-Петербурге, Москве и Варшаве, где требовалась особая бдительность. При самой большой Охранке, московской, существовало спецподразделение «Летучий отряд филеров». В нем служили лучшие мастера слежки, сыска и арестного искусства. Их по необходимости перебрасывали в любую губернию.

Но окончание «стабильности» и рост протестных настроений побуждали министерство внутренних дел открывать эти опорные пункты государственной самозащиты всё в новых и новых регионах. К 1908 году охранных отделений в стране насчитывалось уже больше трех десятков.

К этому времени всё, что можно, было давно «зачищено». В ходе борьбы с беспорядками 1905–1907 годов были отправлены за решетку 28 000 человек, вынесено две с половиной тысячи смертных приговоров. Тюрьмы и каторга были переполнены политическими. Свою непосредственную работу тайная полиция успешно выполнила.

Филеры «под прикрытием»

Руководили ею, как правило, люди весьма неглупые. Некоторые из них отлично понимали, что истинная проблема вовсе не в подпольщиках-революционерах, а в противостоянии между Властью и Обществом.

В аналитической записке директора Департамента полиции В. Брюн-де-Сен-Ипполита от 2 сентября 1914 года давался очень точный анализ внутриполитической ситуации. Констатировалось, что «первенствующее руководящее значение» в «революционной смуте» играют вовсе не эсеры и эсдеки, «физическая сила» революции, а «оппозиционная часть общества» и прежде всего кадеты, «лицемерно отвергающие насилие». И далее предсказывались будущие события: «…На том этапе движения, до которого доведет общее мятежное выступление революционных сил, представители кадетской партии займут важнейшие правительственные посты, почему будут достигнуты расширение свободы слова, союзов, собраний и т. п., то есть создадутся такие условия, при которых усиленная социалистическая пропаганда и агитация почти не будут встречать противодействия, что, в свою очередь, ускорит приближение к осуществлению программы всех социально-революционных партий — к водворению в России республики».

Эти доводы и прогнозы никого не убедят и ничего не изменят. Всё так и случится, а полицейский Нострадамус в 1918 году застрелится.

Разумеется, полиция не может вырабатывать политический курс, ее задача — обеспечивать его выполнение. И все же Охранка несла на себе изрядную долю ответственности за кризис государства. Искореняя революцию, она совершала деяния, вред от которых перевешивал все сыскные успехи.

«Грязные руки» и «чистые руки»

Внутри руководства спецслужб происходила борьба двух течений. Одно, вполне обычное для полицейского государства, исходило из тезиса, что на войне все средства хороши и что, не запачкавшись, грязь не уберешь. Деятели этого сорта, как правило, отлично справлялись с тактическими задачами: кого надо выслеживали и вылавливали, умело

внедряли шпионов, ловко использовали провокаторов — в общем, были превосходными оперативниками.

Но было и другое течение, заботившееся о престиже государственной власти и не желавшее пачкать руки недостойными методами. Когда у руля оказывались начальники подобного образа мыслей, полиция работала менее эффективно, зато ее больше уважали.

Состязание двух этих методик, у каждой из которых имелись свои плюсы и минусы, представляет собой весьма интересный сюжет.

Панический страх перед «Народной волей», которая долгое время оставалась неуловимой и в конце концов убила императора, заставила полицию не церемониться в розыскной работе. С начала восьмидесятых годов установилась ситуация, при которой самую быструю карьеру делали служаки, не гнушающиеся никакими методами.

Самой яркой «звездой» тайных операций слыл Петр Рачковский.

В молодости он был арестован по подозрению в связях с народовольцами, согласился стать тайным сотрудником и оказался столь полезен, что его откомандировали в Европу руководить заграничной агентурой.

Живя в Париже, Рачковский весьма успешно выслеживал революционеров-эмигрантов, проявляя незаурядную изобретательность (например, оплачивал газетные кампании во французской прессе, направленные против «нежелательных иностранцев»). Нечистоплотный в финансовых делах, он был уволен по приказу министра Плеве, но когда того убили, вернулся на службу и опять пошел в гору. (Есть серьезные основания полагать, что убийство Плеве произошло не без участия Рачковского, но об этом чуть ниже.) Одной из инициатив предприимчивого Петра Ивановича была провокация с запуском фальшивых «Протоколов Сионских мудрецов», призванных разжечь антисемитские настроения. Главным агентурным достижением стала вербовка бывшего предводителя рабочего движения Гапона.

Рачковский дослужился до генеральского чина и должности вице-директора Департамента полиции.

Тайные агенты, как внедренные, так и перевербованные, употреблялись полицией всегда, но теперь утвердилась практика активного использования агентов-провокаторов, которые иногда сами создавали нелегальные кружки или заговоры, участники которых затем арестовывались. Считалось, что провокаторы — это такие «санитары леса», ведущие профилактическую работу по нейтрализации потенциально опасного контингента, на самом же деле подобное интриганство помогало честолюбцам продвигаться по службе: они победно рапортовали об очередной победе над подпольем и получали награду или повышение. Особенно активизировалось провокаторское движение в периоды революционного затишья, когда чрезмерно разросшимся органам безопасности требовалось демонстрировать свою актуальность. После 1907 года, когда революционное движение в основном было раздавлено, машина продолжала работать на полном ходу. Начальник московского охранного отделения А. Мартынов, автор мемуаров «Моя служба в Отдельном корпусе жандармов», писал: «Без хорошего провокатора невозможно сделать карьеры… Солидный “сотрудник” — это успех, это повышение, награды, бесконтрольные суммы, власть».

П.И. Рачковский

Классическим примером полицейской провокации была деятельность Зинаиды Гернгросс-Жученко, внедренной в революционное движение еще в середине девяностых и продержавшейся в нем больше пятнадцати лет.

Жандармский генерал Заварзин пишет, что она работала «из любви к таинственному, риску и отчасти авантюризму». Среди самых успешных провокаторских операций, проведенных «агентом Михеевым» (из конспирации агентка проходила под мужской кличкой), была организация покушения на царя во время коронации — Жученко сама помогла пылким студентам сделать бомбу, а потом сдала их полиции.

Потом она точно так же «помогла» эсерке Фрумкиной подготовить покушение на московского градоначальника Рейнбота, снабдила ее пистолетом — и отправила на виселицу. Посодействовала Жученко и карьере знаменитого Курлова, будущего начальника Жандармского корпуса. Эсер Пулихов бросил в него бомбу, которая не разорвалась, потому что акцию устроила «товарищ Жученко». В результате Курлов получил повышение, Пулихова казнили, а провокаторша удостоилась очередной награды.

Будучи в конце концов разоблачена, эта мутная особа по личному указанию императора получала «поистине княжескую пенсию» (цитата из ее благодарственного письма).

П. Щеголев, после революции исследовавший архивы Департамента полиции, пишет, что на секретную агентуру тратились большие деньги — 600 тысяч рублей в год, но намного дороже обходился репутационный ущерб: «Эту сумму нельзя признать огромной в сравнении с тем количеством мерзости и растления, которое вносилось в русскую жизнь этим институтом секретного сотрудничества».

Еще опаснее была широко практиковавшаяся технология «двойного агентства» — когда завербованный революционер, продолжая свою антиправительственную деятельность, в то же время находился под контролем полиции. Иногда трудно было понять, кому от такого агента больше вреда — революции или государству. Не говоря уж о том, что люди, способные на двойную жизнь, малопредсказуемы и, перекрасившись один раз, могут потом сделать то же самое. Пример жандарма Судейкина, который еще в 1883 году был убит покаявшимся перед своими товарищами «сотрудником», новых Судейкиных ничему не научил. В 1909 году при точно таких же обстоятельствах

перевербованный эсер А. Петров подорвал самого начальника столичной Охранки полковника А. Карпова, заманив его на конспиративную квартиру.

Но Карпов был мелкой сошкой по сравнению с жертвами короля «двойных агентов» Евно Азефа.

Место убийства полковника Карпова

Первоначально Азеф был просто агентом, работавшим на полицию за плату. Психологически сложной личностью, кажется, не был — просто любил деньги. Человек при этом был очень способный, ловкий, расчетливый и хладнокровный. Эти качества помогли ему сделать «революционную карьеру». Он вступил в новосозданную партию эсеров, вошел в состав ее Боевой Организации, стал правой рукой легендарного Гершуни, которого в конце концов сдал полиции и после этого сам возглавил террористическую группу.

Полиция платила ценному агенту министерское жалованье — по тысяче рублей в месяц.

Фокус, однако, состоял в том, что Азеф обманывал не только товарищей по партии, но и своих «кураторов». Некоторые акции он выдавал полиции, и боевиков арестовывали. Но были и теракты, про которые Азеф говорил, что не смог их предотвратить, хотя на самом деле имел к ним прямое отношение.

Существует подозрение, что убийство Плеве он организовал по поручению Рачковского. Покушение на великого князя Сергея Александровича понадобилось махинатору в качестве индульгенции на будущее. В биографическом очерке, посвященном двойному предателю, М. Алданов пишет: «Метод действий Азефа в схематическом изложении был приблизительно таков. Он «ставил» несколько террористических актов. Некоторые из них он вел в глубокой тайне от Департамента полиции с расчетом, чтобы они непременно удались. Эти организованные им и удавшиеся убийства страховали его от подозрений революционеров… Другую часть задуманных террористических актов Азеф своевременно раскрывал Департаменту полиции, чтобы никаких подозрений не могло быть и там. При этих условиях истинная роль Азефа была в течение долгого времени тайной и для революционеров, и для деятелей департамента. Каждая сторона была убеждена, что он ей предан всей душой».

Азеф

Результаты операции «Азеф», длившейся несколько лет, выглядели сомнительно даже и с полицейской точки зрения. Количество предотвращенных и совершенных терактов были примерно равны. Когда же эта интрига стала достоянием гласности (при обстоятельствах,

о которых речь впереди), наступила расплата: реакцией Общества были ужас и отвращение.

Не меньший резонанс вызвала скандальная история с двойным агентом Р. Малиновским — не кровавая, но ударившая в весьма чувствительную точку: по хрупкому сотрудничеству между Думой и правительством.

Большевик Роман Малиновский, глава социал-демократической фракции в Четвертой Думе, оказался платным сотрудником Департамента полиции. Выяснилось, что свои революционные выступления он первоначально согласовывал с начальством. Все депутаты, даже крайне правые, восприняли эту полицейскую затею как оскорбительную для парламента. Именно правые устроили Малиновскому публичную обструкцию: Пуришкевич кинул ему серебряный рубль, а другой черносотенец, Марков-второй, присовокупил, что это сребреник Иуды. После этого провокатору пришлось бежать за границу.

Но самым драматическим эпизодом игры в «двойных агентов» была гибель главы правительства и самой значительной фигуры той эпохи Петра Столыпина.

Его застрелил анархист и одновременно осведомитель охранного отделения — в упор, в антракте театрального представления, которое проходило в высочайшем присутствии и потому сопровождалось усиленными мерами безопасности. Дмитрий Богров не только имел пропуск, но и сумел пронести в зал оружие, потому что пользовался у полицейских начальников полным доверием. Это выглядело до такой степени подозрительно, что и у современников, и у потомков возникла версия, не сами ли спецслужбы организовали покушение на премьер-министра? К 1911 году Охранка стяжала себе такую скверную славу, что подозрение выглядело вполне правдоподобным.

> Споры об этом запутанном деле продолжаются и поныне, но на самом деле никакого полицейского заговора, скорее всего, не было. Богров происходил из очень богатой семьи и в «сребрениках» не нуждался. Известно, что еще за год до акции он говорил одному из руководителей эсеровской партии, что намерен застрелить Столыпина, поскольку «в русских условиях систематическая революционная борьба с центральными лицами единственно целесообразна».

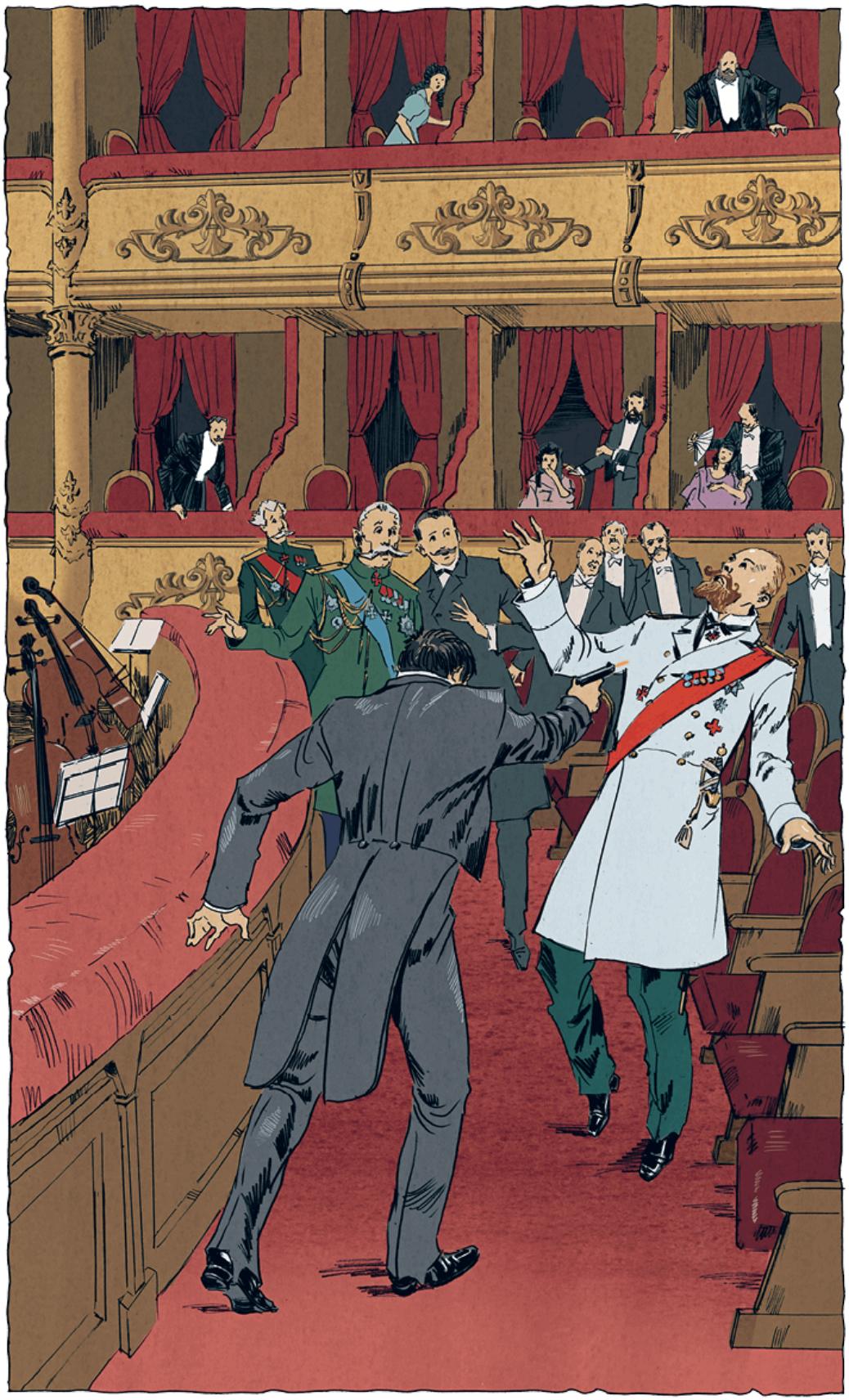
Поддержки от подпольщиков он не получил и действовал в одиночку. Предложил свои услуги полиции, втерся в доверие к недалекому начальнику Киевского охранного отделения Кулябко и во время приезда высоких столичных гостей напугал полковника известием о готовящемся покушении на императора. Пропуск на спектакль он получил, потому что якобы знал террориста в лицо и мог опознать.

Поступок был суицидальный во всех смыслах. Богров заплатил за него не только жизнью, но и посмертной репутацией: даже в советской литературе, описывавшей революционеров-террористов как героев, убийцу Столыпина изображали мутным, запутавшимся в жизни субъектом. Но прав, похоже, враждебный к двойному агенту Ольденбург: «Он хотел не только устранить Столыпина, но в то же самое время посеять смуту в рядах сторонников власти, внести между ними взаимное недоверие, заставить их начать «стрельбу по своим». Богров сознательно жертвовал своей «революционной честью», чтобы нанести более опасный удар ненавистному ему строю. И он действительно достиг обеих своих целей».

Еще вопрос, кто нанес более опасный удар по строю — революционный фанатик или сама Охранка, создавшая себе репутацию, при которой ее готовы были подозревать в каких угодно гнусностях.

Однако среди руководителей системы безопасности встречались и люди не полицейского, а государственного ума, хорошо понимавшие, что бороться нужно в первую очередь не с подпольем, но с враждебностью Общества и что ключом здесь является уважение к институтам власти. Используя грязные методы, можно победить в тысяче мелких боев и при этом проиграть войну.

За короткий срок во главе спецслужб дважды оказывались деятели, пытавшиеся исправить положение.



Убийство Столыпина. *И. Сакуров*

В 1903 году директором Департамента стал Алексей Лопухин, человек твердых монархических убеждений, но не менее убежденный сторонник законности. Это он пресек провокацию с распространением погромных листовок, которые выпускал отдел ротмистра Комиссарова, о чем я рассказывал в главе, посвященной «еврейскому» вопросу. Лопухин выпустил специальную инструкцию, в которой Охранке воспрещалось соучаствовать в подготовке государственных преступлений через секретных агентов — это означало принципиальный отказ от всякого провокаторства. Кроме того, Лопухин подал императору докладную записку, в которой доказывал, что одними полицейскими мерами революцию не победить — нужны структурные реформы.

На своей должности Лопухин продержался недолго. Его сместили за то, что полиция не уберегла великого князя Сергея Александровича, хотя произошло это, как мы знаем, именно вследствие провокаторской деятельности Азефа — о его истинной роли не догадывался даже директор Департамента. Впоследствии именно Лопухин — уникальный случай — помог революционеру Бурцеву, заподозрившему Азефа в предательстве, разоблачить двойного агента. Революционерам при этом его превосходительство нисколько не сочувствовал, он всего лишь хотел очистить полицию от грязи. Азеф скрылся, а Лопухин за провал ценного агента был приговорен к 5 годам каторги.

Другую попытку восстановить репутацию спецслужб предпринял Владимир Джунковский, в 1913 году занявший пост заместителя министра внутренних дел по всей полицейской работе. Он считал нормальным использование секретной агентуры, но запретил и двойных агентов, и провокаторов, а также объявил неэтичным держать шпионов среди студенчества и в армии. Считая охранные отделения «рассадниками провокации», Джунковский почти все их закрыл, оставив всего несколько в самых проблемных регионах.

По инициативе этого адепта «чистых рук» завершилась и карьера Малиновского. «Когда я узнал, что он состоит в числе сотрудников полиции и в то же время занимает пост члена Государственной думы, я нашёл совершенно недопустимым одно с другим, — пишет Джунковский. — Я слишком уважал звание депутата и не мог

допустить, чтобы членом Госдумы было лицо, состоящее на службе в Департаменте полиции, и поэтому считал нужным принять все меры к тому, чтобы избавить от неё Малиновского». Шеф жандармов известил председателя Думы о двойной жизни лидера социал-демократов — и агент был с позором изгнан.

А.А. Лопухин и В.Ф. Джунковский

Принципиальность Джунковского не пошла ему на пользу. Тревожась за катастрофически обрушенный авторитет высшей власти, генерал стал слишком рьяно бороться с распутинщиной, за это в 1915 году был снят с должности и отправлен на фронт.

«Чистыми руками» полицейский режим поддерживать, увы, невозможно. (Зато «погромный» ротмистр Комиссаров сделал головокружительную карьеру: выслужился в генералы и возглавил охрану Распутина.)

Клин клином

Отдельным направлением борьбы с либеральной оппозицией и революционным движением было создание ультраправых организаций, режиссировавшееся той же тайной полицией.

Первая попытка подобного рода — вышибить клин клином, то есть использовать против левого экстремизма экстремизм правый — была предпринята еще в начале восьмидесятых годов, когда в кругах, близких к великому князю Владимиру Александровичу, возникло тайное общество «Священная дружина», собиравшееся ответить террором на террор. Из затеи ничего не вышло, поскольку руководители этого великосветского клуба были слишком большими аристократами, которые не спешили пачкать руки грязной работой, да и наверху в конце концов решили, что — выражаясь современным языком — монополия на насилие должна оставаться только у государства.

Потом в течение двух десятилетий порядок обеспечивался одними полицейскими мерами. Но к 1905 году «стабильность» окончательно рассыпалась, после объявления о будущих думских выборах Общество пришло в движение, и оказалось, что Власть находится в очень невыгодной и уязвимой позиции: не в центре политического спектра, а на его правом краю. Тогда и возникла идея создать массовое движение, которое будет «правее» правительства и даст ему простор для маневра.

Теоретически логичный, этот проект имел не много шансов на успех. Внутри Общества, то есть политически мотивированной части населения, конечно, имелись и люди ультраправых взглядов, готовые защищать самодержавие, но, как ни парадоксально это звучит, прямая поддержка государства, в первую очередь полиции, не усиливала, а ослабляла подобные поползновения.

Охранке было мало иметь в лице ультраправых верных союзников. Начальство желало полностью контролировать своих сторонников, а те, в свою очередь, не видели причин отказываться от помощи сверху. Но казенное, как известно, живым не бывает. В России вполне существовала социальная и культурная база для создания сильного протофашистского движения, основанного на контрреволюционной, антидемократической, националистической идеологии. Она нашла бы поддержку у консервативных слоев, враждебно или подозрительно относившихся к «ниспровергателям»

любого толка. Однако Власть душила зарождающееся движение в своих объятьях.

> Скажем, в декабре 1905 года, на пике беспорядков, император решил удостоить аудиенции делегацию «простых людей» из только что созданного «Союза русского народа».
>
> Встреча происходила следующим образом.
>
> «Правы ли мы, государь, оставаясь верными самодержавию?» — задал сложный вопрос один из членов депутации. Царь ответил, что да, совершенно правы: «Объединяйтесь, русские люди, я рассчитываю на вас» — и с благодарностью принял знаки похвальной организации, как бы и сам став ее членом.
>
> Общественная инициатива перестает быть инициативой, когда относится к Власти как к непосредственному начальству.

Зато при столь высоком покровительстве движение сразу взяло высокий старт, причем возникло несколько групп, конкурировавших между собой. Этих «истинно русских людей» (как они сами себя аттестовали) вскоре стали называть «Черной сотней». Имелась в виду аналогия с «черными сотнями» (посадскими общинами), которые в эпоху Смутного Времени собрали народное ополчение против иноземных оккупантов. Аллюзии на драматические события семнадцатого века — «Вставайте, люди русские», «Жизнь за царя» и прочее подобное — были у правых в большом ходу еще и в связи с приближавшимся трехсотлетием дома Романовых.

Знак «Союза русского народа»

На роль нового Кузьмы Минина претендовали многие. Появилось не менее десятка довольно однообразных по духу и названию организаций: «Союз борьбы с крамолой», «Союз русских людей», «Русская монархическая партия», «Общество активной борьбы с революцией» и т. п.

Жизнеспособными, однако, оказались только два объединения, которые стали играть довольно активную роль в российской политике.

Упомянутый выше «Союз русского народа» был учрежден в конце 1905 года. Его лидером стал врач-педиатр А. Дубровин, человек страстный и красноречивый, одержимый идеей еврейского заговора. (Суд однажды даже приговорил его к короткому тюремному заключению за клевету о том, что евреи добывают кровь православных младенцев.) Идея организации состояла в том, чтобы бороться с революционными акциями и терактами точно такими же средствами — массовыми монархическими демонстрациями и оружием. Деньги на свою деятельность СРН получал из фондов Департамента полиции, что позволило открыть филиалы по всей стране, содержать вооруженные «дружины самообороны» и выпускать газету «Русское знамя», девиз которой лаконично передавал суть программы «Союза»: «За Веру Православную, Царя Самодержавного, Отечество нераздельное и Россию для Русских».

Манифестация «Союза русского народа» у Казанского собора в 1913 году

Через некоторое время в организации произошел раскол по вопросу об участии в Думе. Дубровин считал эту затею вредной ошибкой, подрывающей силы самодержавия.

Менее радикальное крыло, которым руководил В. Пуришкевич, бывший чиновник особых поручений при министре Плеве, создало «Русский народный союз Михаила Архангела», ориентированный на участие в новой политической системе. Потом от СРН отделилась еще одна фракция, тоже претендовавшая на места в парламенте и получившая их. Эту группировку возглавлял Н. Марков-второй, деятель дворянского движения.

Оба — и Пуришкевич, и Марков — активно использовали думскую трибуну для пропаганды своих взглядов и были постоянными фигурантами всевозможных скандалов, сильно оживлявших общественную жизнь.

Другой знаменитостью ультраправого лагеря был депутат В. Шульгин, к тому же выпускавший популярную газету «Киевлянин» (ее постоянным читателем был сам император).

Однако, как уже говорилось, в Думе, этом главном представительном институте Общества, несмотря на всю официальную поддержку, крайние монархисты находились в меньшинстве, составляя всего пятую часть депутатов.

Реальное влияние черносотенцев на общественные настроения было и того меньше — мешала репутация провластного, несамостоятельного движения.

Итак, со своей политической задачей ультраправые справлялись плохо. Но у экстремистов, находящихся на антидемократическом фланге, есть еще одна полезная для Власти функция: они могут пугать Общество своей неукротимостью, побуждая — конечно, не революционеров, но либералов — искать спасения у правительственных структур.

Охранка пробовала задействовать этот механизм. Одним из мотивов, по которым сотрудники Департамента полиции провоцировали погромные инциденты, было намерение устрашить интеллигенцию «народным гневом» — погромщики накидывались не

только на евреев, но и на «шкубентов с аблакатами». Однако на разбушевавшуюся толпу находилась другая управа: возникали отряды еврейской самообороны, левые боевики нападали на черносотенные сборища. Никто не считал полицию единственной спасительницей — совсем наоборот. Даже в случаях, когда погромы происходили безо всяких провокаций и попустительств, левая пресса стандартно обвиняла в случившемся представителей власти.

Наиболее ярые члены «Союза русского народа» прибегали и к политическим убийствам, но это тоже давало обратный эффект. Во-первых, по размаху правый террор не шел ни в какое сравнение с левым. За всё время черносотенцы убили только трех заметных политиков из демократического лагеря: депутатов-кадетов М. Герценштейна и Г. Иоллоса (которые к тому же были евреями) и «трудовика» А. Караваева. Помимо самого факта убийств, всеобщее возмущение вызвали неуклюжие попытки полиции помешать расследованию.

Много шума наделала попытка покушения на графа Витте, которого черносотенцы — совершенно незаслуженно — считали отцом российского либерализма. В январе 1907 года в особняке бывшего премьера обнаружили заложенную в печь «адскую машину с часовым механизмом». Обвиняли в этом «союзников».

В роковой для монархии час, перед Февралем, когда она растеряла всех своих сторонников, растворилось и верноподданничество черносотенных вождей.

Пуришкевич убьет царского фаворита Распутина, Шульгин станет членом Временного комитета Государственной думы и поедет в ставку склонять Николая к капитуляции. Рядовые «союзники» попрячутся. Никакой помощи от своих полуказенных сторонников самодержавие не получит.

Пандемия

Главная причина

Вот уже целый век длится дискуссия, кто больше виноват в гибели российского государства — «самодержавники», революционеры или либералы? Безусловно, каждая из этих сил внесла свой вклад в случившееся, и всё же непосредственная причина была не внутренней, а внешней. Болела не только Россия, тяжело больна была вся цивилизация. Если б патологии ее развития не привели в 1914 году к всемирному кризису, Россия, вероятно, в конце концов справилась бы со своими эндемичными недугами. Развернулась бы аграрная реформа и превратила крестьян в фермеров, возникла бы система всеобщего образования, рабочее движение двинулось бы по профсоюзному пути, возник бы сильный средний класс и превратил бы самодержавную монархию в конституционную либо заменил бы ее демократической республикой.

Но всего этого не произошло, потому что «Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила его, но даже и разлила».

В течение долгого времени ведущие державы планеты эволюционировали в направлении, которое рано или поздно должно было завершиться глобальным кризисом, всемирной эпидемией разрушения.

Разразившись, пандемия длилась больше трех десятилетий, накатываясь волнами. Она включила в себя не только две мировые бойни, но и множество других несчастий: локальные и гражданские войны, небывалые по масштабу вспышки голода и эпидемии, государственный терроризм и геноцид, возвращение рабства, коллапс экономики, всеобщее озверение. Были применены технологии массового убийства — сначала газовые атаки, потом тотальные бомбардировки целых городов, ядерное оружие.

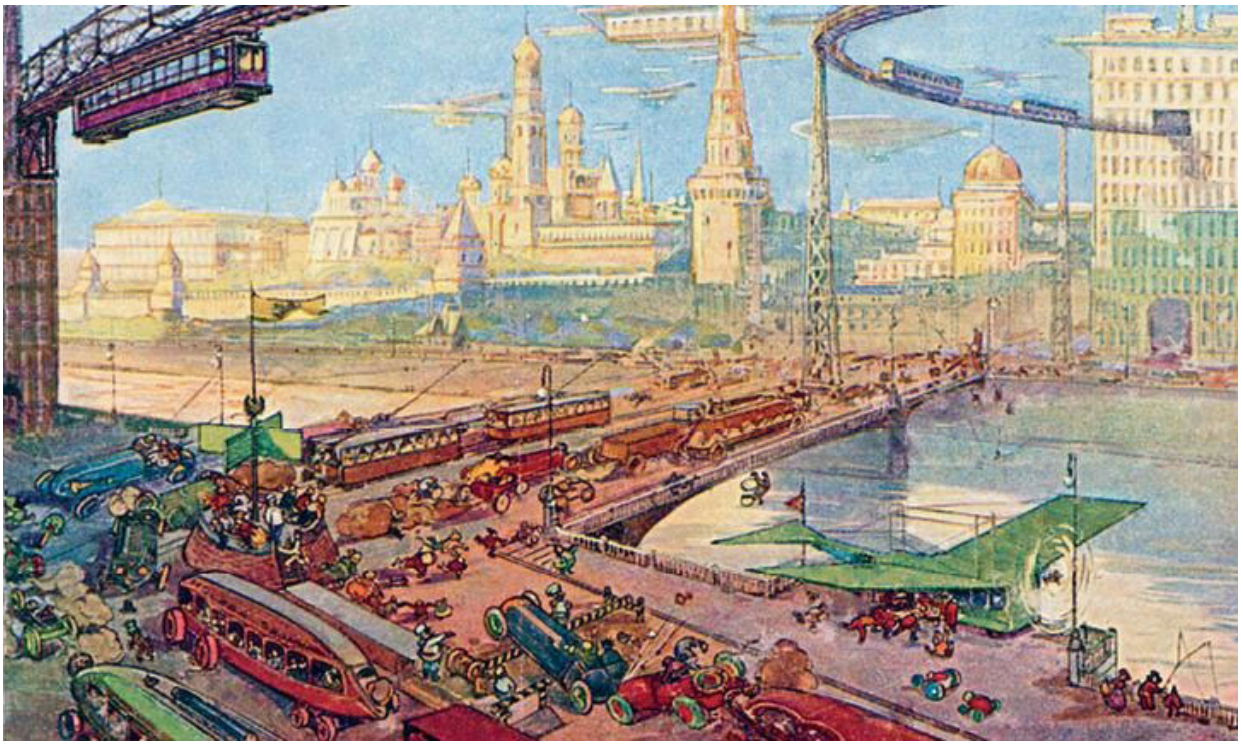
В самом существенном исчислении — человеческих жизнях — эта мегакатастрофа обошлась в сотни миллионов погибших. При этом в списке самых травмированных стран Россия находится хоть и на печальной, но не на худшей позиции. Процент людских потерь Германии или Польши был еще тяжелей, а у китайцев, для которых

потрясения начались раньше и закончились позже всех, общее число жертв вообще не поддается сколько-нибудь точному исчислению.

Отчего же произошел 1914 год, с которого началась долгая череда бед?

У современников было ощущение, что человечество внезапно впало в буйное помешательство или поражено неким таинственным вирусом. В неистовом остервенении, с которым народы самых, казалось бы, развитых стран кинулись истреблять друг друга, действительно было нечто иррациональное, мистическое. Научные открытия и технические триумфы, первые шаги социального прогресса, блестящий расцвет искусства и культуры, мечты о скором земном рае обернулись беспросветным кошмаром.

О причинах, вызвавших крах старого мира, написано множество книг и статей. В следующей главе я перечислю все эти предпосылки: борьба хищных империй, соперничество индустриальных монополий, корыстность военно-промышленного капитала, надежда власть имущих погасить внутренние проблемы за счет национальной мобилизации, амбиции высшего генералитета. Всё это было, всё это правда, но не объясняет главного.



Так представляли себе москвичи новый век в самом его начале

Если бы в начале 1914 года Круппа, или Ротшильда, или Путилова спросили, готовы ли они ради своих барышей покрыть Европу руинами и завалить трупами, промышленники возмутились бы: ничего подобного! То же сказали бы и монархи с премьер-министрами. Даже завзятые милитаристы — военные министры и начальники генеральных штабов — пришли бы в ужас от подобной перспективы. Каждому из них казалось, что маленькая быстрая война — единственное средство спасти цивилизацию от гигантского самоистребления.

Произошло то, чего никто, совсем никто не хотел.

Большая европейская политика в канун катастрофы очень похожа на суету в рубке «Титаника»: все мечутся, крутят штурвал, но его заклинило, и столкновение неотвратимо.

Что за айсберг потопил цивилизацию?

Думаю, правы авторы, считающие главной причиной ментальную незрелость человечества. В девятнадцатом веке наука и техника развивались много быстрее, чем этика. За нарядным фасадом «Прекрасной эпохи» прятался весьма неприглядный мир, в котором властвовала арифметика. Считалось аксиомой, что чем больше территория государства и чем оно грознее, тем для него лучше. В арсеналах копилось оружие страшной разрушительной силы, и патриоты гордились, какими грозными дредноутами и пушками владеет их страна.

Человечество очень напоминало ребенка, смастерившего бомбу и горделиво в ней копающегося. Во всех национальных культурах существовал культ войны, которая была чрезвычайно романтизирована и героизирована. Каждый монарх и каждый принц щеголяли в военном мундире; среди политиков высшего эшелона почти повсеместно преобладали действующие или отставные генералы.

Со времен предыдущей мировой войны (каковой являлись наполеоновские походы) миновало сто лет. Система образования и культура изображали те легендарные времена с ностальгией. Людей учили не бояться войны, а любоваться ею.

Не отличались от правителей и революционеры, которые мыслили исключительно категориями «классы» и «массы». Адептам «нового

мира» представлялось несомненным, что миллион человек в миллион раз важнее одного человека. В этом мире больших чисел все — и власти предержащие и борцы с властями — считали, что цель оправдывает средства. Лес рубят — щепки летят.

Понадобятся две колоссальные встряски и колоссальное кровопускание, чтобы человечество хоть чуточку повзрослело.

А теперь, после этого умозрительного рассуждения, коротко опишу непосредственные, в общем-то второстепенные причины Первой мировой войны.

Европейские монархи в 1909 году

Второстепенные причины

Всемирный конфликт произошел, во-первых, из-за того, что политическую историю планеты определяла конкуренция нескольких империй. Соперничая между собой за территории, сферы влияния,

стратегические пункты, рынки сбыта и источники сырья, империи привыкли полагаться прежде всего на «жесткую силу». С ее помощью они захватывали колонии и побуждали «слабые» страны к подчинению. Когда интересы двух игроков сталкивались, возникало напряжение.

К началу XX века возникло несколько серьезных конфликтов различного масштаба.

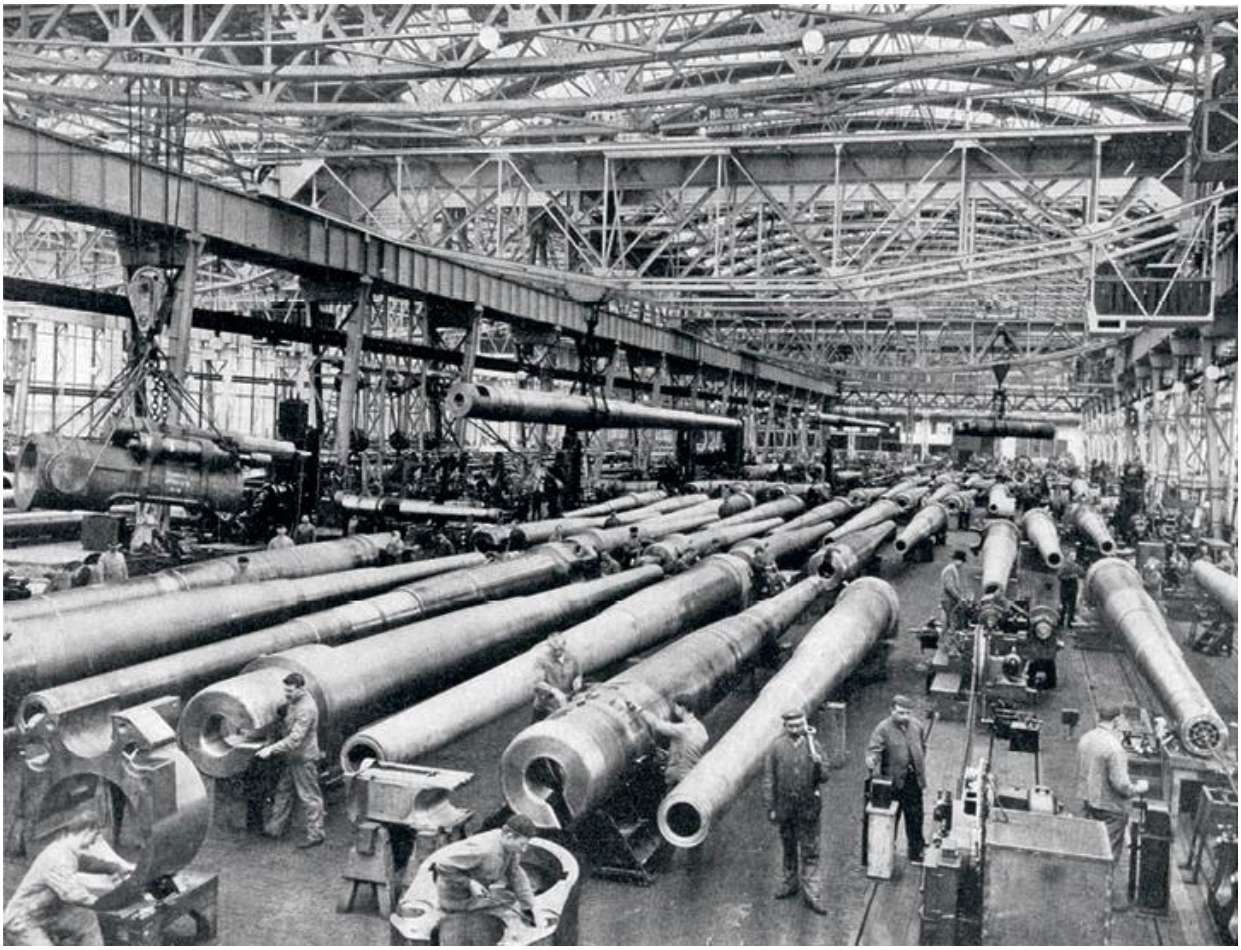
Самым воспаленным являлась франко-германская вражда, наследие войны 1870 года. Во Франции наиболее влиятельной политической силой была партия реванша, готовившаяся вернуть Эльзас и Лотарингию с помощью оружия. Новой войне мешало лишь явное индустриальное и военное преимущество быстро развивающейся Германии.

Но оно тревожило две другие империи — Британскую и Российскую. Первую — потому что опоздавшая к колониальному разделу молодая Германская империя приглядывалась к британским владениям. Вторую — потому что Берлин покровительствовал Австро-Венгрии, а Габсбургская империя соперничала с Российской за первенство на Балканах. Новый участник большой имперской игры, Япония, урегулировав противоречия с Россией по «дальневосточному вопросу», с беспокойством наблюдала за германской активностью в Китае, где немецкие войска оккупировали важный порт Циндао, и в Океании, где флот кайзера захватил несколько архипелагов.

Другим фактором, «работавшим на войну», стало естественное последствие имперского соперничества — гонка вооружений. В каждой из стран-конкурентов возникли военно-промышленные комплексы — могущественные индустриальные и финансовые группы, благополучие и выживание которых обеспечивалось военными инвестициями. Всякое политическое обострение оборачивалось для военно-промышленного капитала новыми выгодными заказами. Заинтересовано в развитии вооруженных сил, разумеется, было и военное командование. Высший генералитет и владельцы оружейных концернов соединялись «по интересам» в могущественные группы влияния.

В Германии негласным лидером «милитаристского лобби» был Густав Крупп, предприятия которого выпускали боевые корабли, пушки, подводные лодки, стрелковое вооружение — одним словом, всё необходимое для войны. В 1910 году Крупп стал инициатором создания «Пангерманской Лиги» (Alldeutscher Verband) — общественного

движения, ратовавшего за увеличение военного бюджета и размера регулярной армии.



Завод Круппа в Эссене

В Англии ту же роль играли два оружейных гиганта: «Армстронг-Уитворт» и «Викерс». Во Франции три: «Шнейдер-Крезо», «Рено» и «Ситроен».

Но нас, конечно, больше всего интересует Россия.

Здесь тоже сработал общий закон формирования военно-промышленного комплекса, согласно которому наилучших результатов добиваются монополии. В первом десятилетии двадцатого века бесспорным вождем всего «военного блока» индустрии являлся Алексей Путилов. Руководимый им синдикат, производивший артиллерийские орудия, военные корабли, боеприпасы, получал огромные заказы от государства.

Новая индустриальная эпоха вывела на первый план «нефтяной вопрос». Империя, имевшая ограниченный доступ к основному источнику топливного сырья, неминуемо проигрывала в геополитической борьбе. Так завязался еще один узел противоречий и возникло еще одно могущественное лобби, нефтяное, тесно связанное как с правительственными верхами, так и с военно-промышленным комплексом. В случае России это, собственно, была всё та же путиловская группа, поскольку разносторонний Алексей Иванович распространял свою деятельность и на эту сферу предпринимательства. В 1912 году он основал «Русскую генеральную нефтяную корпорацию», которая владела контрольным пакетом акций большинства отечественных нефтепромышленных компаний.

К этому времени ключом к «нефтяному вопросу» уже стал Ближний Восток, где начали обнаруживать невиданные запасы ценного сырья. Там российские интересы столкнулись с британскими и германскими. «Англо-Персидская нефтяная компания» (будущая «Бритиш петролеум») активно осваивала залежи в Иране и Ираке, но в Персидском заливе стремилась закрепиться и Германия, пользуясь своим политическим влиянием в Османской империи.

«1913 год прошёл в трудах и борьбе за нефтяные запасы, — вспоминает Черчилль, в то время первый лорд Адмиралтейства. — Мы полностью уверились в нефти как едином источнике энергии для большинства кораблей флота».

В конце концов Россия и Англия договорились о разделе сфер влияния в Персии и о совместной разработке нефтяных богатств, но англо-германские переговоры шли туго, в обстановке взаимного недоверия. Дело в том, что «Дойче банк» финансировал строительство Багдадской железной дороги. Если этот проект осуществился бы, немцы не только получили бы доступ к нефтяным залежам Месопотамии, но и проложили бы удобный и дешевый путь в Индийский океан, минуя Суэцкий канал, контролировавшийся британцами и французами.

Еще одной причиной, по которой правительства некоторых стран-участниц конфликта стали склоняться к идее войны, была внутренняя нестабильность.

Искушение «восстановить гражданский мир, затеяв войну» в значительной степени определило и непримиримость Австро-Венгрии,

которой нужно было удерживать единство своей распадающейся «лоскутной империи», и неуступчивость России, где начались рабочие волнения масштаба, сопоставимого с 1905 годом. В не менее сложной внутриполитической ситуации находилась Британия, от которой в критические июльские дни 1914 года в первую очередь зависело, начнется ли война. Если бы Лондон заявил о нейтралитете, в Париже и Петербурге не решились бы доводить дело до окончательного разрыва с Веной и Берлином — силы были бы неравны. Однако в Ирландии назревала гражданская война между националистами и лоялистами (сторонниками короны). Обе стороны активно вооружались. Министрам пришло в голову, что неплохо бы направить всю эту массу возбужденных мужчин в ряды королевской армии — пусть лучше сражаются с немцами.

Сложившаяся система военно-политических союзов не оставляла шансов на то, что конфликт будет двухсторонним, как предыдущие европейские войны семидесятых годов — между Францией и Германией или между Россией и Турцией. С 1882 года существовал альянс Берлина и Вены: в случае войны «центральные державы» обязались выступить единым фронтом. В 1893 году сформировалось аналогичное франко-русское единство, к которому позднее присоединилась Британия.

При таком разнообразии горючего материала не мог не грянуть колоссальный взрыв. Причин для войны накопилось множество. Не хватало только повода.

Повод

Мировая война могла начаться и раньше. За предыдущее десятилетие несколько раз проскакивали искры, и глобального взрыва не происходило только из-за того, что какая-нибудь из конфликтующих сторон считала себя пока неготовой к решительному противостоянию. Эти «фальстарты» вошли в историю под названием «кризисов».

В 1905–1906 году произошел Танжерский кризис, в ходе которого Германия помешала Франции установить протекторат над Марокко. Момент был выбран с расчетом на то, что главный союзник французов, Россия, крепко увязла на Дальнем Востоке и помочь Парижу не сможет.

В 1908 году разразился упоминавшийся ранее Боснийский кризис, где столкнулись интересы Австро-Венгрии и России. Последняя опять-таки не могла позволить себе держаться твердой позиции, поскольку еще не оправилась от последствий проигранной войны и внутренних мятежей.

В 1911 году Германия с Францией вернулись к подвешенному «марокканскому вопросу», причем на сей раз дошло до военно-морских демонстраций. Вмешательство Англии заставило немцев отступить, но сильно ухудшило отношения между этими двумя державами, что сыграет роль в событиях 1914 года.

Вполне мог разрастись во всеевропейскую войну и большой балканский переразделтерриторий 1912–1913 годов, если бы российской дипломатии удалось сохранить Балканский союз и направить его против Австро-Венгрии, но внутренние противоречия между молодыми странами оказались сильнее балканской солидарности.

Тем не менее Балканы остались самым проблемным регионом Европы. Здесь и случилось происшествие, запустившее цепную реакцию событий, которые быстро стали необратимыми.

В маленькой, по тогдашним понятиям третьестепенной стране Сербии существовала уже поминавшаяся националистическая организация «Черная рука», мечтавшая о создании единого государства южных славян. Этот проект оказался под угрозой, когда стало известно, что будущий австрийский наследник Франц-Фердинанд, который вот-вот взойдет на престол (Франц-Иосиф был стар и дряхл), намерен сделать «двуединую» империю «триединой», предоставив новые права славянским народам. В ходе подготовки к этому преобразованию эрцгерцог должен был посетить недавно присоединенную Боснию, что неминуемо вызвало бы там подъем проавстрийских настроений.

Боснийские боевики, связанные с «Черной рукой», нанесли упреждающий удар: 28 июня 1914 года убили Франца-Фердинанда в Сараево.

Сначала мир отнесся к этому инциденту безо всякой тревоги. С семейством Габсбургов вечно происходили какие-то трагедии, и мало кто представлял себе в точности, где вообще находится Sarajevo. Больше всего жалели супругу эрцгерцога, попавшую под одну из пуль террориста.

Но австрийское правительство решило, что ужасное злодеяние, осужденное всей Европой, дает шанс перекроить сферы влияния на Балканах, оккупировав Сербию, — расследование быстро пришло к заключению, что ниточка тянется в Белград. (Предводитель «Черной руки» Димитриевич, тот самый, что в 1903 году участвовал в убийстве короля Александра, теперь возглавлял сербскую разведку.)

Прежде всего австрийцы обратились за поддержкой к Берлину — и получили «карт-бланш» на любые действия. Имея подобную гарантию, они выбрали предельно жесткую линию давления: предъявили Сербии ультиматум с заведомо неприемлемыми условиями, спешно стягивая войска к границе.

В это время в Петербурге с визитом находился французский президент Пуанкаре, уроженец аннексированной Лотарингии и лидер реваншистского движения. Он призвал царя к твердости. Николай воевать не хотел, но на него давили со всех сторон. Военные убеждали, что при российских расстояниях и слабых коммуникациях нужно на всякий случай провести хотя бы частичную мобилизацию — иначе страна будет не готова к нападению австро-германских войск. Руководители дипломатического ведомства говорили, что бросить Сербию в беде — значит поставить крест на всей балканской политике. Император колебался.

Сербское правительство тоже не хотело войны — убийцы эрцгерцога действовали без санкции сверху. Белград принял все условия ультиматума, кроме одного, совсем уж нетерпимого, которое попросили обсудить в Гаагском международном суде.

Австро-Венгрия, пока единственная страна, правительство которой было настроено милитаристски, придралась к этой проволочке и начала мобилизацию. Все еще оставалась надежда, что дело ограничится локальной армейской демонстрацией, но 28 июля империя объявила Сербии войну.

Агрессивность австрийцев побудила Николая все-таки начать частичную мобилизацию. Царь и кайзер обменялись телеграммами, уверяя друг друга в миролюбивости, но генералы торопили обоих: терять времени нельзя.

Эрцгерцогская чета

В этот момент всё висело на волоске — Париж и Петербург ждали, что решит Лондон. После колебаний Британия заявила, что не допустит немецкого ввода войск в Бельгию (стало известно, что план германского генштаба предполагает вторжение в эту нейтральную страну).

Немецкое командование потребовало от кайзера решительности. Раз уж война неизбежна, нужно быстрее нанести удар, чтобы выиграть кампанию, пока противник не развернул свои силы.

Тридцать первого июля Берлин ультимативно потребовал от России остановить мобилизацию, что было уже невозможно. Назавтра, первого августа, последовало формальное объявление войны. В течение нескольких дней к ней присоединились Франция, Англия и Австро-Венгрия.

В дальнейшем мир поделится на два лагеря. На стороне «центральных держав» будут сражаться Турция и Болгария; на стороне Антанты — Бельгия, Сербия, Черногория, Япония, позднее — Италия, Румыния и США. Под ружье встанут 70 миллионов человек. Кровавая лихорадка унесет двадцать миллионов жизней, а затем даст осложнения, которые будут еще тяжелее первоначального заболевания и растянутся до 1945 года.

Первой жертвой всемирной пандемии станет российское государство.

Часть вторая
24 «часа»

В самом начале первого тома, говоря о том, что «записанная», то есть более или менее известная, история цивилизации составляет лишь крошечную часть существования человечества, для наглядности я использовал хронометрическую метафору: если представить всю биографию вида Homo sapiens, все двести тысяч лет как одни сутки, то получится, что Древний Египет появился полчаса назад, а все события русской истории укладываются в девять минут.

Сходный принцип подачи материала кажется мне уместным и для описания агонии государства, созданного Иваном Третьим во второй половине пятнадцатого века и распавшегося в 1917 году при Николае Втором. Только мы увеличим временной масштаб, чтобы отчетливей видеть важные детали: представим всё последнее царствование как одни сутки. Каждый следующий год будет как один час. До гибели остается всё меньше и меньше времени; в полночь стрелки замрут, пульс государства остановится.

Мы увидим, что время двигалось неравномерно, скачками. Развитие болезни, вернее болезней, погубивших государство, то ускорялось, то замедлялось. Были относительно спокойные, то есть скудные на события годы, были и годы совершенно бесконечные, когда страну лихорадило.

В авторскую задачу не входит изложение всех знаменательных происшествий эпохи. Рассказывая о каждом из 24 «часов», я буду в начале очередной главы коротко упоминать о ключевых событиях мирового и национального уровня, а затем, уже подробнее, останавливаться на фактах, имевших непосредственное отношение к заглавной теме.

На ум приходит и другая, не медицинская аллегория. Тикает механизм бомбы, идет каунтдаун: остается 24, 23, 22 мгновения. Взрыв чудовищной силы всё ближе, всё неотвратимей…

Тысяча восемьсот девяносто четвертый год

Этот «час» у нас очень короток, поскольку молодой царь вступил на престол по кончине усопшего в Бозе родителя лишь в октябре.

В это время внимание мира приковано к двум событиям. На Дальнем Востоке творится нечто удивительное: страна Япония, доселе считавшаяся малозначительной и полудикой, с поразительной легкостью одерживает победы над огромным Китаем. В ноябре войска микадо захватывают важный порт Люйшунь. Это будущий Порт-Артур, который Россия на свою беду отберет у японцев.

В декабре во Франции арестован капитан Дрейфус, этнический еврей. Он обвинен в том, что шпионит на Германию. «Дело Дрейфуса» обострит и без того воспаленные отношения между Берлином и Парижем, расколет не только французское, но и — шире — европейское общество, спровоцировав подъем антисемитизма и активизировав «правых», но одновременно сплотив и «левых».

В России, помимо смены верховного правителя и его спешного, полутраурного бракосочетания с принцессой Алисой Гессенской, в конце года происходит только одно эпохальное событие: открывается первый сегмент Транссиба — железнодорожное сообщение между Челябинском и Томском.

И.В. Гурко

Сравнительно мелким, но в то же время знаменательным эпизодом была декабрьская отставка Иосифа Гурко, героя турецкой войны, считавшегося одним из столпов империи и занимавшего важнейшую должность варшавского генерал-губернатора.

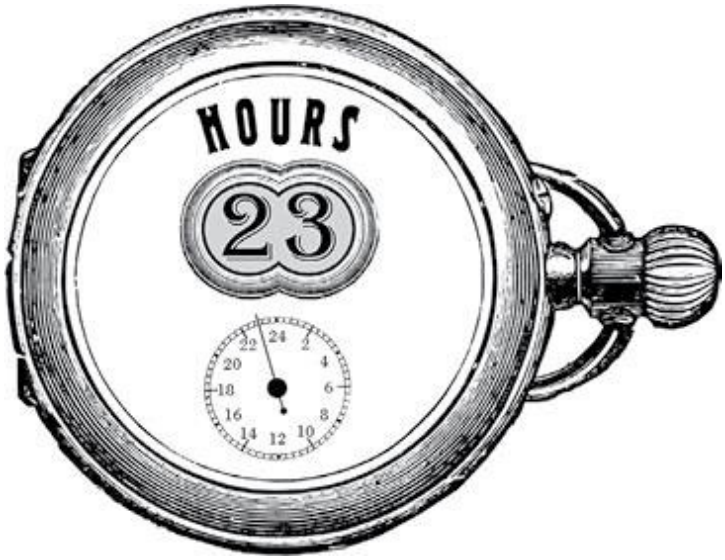
Генерал, человек грозного и крутого нрава, высокочтимый еще дедом новоиспеченного монарха, слишком напористо повел себя с молодым царем, которого

считал мальчишкой. Ко всеобщему изумлению, робкий, застенчивый Николай впервые проявил твердость: отрешил этого безусловно ценного администратора от должности.

«Увольнение Гурко — это был первый случай проявления этой стороны характера его величества», — записывает Витте, которому предстояло со временем испытать на себе неприязнь царя к чересчур волевым соратникам.

А в общем и целом, как писалось в древних летописях, «бысть тишина велика». Стабильность еще держалась, и казалось, она пребудет вечно.

Тысяча восемьсот девяносто пятый год



Главными событиями этого года — с нашей, сегодняшней точки зрения — были два великих свершения: братья Люмьеры показали первое кино, «Прибытие поезда на станцию Сиота», а Вильгельм Рентген открыл излучение, позднее названное его именем. Однако современников, разумеется, в первую очередь занимала политика. В ней доминировали события империалистического толка, шел азартный и кровавый раздел мира.

Франция завершила покорение Мадагаскара. Италия вторглась в Абиссинию. Япония, победив китайцев, получила «свободу действий» в Корее и немедленно устроила там переворот, свергнув и убив королеву Мин.

В России на поверхности ничего особенно заметного не случилось, но наметился сдвиг в общественном настроении.

В январе новый царь произнес свою первую «программную» речь — ту самую, в которой призвал общество отказаться от «бессмысленных мечтаний» о народном представительстве. Подобные декларации обычно дают обратный эффект. Пассивные оппозиционеры так и остаются пассивными, но активные понимают, что сверху перемен ждать нечего, и переходят от мечтаний к действиям.

В конце осени молодые интеллигенты марксистских взглядов создали подпольную пропагандистскую организацию «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

В мемуарах одного из участников движения, Бориса Горева-Гольдмана (во времена сталинского террора, разумеется, расстрелянного), очень живо, с юмором описана атмосфера того времени.

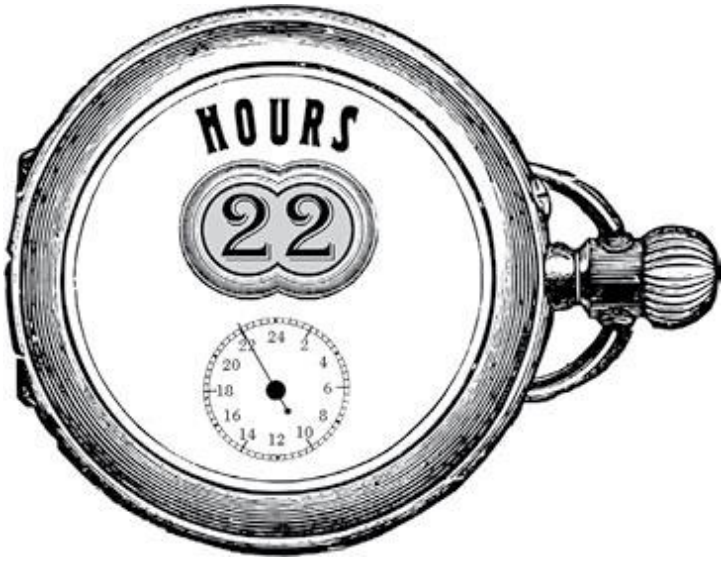
В Петербурге существовали две отдельные группы марксистов: «литераторы», они же «старики», во главе с помощником присяжного поверенного В. Ульяновым почтенного 25-летнего возраста, и «молодые» — совсем желторотые студенты-технологи, прозванные за боевитый нрав «петухами». У первых были идеи, у вторых — энергия и технические средства (например, ротатор для печатания листовок). Когда обе группы соединили усилия, дело задвигалось, но всех сдал полиции агент Охранки зубной врач Михайлов.

«Группа “молодых” соперничала со “стариками” в количестве связей на фабриках и заводах, а главные связи доставлял именно Михайлов, смеявшийся над излишней осторожностью и поражавший всех той “храбростью”, с какою он, не боясь полиции, завязывал знакомства среди рабочих. Поэтому им очень дорожили, и лишь впоследствии, когда Михайлов “провалил” своих покровителей, они, уже сидя в тюрьме, поняли, где был источник его “бесстрашной” готовности рисковать», — пишет мемуарист.

Основатели «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (сразу видно, кто станет вождем)

Пусть попытка возродить борьбу потерпела неудачу, но это было предзнаменование того, что «великая тишина» скоро закончится.

Тысяча восемьсот девяносто шестой год



Из событий мирового значения можно выделить три. Все они приходятся на весну.

В марте, к изумлению западного мира, итальянская армия со всеми своими пушками и скорострельными винтовками терпит сокрушительное поражение в битве при Адуа, разбитая абиссинцами, которые были вооружены кремневыми ружьями и даже луками. Эфиопская колониальная агрессия заканчивается для Италии крахом. Одновременно это успех для российской имперской политики: русские, тоже искавшие способ утвердиться в Африке, помогли негусу Менелику II поставками и отправили к нему военных советников.

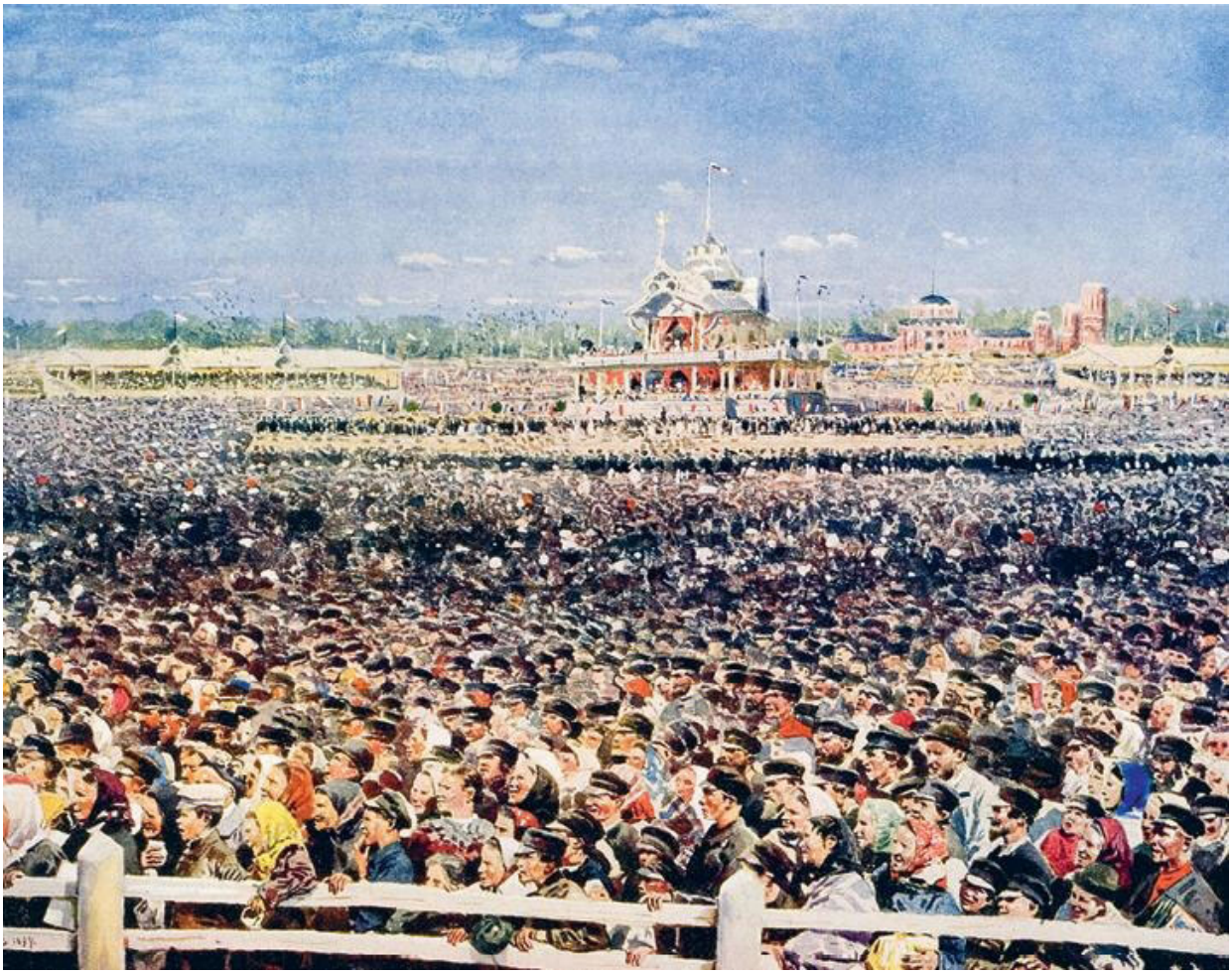
Но на другом участке империалистического соперничества, в Персии, по российским интересам нанесен чувствительный удар. Первого мая религиозный фанатик застрелил в тегеранской мечети шаха Насер ад-дина, который ориентировался на Петербург и враждовал с Лондоном. Новый шах будет дружить с теми, от кого можно получить больше денег (и британцы в этом отношении окажутся привлекательнее русских).

Самым важным в исторической перспективе, однако, было событие мирное. В Афинах после перерыва в полторы тысячи лет возродились Олимпийские игры. Значение этой инициативы отнюдь не ограничивается спортом. Олимпийское движение даст старт новой, отрадной тенденции в развитии человеческой цивилизации —

международному сотрудничеству в чем-то нехищном, неагрессивном (в кои-то веки). Мирный олимпийский огонь окажется долговечнее и жизнеспособнее огня, изрыгаемого пушками.

В России 1896 год памятен прежде всего ужасной майской трагедией, случившейся в Москве в ходе коронационных торжеств.

> На огромном Ходынском пустыре, расположенном на окраине древней столицы, приготовили «праздничное угощение для народа» — как это делали и раньше, в 1856 году при коронации Александра II и в 1883 году при коронации Александра III. На поле поставили шатры и балаганы, столы с сувенирными кружками, бесплатными булками, пряниками, пивом.
>
> Организаторы не учли, что из-за развития промышленности и притока рабочих рук московское население значительно увеличилось. На поле собралось чуть ли не полмиллиона человек. Опыта управлением подобными скопищами у полиции не было. К тому же на месте народного гуляния после недавней промышленной выставки остались незарытые ямы.
>
> В какой-то момент толпа рванулась за подарками, и началась чудовищная давка. Она длилась всего четверть часа, но за это время затоптали насмерть почти 1300 человек.



Ходынка. *В. Маковский*

Если речь о «бессмысленных мечтаниях» вбила клин между новым императором и Обществом, то Ходынская трагедия нанесла серьезный удар по репутации монарха и в глазах народной массы. Несчастье в момент коронации было сочтено дурным предзнаменованием. Кроме того, в отсутствие неподцензурной прессы, власти не могли удержаться от соблазна «не выносить сор из избы» — попытались сделать вид, что ничего такого уж страшного не произошло. Не было отменено пышное празднество во французском посольстве, а назавтра на месте побоища как ни в чем не бывало состоялся военный парад. Всё это не могло не вызвать возмущения в городе, потрясенном случившимся.

Во внешней политике произошло два вроде бы невинных события, каждое из которых в конечном итоге будет иметь серьезные последствия.

Во-первых, был подписан секретный договор с Пекином о строительстве железной дороги в Маньчжурии, то есть было положено начало русской экспансии в Китае, что через несколько лет приведет к войне с Японией.

Во-вторых, император совершил европейский вояж, приведший к неожиданному результату.

Большое турне нового государя не замышлялось как политический демарш. Сначала Николай посетил Вену и Берлин, но там все проходило в рамках обычных протокольных мероприятий. Зато во Франции царя повсеместно встречали с таким энтузиазмом и ликованием, что в глазах всей Европы это выглядело демонстрацией полного единства, хоть император и уклонялся от комментариев по поводу франко-германской вражды.

Конвенция об оборонительном союзе в случае германской агрессии была заключена еще Александром III, однако сохранялась в строжайшей тайне (Николай узнал об этом договоре, только взойдя на престол). Однако Франции этого было мало — она нуждалась в публичной поддержке России, чтобы укрепить свои международные позиции. Именно так и был воспринят визит Николая в мире. «Главным последствием поездки государя было всенародное оповещение о франко-русском союзе», — пишет Ольденбург. Французы переиграли неопытного русского монарха, чему способствовала и внезапная кончина министра иностранных дел князя Лобанова-Ростовского, который должен был сопровождать царя, но умер накануне исторической поездки.

Обозначилось главное европейское противостояние: Берлин-Вена с одной стороны, Париж-Петербург с другой.

Во внутриполитической жизни было по-прежнему тихо, но уже не так безветренно, как в предшествующие годы.

Хоть пропагандистов из «Союза освобождения» к лету всех выловили (они успели выпустить только 13 листовок), но питерские рабочие, изнуренные нищетой и тяжелыми условиями труда, понемногу становились активнее.

В конце мая в Петербурге забастовали текстильщики. Их требования были совершенно немарксистскими: чтоб им оплатили «царские выходные» (во время коронационных торжеств предприятия

не работали) и сократили трудовой день, продолжительность которого достигала четырнадцати часов. Волнения продолжались целую неделю и приняли такой размах, что правительство пообещало законодательно сократить рабочее время до одиннадцати с половиной часов. Беспорядки утихли, но это было только начало. Питерский пролетариат впервые ощутил свою силу.

Въезд Николая в Париж

Тысяча восемьсот девяносто седьмой год

Весной греки воевали с турками из-за Крита. Все привыкли считать, что армия ослабевшей Османской державы ни на что не годна, однако турки удивили Европу, одержав ряд военных побед. Это были плоды армейской реформы, проведенной немецким генералом фон дер Гольцем, которого Германия откомандировала в распоряжение султана. Во время Первой мировой войны Гольц, к тому времени уже фельдмаршал, будет руководить турецкими войсками в Месопотамии и разгромит британский экспедиционный корпус. Критский кризис остался локальным, потому что державы договорились о совместном курсе действий. На остров, объявленный автономией, были введены отряды шести стран: России, Германии, Австро-Венгрии, Франции, Британии и Италии.

На другом конце света, на Аляске, были обнаружены огромные залежи золота. К берегам реки Клондайк устремились старатели из многих стран. В России, конечно, все ругали правительство, которое тридцать лет назад продало баснословно богатый край Соединенным Штатам за жалкие семь миллионов долларов.

В августе в швейцарском городе Базель состоялся Первый сионистский конгресс. Половина делегатов были российскими подданными. Решение о возрождении в Палестине еврейского государства казалось абсолютной маниловщиной и у серьезных политиков особенного интереса не вызвало. Между тем зародилась

одна из самых сложных и долгосрочных коллизий современного мира: палестинский конфликт.

В России в январе проводится денежная реформа, которую разработал министр финансов Витте. Рубль начинают свободно обменивать на золото, чеканится золотая монета. Это очень укрепляет национальную валюту, которая после разорительной войны 1877–1878 годов много лет была скомпрометирована несоответствием официального курса реальному.

Реформа готовилась несколько лет. Правительство увеличивало золотой запас, взяло несколько внешних займов. В результате образовался резерв в 1,2 миллиарда золотых рублей — а кредитных билетов в обращении находилось 1,1 миллиарда рублей.

Высказывались опасения, что население кинется скупать золото, попрячет его по кубышкам, либо же драгоценный металл утечет за рубеж, и вместо стабилизации рубля выйдет катастрофа. Но Витте и его сотрудники доказывали, что российские подданные слишком бедны и не могут себе позволить «сидеть на деньгах»; что утечки средств за границу не произойдет, ибо платежный баланс страны положителен (четыре предшествующие года были урожайными, а ведь основным экспортным товаром являлся хлеб).

Расчеты оказались верными. Никакого потрясения не произошло. Одна из тактических уловок тогдашнего правительства в современных условиях, при моментальном распространении информации, была бы невозможна, но в 1897 году, при малой грамотности населения, отлично сработала. Объявление о переходе на золотой курс было напечатано в газетах мелким шрифтом как нечто малозначительное — и никакого ажиотажа не возникло.

Рубль стал одной из самых твердых валют мира.

Золотой империал. 1897 г.

Не менее эпохальным свершением стало проведение в начале года первой научно подготовленной переписи населения (о ней подробно рассказано в главе «Население страны на пороге XX века»).

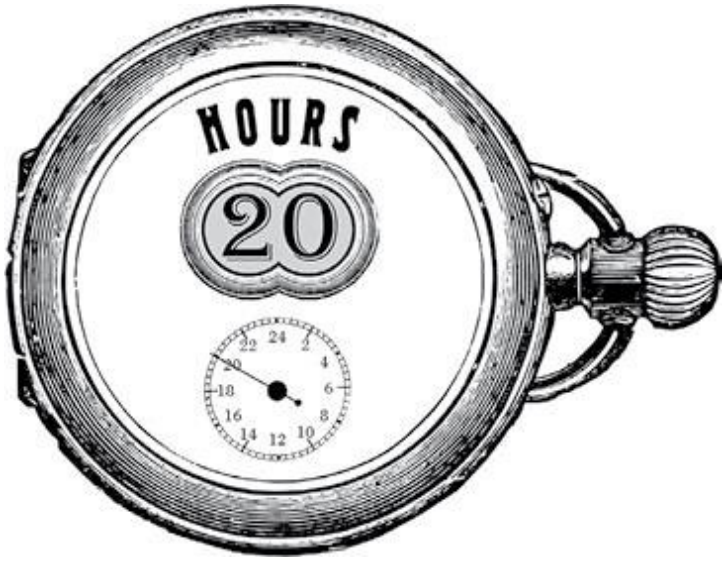
От нефтеперерабатывающих заводов бакинского района до морского порта Батуми протянули самый длинный в мире трубопровод, позволивший России стать лидером в мировом экспорте керосина.

В самом конце года произошел еще один триумф технического прогресса: открылась телефонная линия между Санкт-Петербургом и Москвой, всего через шесть лет после того, как в мире заработала первая междугородная связь (между Нью-Йорком и Чикаго).

Но продолжали сцепляться и звенья цепочки, тянувшей страну к опасному повороту. В марте Россия заставила китайцев передать в аренду Ляодунский полуостров, чтобы создать в Люйшуне (Порт-Артуре) военно-морскую базу. Японское правительство начинает

воспринимать Россию как главное препятствие для своей экспансии на азиатском материке.

Тысяча восемьсот девяносто восьмой год



Продолжается раздел мира.

Молодая, быстро растущая империя, Соединенные Штаты Америки, последний раз в своей истории затевает экспансию «по старинке» — прямым завоеванием: начинает войну со слабой Испанией, чтобы отобрать остатки ее некогда обширных колониальных владений. Американцы аннексируют Гавайи и оккупируют остров Гуам, создавая себе опорные пункты для будущего владычества в Тихоокеанском регионе. Вскоре американская правящая элита сменит стратегию, придя к выводу, что завоевывать сферы влияния выгодней и надежней при помощи «мягкой силы» — капиталов и политического манипулирования.

В Судане британские войска после многолетней упорной борьбы подавляют сопротивление махдистов. В битве при Омдурмане полевые орудия, канонерские лодки и пулеметы положили на месте 25 тысяч отчаянно атакующих повстанцев. Стратегически важная часть Африканского континента стала британской колонией.

В сентябре там же, в Южном Судане, произошел так называемый Фашодский кризис — британцы столкнулись с французами, тоже претендовавшими на эту территорию. Дело чуть не дошло до войны, но в конце концов Париж уступил. Этот компромисс урегулировал англо-французские противоречия, что позволит двум странам через несколько лет прийти к «сердечному согласию» (Entente cordiale) — заключить

союз. Таким образом, маленький колониальный инцидент стал важной ступенькой на пути к большой войне.

Во Франции тем временем развивается внутриполитический кризис, к которому приковано внимание газет всего мира. Романист Эмиль Золя публикует открытое письмо президенту Фору «Я обвиняю», где, защищая невинно осужденного капитана Дрейфуса, обрушивается с критикой на весь французский истеблишмент. Для российской интеллигенции огромный резонанс, вызванный словом писателя, стал демонстрацией мощи Общества, которое, оказывается, способно на равных оппонировать Власти. (Не говоря уж о том, что «еврейский вопрос» в России стоял еще острей, чем во Франции, и безошибочно делил публичных деятелей на «прогрессистов» и «реакционеров».)

В Швейцарии произошло событие совсем иного толка, тоже произведшее большое впечатление на русских — уже не либеральных, а революционных взглядов. В сентябре итальянский анархист Луиджи Лукени заколол напильником австрийскую императрицу Елизавету — не из личной ненависти, а из идейных, антимонархических соображений. Террористические методы борьбы с правящей элитой вновь, после долгого затишья, «входят в моду».

Тогда же, в сентябре, другая императрица, Цы Си, устроила в Пекине дворцовый переворот, отобрав власть у племянника-императора, попытавшегося реформировать отсталую страну. Китай лишился шанса на обновление и теперь был обречен стать жертвой иностранного вмешательства и внутренних неурядиц.

Но, как водится, самое грандиозное событие года было совсем не политического свойства. Двадцать шестого декабря Пьер и Мария Кюри объявили, что открыли новый элемент — радий. Сенсацией это не стало.

Еще менее замеченным — собственно, вообще незамеченным — остался маленький эпизод подпольной российской жизни. Несколько марксистов встретились в Минске, на частной квартире, чтобы учредить Российскую социал-демократическую рабочую партию. Как и с открытием радия, историческое значение этого крохотного происшествия обнаружится очень нескоро. Из девяти учредителей РСДРП впоследствии никто не займет в революционном движении

сколько-нибудь видного места, их имена забудутся, но партия станет одним из главных двигателей истории XX века.

Убийство австрийской императрицы. *Журнал «Ле пти паризьен»*

Российское правительство продолжало бодро двигаться к дальневосточной катастрофе. Началось форсированное освоение Ляодунского плацдарма, куда, выкрутив руки китайцам, стали вести еще одну железную дорогу, Южно-Маньчжурскую. Возник колониальный город Харбин, столица будущей «Желтороссии».

В августе Россия выступила с инициативой, которая вполне может считаться поводом для национальной гордости. По личному поручению царя министр иностранных дел граф Муравьев разослал правительствам ноту с призывом собрать международную конференцию по сокращению вооружений.

«Сотни миллионов расходуются на приобретение страшных средств истребления, которые, сегодня представляясь последним словом науки, завтра должны потерять всякую цену ввиду новых изобретений. Если бы такое положение продолжалось, оно роковым образом привело бы к бедствию, перед ужасами которого заранее содрогается мысль человека», — говорилось в этом замечательном документе, а завершался он словами: «С Божьей помощью конференция эта могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века».

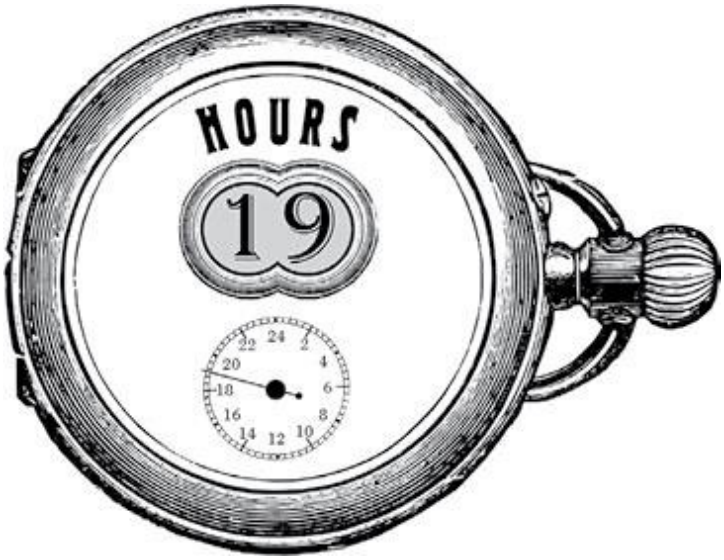
У Николая случались такие «души прекрасные порывы». Например, он долго и безуспешно сражался с народным пьянством, а в июле 1914 года, уже после сараевского выстрела, до последнего пытался остановить неизбежную войну.

Не много проку вышло и из проекта всемирного разоружения. Конференция-то благополучно состоялась. Она открылась в следующем году в Гааге — в день рождения Николая II, но миролюбивая затея совершенно противоречила общему духу времени, интересам высшего генералитета и военно-промышленного капитала, поэтому дело ограничилось пустяками: приняли декларации о запрещении разрывных пуль, «метания снарядов» с воздуха и удушающих газов (как известно, два последних запрета соблюдены не будут).

И все же движение за разоружение, которому была уготована долгая и трудная, но небесплодная дорога, зародилось в России. Это приятно.

Вокзал в Харбине

Тысяча восемьсот девяносто девятый год



Осенью началась очередная колониальная война — на юге Африки, где Британия спровоцировала вооруженный конфликт с двумя маленькими государствами, Оранжевой республикой и Трансваалем, населенными бурами, потомками голландских переселенцев. Неравная борьба (суммарное население республик было в сто раз меньше британского; военную мощь нечего и сравнивать) оказалась неожиданно упорной и кровопролитной. Огромной империи пришлось напрягать все свои силы. После двух с половиной лет жестоких боев Британия в конце концов одержит верх, но победа обойдется ей в 120 тысяч солдат и 210 миллионов фунтов стерлингов. Кроме человеческих и материальных потерь, Англия понесет еще и репутационный ущерб: симпатии всего мира, включая Россию, будут на стороне отважных буров.

В Китае развернулось мощное народное движение, направленное против иностранного засилия. На западе повстанцев называли «боксерами», потому что многие из них владели боевыми искусствами, а европейцы по этой части ничего, кроме бокса, не знали.

Мятежники убивали миссионеров, нападали на европейские сеттльменты. Правительство императрицы Цы Си лавировало, рассчитывая использовать бунт для избавления от иностранного диктата.

Военные восьми стран-участниц альянса на японской гравюре

Но вышло наоборот. Для держав беспорядки стали поводом ускорить раздел Китая. Объединенный контингент российских, японских, американских, германских, французских, итальянских и австро-венгерских войск, всего более 60 тысяч солдат, вторгнется в страну, захватит Пекин и обложит несчастную страну колоссальной контрибуцией, львиная доля (30 %) которой достанется Петербургу. Этот долг станет мощным инструментом российского давления на Пекин.

В России 1899 год ознаменовался студенческими волнениями. Впервые после долгого затишья учащаяся молодежь устраивала массовые акции и даже дралась с полицией (об этом было рассказано в главе «От “бессмысленных мечтаний” к концу “стабильности”»).

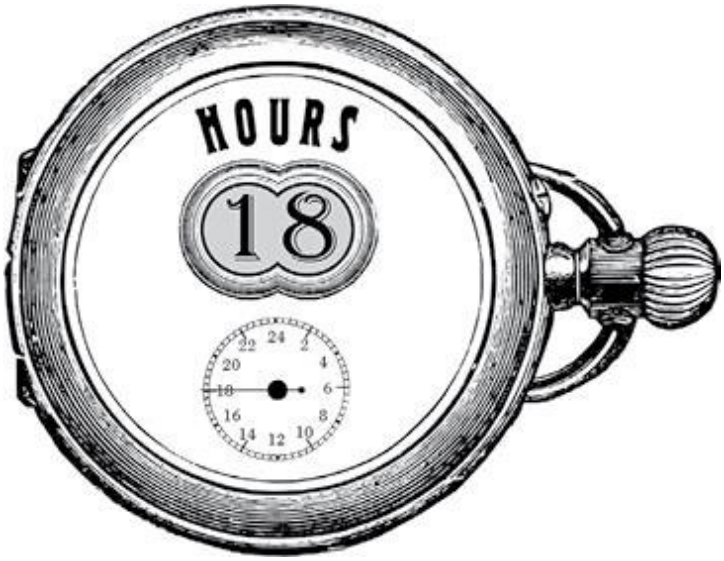
Летом правительство еще и подлило масла в огонь: вышло постановление министра просвещения Боголепова о сдаче непокорных студентов в солдаты.

Неспокойно стало и в Великом княжестве Финляндском, где новый генерал-губернатор Бобриков слишком рьяно взялся за русификацию.

Таким образом, обострились сразу два болезненных «вопроса» — молодежный и национальный. К этому присоединился еще один, тоже застарелый, — ограничение свободы совести. Власти подвергли репрессиям секту духоборов, которые отказывались исполнять воинскую повинность и присягать новому царю. По призыву Льва Толстого начался сбор общественных средств в помощь гонимых. Спасти их можно было, только переселив сектантов в более свободную страну, где государство не мешает людям верить в бога по-своему. В 1899 году основная часть духоборов, несколько тысяч человек, эмигрировали в Канаду — к большому облегчению правительства, не знавшего, что с ними делать.

«Стабильность» заканчивалась.

Тысяча девятисотый год



Терроризм, однако, пока оставался явлением иностранной политической жизни. Летом был застрелен итальянский король Умберто Первый. Убийца, анархист Гаэтано Бреши, заявил, что стрелял не в человека по имени Умберто, а в монархический принцип.

После долгого периода экономического роста в мире разразился кризис, начавшийся в банковском секторе и затем распространившийся на всю промышленность.

В Южной Африке и Китае продолжает литься кровь. Буры и «боксеры»-ихэтуани волновали воображение публики, причем первые обычно изображались героями, а вторые — извергами. Русские газеты много писали о «желтой опасности», угрожающей цивилизованному миру.

> На этой волне в России произошел отвратительный инцидент.
>
> По городу Благовещенску, находившемуся на самой китайской границе, с другого берега Амура открыли огонь повстанцы, охваченные ненавистью к «иностранным дьяволам». Обстрел продолжался несколько дней, пять горожан погибли.
>
> Благовещенцы ответили на это погромом в китайском квартале (в городе жило много иммигрантов). Губернатор

приказал отправить всех чужаков на ту сторону.

Казаки погнали огромную толпу, в которой было много женщин и детей, к реке. Лодок не дали, заставили плыть так. Из китайцев почти никто плавать не умел, но тех, кто отказывался идти в воду, рубили на месте. В результате почти все — *несколько тысяч человек* — утонули.

Одна из газет с довольно мерзким остроумием назвала случившееся «Благовещенской утопией».

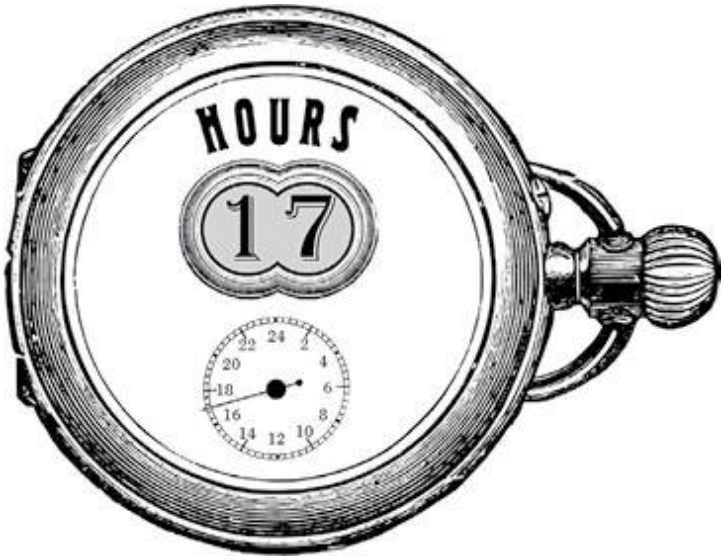
Экономический кризис ударил по России больнее, чем по другим странам. Западная Европа и Америка через три года выйдут из депрессии, но чрезмерно закредитованная российская индустрия будет преодолевать последствия финансовой катастрофы целых восемь лет. Закроется три тысячи предприятий, рухнут акции ведущих концернов (Путиловского — на две трети, Сормовского — на три четверти), резко сократится добыча нефти.

Китайские рабочие

Безработица и снижение зарплаты — наряду с поражением в японской войне — станет одной из главных причин Больших Беспорядков 1905–1907 годов. Но уже в последний год девятнадцатого века из-за спада производства было уволено 200 тысяч рабочих.

Именно это побудило начальника Московского охранного отделения Зубатова разработать программу «приручения» рабочего движения, подъем которого в таких условиях был неизбежен. Я уже рассказывал, почему эта идея вышла правительству боком.

Тысяча девятьсот первый год



От нового столетия ждали всяческих чудес, предвещенных только что завершившейся в Париже монументальной Всемирной выставкой. Всем хотелось верить в торжество науки и техники, в социальный прогресс и победу гуманистических ценностей.

Согласно завещанию шведского промышленника и идеалиста Альфреда Нобеля, был учрежден институт почетных наград за лучшие достижения разума. Первыми лауреатами Нобелевской премии стали Вильгельм Рентген (по физике — за лучи своего имени); голландец Якоб Вант-Гофф (за открытие законов химической динамики); создатель противодифтерийной сыворотки Эмиль фон Беринг; поэт и, что тогда было очень важно, «дрейфусар» Сюлли-Прюдом. В самой животрепещущей номинации — по линии защиты мира — лаврами увенчали основателя Международного Красного Креста Анри Дюнана и главу «Академии моральных и политических наук» Фредерика Пасси. (Деятельность Красного Креста в XX веке, увы, окажется более востребованной, чем ученые труды политических моралистов.)

За исключением этой зарницы позитивизма, в мире было довольно мрачно. В Трансваале и Китае по-прежнему происходили всякие ужасы. Разрастался экономический кризис: банки лопались, предприятия разорялись.

Эпидемия терроризма перекинулась на Америку, где безработный застрелил президента Мак-Кинли, объяснив свой поступок тем, что тот

был «врагом честных трудящихся».

Парижская всемирная выставка 1900 года

Но с этого года главной ареной политического, идейного терроризма становится Россия. Вернее, он возвращается на свою историческую родину — через двадцать лет после цареубийства и через тридцать лет после того, как Нечаев теоретически обосновал логику революционной целесообразности в своем «Катехизисе».

Второй, самый массовый и кровавый период терроризма, начался в России с убийства министра просвещения Боголепова — его, как уже рассказывалось, застрелил один из студентов, ранее исключенных за участие в молодежных беспорядках.

Кампания студенческого неповиновения распространяется на многие учебные заведения. Правительство пытается запугать молодежь, что никогда и никому не удается.

Статс-секретарь Половцев, которого трудно заподозрить в сочувствии нарушителям спокойствия, с тревогой пишет в дневнике:

«Демонстрация на Казанской площади. Уже несколько дней пред сим в целом городе ходили слухи о предстоящем сборище студентов с целью выразить свое неудовольствие о принятых в отношении их правительством мерах и в особенности о зачислении в солдаты тех из них, кои признаваемы были виновными. Полиция, знавшая о том, дала заговорщикам собраться, а затем, окружив их с помощью казаков, сильно избила их нагайками и целые толпы арестовала». Всем было ясно, что власти намеренно устроили акцию устрашения.

Руководимый Победоносцевым Синод вызывает негодование Общества, опубликовав «Послание о графе Льве Толстом», давно раздражавшем правящую церковь своими проповедями об истинном христианстве. (Считалось также, что обер-прокурор обиделся на то, как писатель вывел его в романе «Воскресение».) Формально постановление не отлучало Толстого от православия и тем более не предавало анафеме, сообщалось лишь, что «церковь не считает его своим членом… доколе он не раскается». Для прогрессивных кругов граф Толстой был фигурой почти сакральной, а его оппонент Победоносцев — жупелом и символом всего «совинокрылого». Несколько дней спустя молодой земец Лаговский стреляет через окно в Победоносцева. Это тоже «послание», еще более грозное. Пули проходят мимо, но второй за короткое время террористический акт был признаком того, что наступают бурные времена.

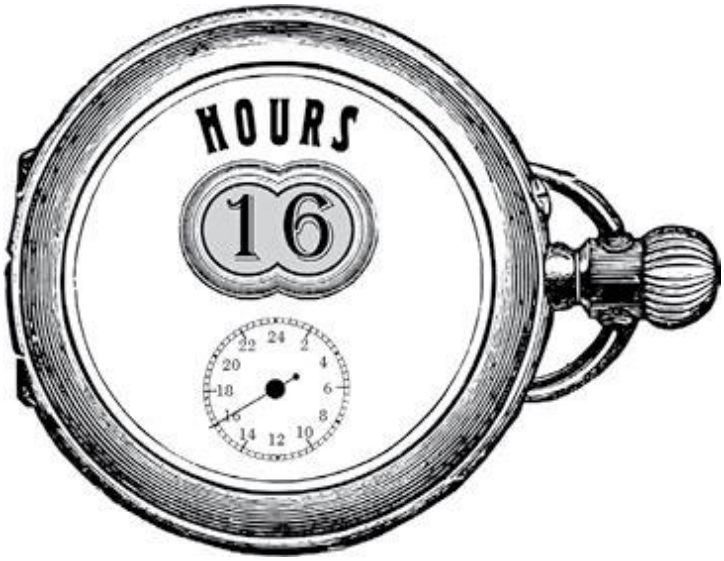
Студенческая демонстрация на Казанской площади

В конце весны начинается серия рабочих забастовок. Одновременно запускается и зубатовский «проект», цель которого не погасить стачечное движение, а направить его в сугубо экономическое русло. Оба типа забастовок способствуют активизации пролетарского класса. Джинн выпущен из бутылки, обратно его загнать будет невозможно.

Тем временем царское правительство, опираясь на штыки экспедиционного корпуса, воюющего с «боксерами», добивается от Пекина «особых прав» России в Маньчжурии.

Между Москвой и Владивостоком открывается железнодорожное сообщение. Несмотря на байкальскую преграду, теперь эшелоны достигают дальневосточных рубежей всего за 15 дней. Это позволит быстро наращивать русское военное присутствие в тихоокеанском регионе.

Тысяча девятьсот второй год



Самое важное событие мировой политики таковым поначалу не выглядело и особенного интереса не вызвало — всех гораздо больше занимали переговоры о капитуляции буров.

В январе в Лондоне заключен англо-японский альянс о совместных действиях на Дальнем Востоке. Лаконичный документ был составлен в очень осторожных формулировках. Россия, против которой он был направлен, в тексте не упоминалась, и о военном сотрудничестве речь не шла. Но значение этого акта будет огромным — и не только для России.

Во-первых, заручившись поддержкой великой морской державы, японское правительство займет более твердую позицию в отношениях с Петербургом. Теперь дальневосточная война стала неизбежной (хоть до ее начала оставалось еще два года).

Во-вторых, Британия отошла от курса «Блестящей изоляции», которого придерживалась последние полвека, отказываясь вступать с кем-либо в союзы. Английский нейтралитет в немалой степени удерживал главных европейских антагонистов, Францию и Германию, от военного столкновения. Но после конвенции, заключенной с Токио, английской дипломатии вскоре придется прийти к «сердечному согласию» и с Парижем.

Таким образом, Лондонский договор откроет сразу два ящика Пандоры.

Сергей Балмашев

В России весь год нарастала социальная и политическая напряженность. Рабочие — как «зубатовские», так и неподконтрольные — устраивали забастовки и демонстрации. На Украине происходили крестьянские волнения, которые пришлось подавлять силой оружия. Митинговали и шумели студенты.

От «совиных крыл», двадцать лет удерживавших страну в сумеречном покое, во все стороны летели перья.

Но самой больной проблемой империи являлись не протестные акции, а терроризм, развернувшийся в полную силу. Незадолго перед

тем созданная партия социалистов-революционеров через свою «Боевую организацию» начала охоту на крупных чиновников.

На протяжении года произошло три громких теракта:

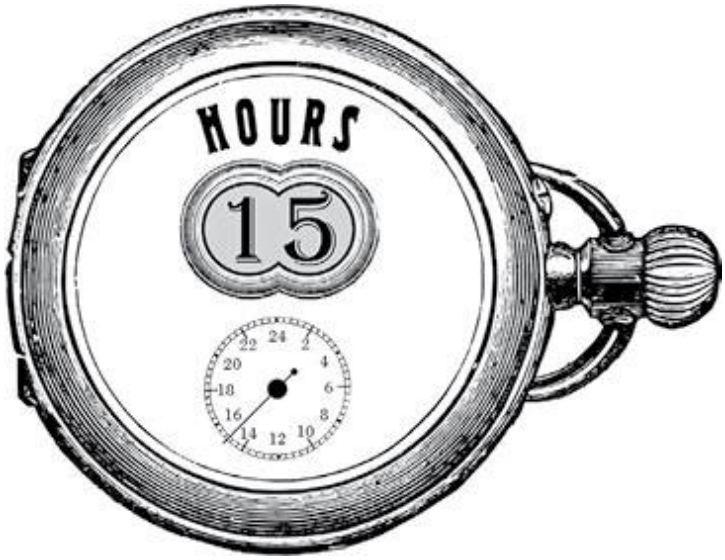
— В апреле прямо в здании Государственного Совета переодетый офицером боевик Балмашев в упор застрелил министра внутренних дел Сипягина. Убийца был повешен, вместо умеренного Сипягина министром стал «ястреб» Плеве.

— В мае сапожник Леккерт ранил виленского губернатора фон Валя, приказавшего пороть арестованных. Леккерта повесили, выздоровевшего фон Валя назначили заместителем Плеве и командиром Жандармского корпуса.

— В июле столяр Качура ранил харьковского губернатора Оболенского.

Все говорили, что такой вакханалии террора не было со времен «Народной воли». Монархистов это ужасало, свободолюбивую интеллигенцию воодушевляло. У первых героем считался мученик государственного служения Сипягин (по отзыву Ольденбурга «человек мягкий и глубоко честный»), у вторых — мученик революции Балмашев.

Тысяча девятьсот третий год



Для мировой истории имели значение два события, которые станут ступеньками на пути к 1914 году.

В марте немцам удалось заключить с турецким правительством соглашение о строительстве железнодорожной магистрали Стамбул — Багдад. Германия получала доступ к нефтеносным районам Персидского залива, а в перспективе и к британской Индии. Эта перспектива никак не устраивала Лондон. Для Англии главным конкурентом становится не Франция и не Россия, а Германия.

В июне заговорщики убили сербскую королевскую чету. Члены националистической организации «Черная рука», мечтающей об объединении южного славянства, теперь займут ключевые должности в армии — взводится курок револьвера, который через одиннадцать лет выстрелит в Сараеве.

Главным российским событием, если судить по иностранной прессе, был апрельский погром в Кишиневе. Он вызвал повсеместное возмущение и нанес огромный ущерб репутации царского правительства и самого царя, а кроме того, как уже рассказывалось, настроил против России весьма влиятельную в Америке еврейскую общину, которая во время приближающейся войны окажет серьезную помощь японцам.

Но в самой России не меньший, а то и больший резонанс вызвала «Златоустовская бойня».

> Жесткий курс Плеве по отношению к беспорядкам вывел социальную конфронтацию на новый уровень ожесточения.
>
> Во время стачки на оружейном заводе в Златоусте губернатор Богданович отдал приказ стрелять в толпу. По официальным данным 132 рабочих были убиты и ранены. Неподцензурная печать называла цифру почти втрое большую. Это был первый массовый расстрел безоружных протестующих.
>
> Но оружие имелось и у подпольщиков — через несколько недель Богданович был «казнен» боевиком-эсером.

Правительство ужесточило и расширило наказания за оппозиционную деятельность. Участие в «скопище, собравшемся для выражения неуважения верховной власти», даже просто «сочувствие бунту» или «порицание образа правления» карались тюремным заключением. Последнее обвинение можно было предъявить почти всякому члену вечно недовольного Общества. Людей, порицающих образ правления и неуважающих верховную власть, становилось всё больше, и вели они себя всё активнее.

Памятник расстрелянным златоустовским рабочим

К 1903 году относятся исторически важные организационные инициативы оппозиции.

В Лондоне на втором съезде РСДРП попробовали — не вполне удачно — объединиться революционеры-марксисты.

В Швейцарии собрались радикальные либералы, образовав нелегальный союз, которому — в отличие от «большевиков», чье время наступит еще нескоро, — предстояло стать главным ресурсом Общества в борьбе с правительством.

В ноябре в Москве состоялся нелегальный съезд земских деятелей, поставивший перед движением задачу добиваться конституции.

Конфликт с Японией двигался к финальной фазе.

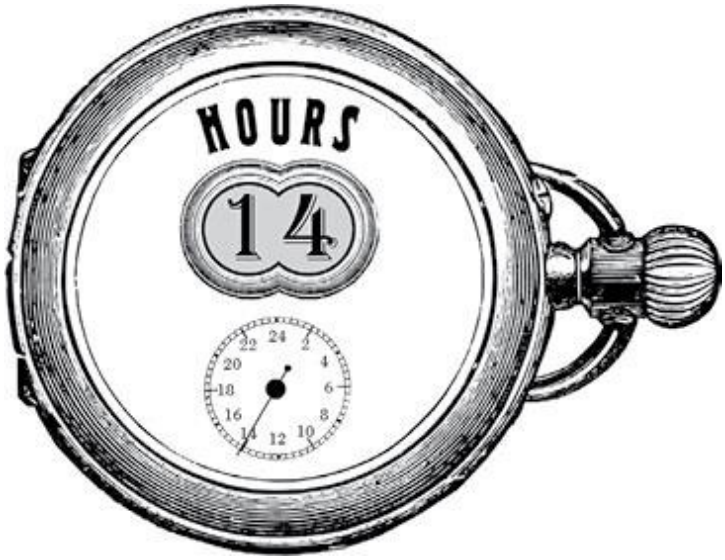
В июне статс-секретарь Безобразов представил императору свой авантюрный план проникновения в Корею.

Статс-секретарь А.М. Безобразов

В августе на Дальний Восток отправился наместником адмирал Алексеев, наделенный широкими полномочиями. Вскоре после этого своего поста лишился главный оппонент дальневосточной экспансии министр финансов Витте.

В сентябре русские войска заняли главный маньчжурский город Мукден и взяли под контроль всю протяженность Китайско-Восточной железной дороги. Планировалось к 1905 году сосредоточить в Тихом океане основные силы военного флота, включая новейшие, еще недостроенные корабли. Этот план японцам известен. Дожидаться 1905 года они не намерены.

Тысяча девятьсот четвертый год



Следующие четыре года для России обильны событиями — в основном драматическими. Темп истории в этой части планеты убыстряется, становится лихорадочным.

В остальном мире, однако, всё остается более или менее сонным. Внимания заслуживает только апрельское подписание франко-британского соглашения о «сердечном согласии». Ничего антигерманского в договоре нет, стороны всего лишь условились о мирном разрешении своих колониальных споров. И все же это ключевая веха на пути к 1914 году. Англия сближается с Францией, конфликтуя (из-за Ирака) с Германией.

Событием еще более дальней и еще более важной перспективы стало создание суфражистками «Международного альянса женщин». Цель организации — борьба за равенство полов, прежде всего за право голоса. Примечательно, что два года спустя первыми в Европе право избирать и быть избранными получат женщины Финляндии, то есть российские подданные — правда, только в парламент Великого княжества.

На Дальнем Востоке начинается первая большая война XX века, за которой внимательно наблюдает всё человечество.

Хроника боевых действий выглядит следующим образом.

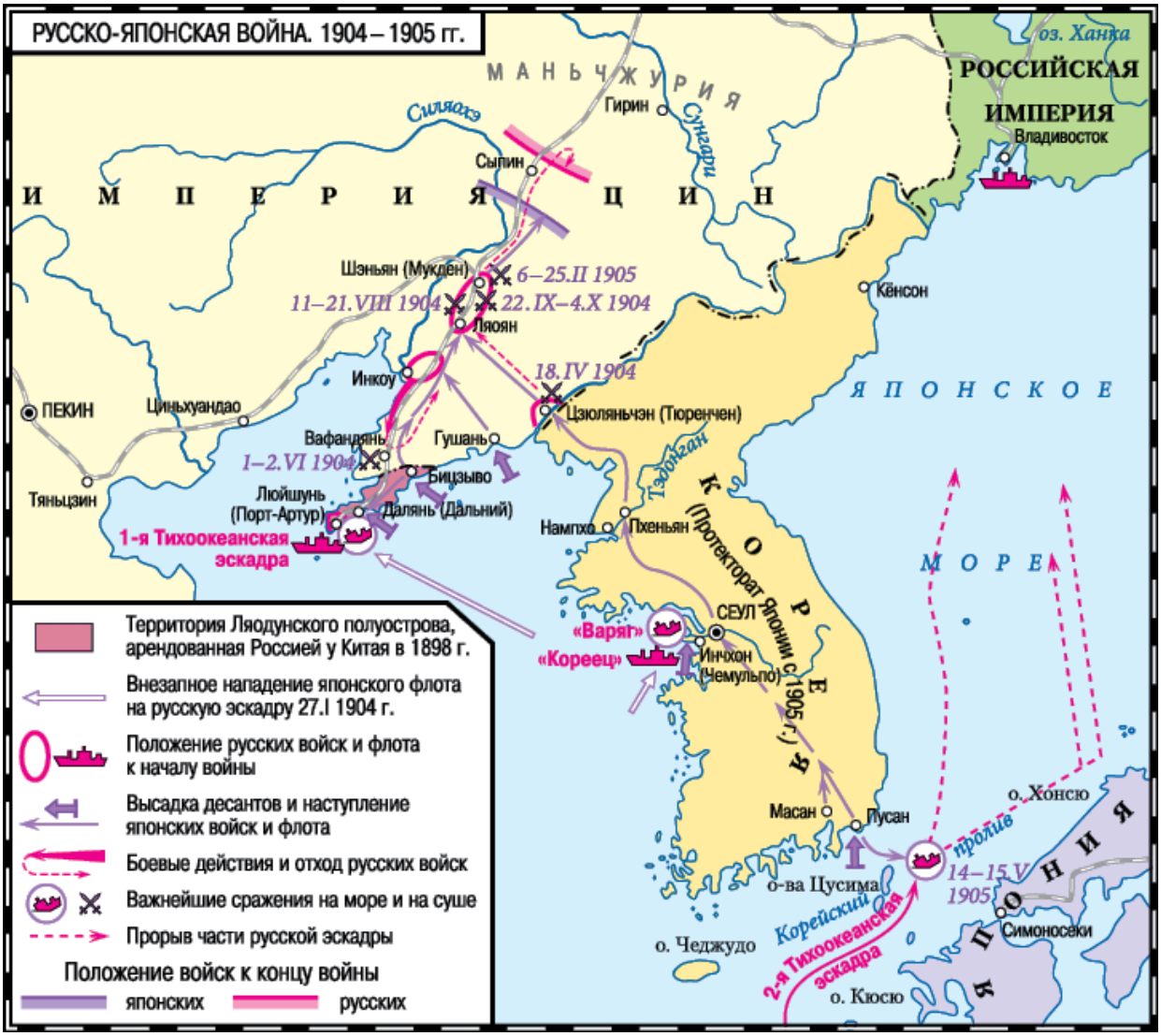
Бомбардировка Порт-Артура. *Японский лубок*

Шестого февраля (все даты по Григорианскому календарю) Япония объявила о прекращении переговоров и разрыве отношений. В Токио решили, что единственный шанс победить более сильного противника — нанести упреждающий удар, пока Россия не успела нарастить в регионе свое военное присутствие. Поскольку ключ к владению Дальним Востоком — флот, в ночь на девятое февраля японцы нападают на русскую эскадру, базирующуюся в Порт-Артуре, выводят из строя три самых мощных корабля и «завоевывают море», что необходимо для переброски войск на материк. Поразительна беспечность командующего порт-артурской эскадрой Старка, застигнутого «коварной» атакой врасплох. Объяснить это можно только пренебрежением к «азиатам». Адмирала сняли с должности, но ущерб было уже не исправить.

Японцы беспрепятственно налаживают переправу через Корейский пролив и за короткий срок высаживают почти 40-тысячный контингент войск. План состоит в том, чтобы захватить Порт-Артур, добить русскую эскадру и тем самым быстро закончить войну.

Согласно заранее разработанному плану российского Генштаба, в случае войны сильно укрепленный Порт-Артур должен был держаться до подхода основной армии с севера, от границы.

Весь 1904 год японцы будут пытаться взять город и не подпустить к нему Маньчжурскую армию под командованием бывшего военного министра А. Куропаткина.



Русско-японская война. *М. Романова*

Война начинается для русских со сплошных неудач.

В апреле Восточный отряд генерал-лейтенанта Засулича (18 тысяч солдат) попытался не дать Первой японской армии генерала Куроки (45 тысяч солдат) пересечь реку Ялу, отделявшую Корею от Китая. Выяснилось, что при таком неравенстве сил вступать в сражение не следует — представители «желтой расы» хорошо владеют военным

искусством. Засуличу пришлось спешно отступить, и коммуникация с Порт-Артуром оказалась под угрозой.

Неделю спустя случилась беда на море. Японцы — опять-таки «коварно» — заминировали порт-артурский рейд, и только что назначенный вместо негодного Старка лучший русский флотоводец С. Макаров погиб вместе с флагманским броненосцем «Петропавловск».

Это позволило Второй японской армии генерала Оку спокойно высадиться прямо на Ляодунском полуострове, в нескольких десятках километров от Порт-Артура.

В начале мая удача отвернулась и от японцев. Теперь хорошо поработали русские минеры — им удалось подорвать два японских броненосца, но почти 40 тысяч солдат Второй армии уже двигались на Порт-Артур. К концу месяца город был полностью обложен. Железнодорожное сообщение с Маньчжурией прервалось.

Осаждать город осталась Третья армия генерала Ноги, а генерал Оку двинулся на север, чтобы преградить путь Куропаткину.

Первая попытка прорыва к Порт-Артуру с внешней стороны произошла в июне. Теперь силы были почти равны, и все равно наступление корпуса генерала Штакельберга оказалось неудачным. Деблокировать осажденный город не удалось — наоборот, основной армии пришлось отойти еще дальше.

Отступление с боями продолжалось и впоследствии. Видя, как силен оказался противник, осторожный Куропаткин не торопился с генеральным сражением. По спешно достраиваемому Транссибу (работы завершились в июле) из метрополии сплошным потоком шли эшелоны с подкреплениями.

В августе произошло три больших сражения: одно на море и два на суше.

Тихоокеанская эскадра попыталась вырваться из Порт-Артура, но потерпела поражение в бою с японским флотом и была вынуждена повернуть обратно, причем опять погиб командующий (адмирал Витгефт — от прямого попадания снаряда в рубку).

Но безуспешен оказался и ночной штурм города, предпринятый японцами. Генерал Ноги понес огромные потери и был вынужден перейти к позиционной осаде.

Однако судьба Порт-Артура решалась не на подступах к городу, а в Маньчжурии, где Куропаткин наконец достиг некоторого численного преимущества над японцами и решился остановить их наступление. Битва, в которой с обеих сторон участвовало почти 300 тысяч человек, развернулась у города Ляоян и длилась полторы недели. В конце концов маршал Ояма переманеврировал Куропаткина и, создав угрозу левому флангу русской армии, заставил ее откатиться еще дальше на север, к Мукдену.

В сентябре повторилась та же ситуация. Генерал Ноги вновь попробовал — и не смог — взять Порт-Артур; генерал Куропаткин, получив новые подкрепления, попытался разбить Ояму на реке Шахэ — и тоже потерпел неудачу. Японцы устояли.

К этому времени стало окончательно ясно, что и расчеты русских на «маленькую победоносную войну», и расчеты японцев на эффективность упреждающего удара провалились. Война будет долгой и тяжелой.

В октябре Ноги опять безуспешно штурмовал Порт-Артур, но в результате четвертого приступа, пришедшегося на начало декабря, японцы захватили господствующую над рейдом гору и смогли расстрелять корабли эскадры, а потом захватили всю восточную укрепленную линию обороны.

В этих условиях — без снабжения, без надежды на помощь извне, под беспрестанным артиллерийским огнем, на который уже нечем было отвечать, — командир гарнизона Стессель повел переговоры об условиях капитуляции. Из первоначального состава в строю к этому времени оставалась едва одна пятая гарнизона.

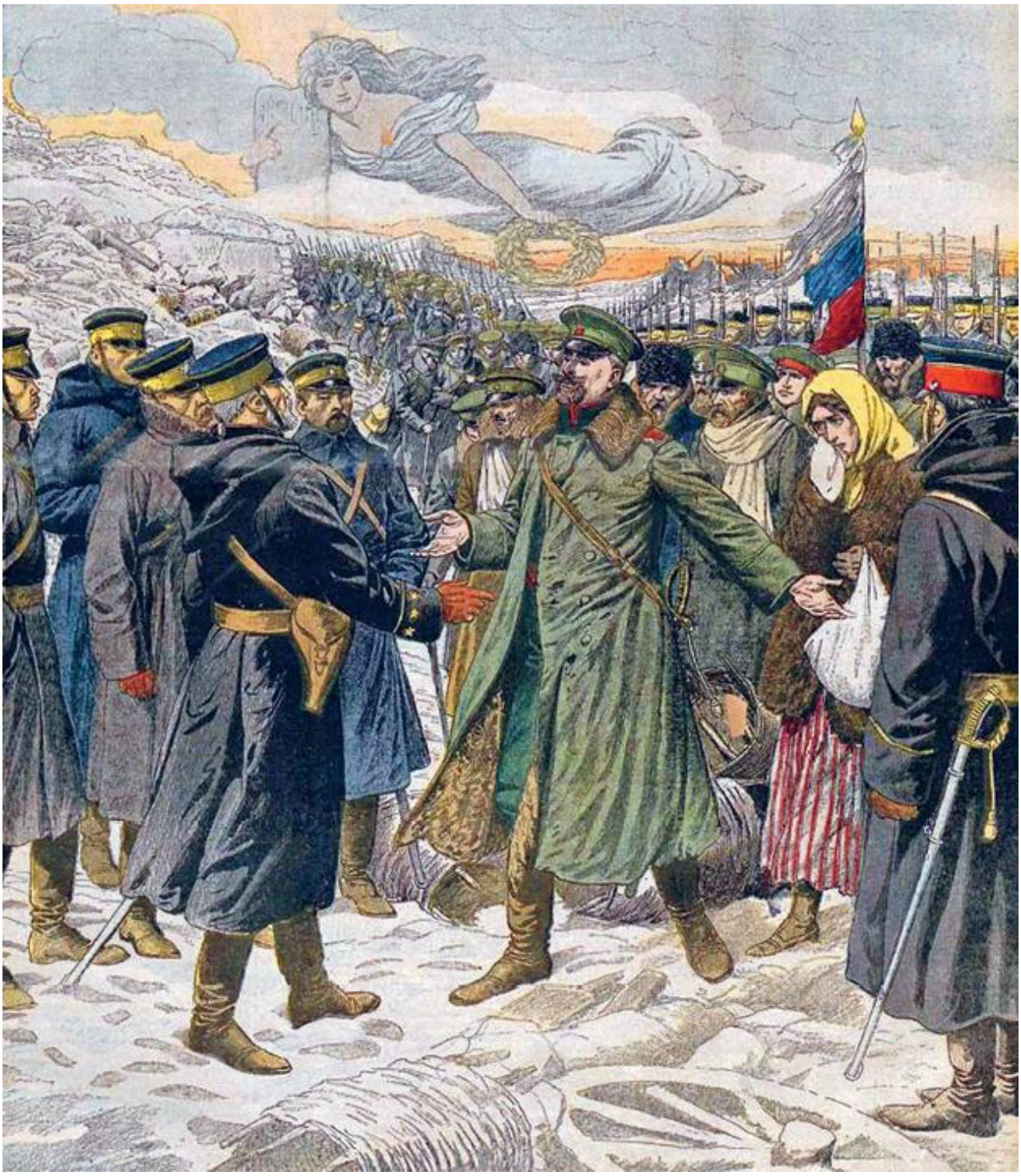
Японцы, потерявшие у стен Порт-Артура около ста тысяч солдат (у генерала Ноги погибли оба сына), отнеслись к Стесселю как к герою, но на родине генерал будет опозорен, отдан под суд и приговорен к десятилетнему заключению.

Военные итоги года для России были ужасны, но не лучше обстояли и дела внутри страны.

Первоначальный патриотический энтузиазм продержался очень недолго — его развеяли досадные вести с войны. Вину за неудачи Общество, как обычно в подобных ситуациях, возлагало на правительство и правителя. Если в феврале авангард Общества, земцы-конституционалисты, призывали соотечественников поддержать войну,

то летом разразился нешуточный скандал: удар по патриотизму нанес высочайший этический авторитет Лев Толстой.

> Писатель опубликовал — что было особенно неприятно, в английской газете (русская, впрочем, и не напечатала бы) — письмо под названием «Одумайтесь», в котором излагалась чрезвычайно непатриотичная идея о том, что смысл человеческой жизни не в следовании русским, китайским или японским интересам. «Если есть Бог, то Он не спросит меня, когда я умру (что может случиться всякую секунду), отстоял ли я Юнампо с его лесными складами, или Порт-Артур, или даже то сцепление, называемое русским государством, которое Он не поручал мне, а спросит у меня: что я сделал с той жизнью, которую Он дал в мое распоряжение, употребил ли я ее на то, что она была предназначена?».
>
> Проправительственная пресса, разумеется, стала выяснять, на чью мельницу льет воду его сиятельство, публикуясь во враждебной прессе. «Московские ведомости» возмущенно писали: «…Гр. Толстой — противник войны; но он давно уже перестал быть Русским, с тех пор, приблизительно, как он перестал быть православным… Если он еще живет в пределах России, то это объясняется лишь великодушием Русского Правительства, чтущего еще бывшего талантливого писателя Льва Николаевича Толстого, с которым теперешний старый яснополянский маньяк и богохульник ничего общего, кроме имени, не имеет».



Капитуляция Порт-Артура. *Журнал «Ле пти журналь»*

Однако у Общества толстовский демарш протеста не вызвал. К этому времени оно уже вернулось обратно, в оппозиционное русло.

Поворотным моментом стало убийство ненавидимого интеллигенцией Плеве. 15 (28) июля министра подорвал бомбой эсер

Созонов. Не только революционеры, но и либералы встретили террористический акт рукоплесканиями.

После долгих колебаний царь назначает министром князя Святополк-Мирского, который намерен действовать «пряником». Поддержка Общества правительству необходима — как уже говорилось, к этому времени стало ясно, что война будет долгой и тяжелой, внутреннего разлада допустить нельзя.

Убийство Плеве. *Журнал «Ле патриот иллюстре»*

В главке «Брожение» я рассказывал, что смена внутриполитического курса привела не к согласию, а к еще большей политизации Общества. Военные неудачи, следовавшие одна за другой, укрепляли обычное для кризисной ситуации настроение «так жить нельзя».

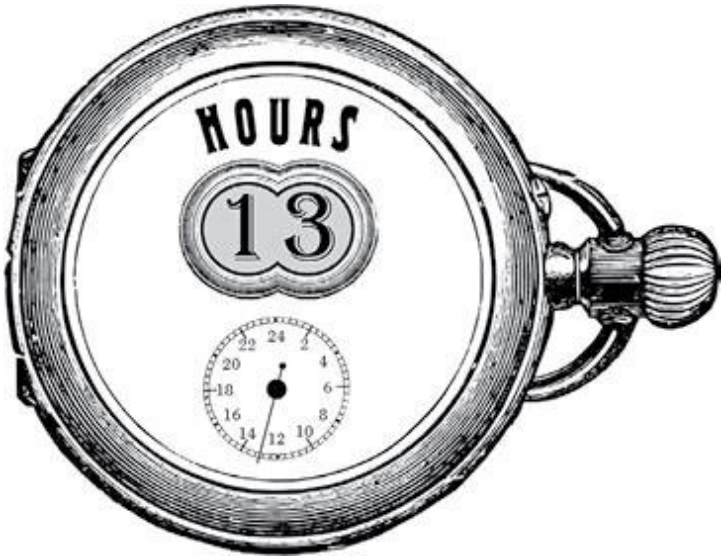
Рабочие бастовали, интеллигенция почти не таясь создавала политические союзы, боевики готовили новые покушения.

Из важных событий невоенного и неполитического свойства нужно упомянуть два, одно печальное и одно радостное.

Пятнадцатого июля умер Антон Чехов, немного не дожив до звездного часа той самой интеллигенции, которую он так любил и над которой так зло смеялся (и то, и другое она вполне заслуживала).

Двенадцатого августа вся страна ликовала, потому что у самодержца наконец родился сын. Старшие дети, четыре девочки, согласно закону о престолонаследии, учрежденному Павлом I, на корону претендовать не могли, и до этого дня наследником считался царский брат Михаил. Уже в двухмесячном возрасте обнаружилось, что маленький Алексей унаследовал гемофилию, переданную по материнской линии. От этой болезни только что скончался двоюродный брат цесаревича, четырехлетний немецкий принц Генрих. Лечить наследника сможет только «святой человек» Григорий Распутин.

Тысяча девятьсот пятый год



В марте разразился Танжерский кризис, на время отвлекший внимание Европы от русских и японцев. Франция, в девятнадцатом веке захватившая Алжир и Тунис, теперь подбиралась к Марокко. Она уже договорилась с Англией, Италией и Испанией о разделе Северной Африки, но тут внезапно предъявила свои претензии Германия. Вильгельм II, виртуоз «монархической дипломатии», прибыл с внезапным визитом к марокканскому султану Абд аль-Азизу и предложил ему свою защиту.

Дело было не только в протекторате над Марокко, стратегический замысел кайзера был намного обширней. Германский Генеральный штаб уже разработал «план Шлиффена», рассчитанный на быстрый разгром Франции, воюющей в одиночку. У России руки были связаны Дальним Востоком, оказать союзнице поддержку она не смогла бы. Это означало, что альянс развалится, а если Париж заупрямится — тем хуже для него. Возникла угроза большой европейской войны — первый раз в новом столетии. (Французы не пойдут на обострение, вопрос о контроле над Марокко «повиснет», франко-русский союз удержится, но несколько месяцев дипломатическая обстановка была нервозной.)

Летом в Европе возник новый очаг напряженности — запахло войной в самом тихом углу континента, Скандинавии. Норвежский парламент проголосовал за разрыв унии со Швецией. В обеих частях бывшего единого королевства началась мобилизация. Но осенью

скандинавы договорились между собой и поставили памятник в честь того, что сумели расстаться без войны. В начале XX века это действительно могло считаться серьезным поводом для гордости. (Сегодня, пожалуй, тоже.)

Для России этот год был драматичным. Военные, революционные и общественные потрясения происходили беспрерывно, а иногда и одновременно.

Начнем с войны.

В конце января, через три недели после сдачи Порт-Артура, нанесшей тяжелейший удар по престижу России, главнокомандующий Куропаткин попытался разбить основные силы японцев (ими командовал маршал Ояма) близ маньчжурского городка Сандепу. Порт-артурская армия генерала Ноги еще не передислоцировалась с юга, и у русских имелось значительное численное преимущество, но Куропаткин, как обычно, был слишком осторожен, избегал рискованных маневров, и японцы устояли.

Еще три недели спустя уже Ояма, к которому присоединились войска Ноги, перешел в наступление под Мукденом. Там состоялось самое крупное сухопутное сражение войны — вернее, целый каскад сражений, длившихся три недели на 150-километровом фронте.

Силы сторон были примерно равны: 270 тысяч японцев против 280 тысяч русских, но у Куропаткина имелось полуторакратное преимущество в артиллерии.

План маршала Оямы состоял в том, чтобы повторить германский маневр, примененный в 1870 году под Седаном (где Ояма в молодости был наблюдателем) — окружить противника с обоих флангов.

Инициатива все время была у японцев. Они начали девятнадцатого февраля с атаки на восточное крыло русской армии; дождались, чтобы Куропаткин перекинул туда основные силы, и тогда обрушились на западный фланг обороняющихся. Тот попятился. Девятого марта рухнул и восточный фланг. Значительная часть русских войск оказалась в мешке и отступала по узкому коридору, расстреливаемая артиллерией.

Седана не получилось, клещи не сомкнулись, и Куропаткину удалось вывести из котла костяк своей армии,

но все же это было тяжелым поражением. Больше 20 тысяч солдат попали в плен. Однако огромные потери понес и Ояма. Его наступление остановилось.

После Мукденской бойни, где в общей сложности было убито и ранено почти полтораста тысяч человек, военные действия на суше перешли в более или менее пассивную фазу. Японцы, во-первых, достигли поставленных задач, а во-вторых, не имели ресурсов для дальнейшего продвижения. Русские уже не решались на генеральное сражение, а наступать было некуда и незачем — Порт-Артур пал.

Но оставалась надежда, что положение исправит флот.

Еще в октябре прошлого года из Балтийского моря на Тихий океан отправились главные морские силы империи — эскадра вице-адмирала Рожественского: одиннадцать мощных броненосцев и десять крейсеров, сопровождаемые миноносцами и вспомогательными судами. Совершив беспрецедентный бросок в 33 тысячи километров, в конце мая балтийские корабли достигли Цусимского пролива, где их поджидала эскадра вице-адмирала Того.

Сражение началось 27 мая. Того переманеврировал Рожественского, сосредоточил огонь на флагманском броненосце «Князь Суворов» и быстро вывел его из строя, после чего русская эскадра осталась фактически без командования.

Главной причиной успеха японцев была тактическая мобильность. Они расстреливали вражеские корабли один за другим. Их артиллерия была метче и скорострельней. Лучше были и снаряды, начиненные взрывчаткой симосэ с сильным фугасным эффектом.

Битва превращалась в избиение. Ночью многочисленные миноносцы (у японцев их было в пять раз больше) беспрестанно атаковали расстроенную русскую эскадру.

Назавтра, 28 мая, разгром был довершен.

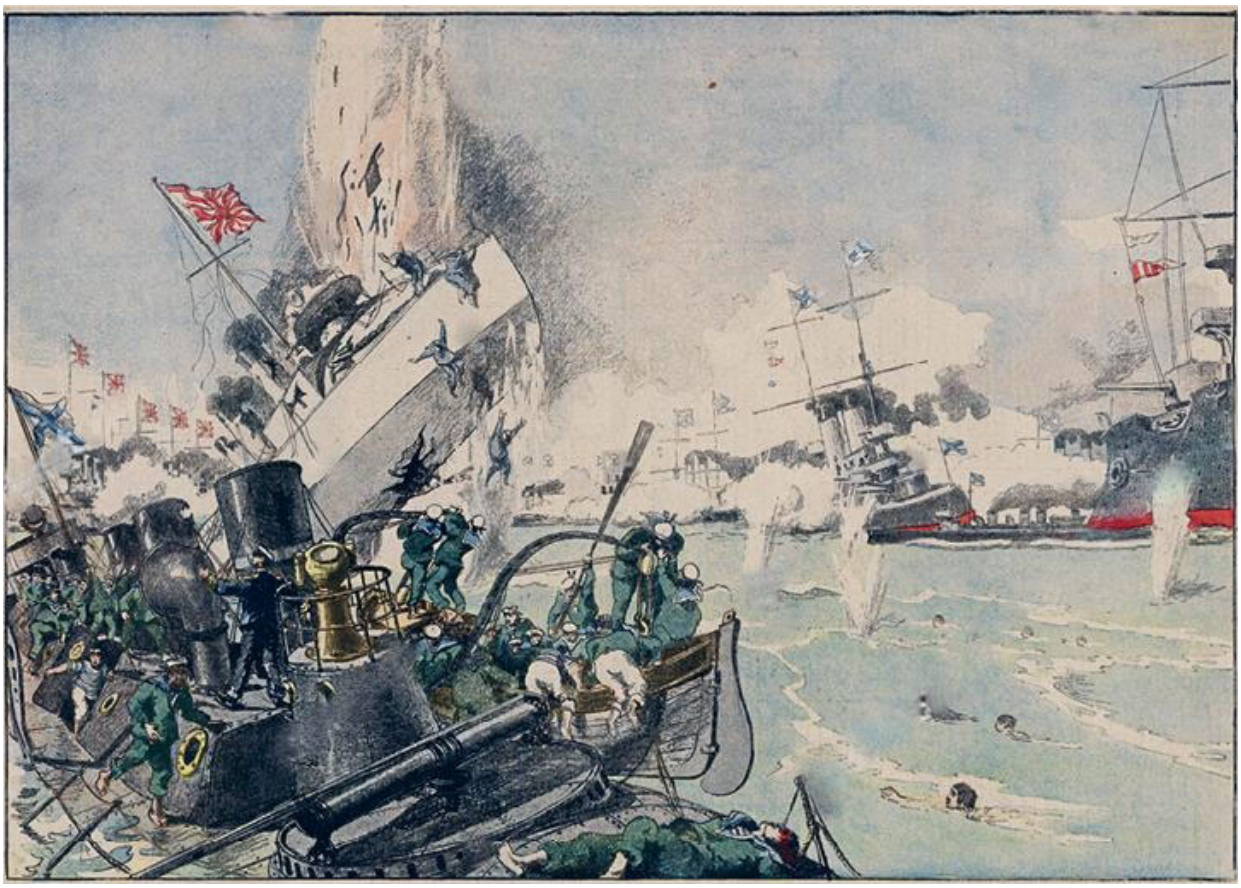
Весь русский флот был уничтожен. Через пролив прорвались и ушли к Владивостоку только четыре небольших корабля (из тридцати восьми вымпелов). Все броненосцы были или потоплены, или спустили флаг. Раненый

Рожественский попал в плен, с ним сдались семь тысяч русских моряков.

Потери японцев оказались незначительны.

Битва под Мукденом. *Патриотический лубок*

Столь сокрушительное поражение флота, считавшегося третьим по мощи (после британского и германского), произвело в мире сенсацию, а Россию повергло в шок. В конце концов Порт-Артур проявил чудеса стойкости — его сравнивали с героическим Севастополем; Мукденское сражение тоже считалось всего лишь «неудачным», и японцы дорого заплатили за свой успех, но Цусиму оправдывать было нечем. Само это слово стало нарицательным — символом позора и катастрофы. Никогда еще авторитет самодержавной власти не падал так низко.



Цусимский бой. *Журнал «Ле пти паризьен»*

После Цусимского разгрома продолжать войну было в военном смысле бесполезно, а во внутриполитическом — опасно. По счастью, и японское правительство исчерпало свои финансовые ресурсы, оно тоже не могло тянуть.

Поэтому о мире договорились быстро, и после череды таких тяжких поражений условия, как уже было рассказано, оказались для России неожиданно сносными. Отказ от Кореи и Южно-Маньчжурской железной дороги (ненужной после потери Порт-Артура), даже утрата половины далекого острова Сахалин казались невеликой платой за возможность спасти распадающееся государство.

А к началу осени, когда Сергей Витте подписал в Портсмуте спасительный мирный договор, Большие Беспорядки подтолкнули Россию к грани, за которой уже маячила революция.

«Немаленькая и непобедоносная война» привела к тому, что оба традиционных оппонента самодержавия — «эволюционеры» и «революционеры», во-первых, очень укрепили свои позиции, а во-

вторых, всё чаще стали выступать единым фронтом. Общественное движение радикализировалось, радикальное движение вышло на общественный уровень.

Хроника внутриполитических событий года напоминает температурный график у постели тяжелого больного: кривая всё время поднимается вверх.

Третьего января (перехожу с Григорианского календаря на Юлианский, поскольку речь пойдет о внутрироссийской жизни) «зубатовское», то есть вроде бы неполитическое «Общество фабрично-заводских рабочих» Петербурга под руководством Гапона начинает забастовку. Движение охватывает почти весь столичный пролетариат, и девятого января заканчивается «Кровавым воскресеньем».

> Это трагическое событие — самая тяжелая, преступная ошибка царской власти, едва не приведшая к распаду государства — заслуживает подробного описания, чтобы была понятнее общественная реакция на случившееся.
>
> Из всех многочисленных свидетельств я выбрал воспоминания Е. Никольского, потому что это был человек отнюдь не революционных — напротив, весьма правых взглядов. Он, тогда офицер Главного штаба, просто рассказывает, что видел собственными глазами, глядя из окна на Дворцовую площадь.
>
> «Очень скоро почти вся площадь наполнилась войсками. Впереди стояли кавалергарды и кирасиры. Около двенадцати часов дня в Александровском саду появились отдельные люди, потом довольно быстро сад начал наполняться толпами мужчин, женщин и подростков. Появились отдельные группы со стороны Дворцового моста. Когда народ приблизился к решетке Александровского сада, то из глубины площади, проходя площадь беглым шагом, появилась пехота. Выстроившись развернутым фронтом к Александровскому саду, после троекратного предупреждения горнами об открытии огня пехота начала стрельбу залпами по массам людей, наполнявших сад. Толпы отхлынули назад, оставляя на снегу много раненых и убитых.
>
> Выступила и кавалерия отдельными отрядами. Часть из них поскакала к Дворцовому мосту, а часть — через площадь

к Невскому проспекту, к Гороховой улице, рубя шашками всех встречавшихся…

Я… вышел черным ходом через ворота, прямо выходящие на Морскую улицу. Далее — до угла последней и Невского. Там я увидел роту лейб-гвардии Семеновского полка, впереди которой шел полковник Риман.

…Некоторое время рота стояла в бездействии. Но вот на Невском проспекте и по обеим сторонам реки Мойки стали появляться группы людей — мужчин и женщин. Подождав, чтобы их собралось больше, полковник Риман, стоя в центре роты, не сделав никакого предупреждения, как это было установлено уставом, скомандовал:

— Прямо по толпам стрельба залпами!

После этой команды каждый офицер своей части повторил команду Римана. Солдаты взяли изготовку, затем по команде «Взвод» приложили винтовки к плечу, и по команде «Пли» раздались залпы, которые были повторены несколько раз. После пальбы по людям, которые были от роты не далее сорока — пятидесяти шагов, оставшиеся в живых бросились опрометью бежать назад. Через минуты две-три Риман отдал команду:

— Прямо по бегущим пальба пачками!

Начался беспорядочный беглый огонь, и многие, успевшие отбежать шагов на триста — четыреста, падали под выстрелами. Огонь продолжался минуты три-четыре, после чего горнист сыграл прекращение огня.

Я подошел поближе к Риману и стал на него смотреть долго, внимательно — его лицо и взгляд его глаз показались мне как у сумасшедшего. Лицо все передергивалось в нервной судороге, мгновение, казалось, — он смеется, мгновение — плачет. Глаза смотрели перед собою, и было видно, что они ничего не видят… В это время появился хорошо одетый человек. Приподняв шляпу левою рукою, подошел к Риману и в очень вежливой форме попросил его разрешения пройти к Александровскому саду, выражая надежду, что около Гороховой он, может быть, найдет извозчика, чтобы поехать к доктору. Причем он показал на

свою правую руку около плеча, из разодранного рукава которой сочилась кровь и падала в снег.

Риман сначала его слушал, как бы не понимая, но потом, спрятав в карман платок, выхватил из кобуры револьвер. Ударив им в лицо стоявшего перед ним человека, он произнес площадное ругательство и прокричал:

— Иди куда хочешь, хоть к черту!

Когда этот человек отошел от Римана, то я увидел, что все его лицо было в крови.

…Я свернул вдоль Мойки, но у первых же ворот налево передо мною лежал дворник с бляхой на груди, недалеко от него — женщина, державшая за руку девочку. Все трое были мертвы. На небольшом пространстве в шагов десять — двенадцать я насчитал девять трупов. И далее мне попадались убитые и раненые. Видя меня, раненые протягивали руки и просили помощи».

Назавтра Никольский снова идет на службу.

«Проходя, как всегда, вдоль решетки Александровского сада, я увидел, что трупы и раненые были все убраны. Правда, во многих местах еще видны были мелкие части трупов, оторванные залповым огнем. Они ярко выделялись на белом снегу, окруженные кровью. Почему-то на меня произвел особенно сильное впечатление кусок черепа с волосами, каким-то образом приставший к железной решетке. Он, видимо, примерз к ней, и уборщики его не заметили. Этот кусок черепа с волосами оставался там в продолжение нескольких дней. На протяжении вот уже двадцати семи лет этот кусок является перед моими глазами».

На Римана потом охотились террористы. Он был вынужден скрываться за границей.

«Солдатушки, бравы ребятушки, где же ваша слава?» *Картина В. Серова, видевшего расправу собственными глазами*

Правительство мечется, посылая населению сигналы противоположного свойства.

Одиннадцатого января генерал-губернатором мятежной столицы назначают грозного генерала Трепова, на которого за несколько дней перед тем покушался юный террорист (не попал). Шестнадцатого января в Варшаве солдаты грубо разгоняют многолюдную демонстрацию. Восемнадцатого января уходит в отставку мягкий министр внутренних дел Святополк-Мирский.

Все ждут железной руки и ежовых рукавиц.

Но забастовочное движение охватывает город за городом, губернию за губернией, и царь внезапно назначает новым руководителем внутриполитического ведомства не какого-нибудь держиморду, а вполне либерального Александра Булыгина. Для выяснения причин недовольства питерских рабочих учреждается комиссия.

Убийство великого князя Сергея Александровича. *Журнал «Ле пти паризьен»*

В обстановке всеобщей растерянности, когда никто не знает, чего ожидать и к чему готовиться, по режиму наносят ужасающий удар революционеры. 4 февраля член «Боевой организации» Каляев взрывает царского дядю Сергея Александровича, многолетнего московского генерал-губернатора, одного из столпов реакции.

Убийство старшего члена императорской фамилии в Кремле, где короновались цари, чрезвычайно электризовало и без того нервную ситуацию. Ультраправая газета «Русское дело» пишет: «Всё, что жаждет ниспровержения существующего строя, подняло голову, как никогда, и громко торжествует победу».

Наверху начались панические судороги — никак иначе нельзя назвать два взаимоисключающих постановления Николая, выпущенные одновременно: манифест об «искоренении крамолы» и рескрипт Булыгину о подготовке выборов в Думу. Весть о том, что в России наконец появится парламент, превратила прежнюю «крамолу» в совершенно легальный род занятий.

Пока Общество митингует и самоорганизуется, спорит о том, достаточно ли будет ограничиться конституционной монархией,

ширится забастовочное движение, во многих сельских местностях бунтуют крестьяне, марксисты обсуждают вооруженное восстание, эсеры и анархисты устраивают новые теракты.

Летом беспорядки достигают нового, еще более высокого градуса: начинаются мятежи в вооруженных силах.

В июне взбунтовались матросы броненосца «Князь Потемкин-Таврический». Осенью произойдут восстания в Кронштадте и на крейсере «Очаков».

Это пока единичные эксцессы, однако в октябре антиправительственное движение обретает массовый и при этом скоординированный характер. Всеобщая железнодорожная забастовка, парализовавшая страну, перерастает во всероссийскую стачку, в которой участвует полтора миллиона человек.

В этой обстановке 17 октября выходит манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», предоставляющий россиянам все базовые демократические права: личности, совести, слова, собраний и политической деятельности. В исторической литературе преобладает мнение, что со стороны правительства это был акт слабости, приведший к еще большему подъему революционной активности. Но произошло нечто противоположное. Получив всё то, чего оно так долго и упорно добивалось, Общество (где, напомню, тон задавали либералы) перенастроилось на «мирную борьбу» с режимом.

Поэтому всеобщая стачка закончилась, а вооруженное восстание в Москве, самом сердце России, так и осталось единственным эпизодом революционной войны.

> Декабрьские события в Москве стали высшей точкой конфронтации.
>
> Началось опять-таки с политической стачки. Совет рабочих депутатов не смог взять власть в городе, но сумел полностью дезорганизовать его жизнь. Ничего не работало, фонари не зажигались, с наступлением ранних зимних сумерек миллионная Москва погружалась во мрак. Генерал-губернатор Дубасов ввел чрезвычайное положение, но полицейских сил не хватало, а войска гарнизона были ненадежны (гренадеры чуть сами не присоединились к восстанию).

Девятого декабря повсюду возникли баррикады. Дружинники-боевики начали охоту на городовых.

Но в целом москвичи сидели по домам. Массовой поддержки революционеры не получили — ни от либеральной интеллигенции, ни от народа. Число повстанцев было невелико — тысяча, максимум полторы тысячи человек. Взять под контроль весь город они не могли. Возникло несколько опорных очагов восстания.

К 19 декабря правительственные войска закончили военную операцию, потеряв убитыми всего 15 человек: повстанцев погибло около сотни. Эта цифра свидетельствует о том, что бои носили локальный, скорее партизанский характер. Гораздо больше пострадало мирных обывателей («частных лиц»), оказавшихся под огнем обеих сторон.

Самый активный и хорошо организованный центр сопротивления находился в рабочем районе Пресня, на мебельной фабрике Шмита. Ее владелец Николай Шмит сыграл в драматических событиях очень важную, пожалуй, даже главную роль. Это был 22-летний недоучившийся студент, увлекшийся социалистическими идеями. За год до восстания он унаследовал отцовское предприятие и стал благоустраивать быт своих рабочих. Сначала Шмит оказывал революционерам денежную помощь, а когда они взяли курс на подготовку восстания, молодой человек создал у себя на фабрике дружину, закупив для нее оружие.

После того как из Петербурга прибыли войска и приступили к планомерному подавлению очагов сопротивления, шмитовская фабрика продержалась дольше всех. (Николай Шмит будет схвачен и год спустя покончит с собой в тюремной камере, но перед этим завещает всё свое состояние РСДРП.)

Случай Николая Шмита был скорее исключением. После октябрьского манифеста радикальные методы перестали пользоваться поддержкой Общества. Большие Беспорядки так и не перерастут в революцию. Впереди будет еще много потрясений, но «температурный пик» лихорадки останется позади.

Следствием манифеста было еще и то, что теперь Общество разделилось на несколько лагерей, которые оппонировали друг другу.

С легализацией политических союзов возникли и проправительственные, более правые, чем правительство, организации, самостоятельно или полусамостоятельно боровшиеся с революционерами и либералами.

Революционеры занялись межфракционным выяснением отношений, как это всегда бывает в период неудач.

Либералы увлеклись подготовкой к выборам и тоже «поделились по интересам»: «Конституционно-демократическая партия», «Союз 17 октября», «Прогрессивно-экономическая партия», «Торгово-промышленная партия», «Партия правого порядка» и так далее.

Николай Шмит

Единства, впрочем, не было и наверху.

Сразу после провозглашения манифеста председателем совета министров стал новый «сильный человек» граф Витте. Тогда же вместо нерешительного Булыгина во главе министерства внутренних дел будет поставлен старый «ястреб» Петр Дурново, который вскоре начнет враждовать с Витте. Правительство продержится всего три месяца.

Кроме главной российской болезни — противоречия между архаичной государственной моделью и развивающимся Обществом — из-за ослабления властных институтов неминуемо обострились и все «национальные вопросы».

Здесь администрация действовала по-разному.

С боевитыми поляками — кнутом: в октябре в западных губерниях было введено военное положение.

С финнами, наоборот, пряником (хотя финны после курса на русификацию тоже ожесточились и даже убили генерал-губернатора). В надежде на умиротворение этого прежде спокойного региона великому княжеству тогда же, в октябре, восстановили права автономии.

С кавказцами попробовали применить традиционный колониальный принцип «разделяй и властвуй»: спровоцировали в стратегически важном Бакинском районе армяно-азербайджанский конфликт, но это лишь осложнило ситуацию. Забастовки на нефтяных месторождениях и перерабатывающих предприятиях не прекратились, но к ним прибавилась еще и кровавая, непрекращающаяся межэтническая вражда.

«Еврейский вопрос» воспалился в связи с созданием черносотенных организаций и выходом (в декабре) знаменитой фальшивки «Протоколы сионских мудрецов», которая станет пропагандистским оружием воинствующего антисемитизма.

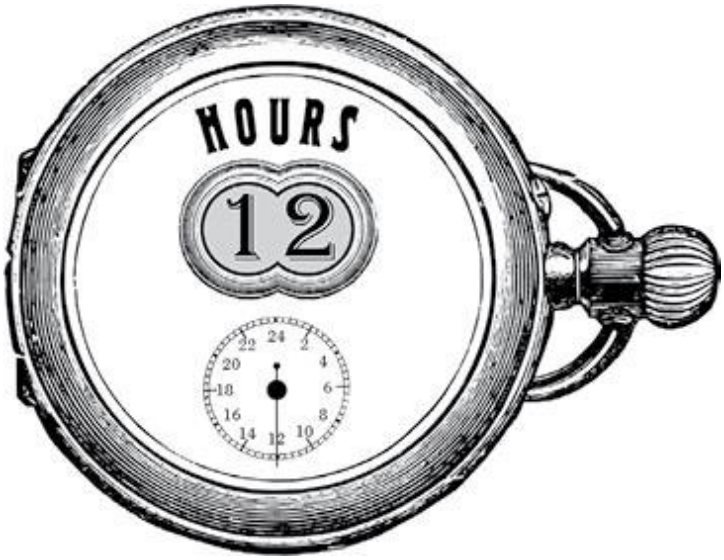
Особым, почти курьезным эпизодом турбулентного года стала встреча Николая II и Вильгельма II в финляндских водах. Правители двух империй — один самодержавный, другой авторитарный — попытались изменить ход всей мировой политики по-родственному, договорившись между собой. 11 (24) июля двоюродные братья подписали секретный договор о взаимопомощи в случае нападения на Россию или Германию какой-либо европейской державы. Инициатива исходила от темпераментного, волевого «кузена Вилли». «Кузен Ники» дал себя убедить — и привел в панику своих министров. Разваливался

альянс с Францией, на который была ориентирована вся внешняя политика России.

Под давлением правительства Николаю пришлось задним числом дезавуировать свою подпись. Время «монархической дипломатии» уходило в прошлое. (Как мы увидим, столь же бесплодно закончится и последняя, отчаянная попытка «помазанников божьих» остановить войну в июле 1914 года.)

Вильгельм в русском мундире и Николай в немецком. 1905 год

Тысяча девятьсот шестой год



Самое выдающееся событие года, как водится, было негромким и прошло почти незамеченным. Двое французских ученых, Альбер Кальмет и Камиль Герен, открыли противотуберкулезную вакцину. На практике ее начнут применять еще нескоро, но появилась надежда, что человечество наконец одолеет чахотку, главную убийцу девятнадцатого века, когда стремительный рост городов привел к скученности населения, особенно в бедняцких кварталах. (В самой урбанизированной стране, Британии, «консумпция» была причиной четверти всех смертей.)

Кроме того, две страны, издавна считавшиеся оплотами деспотии, ввели у себя конституцию и парламент.

Первой была Персия, где Мозафереддин-шах под давлением общества был вынужден учредить меджлис и согласиться на ограничение монархической власти.

Второй — Россия.

В главе «Немножко ограниченное самодержавие» подробно описано, как трудно и непоследовательно — шаг вперед, два шага назад — происходил в России конституционный процесс и как недалеко он продвинулся.

Напомню его основные вехи.

В феврале вышел высочайший манифест, вводящий новую политическую конструкцию, состоящую из трех звеньев: главы

государства — царя, Государственного Совета и Государственной думы.

В марте произошли выборы, на которых больше всего голосов получила самая радикальная из либеральных партий — кадеты.

В апреле открылась Дума, сразу же взяв курс на конфронтацию с правительством. Тогда же активный, но ненадежный Витте был заменен надежным, но вялым Горемыкиным. В начале июля кабинет возглавил и активный, и надежный Столыпин. Он тут же распустил неуправляемый парламент, который своим фрондированием постоянно дестабилизировал и без того напряженную обстановку в стране. Новая дума должна была собраться только через несколько месяцев, что давало премьер-министру время подавить беспорядки полицейскими методами. Часть депутатов не подчинилась указу и провозгласила в Выборге кампанию гражданского неповиновения, но широкой поддержки это воззвание не нашло.

Политическая ситуация к этому времени стала почти такой же воспаленной, как прошлым летом.

Рабочие бастовали во многих городах. В июле крестьянские волнения охватили половину сельских уездов. В крепости Свеаборг, на противоположном от Петербурга берегу Финского залива, восстали солдаты гарнизона, к которым присоединились рабочие соседнего Гельсингфорса.

Избавившись от Думы, Столыпин сразу же, три дня спустя, циркулярным постановлением предоставил губернаторам и градоначальникам чрезвычайные полномочия.

В августе были учреждены военно-полевые суды, начавшие быстро и беспощадно вешать террористов и вооруженных повстанцев — затянулся «столыпинский галстук».

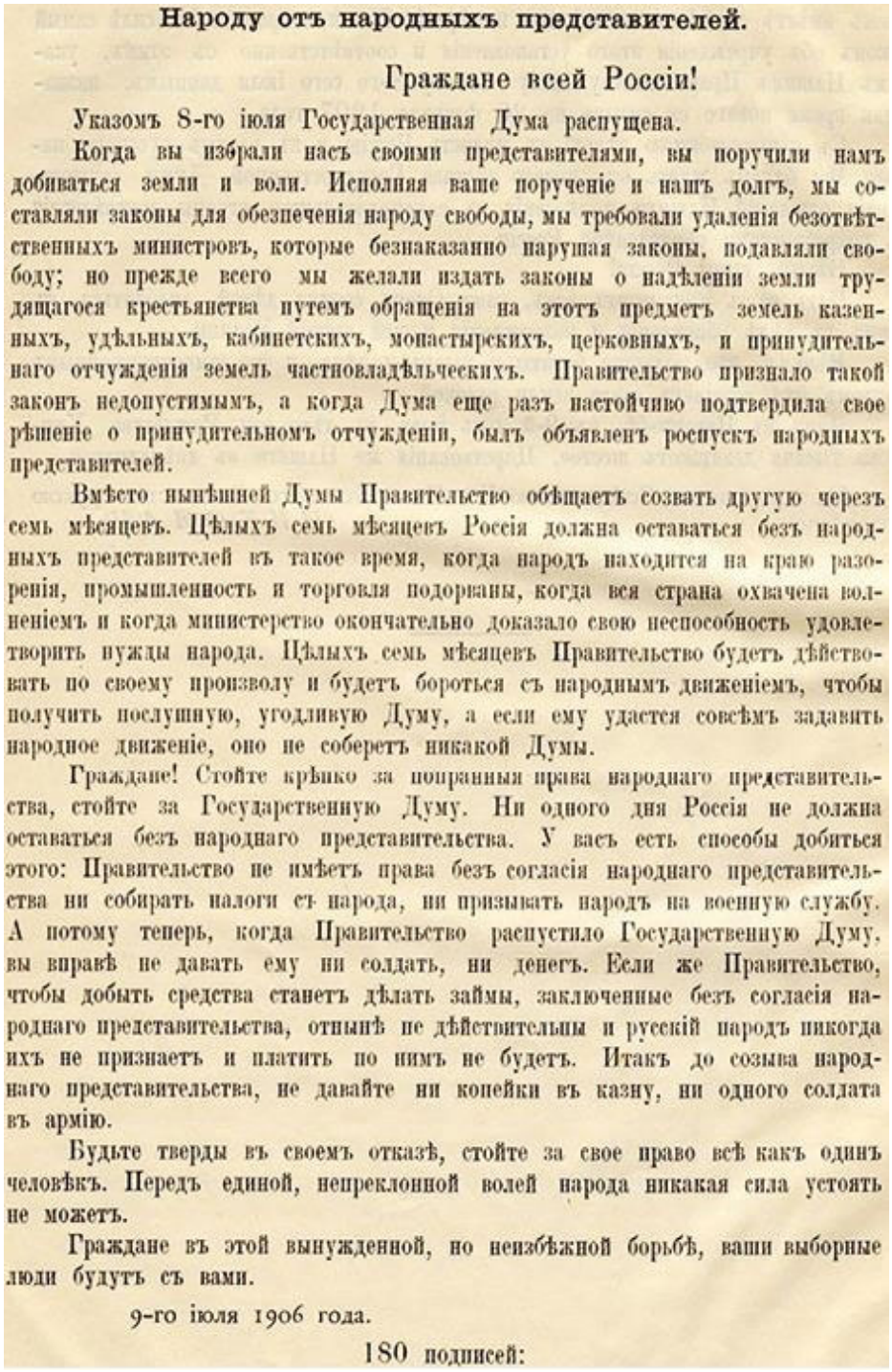
Самую трудноконтролируемую проблему — крестьянских мятежей — правительство решило не репрессивными мерами, которые были бы и невозможны при таких масштабах народного недовольства, а резким изменением аграрной политики.

В октябре вышел указ, освобождавший крестьян от диктата общины и предоставлявший им свободу проживания, то есть только теперь, через 45 лет после «эмансипации», бывшие крепостные наконец стали полноправными гражданами. В ноябре начала проводиться в жизнь монументальная реформа, занявшая сельских жителей безопасными для правительства интересами. Успокоение крестьян,

составлявших пять шестых российского населения, означало, что революции точно не будет.

На фоне укрепления исполнительной власти революционное подполье не отказалось от вооруженной борьбы, но перешло от массовых форм к индивидуальным. Террористические акты происходили чуть ли не ежедневно.

Это была самая настоящая война. Чтобы дать представление о ее интенсивности и накале, перечислю теракты — лишь самые заметные — всего одного месяца, января.



Народу отъ народныхъ представителей.

Граждане всей Россіи!

Указомъ 8-го іюля Государственная Дума распущена.

Когда вы избрали насъ своими представителями, вы поручили намъ добиваться земли и воли. Исполняя ваше порученіе и нашъ долгъ, мы составляли законы для обезпеченія народу свободы, мы требовали удаленія безотвѣтственныхъ министровъ, которые безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желали издать законы о надѣленіи земли трудящагося крестьянства путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ, и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ. Правительство признало такой законъ недопустимымъ, а когда Дума еще разъ настойчиво подтвердила свое рѣшеніе о принудительномъ отчужденіи, былъ объявленъ роспускъ народныхъ представителей.

Вмѣсто нынѣшней Думы Правительство обѣщаетъ созвать другую черезъ семь мѣсяцевъ. Цѣлыхъ семь мѣсяцевъ Россія должна оставаться безъ народныхъ представителей въ такое время, когда народъ находится на краю разоренія, промышленность и торговля подорваны, когда вся страна охвачена волненіемъ и когда министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа. Цѣлыхъ семь мѣсяцевъ Правительство будетъ дѣйствовать по своему произволу и будетъ бороться съ народнымъ движеніемъ, чтобы получить послушную, угодливую Думу, а если ему удастся совсѣмъ задавить народное движеніе, оно не соберетъ никакой Думы.

Граждане! Стойте крѣпко за попранныя права народнаго представительства, стойте за Государственную Думу. Ни одного дня Россія не должна оставаться безъ народнаго представительства. У васъ есть способы добиться этого: Правительство не имѣетъ права безъ согласія народнаго представительства ни собирать налоги съ народа, ни призывать народъ на военную службу. А потому теперь, когда Правительство распустило Государственную Думу, вы вправѣ не давать ему ни солдать, ни денегъ. Если же Правительство, чтобы добыть средства станетъ дѣлать займы, заключенные безъ согласія народнаго представительства, отнынѣ не дѣйствительны и русскій народъ никогда ихъ не признаетъ и платить по нимъ не будетъ. Итакъ до созыва народнаго представительства, не давайте ни копейки въ казну, ни одного солдата въ армію.

Будьте тверды въ своемъ отказѣ, стойте за свое право всѣ какъ одинъ человѣкъ. Передъ единой, непреклонной волей народа никакая сила устоять не можетъ.

Граждане въ этой вынужденной, но неизбѣжной борьбѣ, ваши выборные люди будутъ съ вами.

9-го іюля 1906 года.

180 подписей:

Выборгское воззвание

В первый же день нового года взрывом бомбы тяжело ранен черниговский губернатор Хвостов, оставшийся инвалидом; в Иркутске убит полицмейстер и ранен вице-губернатор.

Второго января в Пензе убит начальник гарнизона генерал-лейтенант Лисовский.

Десятого января в Одесском жандармском управлении взорвалась бомба, спущенная через трубу в печь. В тот же день другая «адская машина» оборвала в Тифлисе жизнь генерала Грязнова, по приказу которого производились аресты.

Одиннадцатого января генерал Селиванов, только что назначенный комендантом Владивостока и сразу же распустивший местный рабочий совет, был тяжело ранен двумя пулями.

Шестнадцатого января юная Мария Спиридонова, впоследствии знаменитая предводительница левых эсеров, застрелила на железнодорожной станции коллежского советника Луженовского, активного черносотенца, руководившего подавлением крестьянских волнений на Тамбовщине. При аресте Спиридонову жестоко избили. Двое офицеров, руководившие избиением, были потом выслежены боевиками и «казнены».

Двадцать шестого января в Пензе застрелили полицмейстера Кандаурова.

Двадцать седьмого января в Севастополе 23-летняя эсерка Екатерина Измайлович ранила адмирала Чухнина, подавившего восстание на крейсере «Очаков», и была убита охраной. Революционный приговор над Чухниным будет исполнен несколько месяцев спустя.

Мария Спиридонова

Публика настолько привыкла к сообщениям подобного рода, что сенсацией становились лишь покушения на широко известных деятелей и высших должностных лиц.

Двадцать восьмого марта на загородной даче под Петербургом эсеры повесили инициатора демонстрации 9 января Георгия Гапона, уличенного в связях с Охранкой.

Настоящую охоту подпольщики устроили на «палачей» Московского восстания — адмирала Дубасова и командира Семеновского полка генерал-майора Мина.

На Дубасова в течение года покушались дважды. В апреле бросили бомбу, тяжело ранив. В декабре совершили еще одно нападение, и опять ранили. Последние годы жизни адмирал провел полуинвалидом.

Генерала Мина — на глазах у жены и дочери — застрелила в августе эсерка Коноплянникова.

> Расскажу об этой женщине подробнее — не потому, что она как-то выделялась среди других террористов, а, наоборот, потому что это очень типичная судьба.
>
> Зинаида Коноплянникова начинала сельской учительницей, хотела «вести детей к свету». Помимо уроков вела с ними беседы, устраивала спектакли. «Условия здесь были таковы, — рассказывала она. — Перед школой жил жандарм, позади школы урядник, на соседней горе поп, рядом с ним псаломщик, и все четверо писали на меня доносы». Учительницу арестовали за «подрывную пропаганду». Она посидела в тюрьме, попала под надзор полиции. Ушла в подполье, стала членом Летучего боевого отряда. Генерала Мина она застрелила «как убийцу невинных, кровью которых орошены улицы Москвы». На суде — скором и безжалостном — произнесла историческую фразу о том, что ответом на «белый террор» будет «красный террор». (В 1918 году эту формулировку вспомнят и применят в промышленных масштабах большевики.)
>
> 28-летняя Коноплянникова стала первой за четверть века, после Софьи Перовской, женщиной, казненной в России. Но не последней.

Двенадцатого августа произошел самый главный теракт года. Эсеры-максималисты устроили взрыв огромной силы на даче Столыпина. Акция была с точки зрения революционеров неудачной — глава правительства почти не пострадал, но погибли 32 человека и

несколько десятков, в том числе дети Столыпина, получили ранения. Постановление о военно-полевых судах было прямым следствием этого чудовищного преступления, устроители которого обошлись с посторонними людьми, оказавшимися в резиденции, по принципу «лес рубят — щепки летят». Среди погибших были маленький ребенок и женщина на восьмом месяце беременности.

Зинаида Коноплянникова

Разгул насилия обесценил жизнь отдельного человека. В свое время Иван Каляев не кинул бомбу в экипаж Сергея Александровича, потому что рядом с великим князем были жена и мальчики-племянники. За миновавшие с тех пор полтора года градус ожесточения

невероятно поднялся. Невинные жертвы стали считаться «побочным ущербом» — совсем как у современных террористов.

В ноябре примененный в Закавказье принцип «разделяй и властвуй» в очередной раз ударил по тем, кто опрометчиво запустил механизм армяно-азербайджанской вражды. Непосредственный инициатор первой «резни», бакинский губернатор князь Накашидзе, был убит еще в 1905 году армянским боевиком. Теперь члены азербайджанской боевой организации «Дифаи» застрелили генерал-губернатора Голощапова, устроившего карательную акцию в Карабахе.

Взрыв на даче Столыпина

Убийство прокурора Павлова. *И. Сакуров*

В последний месяц года лишились жизни еще три крупных чиновника.

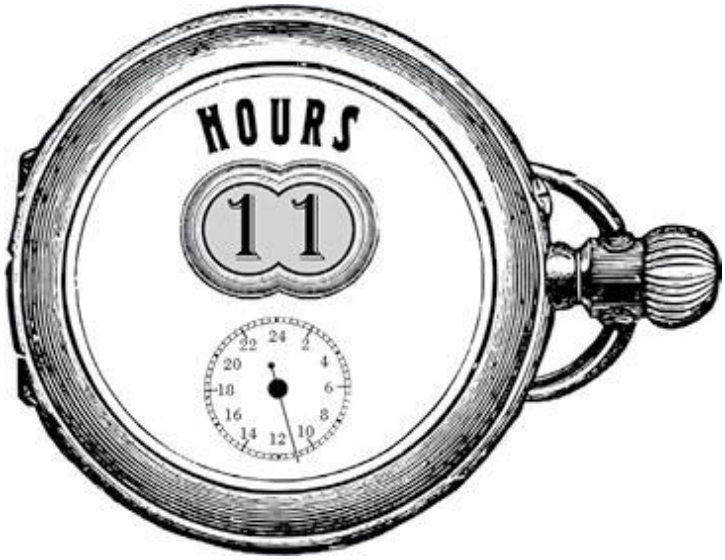
Девятого декабря 20-летний боевик Ильинский убил одного из старейших и влиятельнейших деятелей «реакционного» лагеря графа Алексея Игнатьева, тверского генерал-губернатора.

Двадцать первого декабря член «Боевой организации» Кудрявцев на глазах у многочисленных свидетелей застрелил столичного градоначальника фон дер Лауница, на которого покушались и прежде.

Двадцать седьмого декабря был убит главный военный прокурор Павлов, которого называли «вешателем», поскольку он был непосредственным создателем закона о военно-полевых судах. Генерал знал, что на него охотятся революционеры, и не выходил за пределы стен Главного военного суда, где у него имелась служебная квартира. Эсер Егоров проник во внутренний сад, переодевшись в военную форму, и застрелил прокурора, когда тот прогуливал своих трех пуделей. Финальный аккорд кровавого года прозвучал особенно зловеще — как знак того, что враги революции нигде не укроются от возмездия. Террористы казались вездесущими и всемогущими (даже чинам Охранки, которая держала на жаловании главу «Боевой организации» Азефа).

Всего за этот страшный год террористы убили и ранили более полутора тысяч государственных служащих. В отместку скорый столыпинский суд повесил и расстрелял почти шестьсот человек.

Тысяча девятьсот седьмой год



В мире ничего грозного не происходило — наоборот, летом в Гааге состоялась вторая мирная конференция, на которой звучали всякие прекраснодушные декларации, но в России по-прежнему стреляли, взрывали, вешали, бастовали и разгоняли забастовки.

Количество жертв террора было не меньше, чем в 1906 году, а повешенных вдвое больше, но из высшего эшелона власти никто не пострадал — радениями Азефа, на которого буквально молилось полицейское начальство.

Зато террор пошел вширь и вниз, теперь направленный главным образом против местных чиновников и стражей порядка. Контролировать эту партизанскую войну было невозможно — «Боевая Организация» к ней отношения не имела.

Две попытки убийства государственных людей первого уровня были неудачны. В Москве член «Б.О.» Севастьянова бросила бомбу в генерал-губернатора Гершельмана, но только сама себя покалечила. Идея поручить бомбометание, требующее изрядной физической силы, «согбенной, худенькой» Севастьяновой (так ее описывает соратница), принадлежала Азефу. С огнестрельным оружием женщины-террористки управлялись лучше.

Второе громкое покушение — на отставника Витте — вообще организовали не революционеры, а черносотенцы, плохо владевшие динамитным ремеслом (их бомбы не взорвались).

Опишу два самых впечатляющих эпизода террористической «кампании» 1907 года.

> Совершенно кинематографическая история произошла в Пензе, где Анатолий Гитерман возле городского театра убил губернатора Александровского.
>
> Вот как описывает это событие И. Кошко, назначенный губернатором на смену убитому: «Только что Александровский вышел на подъезд, к нему из толпы в театре подбежал какой-то молодой человек и выстрелил в голову, убив наповал, так что он не успел даже и вскрикнуть. Помощник полицмейстера Зорин и старший городовой бросились задержать преступника, он того и другого тут же поочередно застрелил и сам устремился на сцену, ища там выхода для артистов. Режиссер труппы [на самом деле декоратор. — *Б.А.*], … вздумал преградить ему дорогу, преступник его застрелил, но видя приближающуюся за собой погоню, бросился в первую попавшуюся уборную артистов и притаился за печкой. Когда преследующие его нашли и ворвались в эту уборную, он выстрелил в себя».
>
> В декабре боевик-эсер с балкона бросил бомбу в экипаж ялтинского градоначальника Думбадзе, славившегося самодурством. Взять террориста живьем не удалось, он застрелился. Тогда уцелевший, хоть и контуженный генерал приказал спалить дом со всем имуществом, не разбираясь, причастны ли владельцы к покушению. (Оказалось, что непричастны, и правительству пришлось выплачивать изрядную компенсацию.)

Впрочем, в 1907 году внимание прессы и общества было в первую очередь обращено не на террор, который давно стал частью повседневной жизни, а на премьера Столыпина и его сложные отношения с парламентом (что само по себе уже являлось симптомом некоторой нормализации).

Вторая Дума, оказавшаяся еще менее неудобной для правительства, чем первая, была избрана в январе и начала свою работу в феврале.

Конфронтация обозначилась сразу же. Шестого марта Столыпин произнес программную речь, в которой известил депутатов о предстоящих реформах, но в то же время твердо дал понять, что правительство давлению не поддастся. Речь закончилась словами: «Не запугаете».

Десятого мая Петр Аркадьевич произнес еще более знаменитую речь, где, говоря о том, как аграрная реформа преобразует страну и убережет ее от потрясений, сказал: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»

Вообще думские выступления — членов правительства, правых депутатов, левых — очень способствовали переводу политической борьбы из кровавого в полемическое русло.

При этом нельзя сказать, что Дума была всего лишь клапаном для выпуска общественного раздражения. При всей ограниченности своих полномочий в апреле она отказалась рассматривать законопроект о военно-полевых судах — и указ утратил силу, скоротечные расправы прекратились.

Отношения между правительством и парламентом обострились до предела, и столыпинское окружение стало готовить почву для роспуска неуправляемого представительного органа.

Повод нашелся быстро. В столичном гарнизоне существовала «Военная организация РСДРП», члены которой занимались пропагандой среди солдат. Как водится, двое участников работали на Охранку. Дождавшись доказательств, что подпольщики связаны с депутатами-социалистами, Столыпин поставил перед Думой ультиматум: или она отстраняет от заседаний всю социал-демократическую фракцию, а шестнадцать ее членов за участие в военном заговоре лишает неприкосновенности, — или будет распущена. Пойти на это парламент, разумеется, не мог, и два дня спустя, 3 июня, вторая Дума прекратила свою деятельность. Произошел так называемый «Третьеиюньский переворот».

Заседание Думы в Таврическом дворце

Третья по счету, тщательно отфильтрованная Дума, уже не создававшая правительству серьезных проблем, открылась 1 ноября.

На протяжении года размах революционного движения постепенно сокращался. Главной причиной была активная политика правительства, действовавшего не только репрессивно, но и конструктивно. Аграрная реформа создавала у народа ощущение, что жизнь можно изменить и без бунта; Общество увлеклось парламентским шоу и думскими избирательными кампаниями. Оппозиционный лагерь, расколовшись на «эволюционеров» и революционеров, продолжал дробиться и дальше. Либералы разделились на «системных» (октябристы) и «несистемных» (кадеты), революционеры — на сторонников вооруженной борьбы и на пропагандистов. В конце весны, на V съезде РСДРП в Лондоне, еще больше обострились отношения между большевиками и меньшевиками, однако было принято совместное решение отказаться от «экспроприаций» и распустить боевые дружины.

Карикатура на Думу. *Газета «Искра»*

Последняя крупная забастовочная акция прошла в начале мая, когда прекратили работу двести столичных предприятий. Но месяц спустя, после роспуска Думы, массовых публичных протестов уже не произошло. Большие Беспорядки закончились.

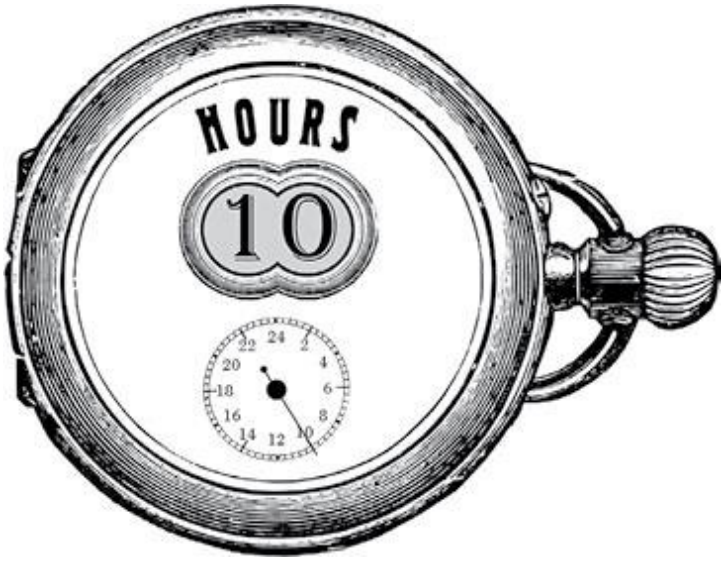
Самое роковое — в историческом смысле — событие года произошло 31 (18) августа и ничего зловещего собой вроде бы не представляло. Министры иностранных дел российской и британской империй подписали договор об урегулировании интересов в Азии, что положило конец многолетней «Большой Игре», колониальному соперничеству двух держав. Условились, что Афганистан будет «зоной интереса» англичан, а Персию поделят.

Устранение противоречий с Англией (которая перед тем, в свою очередь, урегулировала конфликт с Францией) завершило образование Антанты, которая теперь стала тройственной.

Если бы в 1914 году Петербург и Париж не имели гарантий британской поддержки, мировой войны не произошло бы, и история

человечества пошла бы по какому-то иному пути.

Тысяча девятьсот восьмой год



Едва затихла смута в России, начались потрясения в другой, еще более архаичной империи — Османской. В июле там произошла революция. Движение реформаторов-«младотурков» подняло восстание и потребовало от старого деспота Абдул-Хамида II восстановить конституцию 1876 года, впоследствии упраздненную. Под угрозой свержения султан «припомнил», что в стране вообще-то должен быть парламент, и тот возродился, но борьба за власть растянется почти на год.

Внутритурецкий раздор создал политический вакуум на Балканах. Этим немедленно воспользовалась Австро-Венгрия, объявившая о присоединении Боснии и Герцеговины. Боснийский кризис не перерос во всеевропейскую войну только из-за уступчивости Петербурга. Ослабленная дальневосточным конфликтом и революционными беспорядками Россия не могла пойти на обострение, но отношения с Веной существенно ухудшаются. В следующий раз Россия не отступит.

Еще одним источником международной напряженности стало открытие огромных залежей нефти в Юго-Западной Персии. Там немедленно обосновались британцы, что вызвало ответные действия со стороны Германии.

Поветрие терроризма докатилось до Португалии, тоже переживавшей непростые времена. Боевики-антимонархисты

расстреляли в Лиссабоне короля Карла I и наследного принца. Два года спустя монархия рухнет.

В декабре случилось ужасное землетрясение в Мессинском проливе, на юге Италии, — худшая сейсмическая катастрофа в европейской истории. Погибло по меньшей мере 80 тысяч человек (называли и цифру в 200 тысяч). Число погибших было бы много больше, если бы поблизости не оказались русские и британские военные корабли. Моряки спасли из-под развалин множество людей.

Памятник русским морякам в Мессине

Россия продолжала шаг за шагом двигаться к четырнадцатому году.

В конце мая царь принимал в Ревеле английского короля Эдуарда VII, и монархи впервые обсуждали перспективу совместных действий в случае войны с Германией.

В сентябре, теперь уже в Париже, прошло совещание русского и французского генштабов, где речь шла о конкретных военных вопросах, в том числе главном — сколько времени понадобится России для мобилизации и открытия Восточного фронта.

Громким политическим скандалом стало разоблачение Азефа (в октябре). Пятно легло и на «Боевую организацию» эсеров, которая, оказывается, в значительной степени находилась на поводке у Охранки, и — в еще большей степени — на министерство внутренних дел. Сам глава правительства будет вынужден оправдываться перед Думой за грязные махинации своих подчиненных, говоря, что «уродливые явления всегда возможны».

Главную общественную дискуссию вызвала статья Льва Толстого «Не могу молчать», написанная в мае. Как и в предыдущий раз, четыре года назад, во время японской войны, великий писатель поднял исключительно несвоевременную тему — о драгоценности человеческой жизни и преступности смертной казни.

> «О казнях, повешениях, убийствах, бомбах пишут и говорят теперь, как прежде говорили о погоде. Дети играют в повешение. Почти дети, гимназисты идут с готовностью убить на экспроприации, как раньше шли на охоту», — горевал Толстой. Он осуждал революционеров за их «ужасные дела», за «все эти отвратительные убийства при грабежах», но еще больше обрушивался на правительство. Преступления революционеров «не так нравственно отвратительны, как ваши злодейства», писал Лев Николаевич, имея в виду небывалое со времен Ивана Грозного количество казней. «И происходит это в России, в той России, в которой народ считает всякого преступника несчастным и в которой до самого последнего времени по закону не было смертной казни. Помню, как гордился я этим когда-то перед европейцами, и вот второй, третий год неперестающие казни, казни, казни».

> В стране, где левые рукоплескали террористам, а правые — палачам, это высказывание было абсолютно не в духе времени. Многие сочли толстовский манифест бессмысленной маниловщиной или чудачеством — вроде проповеди вегетарианства в мире, где полным-полно голодных.

Восьмидесятилетний писатель пробовал воздействовать на главу правительства и частным образом — отправил Столыпину личное письмо о том, что нельзя бороться с насилием через насилие: «Вы можете бросить письмо в корзину и сказать: как надоел мне этот старик со своими непрошеными советами, и, если вы поступите так, это нисколько не огорчит, не обидит меня, но мне будет жаль вас». Столыпин, по-видимому, так и поступил — бросил письмо в корзину. Во всяком случае отвечать не стал.

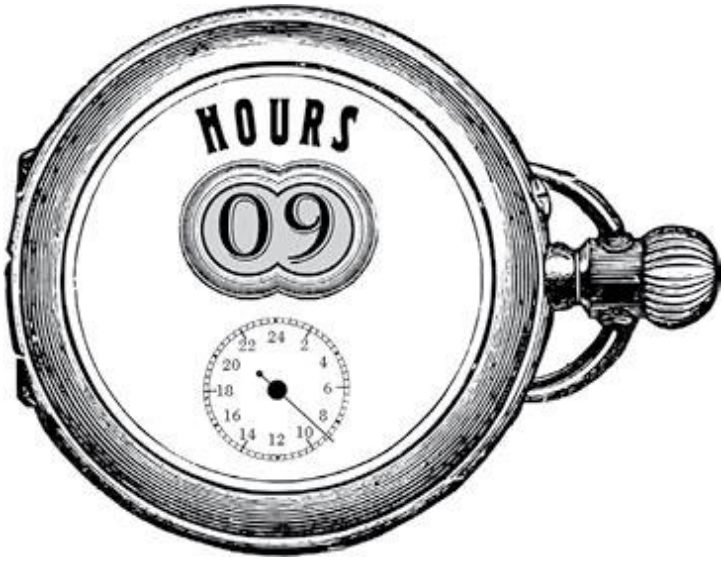
Современная карикатура на писателя

Самым удивительным явлением года было падение огромного метеорита. 17 июня, прочертив по небу многокилометровую огненную линию, в атмосферу вошло космическое тело невиданно большого размера (предположительно весом 5 миллионов тонн) и разорвалось у самой поверхности земли, над восточносибирской рекой Тунгуской. Обломков, однако, впоследствии не обнаружили, что породило множество альтернативных теорий: что если это был не метеорит, а нечто иное, науке неизвестное?

По счастью, места были таежные, совершенно безлюдные, так что человеческих жертв, кажется, не было, но грохот разнёсся на тысячу километров, на площади в 200 тысяч гектаров повалились деревья, возник огромный лесной пожар, произошла мощная магнитная буря. По современным оценкам сила взрыва как минимум вдвое превышала мощность ядерной бомбы, сброшенной на Хиросиму.

Из всех объяснений странного феномена наиболее правдоподобным выглядит версия академика В. Вернадского, предположившего, что это был плотный сгусток космической пыли.

Тысяча девятьсот девятый год



В Европе начинается относительно безмятежный период, который продлится до четырнадцатого года и напоминает затишье перед бурей. Лихорадить будет только юго-восточную окраину континента — Балканы, откуда в конце концов и разгорится всемирный пожар.

В апреле после затяжной борьбы младотурки наконец свергли Абдул-Хамида. Новый султан Мехмед V уже не будет иметь реальной власти, она перейдет к младотурецкой партии «Единение и прогресс».

В июле происходит революционный переворот и в соседней Персии. Шах Мохаммад-Али лишился престола, номинальным монархом стал одиннадцатилетний Ахмад-шах, которому пришлось сначала просить убежища в русском посольстве, а затем вовсе эмигрировать в Россию. Страна фактически утратила независимость: ее северные регионы контролировала российская империя, южные — британская.

Признаком тихих времен было внимание, с которым мир следил за сугубо спортивным предприятием американца Роберта Пири, который наконец добрался до Северного Полюса и удовлетворил любопытство человечества — что там, в верхней точке оси, на которой вращается Земля? Оказалось, ничего кроме снега и льда.

Спокойно и бессобытийно — во всяком случае, по сравнению с тем, что было раньше и что будет потом, — прошел год и для России. Этому способствовал экономический подъем, наступивший после

почти десятилетней депрессии, отягощенной военными и политическими потрясениями.

Быстрому росту посодействовали несколько факторов.

Хороший урожай совпал с повышением мировых цен на зерно, в страну потекла валюта. К этому прибавились капиталы, не находившие применения в годы упадка, и деньги буквально хлынули в промышленность, торговлю, строительство.

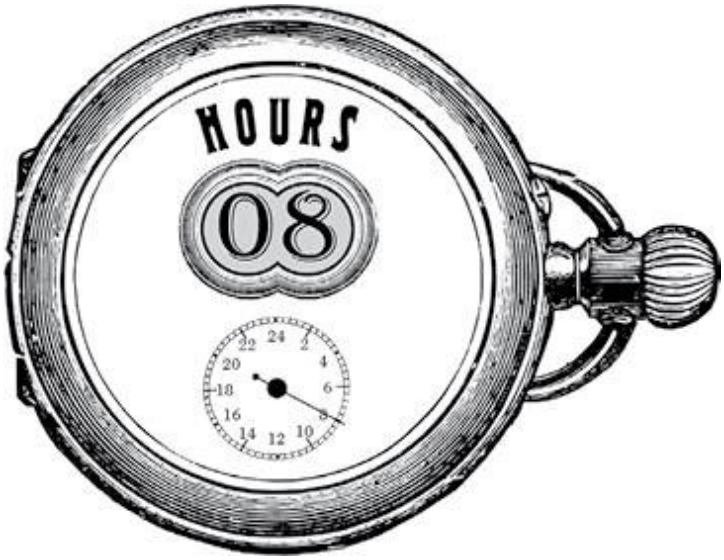
Сельское хозяйство очень оживилось благодаря аграрной реформе. Поднялся спрос на технику и удобрения, появилось много рабочих рук — освободившиеся от привязанности к общине бедные крестьяне поступали на заводы, нанимались в батраки.

С 1909 до 1914 года российская индустрия была самой динамично развивающейся в мире, темпы прироста достигали девяти процентов в год. Правда, в значительной степени эти успехи объяснялись заказами военного министерства и адмиралтейства. Россия перевооружала армию и флот, чтобы в грядущей войне не повторились мукденский и цусимский позор. А в том, что воевать скоро придется, мало кто сомневался. С кем — генералам было уже ясно. Лишь царь всё еще уповал на то, что монархи сумеют между собой договориться.

Нефтяные вышки близ Баку. *Открытка*

В июне Николай снова встретился с Вильгельмом в финских шхерах. Двоюродные братья хотели снять напряженность в отношениях, поскольку прямого конфликта между двумя странами не существовало: Россия была недовольна германским союзником Австрией, а Германия — российскими союзниками Францией и Англией. Из попытки опять ничего не вышло. Для германского военно-финансового истеблишмента неизмеримо важнее была близость с Веной, для российского — с Антантой.

Тысяча девятьсот десятый год



Продолжилась революционная эстафета, начавшаяся на «окраинах» тогдашнего европоцентричного мира — в Турции и Иране.

Осенью разваливается португальская монархия. Королевская власть рухнула за два дня, без сопротивления. Мануэль II бежал, в Португалии установилась республика.

В следующем месяце началась революция в Мексике. Режим «порфириата» — тридцатилетнего правления диктатора Порфирио Диаса — был свергнут после очередных сфальсифицированных выборов. В стране начался период политической нестабильности, который перерастет в затяжную гражданскую войну.

В России продолжается рост промышленности и сельского хозяйства. Безработица фактически отсутствует, средняя зарплата рабочих понемногу растет (по данным фабричной инспекции — на 20 %), поэтому забастовочное движение почти замирает.

Либералы сражаются в парламенте со Столыпиным, революционеры или уехали за границу, или томятся в тюрьмах и ссылках.

В ноябре произошла «Зерентуйская трагедия» — инцидент в Зерентуйской каторжной тюрьме.

Новый начальник проявил служебную инициативу: следуя духу эпохи, велел обращаться с политическими заключенными так же, как с уголовниками. Двое революционеров были высечены. В знак протеста остальные политические предприняли массовую попытку самоубийства. Кто-то перерезал себе вены, кто-то устроил самосожжение. Погиб (отравился морфием) знаменитый Созонов, за убийство министра Плеве приговоренный к бессрочной каторге.

Известие о случившемся вызвало бурю общественного возмущения. Левые депутаты попытались добиться от Думы каких-то действий, но правое большинство отклонило запрос. Тюремный начальник остался на своей должности.

В интеллигентской среде, особенно среди молодежи, растет ощущение безнадежности, бессилия против полицейского произвола, что порождает эпидемию самоубийств — в особенности среди студентов и даже гимназистов. По статистике, почти половине самоубийц не было и двадцати лет. После маниакального возбуждения общество — вернее Общество — провалилось в депрессию.

Цѣна 3 коп.

Дополненіе къ № 282 „РЯЗАНСКАГО ВѢСТНИКА".

ТЕЛЕГРАММЫ

„Петерб. Телегр. Агентотвр".

КОНЧИНА ГРАФА ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

Астапово. 7 ноября въ часъ сорокъ мин. ночи новый сердечный припадокъ. Положеніе опасное.

Астапово. (Часъ 48 м.) Послѣ припадка Толстой заснулъ.

Астапово. (Часъ 55 м.) Припадокъ того же характера, что и днемъ. Семья собралась у кровати больного.

Астапово. (Три часа 26 м.) Толстому вспрыснутъ морфій, онъ спитъ. Положеніе пока безъ перемѣнъ.

Астапово. 7 ноября, въ пять часовъ пять мин. утра наступило рѣзкое ухудшеніе въ сердечной дѣятельности. Положеніе крайне опасное.

Астапово. Въ пять час. 50 мин. графиня допущена къ больному, но онъ ее не узналъ. Въ сосѣдней комнатѣ вся семья.

АСТАПОВО. Левъ Николаевичъ Толстой скончался 7 ноября въ шесть час. пять м. утра.

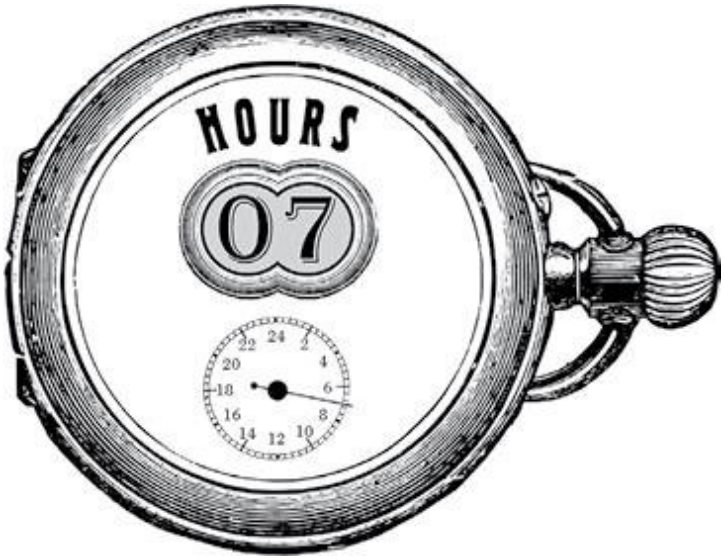
Типографія «Рязанскаго Вѣстника».

Петербургское телеграфное агентство сообщает скорбную весть

В Петербурге проводы Льва Толстого, умершего в ноябре, вылились в огромную траурную демонстрацию. Казалось, что русская интеллигенция пришла на собственные похороны.

Пользуясь тем, что стабильность восстановлена и ситуация в стране полностью контролируется, правительство перестало либеральничать с Финляндией, парламентские эксперименты которой шли вразрез с общеимперским политическим курсом. В июне автономия Великого княжества вновь урезана. После недолгого затишья «финляндский» вопрос опять обостряется.

Тысяча девятьсот одиннадцатый год



Теперь революция произошла в Китае. Монархия, просуществовавшая по меньшей мере 2 000 лет, сменилась республикой. Китай вышел из спячки и больше в нее уже не вернется. Самая населенная страна планеты на десятилетия погрузится в хаос.

Закончилась спокойная жизнь и в Европе, где произошло два серьезных кризиса, едва не вылившиеся в большую войну.

Весной французы оккупировали марокканскую столицу. В ответ германцы ввели в порт Агадир свою эскадру. Встревожился Лондон — немцы могли получить базу в опасной близости от британского Гибралтара. Премьер-министр Ллойд-Джордж объявил, что правительство ее величества никогда на такое не согласится. Несколько месяцев ситуация находилась на грани войны, но в Берлине решили, что время для нее еще не настало. В конце концов кайзер согласился «уступить» Марокко в обмен на часть французских колониальных владений в Конго.

Агадирский кризис еще не завершился, когда в разделе Северной Африки решила поучаствовать и Италия. В сентябре она высадила экспедиционный корпус в Ливии, которая являлась частью турецкой империи. Началась итало-турецкая война, которая будет происходить не только на суше и на море, но и — впервые — в воздухе, с применением авиации и дирижаблей. Война продлится год и закончится победой итальянцев.

Из «мирных» событий самым ярким было завершение международного «полюсного соревнования». Человечество добралось и до Южного полюса. К нему одновременно двигались две экспедиции, норвежская и британская. Группа Роальда Амундсена достигла самой южной точки планеты на 12 дней раньше — и сумела вернуться обратно. Группа лейтенанта Роберта Скотта не только упустила первенство, но и на обратном пути погибла. На Южном полюсе тоже ничего кроме снега не обнаружилось.

Для России год был нервным.

Он начался с введения дисциплинарных мер против самой проблемной для правительства части общества — студенчества. Министр просвещения Кассо издал приказ с длинным названием «О недопущении в стенах высших учебных заведений студенческих собраний и вменении в обязанность полицейским чинам принимать быстрые и решительные меры против них».

Установление полицейского контроля над студенческой жизнью, разумеется, вызвало возмущенную реакцию, однако в суровых условиях столыпинского режима былого размаха протестные акции не достигли. На территорию Московского университета при первых же признаках волнений ввели полицию.

Среди либеральной профессуры возникло массовое движение демонстративных увольнений. Ушло в отставку руководство Московского университета, этому примеру последовали сотни преподавателей по всей России. Выиграл от этого только режим: на место ушедших лекторов поступили другие — может быть, менее квалифицированные, зато неконфликтные.

«Еврейский» вопрос чрезвычайно воспалился из-за киевского «дела Бейлиса». Официальные лица, газеты и судебные власти всерьез спорили, используют ли евреи кровь православных детей для своих обрядов. Народ внимал, над страной витал дух погрома.

В Финляндии после принятия (в октябре) закона о том, что тамошние юноши должны исполнять воинскую повинность на общероссийских основаниях, наблюдался резкий рост сепаратистских настроений.

По «империалистической» линии Россия произвела два демарша — успешный и неуспешный.

Второй годъ изданія. Цѣна № 3 копѣйки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.
съ пересылкой:
городск. 1 г.—1 р. 20 к. ½ г.—60 к. 3 мѣс.—30 к. Иногор. 1 г.—1 р. 80 к. ½ г.—90 к. 3 м. 45—к. Отдѣльные №№—3 коп. Цѣна объявленій за строку впереди текста—10 к. позади текста—5 к. Липамъ, нищимъ труда (изъ 4-хъ строкъ)—10 к.

Редакція и Главная контора (Б.-Жит. 30) открыта ежедневно 1) будн. дни отъ 5—7 ч. вечера. 2) праздн. дни отъ 1 до 4 час. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію должны быть написаны четко на одной сторонѣ листа и сопровождаться (для свѣдѣнія редакціи) подписью и точнымъ адресомъ автора.

Редакція допускаетъ сокращеніе и исправленіе рукописей. Статьи безъ обозначенія гонорара — считаются безплатными.

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛЪ

Вѣстникъ Патріотическаго Общества молодежи Двуглавый Орелъ, выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ).

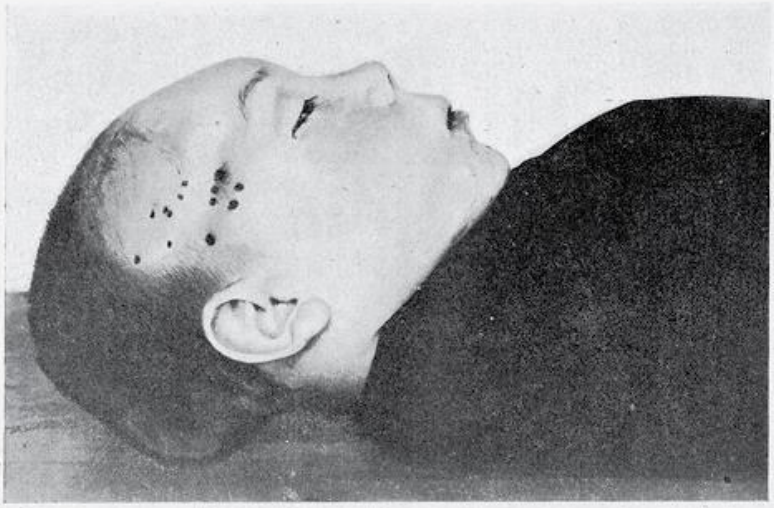
№ 63-й. Воскресенье 11-го Марта 1912 года. № 63-й.

ПОМЯНИ ПРАВОСЛАВНЫЙ РУССКІЙ НАРОДЪ

ИМЯ ЗАМУЧЕНКАГО ЖИДАМИ

отрока Андрея Ющинскаго!

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ!



ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ!

Христіане, берегите своихъ дѣтей!!!

17-го марта начинается жидовскій пейсахъ.

Черносотенная газета пугает читателей

Успешным было введение войск в китайскую провинцию Монголию, где после революции стало неспокойно. Предлог был обычный для колониальных держав — защита своих подданных. Ни Франции, ни Германии, ни России, кажется, даже не приходило в голову, что можно просто эвакуировать своих граждан из опасной зоны.

Монголия фактически попадает под российское управление.

Неуспешной была очередная попытка урегулировать российско-германские противоречия.

В августе по инициативе царя и кайзера две страны подписали в Потсдаме соглашение по Персии: Россия не препятствует строительству железной дороги Берлин — Багдад, а Германия признаёт «особые интересы» Петербурга в Северном Иране. Неуспешность заключалась в том, что этот компромисс вызвал активное недовольство и у российских военно-промышленных кругов, и у партнеров Петербурга по Антанте. Договор останется сугубо «бумажным».

Но прежде всего 1911 год прошел для России под знаком Столыпина и сложился для премьера трагически. Государственный деятель, поставивший перед собой невыполнимую задачу модернизировать страну, при этом сохранив самодержавие, сначала потерпел политическое поражение, а затем лишился жизни.

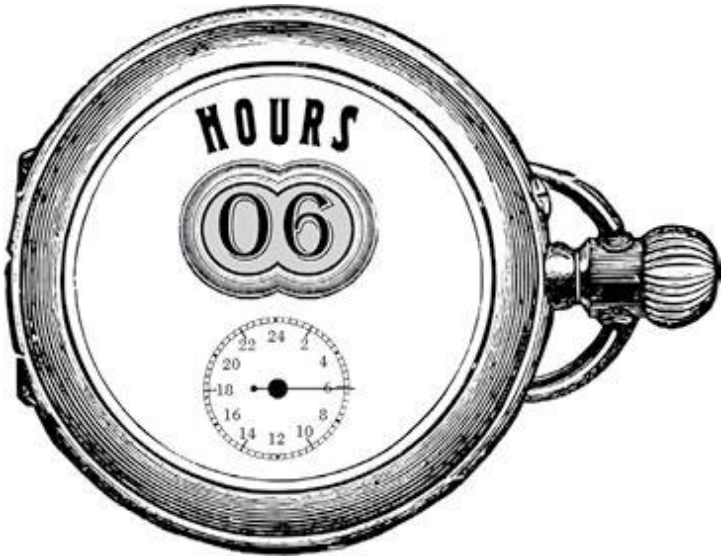
Кризис из-за законопроекта о «западных земствах» (учреждении земского самоуправления в западном регионе), имевший ключевое значение для столыпинской реформы, напомню, разразился не из-за сопротивления левых — к чему глава правительства давно привык, а из-за саботажа «государственников». Еще хуже было, что император не поддержал своего главного сотрудника. Возмущенный Столыпин совершил психологическую ошибку: поставил царю ультиматум, пригрозив отставкой. Николай таких вещей не прощал, что было хорошо известно всем близким ко двору людям. Как уже рассказывалось, свой закон Столыпин все-таки провел административным порядком, на несколько дней (12–15 марта) распустив Думу, но после этого бесцеремонного акта против премьер-министра ополчились уже все. Влияние Столыпина было подорвано.

Столыпин убит

Последние полгода своей жизни, вплоть до выстрелов в Киеве, Петр Аркадьевич провел в борьбе «против всех». Его убили в сентябре, но к этому времени курс разработанного Столыпиным «государственнического реформаторства» был уже обречен.

В дальнейшем преобразования, которые могли бы спасти монархию, происходили в замедленном темпе, как бы по инерции, а три года спустя война окончательно остановит этот процесс.

Тысяча девятьсот двенадцатый год



В апреле всех потрясла морская катастрофа. Огромный, сверхсовременный лайнер «Титаник» из-за ошибки вахтенного начальника столкнулся с айсбергом и погиб. Очень скоро точно так же — по вине правительств, то есть тех же вахтенных начальников, — погибнет вся прежняя цивилизация, свято верившая во всемогущество машин и технического прогресса.

Балканский кризис входит в фазу очередного обострения, предфинальную: в октябре начинается война болгарско-греческо-сербско-черногорской коалиции против Турции, которая еле успела выйти из войны с Италией. Это первый раскат приближающейся всемирной грозы.

В России основным поставщиком политических новостей продолжает оставаться Дума — до июня Третья, а затем, после выборов, Четвертая, в которой правительству предстояло выдерживать атаки и справа, и слева, поскольку оба фланга усилились, а центр ослабел.

Глава правительства (Коковцов, добросовестный, но неблестящий преемник убитого Столыпина) перестает быть главным ньюсмейкером. Из всех бесчисленных речей, произнесенных с парламентской трибуны в 1912 году, самый большой резонанс имело февральское выступление лидера октябристов Гучкова о «проходимце-плуте», влиянием которого

пользуются «ненасытные честолюбцы» и «темные дельцы». О Григории Распутине впервые заговорили со столь высокой трибуны. Это начало общественной кампании, которая будет наносить по самодержавию удары куда более чувствительные, чем все революционные партии вместе взятые.

Социал-демократы тем временем заняты внутренней борьбой. В январе в Праге проходит конференция РСДРП, на которую приезжают в основном сторонники Ульянова-Ленина и формируют новый большевистский ЦК. В него впервые входит «чудесный грузин» Иосиф Джугашвили (партийная кличка «Коба»).

Впрочем, интриги политэмигрантов занимают только Охранку. Она в курсе всех партийных коллизий, потому что в съезде участвует думский депутат и секретный агент Малиновский — в России он известен гораздо больше Ленина.

Депутат Малиновский

Делегаты партийной конференции сетовали на спад пролетарского движения, однако три месяца спустя «рабочий вопрос» обострился из-за трагического инцидента на Ленских золотых приисках, в Восточной Сибири.

Из-за плохого снабжения и низкой оплаты труда взбунтовались несколько тысяч старателей, фактически захватив власть в поселке. Полиция с беспорядками совладать не смогла, вызвали солдат. Те открыли огонь по толпе. Почти четыреста человек были убиты и ранены.

В Обществе поднялась волна негодования. Левые в Думе потребовали разбирательства и наказания виновных. Отвечая на запрос, министр внутренних дел Макаров отрезал: «Так было и так будет впредь», после чего на правительство обрушились уже со всех сторон, даже ультраправые (этих воспламенило, что директором приисков был барон Гинцбург, еврей).

В Петербурге и других городах после долгого затишья проходили митинги и забастовки.

Пришлось проводить следствие, в котором приняли участие две комиссии — правительственная и думская (последнюю возглавил молодой адвокат А. Керенский).

Офицер, отдавший приказ стрелять по безоружным рабочим, был отдан под суд и разжалован в рядовые. После этого волнения утихли.

После Ленского расстрела

Было две встречи на высшем уровне.

В июне опять встречались царь с кайзером. Вильгельм убеждал кузена и русского министра иностранных дел Сазонова, что истинные интересы России — на Дальнем Востоке, а вовсе не в Европе. Из этого маневра ничего не вышло. В официальном коммюнике сообщалось: «Встреча государей в Балтийском порту вновь подтвердила традиционную дружбу и родственную близость отношений между обоими царствующими домами» (но не между Россией и Германией).

Зато в июле в Петербурге побывал французский премьер-министр Пуанкаре, с которым обсуждались вопросы вполне антигерманского значения — о взаимодействии русского и французского флотов во время войны. В сентябре Сазонов съездил в Лондон говорить о том же самом с британским министром иностранных дел Греем.

Тысяча девятьсот тринадцатый год

Хаос на Балканах усугубляется. На полуострове заканчивается одна война, и тут же начинается другая. Теперь Турция вместе со вчерашними противниками — Грецией, Сербией и Черногорией — ведет бои с Болгарией. В конфликт включается и Румыния. Внутрислявянский раздор ослабляет позиции лидера славянского мира России и придает смелости австро-венгерским «ястребам».

Происходит очередной регицид в Греции — застрелили короля Георга. Убийца объявил, что он социалист.

В России год начался благостно, с пышного празднования юбилея династии Романовых. Она вступает в четвертый век правления и процарствует еще ровно четыре года.

В Костроме, откуда отрока Михаила когда-то доставили в Москву на царство, решили установить грандиозный многофигурный памятник. Деньги собрали по всероссийской подписке. Это был бы самый большой монумент страны.

До начала войны успели возвести постамент, после чего работы остановились.

Впоследствии на этот пьедестал встанет вождь мирового пролетариата.

1913 год очень любят исторические статистики, поскольку это последний мирный год старой России — пик всего, чего она достигла.

Давайте посмотрим на эти цифры и мы.[4]

Накануне роковой войны в стране жили 178 миллионов человек. (Если бы не потрясения XX века, сегодня ее население могло бы составлять — по разным оценкам — от 400 до 600 миллионов.)

По объему экономики Россия находилась на пятом месте — после США, Германии, Великобритании и Франции, однако по уровню жизни сильно отставала. Средний класс был очень невелик. По терминологии той эпохи, 79 % россиян относились к категориям «беднейших сельских хозяев», «полупролетариев» и «пролетариев». Городских жителей насчитывалось 15 процентов (в США — 42; в Германии — 56; в Англии — 78; во Франции — 41).

Протяженность железных дорог — важнейший тогда критерий промышленного развития — составляла около 65 тысяч километров. (В Германии, площадь которой была почти в сорок раз меньше, — 110 тысяч километров.)

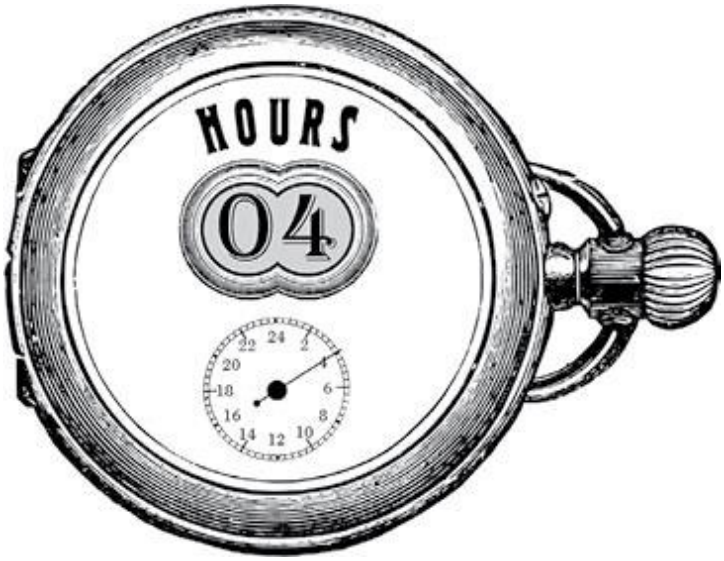
Что собирались построить и что построили

Государственный бюджет очень увеличился за годы предвоенного роста и достиг 3,5 миллиарда рублей, из которых 28,5 % уходило на нужды армии и флота. На просвещение в 1913 году потратили только 4,3 %. Начальную школу посещали лишь 30 % детей. Три четверти народа были неграмотны.

Зато империя содержала самую большую в мире армию — 1,3 миллиона солдат — и располагала самым обширным мобилизационным ресурсом. За годы войны на службу будет призвано почти шестнадцать миллионов человек.

Россия безусловно являлась великой военной державой. В следующем году именно этот фактор приобретет первенствующее значение.

Тысяча девятьсот четырнадцатый год



Предполагалось, что центральным событием года станет Международная выставка в Лионе, который на афишах заявлялся как «Столица Мира». Цивилизация, представленная в величественных павильонах, выглядела сияющей и прекрасной. Страны демонстрировали свои достижения в области промышленности, культуры и техники.

И человечеству было чем гордиться.

В этом году на автомобильном заводе «Форд» был запущен первый конвейер. Летом открылось движение кораблей по Панамскому каналу. Вышел дебютный фильм Чарли Чаплина. В феврале первый многомоторный аэроплан «Илья Муромец» доставил невероятное количество людей (16 пассажиров) на невероятное расстояние (из Петербурга в Киев) за невероятно короткое время (14 часов).

В апреле в Монако состоялся первый международный съезд криминалистов, где звучали речи о ценности каждой человеческой жизни и о неотвратимости наказания за покушение на нее.

А первого августа цивилизация словно сошла с ума и начала сама себя истреблять. Оборвутся миллионы человеческих жизней, и никто за это не будет наказан.

О причинах всемирной бойни мы уже говорили. Теперь — о хронологии событий, приведших к началу военных действий.

Двадцать восьмого июня группа сербских террористов, членов националистической организации «Молодая Босния», устроила в Сараево покушение на наследника австро-венгерского престола. Пули девятнадцатилетнего гимназиста Гаврилы Принципа сразили не только эрцгерцога Франца-Фердинанда, но и его супругу.

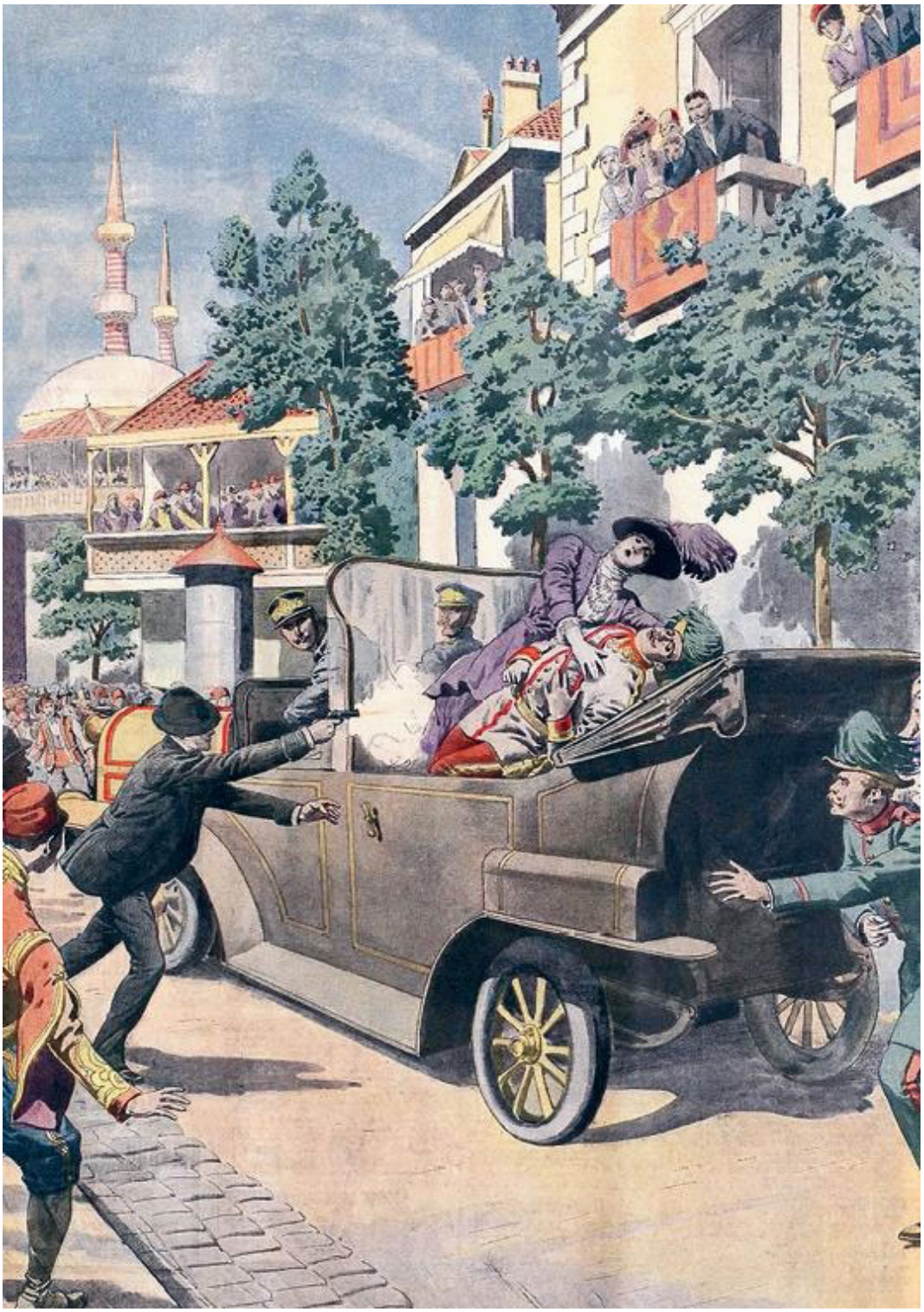
Все правительства, разумеется, осудили это злодеяние. В Вене решили, что настал удобный момент изменить баланс сил на Балканах, подчинив своему влиянию Сербию.

Не сразу, а через несколько недель, проведя военную и дипломатическую подготовку, Австрия предъявила Белграду заведомо неприемлемый ультиматум.

Афиша Лионской выставки сегодня кажется зловещей

Этот демарш поставил Россию в трудное положение. Она считалась покровительницей братского славянского государства и не могла бросить его на растерзание — не говоря уж о том, что это означало бы потерю и всех Балкан.

Обе стороны — и австрийская, и российская — проявили неуступчивость. Она объяснялась тем, что Вена заранее заручилась поддержкой Берлина, который дал ей «карт-бланш» на любые действия, а Петербург получил аналогичные заверения от французского президента Пуанкаре, посетившего Россию в июле.



Принцип стреляет в эрцгерцога. *Журнал «Ле пти журналь»*

Пожалуй, главной разжигательницей конфликта все же следует считать Австро-Венгрию. Разумеется, она была пострадавшей

стороной, но верно и то, что правительство источенной внутренними проблемами Габсбургской империи увлеклось вечной иллюзией «маленькой победоносной войны», которая решит все проблемы. Австрийский генералитет был уверен, что слабая сербская армия не посмеет защищаться и дело решится в несколько дней. Россия даже не успеет провести мобилизацию.

Двадцать пятого июля срок ультиматума истек. На следующий же день австрийцы провели акцию устрашения — обстреляли Белград, побуждая Сербию к капитуляции. Но маленькая страна объявила всеобщую мобилизацию, и стало ясно, что бескровной победы не будет.

Теперь Европа заволновалась всерьез: как поведет себя Россия?

Между царем и его генералами возникли разногласия. Николай вступать в войну не хотел. Но Янушкевич, начальник Генштаба, убеждал срочно объявлять мобилизацию, иначе Россия с ее растянутыми коммуникациями безнадежно запоздает и окажется беззащитной перед австрийцами и их союзниками: первые уже мобилизуются, а вторые могут сделать это намного быстрей русских.

Царь нехотя подписал приказ, однако вступил в личные переговоры с кайзером. Тот находился в точно такой же ситуации — на него давили генералы, у которых имелся отличный «План Шлиффена», весь построенный на скорости. Если мы быстро мобилизуемся и успеем разгромить ненавидящую нас Францию прежде, чем развернет свои полчища Россия, всё закончится за пару недель, большой войны удастся избежать, говорили Вильгельму стратеги.

Итак, никто не собирался убивать миллионы людей и разрушать Европу. Все хотели как лучше: не выйдет решить проблему миром, так по крайней мере обойтись малой кровью.

Последовал лихорадочный обмен телеграммами между двумя августейшими кузенами, которые клялись друг другу в миролюбии.

> «…Предвижу, что очень скоро давление сломит меня и я буду вынужден принять чрезвычайные меры, которые могут привести к войне. Чтобы избежать такого бедствия, как общеевропейская война, я прошу тебя во имя нашей старой дружбы сделать всё, что в твоих силах, чтобы остановить твоих союзников, прежде чем они зайдут слишком далеко.
>
> *Ники».*

Августейшая дипломатия. *И. Сакуров*

«…Ввиду нашей сердечной и нежной дружбы, которая связывает нас обоих с давних пор крепкими узами, я использую всё своё влияние, чтобы убедить австрийцев сделать всё, чтобы прийти к соглашению, которое бы тебя удовлетворило. Искренне надеюсь, что ты поможешь мне в деле сглаживания тех противоречий, что всё ещё могут возникнуть.

Твой крайне искренний и преданный друг и кузен Вилли».

«…Верю в твою мудрость и дружбу.

Твой любящий Ники».

«Моя дружба к тебе и твоей империи, завещанная мне дедом на его смертном одре, всегда была для меня священной, и я всегда поддерживал Россию в трудную минуту, особенно во время ее последней войны.

Вилли».

Царь отдал приказ остановить мобилизацию. Начальник Генерального штаба в панике вызвал министра иностранных дел Сазонова, стал говорить, что машина запущена и остановить ее означает устроить чудовищный хаос, который будет неисправим. По данным разведки Австро-Венгрия уже мобилизовала три четверти своих сил — для победы над Сербией столько не нужно, это явная угроза самой России.

Сазонов отправился к Николаю, с большим трудом убедил его отменить приказ. После чего связался с Янушкевичем и велел ему до конца дня исчезнуть, на звонки не отвечать. Мобилизация продолжилась.

Узнав об этом, Вильгельм разъярился на «кузена Ники» за вероломство и тоже отдал приказ о мобилизации. Именно в этот момент

окончательно решился вопрос о войне. «План Шлиффена» вступил в действие. Промедления он не допускал.

На следующий же день, первого августа, немецкий посол Пурталес — со слезами на глазах — вручил Сазонову ноту о начале войны. Дипломатия потерпела поражение.

Третьего августа Германия известила о вступлении в войну Францию, уже предъявив ультиматум нейтральной Бельгии, чтобы та не препятствовала движению немецких войск.

Эта агрессия положила конец колебаниям британского правительства. Часть политиков считала, что это «не английская война»; другая надеялась с помощью патриотического подъема погасить назревающий взрыв в Ирландии. Сторонники войны извлекли из архива договор 1839 года, в котором Британия брала на себя обязательство гарантировать безопасность Бельгии. В Берлине до последнего надеялись, что Лондон воздержится от участия в конфликте. «Это ведь не более чем листок бумаги», — попытался урезонить британского посла германский канцлер, когда увидел антикварный документ. «Но на нем стоит подпись Англии», — ответил посол.

Впрочем, у англичан была надежда, что на суше будут воевать главным образом союзники по Антанте, а участие Британии в основном ограничится морскими операциями.

Парадоксальным образом Вена, заварившая всю кашу, вступила в большую войну позже всех основных участников, только 6 августа.

Затем к конфликту одна за другой подключились и другие страны, каждая по собственным резонам.

Двадцать третьего августа отношения с Германией разорвала находившаяся на противоположном конце света Япония. Формальным основанием стала англо-японская конвенция 1902 года, согласно которой стороны обязались помочь союзнику, если тот подвергся нападению более чем одного противника. В свое время под «противником» имелась в виду Россия, но с тех пор ситуация переменилась. Японцы воспользовались удобным случаем, чтобы захватить немецкие базы в Китае и на Тихом океане.

СЪ НАМИ БОГЪ!

ЦАРСКІЙ МАНИФЕСТЪ О ВОЙНѢ

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ НАШИМЪ подданнымъ:

Слѣдуя историческимъ своимъ завѣтамъ, Россія, единая по вѣрѣ и крови съ славянскими народами, никогда не взирала на ихъ судьбу безучастно. Съ полнымъ единодушіемъ и особою силою пробудились братскія чувства русскаго народа къ славянамъ въ послѣдніе дни, когда Австро-Венгріи предъявила Сербіи заѣдомо непріемлемыя для державнаго государства требованія.

Презрѣвъ уступчивый и миролюбивый отвѣтъ Сербскаго правительства, отвергнувъ доброжелательное посредничество Россіи, Австрія поспѣшно перешла къ вооруженному нападенію, открывъ бомбардировку беззащитнаго Бѣлграда.

Вынужденные, въ силу создавшихся условій, принять необходимыя мѣры предосторожности, Мы повелѣли привести армію и флотъ на военное положеніе, но, дорожа кровью и достояніемъ НАШИХЪ подданныхъ, прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ.

Среди дружественныхъ сношеній, союзная Австріи Германія, вступая НАШИМЪ подданнымъ на нѣмецкое доброе сосѣдство и не внемля завѣренію НАШЕМУ, что принятыя мѣры отнюдь не имѣютъ враждебныхъ ей цѣлей, стала домогаться немедленной ихъ отмѣны, и, встрѣтивъ отказъ въ этомъ требованіи, внезапно объявила Россіи войну.

Нынѣ предстоитъ уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную НАМЪ страну, но оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и положеніе ея среди Великихъ Державъ. Мы непоколебимо вѣримъ, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанутъ всѣ вѣрные НАШИ подданные.

Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе ЦАРЯ съ ЕГО народомъ и да отразитъ Россія подвигавшагося на насъ одинъ человѣкъ, дерзкій натискъ врага.

Съ глубокою вѣрою въ правоту НАШЕГО дѣла и сокрѣнными упованіемъ на Всемогущій Промыселъ Мы молитвенно призываемъ на Святую Русь и доблестныя войска НАШИ Божіе благословеніе.

„НИКОЛАЙ".

Его Императорское Величество

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ.

Нѣмецкое нашествіе

КОРСЕТЫ.

Все страны были уверены, что Бог с ними. *«Петербургская газета»*

В октябре под нажимом Берлина к германо-австрийской коалиции присоединилась Турция — и оттянула на себя часть русской армии.

Через месяц после того, как загрохотали пушки, Франция, Англия и Россия заключили в Лондоне договор о несепаратности: «Все три правительства соглашаются в том, что, когда настанет время для обсуждения условий мира, ни один из союзников не будет ставить условий мира без предварительного соглашения с каждым из остальных союзников». Это обязательство в 1918 году нарушит большевистская Россия и поэтому не получит своей части добычи после победы Антанты.

А ведь в начале года царю Николаю казалось, что самой главной проблемой России является не угроза войны, не вражда классов и не

национальные конфликты, а народное пьянство. В начале века во многих странах носились с идеей «сухого закона». Царя очень мучило, что правительство фактически спаивает подданных, наживаясь на их алкоголизме посредством винной монополии.

Но технократический премьер Коковцов доказывал, что «пьяный сбор» обеспечивает почти треть бюджета и обойтись без него нельзя. В конце января Николай избавился от упрямого главы правительства и поставил на его место покладистого Горемыкина — тот сам сказал, что похож на старую шубу, вынутую из нафталина. С этой «шубой» государство и войдет в эпоху грозных испытаний.

Зато осуществится заветная мечта его величества. Среди прочих военных строгостей будет объявлен запрет на торговлю спиртными напитками. Казна потеряет миллиард рублей в год — он достанется самогонщикам.

На военные расходы пойдет очередной громадный французский заем в 2,5 миллиарда франков, согласованный в феврале.

Весной во многих регионах стало неспокойно из-за массовых забастовок. Такого размаха волнений не бывало со времен Больших Беспорядков. Особенно горячо было в Петербурге, где из-за роста промышленности рабочие стали составлять невиданно высокий процент населения — больше половины всех обитателей. (Через три года, в поворотный миг истории, это обстоятельство сыграет очень важную, может быть, даже решающую роль.)

В конце апреля в столице началась всеобщая забастовка — притом политического свойства, в солидарность с бакинскими рабочими, которые парализовали добычу нефти и угрожали оставить без топлива промышленность всей страны.

В июне — июле обстановка в Петербурге стала еще большей проблемой, чем бакинская. Количество бастующих дошло до 200 тысяч. Чувствуя свою силу, они действовали всё активней. Полиция начала применять оружие, появились убитые и раненые. В ответ на рабочих окраинах выросли баррикады, в городе почти перестали ходить трамваи — главный вид общественного транспорта.

Фактор забастовок тоже повлиял на принятие решения о войне — совершенно по той же логике, что в Британии. Внешний враг объединяет нацию и перенаправляет социальную агрессию в иное, полезное для правительства русло.

Так и вышло. Сразу после 1 августа (по-русски 19 июля) рабочие утихли, да еще стали устраивать массовые патриотические демонстрации. Война — сильный наркотик.

Беспорядки в Петербурге. Июль 1914 года

Ни в одном из правительств и генеральных штабов не планировали воевать долго. Все были уверены, что судьба всеевропейского столкновения решится за несколько недель, максимум — к концу года.

События в самом деле развивались стремительно. Темп задали немцы. Они умели и быстро запрягать, и быстро ехать.

План, разработанный выдающимся стратегом, начальником генштаба Альфредом фон Шлиффеном, был доработан и модифицирован его преемником Хельмутом фон Мольтке. Предусматривались все возможные ситуации, в том числе и та, что сложилась в августе 1914 года: Франция с Россией выступили одновременно и к ним присоединилась Британия. Согласно этому варианту (он назывался «Ауфмарш-2»), 20 % всех сил должны были прикрывать восток в течение полутора месяцев, которые понадобятся русским для их неповоротливой мобилизации. За это время четыре

пятых германской армии, в том числе самые лучшие части и вся сверхтяжелая артиллерия, обойдут французские пограничные укрепления с севера, через нейтральную Бельгию, быстрым броском выйдут прямо к Парижу, разгромят с фланга основные силы неприятеля и принудят его к сдаче, а потом 90 % дивизий будут поездами переброшены на восток.

Германская армия была превосходна — несомненно лучшая в Европе, и управление войсками немецкие генштабисты довели до уровня высокого искусства. Весьма рискованный, даже авантюрный план был так тщательно разработан, что имел хорошие шансы на успех.

Французский стратегический «План XVII» оказался слабее и сразу провалился. Главнокомандующий Жоффр тоже мыслил наступательно, собирался вести бои на территории неприятеля, поэтому французская армия незамедлительно вторглась в Эльзас-Лотарингию и Люксембург, однако повсюду была отбита и откатилась назад.

Однако у немцев дела тоже пошли негладко. Великолепный план Шлиффена-Мольтке оказался под угрозой, потому что Бельгия оказала упорное сопротивление, какого от нее никто не ждал. На проход через маленькую страну — с очень тяжелыми боями и немалыми потерями — германцы потратили гораздо больше времени, чем рассчитывали, и вышли на заданные рубежи только к 25 августа.

За это время на континенте успели высадиться британские дивизии, а у французов хватило времени перекинуть войска на защиту Парижа. Самым же неприятным сюрпризом для немцев была скорость, с которой русские мобилизовали достаточно войск, чтобы развернуть наступление на Восточную Пруссию. Первые бои там произошли уже 17 августа, а несколько дней спустя подошли и основные силы.

Оказавшись перед угрозой вражеского вторжения, немцы были вынуждены спешно снять с Западного фронта, накануне решающего сражения, два пехотных корпуса и кавалерийскую дивизию.

Кампания 1914 года на Западном фронте. *М. Романова*

Надежды на блицкриг провалились в сентябре, когда немцы в сражении на реке Марне не сумели разгромить франко-английские

войска и взять Париж, хотя до него оставалось всего 40 километров. В решающий момент близость к столице даже помогла французам: они мобилизовали все парижские такси, набили автомобили солдатами и смогли заткнуть дыру в своей обороне.

Человеческая история не знала сражений такого масштаба и кровопролития. В общей сложности с обеих сторон в баталии участвовало 2 миллиона человек. Потери превысят полмиллиона.

Не сумев прорваться к Парижу лобовым ударом, немцы попробовали обойти город с севера, но точно такой же фланговый маневр предприняли и французы. В течение целого месяца, до середины октября, противники упорно повторяли одну и ту же тактику — до тех пор, пока не уперлись в Ла-Манш. Это взаимное движение назвали «Бегом к морю». В результате образовалась сплошная линия фронта на сотни километров. Война перестала быть маневренной и стала позиционной. Кавалерийские части, гордость тогдашних армий, в дальнейшем окажутся невостребованными. Судьбу сражений будут решать пехота, артиллерия и саперы.

Больше до конца года на западе ничего существенного не происходило. Центр войны переместился на восток.

В России начало войны, как это всегда бывает, вызвало невероятный эмоциональный взрыв. Подавляющее большинство депутатов Думы — за исключением трудовиков и социал-демократов — объявили, что оставляют «счеты с правительством» и будут оказывать ему полную поддержку. Энтузиазм охватил всё Общество, в том числе его либеральную часть. В российских городах — так же, как в германских, австрийских, французских — проходили массовые патриотические демонстрации. Казалось, все бурно радуются тому, что скоро будут убивать и умирать.

Столицу империи лишили ее неуместно немецкого имени и нарекли «Петроградом». Многие русские немцы, в том числе высшие сановники, стали менять фамилии на славянские. Саблер, обер-прокурор Святейшего Синода, взял фамилию жены и стал «Десятовским». Штюрмер, готовясь возглавить правительство, пожелает именоваться «Паниным», по матери.

Главнокомандующим царь назначил дядю, Николая Николаевича, обладавшего весьма представительной внешностью (рост — два метра)

и популярного среди офицерства. Северо-Западный фронт (командующий Я. Жилинский) должен был воевать с германцами, Юго-Западный (командующий Н. Иванов) — с австрийцами.

Главком был настроен победительно. Он составил план, по которому Жилинскому следовало идти прямо на Берлин, а Иванову — прямо на Вену. При этом предполагалось, что первая задача окажется не столь трудной, поскольку у германцев на востоке было только 26 дивизий.

Для того чтобы мобилизовать всех запасных, по плану требовалось 45 дней, но союзники умоляли поскорее начинать — обстановка на Западном фронте была угрожающей.

В Петербурге, то есть уже в Петрограде, отлично понимали, что судьба войны сейчас решается под Парижем, и начали поспешное наступление на Восточную Пруссию — с двух сторон. Первая армия Ренненкампфа пересекла границу с востока, из Прибалтики, Вторая армия Самсонова — с юга, из Польши. Рассчитывали взять немецкую группировку Притвица в клещи.

Патриотическая манифестация

Атака застала неприятеля врасплох — германцы не ожидали от русских такой быстроты. Понеся серьезные потери в первых боях, Притвиц стал отступать и был готов эвакуировать всю Восточную Пруссию, однако новый командующий фон Гинденбург, получивший большие подкрепления с Западного фронта, решил использовать минусы вынужденной русской поспешности: несогласованность действий между Ренненкампфом и Самсоновым, недоформированность частей, неналаженность снабжения, недостаточное знание сложной местности (болотистой и лесистой).

Кампания 1914 года на Восточном фронте. *М. Романова*

Это была драка зрячих со слепыми. Германское командование точно знало дислокацию вражеских дивизий и наносило удары кулаком; силы русских были распылены и дезориентированы. Связь осуществлялась главным образом через незашифрованные радиограммы, которые перехватывались немцами.

Расплата за скоропалительное наступление и неверную оценку ситуации была тяжелой.

Не зная о том, что немцы получили подкрепление, Первая русская армия двинулась на Кенигсберг, Вторая повернула на запад, то есть они двигались по расходящимся траекториям. В этот зазор, у Танненберга, и нанес свой удар Гинденбург, обрушившись всей массой на группировку Самсонова. Центральная ее часть — пять дивизий вместе с штабом армии — попали в окружение. Командующий Самсонов застрелился, девять генералов были убиты, еще девять и вместе с ними пятьдесят тысяч солдат попали в плен.

Фронт сдвинулся на восток, русские перешли к обороне. Командующий Жилинский, ответственный за случившееся, был снят и заменен генерал-адъютантом Н. Рузским. Тот сразу же попытался взять реванш за самсоновскую катастрофу и перешел в наступление в Литве, но результаты были незначительны, а потери велики.

Еще одно крупное русско-германское сражение произошло в районе Лодзи, в ноябре. Теперь атаковали немцы. В череде хаотических боев, длившихся две недели, обе стороны истощили свои силы и ничего существенного не добились (но город Лодзь, крупный индустриальный центр, русские потеряли).

Последняя битва кампании на северном участке состоялась в декабре — «Сражение на четырех реках» (Бзуре, Равке, Ниде и Пилице). Оно опять было безрезультатным — и чрезвычайно кровопролитным. Русские потери составили почти 200 тысяч человек.

На Юго-Западном фронте дела шли много лучше — во всяком случае поначалу, хотя, в отличие от Германии, Австро-Венгрия бросила против России свои основные силы, 850 тысяч штыков и сабель. Против Сербии действовали только 200 тысяч солдат, поэтому подавить сопротивление маленькой страны австрийцы не смогли. Белград они взяли только в конце года, но сербская армия, отступив, сохранила боеспособность.

С середины августа до конца сентября в Галиции происходили бои и сражения, получившие общее название «Галицийская битва».

Русское командование надеялось мощным ударом сразу вывести из войны менее сильного из двух противников. «План Шлиффена» ставил перед союзником задачу более скромную: Австро-Венгрия должна была продержаться достаточно долго против основных сил врага, чтобы Германия успела одержать победу на западе.

Четыре русские армии, более миллиона солдат, после очень упорной борьбы, чаще побеждая, чем терпя неудачи, заняли Восточную Галицию и Буковину, захватили город Львов, перешли Карпаты и обложили главный пункт австрийской обороны крепость Перемышль. Это, безусловно, была тактическая победа. Однако свою главную задачу русская армия не осуществила. Австрийцы потеряли больше трети солдат, но устояли. Правда, не в одиночку — так что австрийцы со своей задачей тоже не справились. В критический момент битвы немцам пришлось выручать союзника, нанеся отвлекающий фланговый удар по войскам Юго-Западного фронта в районе Варшавы и крепости Ивангород. Этот маневр спас Австро-Венгрию от разгрома и восстановил равновесие сил.

Осада Перемышля. *Лубок*

В ноябре, когда германские войска увязли в Лодзинском сражении, часть войск Юго-Западного фронта попыталась прорвать австрийскую оборону в направлении Кракова, но из этого ничего не вышло.

К концу года линия русско-австрийского фронта стабилизировалась. Обе армии были обескровлены.

В октябре у России появился новый враг, Турция, и новый фронт — кавказский. Ни по масштабу операций, ни по своему стратегическому значению он не мог сравниться с основным театром войны, однако постоянно требовал и подкреплений, и снабжения. Там приходилось держать сначала 150 тысяч солдат, а потом и больше, потому что в декабре турки активизировались и попытались вторгнуться в русское Закавказье.

Если коротко подвести итоги кампании 1914 года, картина получается следующая.

«План Шлиффена» провалился. Разбить противника по очереди германцы не смогли. Произошло то самое, от чего их предостерегал Бисмарк: развернулась полномасштабная война на два фронта. По сути дела, судьба войны уже решилась. Центральные державы упустили шанс на победу. Главный стратег блицкрига Хельмут фон Мольтке был снят с поста и отправлен в отставку.

Однако просить мира в Берлине и Вене пока не собирались. Опыт боев продемонстрировал высокие боевые качества немецкой армии и, что важно, способность австро-венгерской армии держать русский фронт. У германских военных стратегов оставалась надежда в следующем году переломить ход войны, «поменяв очередность», то есть сначала разгромить Россию, а потом, освободившись на востоке, обрушиться на французов с британцами.

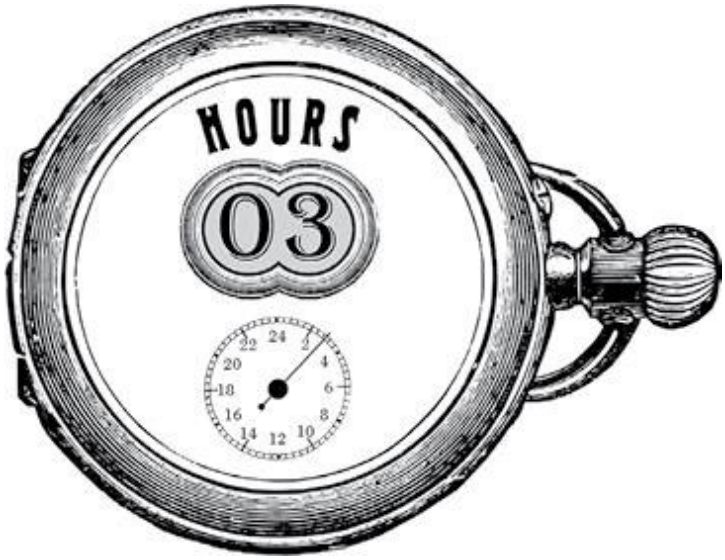
По имевшимся у немцев данным, силы самодержавной империи были подорваны. Запасы вооружения и боеприпасов у русских иссякли, военная промышленность не была рассчитана на ведение длительных боевых действий подобного размаха, а костяк регулярной армии сгинул в Восточной Пруссии и Галиции.

Всё это было правдой. Генерал Брусилов пишет: «За три с лишком месяца с начала кампании большинство кадровых офицеров и солдат выбыли из строя, и оставались лишь небольшие кадры, которые приходилось спешно пополнять отвратительно обученными людьми, прибывшими из запасных полков и батальонов. Офицерский же состав приходилось пополнять вновь произведенными прапорщиками, тоже недостаточно обученными. С этого времени регулярный характер войск был утрачен и наша армия стала все больше походить на плохо обученное милицейское войско».

Однако и в России о мире никто не думал. Только мало кому известный эмигрант Ульянов-Ленин написал, что «с точки зрения рабочего класса и трудовых масс России, наименьшим злом было бы поражение царской монархии», но эта позиция (ее назовут «пораженчеством») пока не нашла поддержки даже у большинства социал-демократов.

Прольется еще много крови, прежде чем все устанут от войны и возложат вину за ее тяготы на правительство.

Тысяча девятьсот пятнадцатый год



Все главные события года были военными. Правда, в ноябре профессор Эйнштейн представил Прусской академии наук свою теорию относительности, но эта мелочь, кажется, даже не удостоилась газетной заметки.

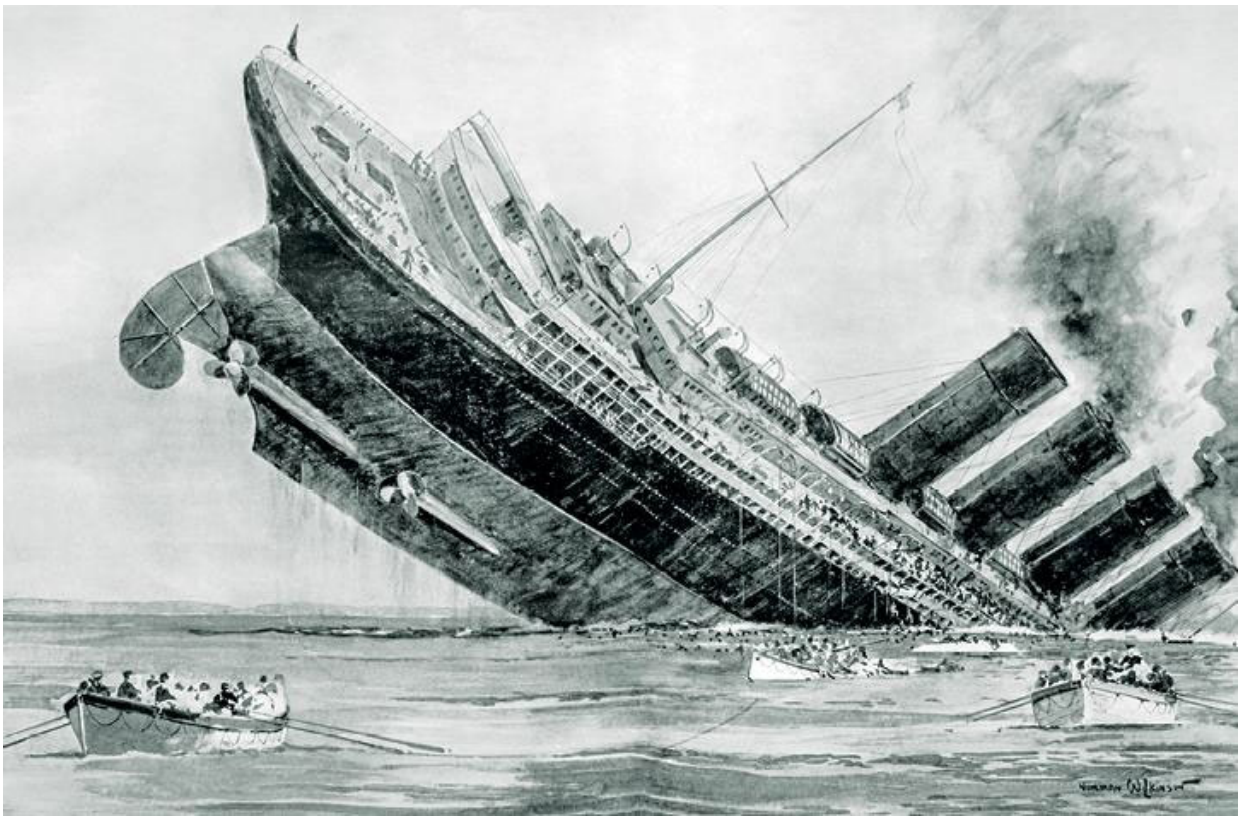
В мае к Антанте присоединилась Италия. Этому предшествовала закулисная торговля. В свое время итальянское королевство принадлежало к противоположному лагерю и вступило в Тройственный союз с Германией и Австро-Венгрией, но настроения в итальянском обществе давно переменились. Полуостровное государство претендовало на пограничные австро-венгерские провинции, где проживало много этнических итальянцев. К 1914 году вопрос стоял так: Италия или сохранит нейтралитет — или выступит на стороне Франции, Англии и России. Рим попробовал шантажировать Вену, предложил австрийцам отдать несколько спорных территорий, и тогда войны не будет. Правительство Франца-Иосифа согласилось пожертвовать только частью провинции Трентино. Тогда Италия подписала секретный Лондонский пакт с представителями Антанты и через месяц начала военные действия.

Перелома в войне это не произвело, поскольку итальянская армия была хоть и многочисленна, но не особенно сильна, однако открытие еще одного фронта заставило австрийцев перебросить часть войск с

востока. Это спасет Россию от полного разгрома во время тяжелейшей весенне-летней кампании.

В сентябре пополнились ряды и противоположной стороны — к ней присоединилась Болгария в надежде взять реванш за недавно проигранную войну. В то время казалось, что после внушительных успехов на Восточном фронте германо-австрийская сторона близка к победе. Благодаря участию Болгарии с ее полумиллионной армией австрийцы наконец разгромили Сербию, с которой не могли справиться больше года.

Возникли предпосылки и для вступления в войну главной экономической державы мира — Соединенных Штатов Америки. До сих пор американцы наблюдали за европейским безумием издалека, не собираясь принимать участие в этом далеком конфликте. Но в мае немецкая субмарина торпедировала в Атлантике британский пассажирский пароход «Лузитания», следовавший рейсом Ливерпуль — Нью-Йорк. Среди погибших было много граждан США. С этого момента американское общество и пресса начинают относиться к Германии враждебно. Полтора года спустя это закончится вступлением Америки в войну, что в значительной степени и определит ее исход.



Гибель «Лузитании». *Газета «Лондон ньюз»*

Год весь состоял из сплошных кровавых ужасов, но даже на этом фоне выделяются чудовищные события, произошедшие в Турции, где правительство и армейское командование развернули массовые репрессии против армянского населения. Часть армян, турецких подданных, симпатизировала России и оказывала помощь русским войскам, но карательным мерам были подвергнуты не только активные враги Стамбула, а весь народ. Военный министр Энвер-паша заявил, что неудачи армии на русском фронте объясняются «армянским вредительством» и что единственный путь к победе — выселить всех армян из прифронтовых областей. Произошло, однако, не переселение, а истребление. Это был первый в XX веке опыт геноцида, то есть уничтожения целой нации без разбора правых и виноватых. Турки и прежде жестоко расправлялись с непокорными, но теперь дело не ограничилось резней и массовыми казнями. Сотни тысяч мирных жителей были под конвоем отправлены в сирийскую пустыню, в концлагеря, причем депортация происходила так, что мало кто доходил до места назначения. Эти жуткие шествия получили название «маршей

смерти». По самым умеренным оценкам число жертв составило 600 тысяч человек.

Депортация армян. Апрель 1915 года

В начале сентября в швейцарском селении Циммервальд состоялась встреча тех социалистов (немногочисленных), кто не поддался военно-националистическому угару. Делегаты из десяти стран приняли заявление с осуждением «империалистической бойни» и призвали пролетариат бороться за прекращение войны. Группа Ульянова-Ленина, добивавшаяся иной резолюции — о том, что нужно превратить империалистическую войну в гражданскую, — осталась в меньшинстве. Эффект декларации скажется еще нескоро, лишь когда народы смертельно устанут от бесконечных жертв. И в конечном итоге возобладает не пацифистская, а ленинская идея. На смену одной бойне придет другая. Во всяком случае в России.

На западном театре в 1915 году было относительно тихо — по сравнению с монументальными сражениями на востоке.

Немцы перешли к обороне — в основном ограничивались тем, что удерживали линию фронта. Французы и британцы залечивали раны минувшей осени, укреплялись, накапливали силы — одним словом, пользовались передышкой.

Самым ярким эпизодом стала апрельская демонстрация Четвертой германской армии под Ипром. «Демонстрацией» ее называют, потому что истинной целью наступления было не устроить прорыв, а напугать противника и помешать его активным действиям в помощь Восточному фронту, где в это время начинались решающие бои. Немцы использовали новое устрашающее оружие — ядовитый газ. (Вообще-то впервые он был испробован на русских, в январе, но тогда из-за мороза поражающего эффекта не возникло). Желто-зеленые тучи хлорина отравили пятнадцать тысяч человек и вызвали всеобщую панику. Но в образовавшуюся брешь немцы не вторглись, их главная цель была достигнута. До конца года крупных сражений на Западном фронте не будет.

Активно действовал только британский флот. В январе он потрепал немцев у Доггер-банки (большой отмели в центре Северного моря), а в апреле, совокупно с французской эскадрой, обеспечил высадку десанта на берегах пролива Дарданеллы, в непосредственной близости от Стамбула. По плану, составленному Антантой, эта операция должна была вывести из войны Турцию и установить прямую морскую связь между Россией и ее западными союзниками.

Однако захваченный плацдарм расширить не удастся. Турецкая армия окажется более серьезным противником, чем предполагали организаторы операции. В начале следующего года англо-французские войска, потеряв больше 200 тысяч человек, будут эвакуированы.

Прошлогодний успех в Восточной Пруссии — по контрасту с неуспехом на Марне — создал у германского командования впечатление, что «слабым звеном» Антанты является Россия и что слаженного немецко-австрийского натиска она не выдержит. Австрийцам, как уже было сказано, пришлось выделить часть сил для нового итальянского фронта, зато германцы перекинули из Франции семь пехотных корпусов и шесть конных дивизий. В общей сложности

на русском направлении было сосредоточено 107 дивизий и невиданное количество орудий.

Газовая атака. *Ф. Матанья*

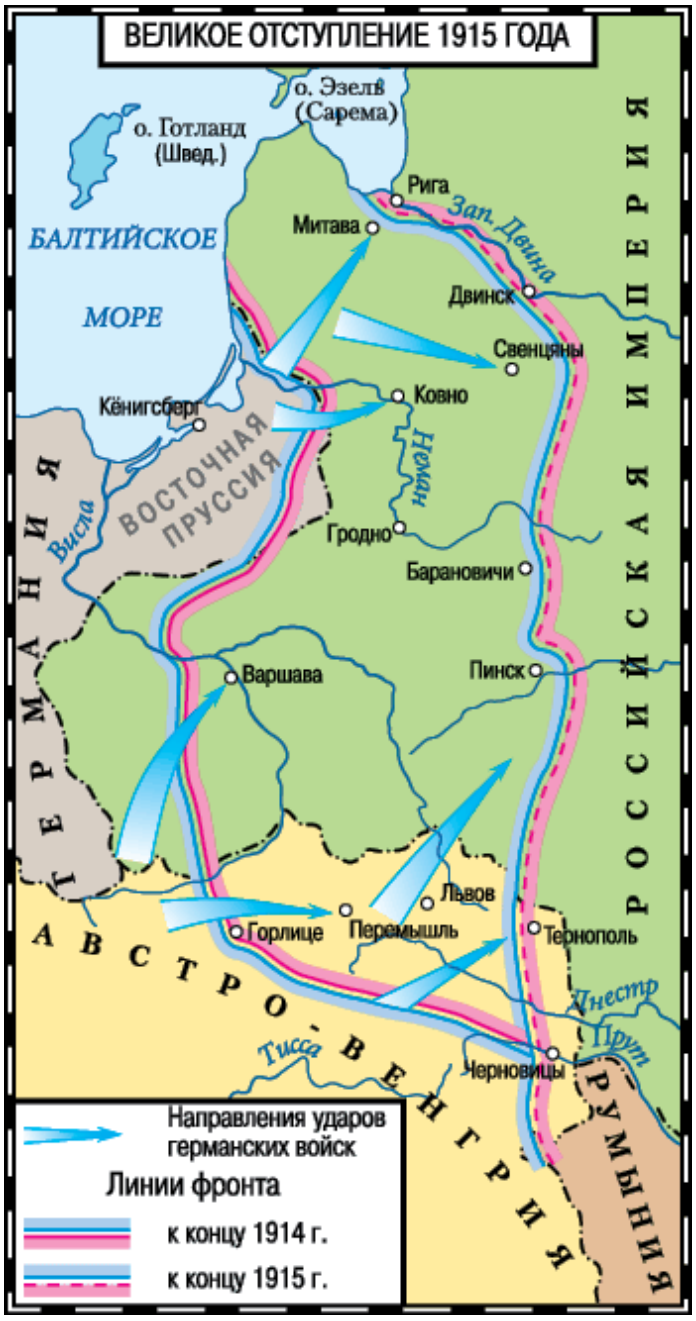
Началась кампания, однако, с наступления и большого успеха Юго-Западного фронта. В марте пала австрийская крепость Перемышль. Около 120 тысяч солдат сдались в плен. Это был самый большой триумф русского оружия за всю войну.

Но победа скоро обратилась поражением. Выдвинувшись на запад, русские корпуса оказались внутри выступа, на который нацелились союзные немецко-австрийские войска.

В месте основного удара, близ Горлице, командующий 11-й армией фон Макензен собрал кулак, причем преимущество в огневой силе было абсолютно подавляющим: шестикратное в обычной артиллерии и сорокакратное в сверхтяжелой. К тому же у немцев было в среднем по 1200 снарядов на одно орудие, а у русских только по сорок. Невиданная в истории артподготовка предрешила исход сражения.

В мае началось Великое Отступление. Чтобы не угодить в котел, русское командование всё время отводило войска, иногда пытаясь удержать фронт — и снова откатываясь. Вернули и Перемышль, и Львов. Потеряли Варшаву и всю Польшу. Потом Литву.

Отход, временами беспорядочный, длился всё лето. Линия фронта стабилизировалась только к осени, сдвинувшись на восток в среднем на 500 километров. Теперь она проходила по вертикали Рига — Двинск — Барановичи — Тернополь. Огромная, густо населенная территория с большими городами и промышленными районами была утрачена. Потери достигали 2,5 миллиона человек — вдвое больше, чем численность всей русской армии мирного времени.



Великое Отступление 1915 года. *М. Романова*

Но и для Центральных держав при всех победах кампания оказалась неудачной. Вывести Россию из войны они не смогли. Хоть и очень ослабленная, подломленная, пожалуй, даже смертельно раненная, Россия выстояла и продержится еще полтора года. А на западе, воспользовавшись передышкой, союзники накопили достаточно сил для новых сражений.

На Кавказе тоже шли бои, хоть и меньшего размаха. Выяснилось, что в турецких поражениях повинны вовсе не армяне. Их всех истребили или депортировали, но это османской армии не помогло. В конце года армия генерала Н. Юденича (одного из будущих белогвардейских вождей) начала наступление в районе Эрзерума и нанесла противнику весьма чувствительное поражение. Сама крепость Эрзерум падет в феврале, но к новому году исход операции был уже предрешен.

Однако этот относительно небольшой успех не мог компенсировать ужасающие потери года.

Главной причиной поражения было состояние не армии, а тыла. Страна не готовилась к столь продолжительной войне. Не хватало пушек, снарядов, обмундирования, рабочих рук в тылу.

Мобилизовали шесть с половиной миллионов запасных, а винтовок на складах имелось только пять миллионов. Фронту ежемесячно требовался миллион снарядов, поставляли же в десять раз меньше. Во время артподготовки у Горлице немцы выпустили 700 тысяч снарядов, то есть семимесячную продукцию всех русских оборонных заводов.

Из-за того что столько работников были оторваны от труда, начались перебои с продовольствием. В июне пришлось вводить карточки, а к концу года потребительские цены выросли почти в полтора раза.

Попытка привлечь к тыловым работам жителей Средней Азии (освобожденных от воинской повинности), как уже рассказывалось, привела к восстанию — пришлось отправлять в Туркестан дополнительные войска.

Но хуже всего было то, что опять, как в Японскую войну, начался разлад между Властью и Обществом. Энтузиастическая поддержка первых месяцев сменилась сначала разочарованием, а потом раздражением и возмущением.

Разумеется, были попытки свалить вину за поражения на внутренних врагов. Началась всеобщая шпиономания. Следуя турецкому рецепту, стали депортировать из прифронтовых областей еврейское население (без восточных зверств, но все равно с неизбежными жертвами). Тяжело пришлось многочисленным русским

немцам — в Москве несколько дней громили магазины, принадлежавшие людям с подозрительными фамилиями.

> Пресса широко освещала суд над жандармским подполковником Мясоедовым, якобы продававшим врагу военные секреты.
>
> Шпионом он, как потом установили, не был, но оказался очень удобным громоотводом для общественного гнева. Во-первых, жандарм, что порадовало либералов. Во-вторых, что хорошо для журналистов, человек скандальной известности — несколько лет назад стрелялся на дуэли с самим Гучковым. В-третьих, и это главное, Мясоедов был близок к военному министру Сухомлинову, а это уже выводило измену на высокий уровень.
>
> В результате несчастного Мясоедова повесили, а министра сняли и отдали под суд (правда, не за измену, а за плохую подготовку к войне).

Были и другие громкие отставки. Козлами отпущения стали министр внутренних дел Маклаков, обер-прокурор Саблер (хоть и ставший Десятовским), министр юстиции Щегловитов. Началась «министерская чехарда», которая продлится до самой революции.

В Москве перед немецким погромом

В конце августа император объявил себя верховным главнокомандующим. Это был поступок огромной важности — и немалого риска. С одной стороны, прекращался период двоевластия, когда военный вождь, великий князь Николай Николаевич, имел не меньше, если не больше значения, чем монарх. С другой стороны, отныне за любую военную неудачу отвечал лично Николай II. Кроме того, перемещаясь в Ставку, ближе к фронту, царь терял контроль над тылом, а в самодержавной стране это очень затрудняло управление. В решающий момент истории, в феврале семнадцатого года, царь окажется не в своей столице, а в Могилеве — и потеряет корону. В общем, поступок был мужественный, но опрометчивый, даже роковой. Тем более что реальным главнокомандующим являлся вовсе не Николай, а его начальник штаба Михаил Алексеев, военачальник опытный и осторожный. Под его руководством тяжелых поражений вроде Танненберга или Великого Отступления русская армия нести не будет.

Понемногу наладится и снабжение. Во-первых, появятся новые оборонные предприятия. Во-вторых, начнутся поставки из Англии и США. В-третьих, на помощь государству придет Общество.

В июле возникли две мощные организации, помогавшие государству в работе, с которой не могли справиться казенные службы.

Съезд предпринимателей создал систему военно-промышленных комитетов. Они занялись распределением сырья и заказов, взяв на себя роль посредников между частным бизнесом и официальными структурами. Председателем Центрального военно-промышленного комитета стал А. Гучков.

Одновременно возник «Земгор», совместный комитет Земского и Городского союзов (первый объединил земских деятелей, второй — депутатов городских дум). Земгор взял на себя распределение оборонных заказов среди мелких предприятий и кустарей (например, сапожников), но не ограничился этим и со временем занялся военно-строительными работами и транспортом, в первую очередь автомобильным.

Практическая поддержка Общества очень помогала фронту, но в то же время таила в себе серьезную опасность для Власти. Либеральные

круги не желали оставаться помощниками и исполнителями, они хотели участвовать в принятии государственных, в том числе политических решений — после военных поражений в компетентность правительства никто не верил.

Именно с этого момента, с мрачного лета 1915 года, обостряется непрекращающийся конфликт либеральной оппозиции с самодержавием — конфликт, который закончится крахом монархии.

В июне кадетская партия выступает с требованием учредить «министерство общественного доверия», то есть поставить правительство под контроль парламента.

На июльской сессии Думы зазвучала резкая критика в адрес кабинета. Смена одних министров на других оппозицию не удовлетворила. Она, собственно, уже не могла считаться оппозицией, а превратилась в парламентское большинство. Образованный в августе Прогрессивный блок объединил почти три четверти депутатов.

В это время император и провозгласил себя верховным главнокомандующим — дабы продемонстрировать стране, что власть монолитна и сильна. С той же целью высочайшим указом был объявлен «перерыв» в работе строптивого парламента — на неопределенный срок. Пауза растянется на целых пять месяцев, до начала следующего года, и еще больше обострит раскол между правительством и Обществом. Критическое настроение сменится враждебным.

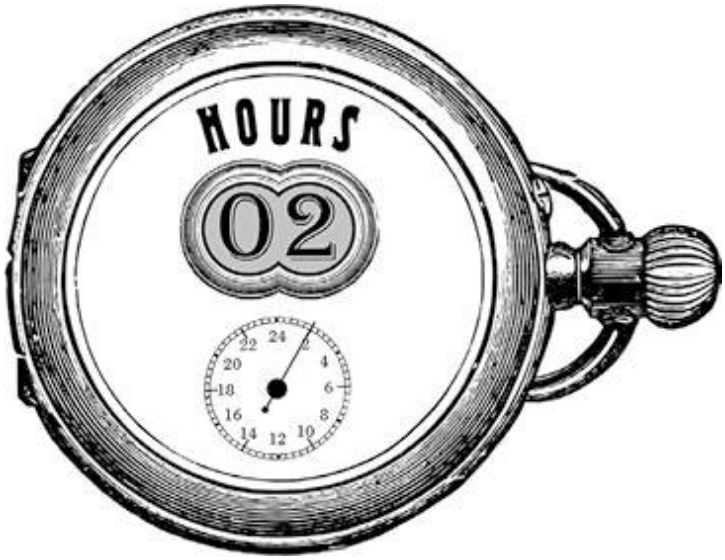
Итоги второй кампании заключались в том, что Россия очень ослабела — и в военном, и в политическом отношении. С августа 1914 года она потеряла большую территорию и четыре миллиона солдат (из них полтора миллиона пленными), надорвала свои силы и, что хуже всего, утратила внутреннее единство.

Реклама «Земгора»

Германии с Австро-Венгрией победы тоже дались недешево, а поставленная задача была не выполнена.

Зато очень усилились и окрепли западные участники Антанты. Отныне центр войны переместится на другую часть континента, и основное кровопролитие будет происходить там.

Тысяча девятьсот шестнадцатый год



Человечество жило только войной. Даже страны, которые не воевали, напряженно следили за тем, что происходило на фронтах, — и многие были готовы присоединиться к борьбе, как только обозначится побеждающая сторона, ведь это она будет определять устройство послевоенного мира.

Шестнадцатый — самый кровавый год войны, но победителя он не выявит.

Два самых больших сражения небывалого в истории масштаба произошли на Западном фронте.

В многомесячной «Верденской мясорубке» немцы сосредоточили на относительно небольшом участке все ударные силы и рассчитывали нанести франко-британским войскам поражение, которое решит судьбу войны. На нескольких десятках квадратных километров полегло более 700 тысяч человек, но линия фронта практически не сдвинулась.

Летом союзники, в свою очередь, попробовали взломать германскую оборону на берегах Соммы. Битва растянулась на три с половиной месяца и оказалась еще более кровопролитной, чем Верден. Англичане и французы потеряли более 600 тысяч солдат — и продвинулись лишь на 10 километров. Потери германцев составили полмиллиона солдат.

Из-за истощения резервов французское правительство предложило Петрограду своего рода бартер: поставки вооружения в обмен на

пушечное мясо. Просили прислать 400 тысяч солдат. В сентябре во Францию прибыли морем первые четыре бригады, 40 тысяч русских.

Упорная борьба шла и на море. У берегов полуострова Ютланд 31 мая — 1 июня два флота, британский и германский, сошлись в самом грандиозном морском сражении истории. Несмотря на свою громкую репутацию и существенное численное превосходство, англичане не одержали победы и даже потеряли восемь крупных кораблей (немцы — только два). Но больше всего союзникам досаждали не германские линкоры и крейсеры, а «подводная война»: немецкие субмарины сновали по всему океану, топя транспорты, доставлявшие грузы из Америки, которая всё больше склонялась на сторону Антанты.

Поскольку основные силы Германии были заняты на западе, Россия получила возможность подлечить раны — и до некоторой степени воспользовалась ею.

Под Верденом

В шестнадцатом году катастрофическое положение с вооружением и снабжением армии начало исправляться. Производство стрелкового оружия выросло вдвое, пушек — в девять раз, снарядов — в шестнадцать. Кроме того, союзники прислали около десяти тысяч пулеметов, четыреста тяжелых орудий, почти десять миллионов снарядов. Грузы из Англии поступали через спешно выстроенный порт Романов-на-Мурмане (будущий Мурманск), к которому в невиданно быстрые сроки провели железную дорогу. Несмотря на ужасные потери прошлогодней кампании, численный состав армии увеличился. В общей сложности на военную службу было призвано 15 миллионов мужчин.

И все же передышки не получилось. В марте изнемогающие под Верденом союзники вынудили русских устроить наступление на

германском участке фронта.

Операция была плохо подготовлена, не имела достаточной артиллерийской поддержки и стоила больших жертв. Единственным ее результатом было то, что немцы поостереглись перебрасывать с востока на запад дополнительные войска. В какой-то степени это помогло союзникам.

Но к исходу весны у русских накопилось достаточно сил и боеприпасов для большого наступления по собственному стратегическому плану. Он состоял в том, чтобы сначала ударить по более слабому противнику, австрийцам, отвлечь туда максимальные силы противника, а потом нанести основной удар в Белоруссии, по германцам.

БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ
3А
3А
Буг
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
Маневичи
Ковель
Горынь
Владимир-Волынский
Особая А
8А
4А
8А
Луцк
4А
Ровно
Сокаль
1А
1А
Броды
2А
2А
11А
Львов
Южная А
Тернополь
Бережаны
Теребовля
Южная А
Днестр
7А
7А
Чортков
Станислав
Подлюты
7А
9А
Коломыя
7А
Днестр
Делятин
Прут
Микуличин
Черновцы
Боян
9А
ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ
АВСТРО-ВЕНГРИЯ
Линия фронта к исходу 3 июня
Направления ударов русских войск 4–15 июня
Линия фронта к исходу 15 июня
Направления ударов русских войск 16 июня – 3 июля
Контрудары австро-германских войск и районы их сосредоточений
Подход подкреплений и переброска германских и австро-венгерских войск
Положение русских войск к исходу 3 июля
Направления ударов русских войск 4 июля –13 августа
Линия фронта к исходу 13 августа

Брусиловский прорыв. *М. Романова*

В конце мая войска Юго-Западного фронта (командующий А. Брусилов) атаковали вражеские позиции и прорвали оборону. Наступление пошло так удачно, что по ходу дела поменяли приоритеты: теперь Западный фронт генерала Эверта должен был отвлечь немцев, чтобы те не пришли на помощь отступающим австрийцам.

Однако наступление Эверта провалилось. Немцы отбили все атаки и сумели перебросить войска на юг, что спасло австрийцев от полного разгрома.

«Брусиловский прорыв» продолжался два с половиной месяца. Русские войска продвинулись на широком фронте, местами более чем на 100 километров вглубь. Австро-венгерская армия только пленными потеряла 400 тысяч человек, а в общей сложности около миллиона. Но столько же людей потеряли и русские — наступление всегда сопряжено с большими жертвами. Юго-Западный фронт остановился, потому что войска были обескровлены.

По военному потенциалу Габсбургской империи был нанесен удар, от которого она уже не оправится. В дальнейшем немцам придется всё чаще и чаще отправлять на австрийский фронт свои части.

Осенью это пришлось сделать, потому что, воодушевившись брусиловской победой, на сторону Антанты перешла Румыния. Большая, но не отличавшаяся боевыми качествами румынская армия вторглась в Венгрию — и была очень быстро разгромлена австро-германскими войсками. К началу зимы почти всю страну, включая Бухарест, оккупировал неприятель. Затыкать дыру на южном фланге пришлось России — появился новый Румынский фронт, на который переместились 15 армейских корпусов.

Кавказский фронт в 1914–1916 годах. *М. Романова*

На Кавказском фронте русская армия в начале года благополучно завершила наступление, взяв Эрзерум и важный морской порт Трапезунд. Летом произошло довольно крупное сражение при Эрзинджане, тоже удачное для войск генерала Юденича. Глубина проникновения на турецкую территорию достигла 200 километров.

Члены Антанты уже заранее делили добычу. России после победы должны были достаться проливы вместе с Константинополем и вся турецкая Армения. Казалось, вековая мечта российских державников о «кресте над Святой Софией» в самом близком будущем осуществится.

В 1916 году главные проблемы у российского государства были не на фронтах, а в тылу.

Согласно ленинской теории, всякая революционная ситуация начинается с того, что «верхи не могут хозяйничать и управлять по-

старому». Именно это и происходило — глубокий, всесторонний кризис власти.

На самом верху он выразился в постоянной перетасовке министров. Это создавало у подданных ощущение, что правительство нервничает и суетится, что оно слабое.

В январе царь заменил «старую шубу» Горемыкина на приятного царице и одобренного «святым человеком» Штюрмера, который был ловким дипломатом, но на роль главы кабинета в такие трудные времена совершенно не подходил. Кроме Александры Федоровны, он никому не нравился, не помогала делу и немецкая фамилия (хоть Штюрмер и попытался превратиться в «Панина»).

В ноябре на его место поставили прежнего министра путей сообщения Александра Трепова, но тот продержался всего месяц.

Последним главой царского правительства — с конца декабря — стал князь Н. Голицын, ранее ведавший помощью русским военнопленным и на этом поприще полюбившийся императрице. Князь очень просил не назначать его на пост, с которым он не справится, но подчинился высочайшей воле. С таким «премьером поневоле» Россия и встретит революцию.

«Министерская чехарда» длилась весь год. Несколько раз менялись военные министры, министры иностранных дел, руководители других ведомств. Особенно важный в условиях народного и общественного недовольства портфель министра внутренних дел в начале года был у А. Хвостова, в марте перешел к Штюрмеру, а в сентябре к А. Протопопову.

> Александр Дмитриевич Протопопов, который проявит полную беспомощность в момент февральского кризиса, может считаться своего рода символом деградации властных институтов.
>
> Это был не кадровый чиновник, а представитель Общества — депутат от октябристов и товарищ председателя Думы. Он был человеком обходительным, сумел понравиться царю, и тому пришла в голову гениальная мысль: примириться с либеральной оппозицией, поставив на ключевую должность одного из думских вождей.
>
> Протопопов с готовностью переменил политический лагерь и даже сшил себе жандармский мундир. Однако в

качестве министра оказался ни на что не годен. Отсутствие профессиональных навыков он компенсировал верой в мистику: ходил на сеансы к знаменитому тибетскому гуру Бадмаеву, слушался советов оккультиста Карла Перрена.

С примирением тоже ничего не вышло. Думцы сочли Протопопова предателем и подвергли обструкции. Председатель Родзянко публично отказался подать «перебежчику» руку. Отношение депутатов к министру «из своих» было намного хуже, чем к любому выдвиженцу из бюрократии.

Премьер-министры военного времени: И.Д. Горемыкин, Б.В. Штюрмер, А.Ф. Трепов, Н.Д. Голицын

«Системный либерал» в жандармском мундире

Весь год прошел под знаком Распутина. Оппозиция, революционеры, жадные до сплетен газеты, салонные болтуны — все с негодованием или просто с любопытством обсуждали интимную жизнь царской семьи и охотно распространяли всякие скандальные слухи. По

большей части они были ложными, но «Старец» действительно активно влиял на кадровые назначения в правительстве, и это превратилось в серьезную государственную проблему. Хуже всего, однако, было то, что «распутинщина» окончательно подорвала сакральность фигуры самодержца, а без этой психологической опоры вся «ордынская» конструкция становится очень шаткой.

Обложка брошюры 1917 года

Семнадцатого декабря заговорщики, в число которых входили члены августейшего семейства (великий князь Дмитрий Павлович и князь Юсупов, супруг царской племянницы), умертвили Распутина, веря, что тем самым спасут престиж монархии, но произошло нечто

обратное. Убийство усилило общее ощущение того, что на самом верху творится нечто непристойное и мерзкое.

Раскол происходил не только между самодержцем и Обществом, но и внутри самой императорской фамилии. Неверие в способности царя, раздражение на его ошибки, ненависть к неумной, во всё вмешивающейся царице привели к тому, что в самом высшем эшелоне стали возникать проекты дворцового переворота с заменой Николая на какого-нибудь другого Романова.

> Кандидатов было два: брат Михаил и дядя Николай Николаевич, разжалованный в командующие второстепенного Кавказского фронта, но по-прежнему популярный среди офицерства.
>
> Жандармский генерал А. Спиридович, по роду службы хорошо осведомленный о подобных настроениях, рассказывает, что зимой один из руководителей «Земгора» тифлисский городской голова Хатисов обратился к Николаю Николаевичу с прямым предложением.
>
> «Хатисов доложил, что императрицу Александру Федоровну решено или заключить в монастырь, или выслать за границу. Предполагалось, что государь даст отречение и за себя, и за наследника. Хатисов просил великого князя ответить, как он относится к этому проекту и можно ли рассчитывать на его содействие, так как он должен сообщить ответ князю Львову [председателю «Земгора»]. Великий князь выслушал доклад и предложение спокойно». Согласия не дал, но занял выжидательную позицию.

Кандидаты на престол: Михаил Александрович и Николай Николаевич

Однако много опасней великокняжеских комплотов был прямой публичный конфликт между Властью и Обществом. Это давнее противостояние, то обострявшееся, то затухавшее, вошло в свою финальную стадию еще в предыдущем году, когда военные неудачи нанесли огромный удар по авторитету самодержавия. Возникла та же ситуация, что в 1905 году, а перед тем в 1855 году. Множество людей задалось естественным вопросом: зачем авторитарный режим забрал себе столько власти, если не умеет с нею справиться? И что это за военная империя, которая так плохо воюет?

Как уже говорилось, с одной стороны, Общество активно включилось в работу по спасению страны, с другой — потребовало участия в управлении. Император на время притушил дискуссию, заставив Думу прервать заседания.

У царя были колебания, не закрыть ли эту оппозиционную говорильню до конца войны (как сделал, например, австрийский император). Ближайший помощник генерал Алексеев убеждал ввести

диктатуру, которая объединила бы военную власть с гражданской. Существовало и до сих пор существует мнение, что, если б это было сделано, государство устояло бы. Вряд ли. Взрыв все равно произошел бы, только, вероятно, без промежуточного, «февральского» периода либерального правления. После поражений на фронте, развала в тылу и огромных бесполезных жертв монархия не имела поддержки ни в одном слое общества. В критический момент даже гвардия не станет защищать предержащую власть. С. Завадский, в ту пору прокурор Петроградской судебной палаты, пишет: «…Оно [правительство] не удовлетворяло ни крестьян, ни рабочих, ни торгово-промышленные круги, ни чиновничество, ни общественных деятелей, ни землевладельцев; не удовлетворяло оно ни фронт, ни тыл, ни левых, ни правых; не удовлетворяло, по-видимому, и самого царя. Не будучи уверено в своей правоте, оно не могло внушить к себе уважения смелому; стыдясь своей неправоты, оно не могло показаться сильным трусливому. *Власть крепка только тогда, когда массы или еще верят в ее безупречность, дающую ей нравственный авторитет, или убеждены в совершенной ее бессовестности, позволяющей ей не задумываться перед средствами расправы* (курсив мой)». Не было ни первого, ни второго. Курс, который избрал самодержец и который можно назвать «ни то ни сё», сократил жизнь обреченной системы. Николай не дал Обществу никаких дополнительных полномочий, но и не распустил его организационный центр. В феврале заседания Думы возобновились.

Девятого февраля царь лично выступил перед депутатами, что должно было символизировать новый уровень сотрудничества монархии с народными представителями. Русские войска как раз взяли Эрзерум, так что момент был правильный, победительный. Царь ограничился приветствием и остался очень доволен этой «пиар-акцией», записал в дневнике: «Оригинальный и удачный день!» Депутаты, ожидавшие от исторического события как минимум «министерства доверия», остались страшно разочарованы. Ольденбург пишет: «“Министерство доверия” каждому рисовалось по-своему: либеральным “бюрократам” — в виде кабинета с авторитетным и популярным сановником во главе; деятелям [Прогрессивного] блока — в виде правительства, состоящего из членов его бюро; у более левых эта формула вообще вызывала только насмешки».

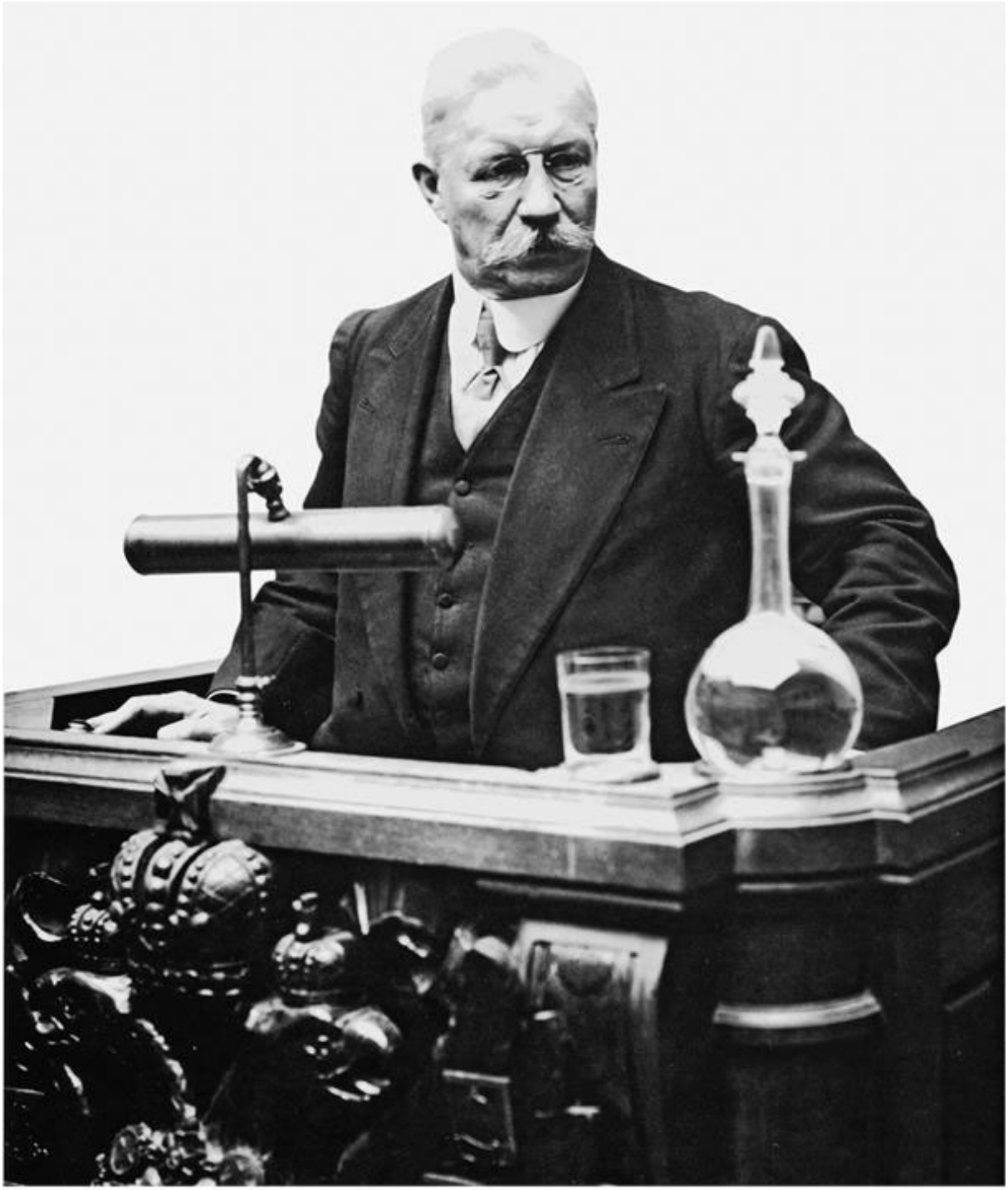
Весь год накал критического пафоса только нарастал. Апофеоза этот антагонизм достиг в речи Милюкова, произнесенной 1 ноября. Лидер кадетов на всю страну обвинил в измене «придворную партию молодой царицы» («старой царицей» называли императрицу-мать), назвал правительство «неспособным и злонамеренным» и задал вопрос, который подхватили все оппозиционные круги: «Что это — глупость или измена?».

Вскоре после этого Дума приняла резолюцию с требованием не назначать кабинет без одобрения парламентского большинства (которое, напомню, принадлежало Прогрессивному блоку). В декабре царь был вынужден опять прервать заседания взбунтовавшегося представительного органа.

От милюковской речи 1 ноября до падения режима тянется прямая линия. Годы спустя Гучков скажет про Милюкова: «Он потряс основы, но не думал свалить их, а думал повлиять. Он думал, что это прежде всего потрясет мораль там, наверху, и там осознают, что необходима смена людей. Борьба шла не за режим, а за исполнительную власть».

Сам Гучков тоже сложа руки не сидел и рассчитывал захватить «исполнительную власть» иными методами. Вокруг влиятельного, популярного в армии руководителя военно-промышленных комитетов сложился заговор, готовивший свержение императора. Будучи человеком действия, Александр Иванович собирался с помощью группы гвардейских офицеров захватить царский поезд на пути из столицы в Ставку. «…Мы крепко верили, — рассказывал он, — что нам удастся вынудить у государя отречение с назначением наследника в качестве преемника. Должны были быть заготовлены соответствующие манифесты, предполагалось всё это выполнить в ночное время, наиболее удобное, и предполагалось, что утром вся Россия и армия узнают о двух актах, исходящих от самой верховной власти, — отречении и назначении наследника». В регенты прочили великого князя Михаила Александровича.

Финал приближался не с одной, а сразу с нескольких сторон. Не так, так этак всё должно было скоро закончиться.



«Что это — глупость или измена?»

«Что это — глупость или измена?»

В конце шестнадцатого года вопрос, собственно, стоял так: кто раньше рухнет — российская империя или Центральные державы.

Австро-Венгрия и Турция еле держались, германская армия испробовала свою немалую силу на западе, на востоке, опять на западе — и нигде не сумела добиться решительной победы. Теперь уже и в Берлине понимали, что войны не выиграть. В декабре правительство кайзера — при посредничестве американского президента Вильсона — предложило Антанте вступить в мирные переговоры. Если бы предложение было принято, российская монархия, возможно, и удержалась бы. Но союзники желали добить врага, и Николай был того же мнения. В высочайшем приказе по армии и флоту торжественно объявлялось, что Россия еще не достигла своих задач, в частности «обладания Цареградом и проливами».

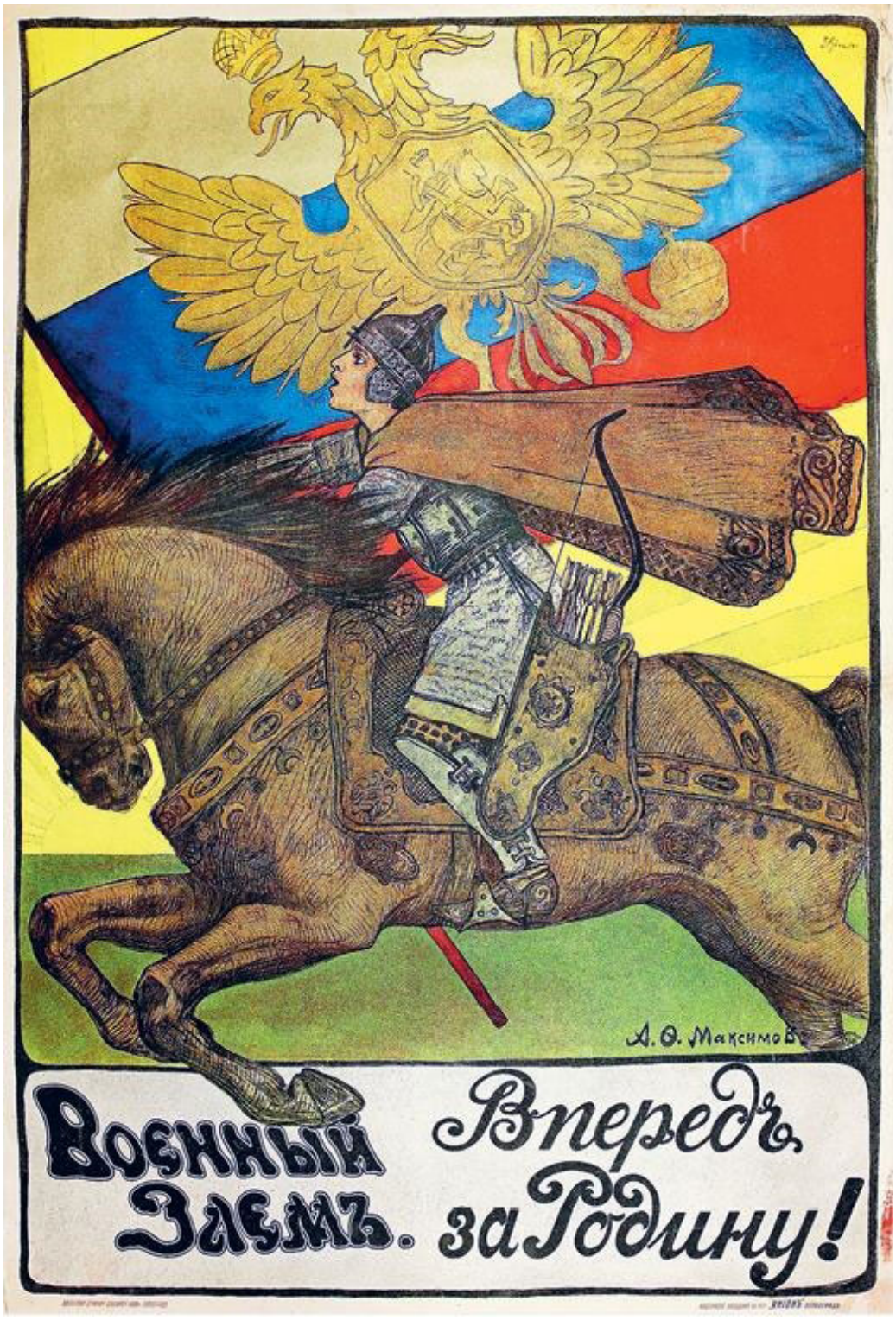
В семнадцатом году первой рассыплется Россия, у Центральных держав появится надежда, что с одним Западным фронтом они как-нибудь управятся. И мировая бойня продлится дольше, чем могла бы.

Если бы государь император сознавал, в каком состоянии находится его держава, он бы не тянулся к «Цареграду».

Россию совершенно разорила война. На ее нужды уходило 40 процентов национального дохода. Государственный долг вырос втрое, дойдя до 80 миллиардов рублей.

В апреле пришлось впервые ввести подоходный налог. Из-за инфляции и дефицита товаров потребительские цены подскочили на 400 процентов. Транспортная система, недостаточно развитая и чрезвычайно растянутая, перевозила грузы «мирного назначения» по остаточному принципу — в первую очередь шли военные эшелоны. Из-за этого начались перебои с продовольственным снабжением. Особенно страдал Петроград, находившийся на самом краю империи. В сентябре там пришлось вводить талоны. В октябре положение стало еще тревожней — продуктов катастрофически не хватало. На несколько дней прекратилось пассажирское сообщение — трасса была отдана только под доставку продуктов питания.

В Средней Азии шли бои с местными жителями, которые отказывались отбывать трудовую повинность. На железных дорогах усугублялся хаос. Города были переполнены беженцами, их насчитывалось почти три с половиной миллиона.



Патриотический плакат. 1916 г.

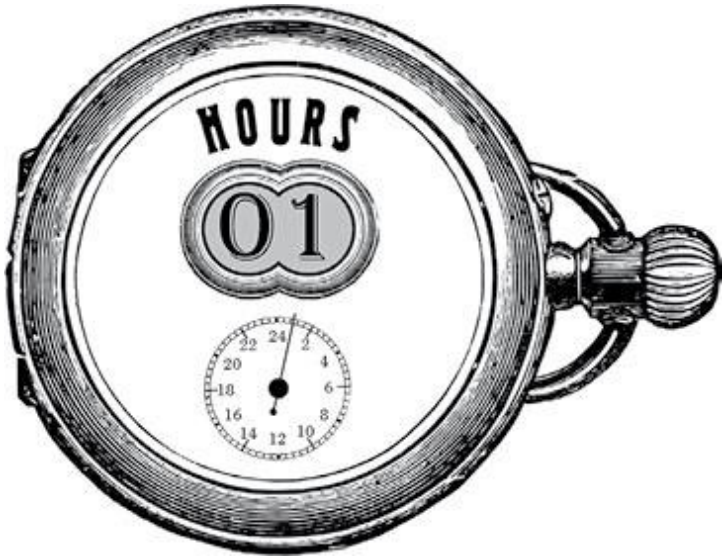
Очень упал воинский дух в армии. Процветало дезертирство. В тыловых «запасных полках» (там собирали мобилизованных для

последующей отправки в боевые части) преобладали «циммервальдские» настроения; никто не хотел погибать на «империалистической войне».

Началось брожение и на фронте. В декабре произошел тревожный инцидент: наступление 12-й армии на Митаву провалилось из-за того, что солдаты нескольких частей отказались идти в атаку. За это 92 человека были расстреляны по приговору военно-полевого суда, но акции неповиновения будут повторяться всё чаще.

До взрыва оставались считаные недели, в историческом масштабе — мгновения.

Тысяча девятьсот семнадцатый год



Это самый длинный и сложный год в отечественной истории. Мы захватим только его первые десять недель, после которых начнется история совсем другой России, но эти два с небольшим месяца переполнены драматическими событиями.

На фронтах мировой войны временное затишье. После декабрьского предложения Германии о начале переговоров все же появилась надежда, что кровавое безумие скоро закончится. Вудро Вильсон 22 января выступил перед сенатом с антивоенной речью, призывая враждующие стороны заключить «мир без победителей». Речь была в высшей степени гуманистическая, но очень скоро США сами вступят в войну. В феврале тот же Вильсон разорвал дипломатические отношения с Германией, а в апреле первая экономическая держава планеты присоединится к Антанте. Но у промышленного гиганта была крошечная армия, всего 120 тысяч человек. На то, чтобы создать и обучить миллионы солдат, понадобится много месяцев, а Восточный фронт скоро развалится. Последняя стадия войны на западе будет лихорадочно ожесточенной — Германия попытается одержать победу до прибытия американских войск.

Впрочем, Россия в это время уже будет вести другую войну, гражданскую.

Революционным событиям, продолжавшимся одну неделю, предшествовали несколько недель нарастающего напряжения.

Девятого января, в годовщину «Кровавого воскресенья», произошла первая за время войны массовая рабочая демонстрация в Петрограде. После этого забастовки и волнения в пролетарских районах столицы уже не прекращались.

Пятого февраля в Петрограде с целью подавления беспорядков был создан Особый военный округ. Командующий генерал Хабалов имел чрезвычайные полномочия. Поползли слухи, что на крышах устанавливают пулеметы для расстрела толпы. Страсти еще больше накалились.

Генерал С.С. Хабалов

Десятого февраля трое великих князей — Михаил Александрович, Александр Михайлович (генерал-инспектор авиации) и Георгий Михайлович (генерал-адъютант) — попробовали убедить царя, что

нужно ввести «министерство доверия». Николай ответил: может быть, после войны, но не сейчас.

Четырнадцатого февраля после перерыва открылась Дума. На второй день депутат А. Керенский заявил с трибуны, что главный враг страны — не немецкие агенты, а сама «система». Это был открытый призыв к борьбе с властью. Правительство потребовало официальную стенограмму, чтобы привлечь Керенского к судебной ответственности. Дума ответила отказом.

В этой взрывоопасной ситуации Николай II не придумал ничего лучше, как уехать из столицы в Могилев, где находилась Ставка.

Назавтра же в Петрограде началась агония монархии. Ход событий лучше всего пересказать в виде ежедневной хроники.

23 февраля

Революцию начали не социалистические агитаторы и даже не думские оппозиционеры. Она произошла по совокупности серьезных причин и вследствие «букета» описанных выше тяжелых недугов, но непосредственный повод был до абсурдности мелок.

Революция началась в очереди за хлебом. И не из-за голода, как можно прочитать у некоторых советских авторов, а из-за накопившегося раздражения.

Градоначальство из самых похвальных побуждений установило максимальные расценки на хлеб: семь с половиной копеек за фунт черного. Выпекать его стало невыгодно — себестоимость выходила дороже продажной цены. Поэтому белый хлеб имелся в свободной продаже, а за дешевым черным, основной пищей бедняков, надо было стоять в длинных «хвостах», на холоде. Видя, как «чистая публика» запросто покупает «булки», кто-то затеял скандал, толпа возбудилась, в витрину полетел камень, потом камнями забросали прибывшую полицию.

Город взорвался, как пороховая бочка, в которую попала искра.

Зачинщицами бунта были женщины, которым больше всех приходилось томиться в очередях, а день пришелся — по европейскому календарю — на 8 марта. Возникли спонтанные женские

манифестации, к ним присоединились мужчины. Встали заводы. Больше ста тысяч рабочих забастовали.

Начало великой революции. *И. Сакуров*

Полиция (ее на весь город было три с половиной тысячи человек) не могла всюду поспеть. Вывели казаков, но камни полетели и в них. К вечеру порядок восстановлен не был.

А государь император в этот день записывает в дневнике: *«Проснулся в Смоленске в 9½ час. Было холодно, ясно и ветрено. Читал всё свободное время франц. книгу о завоевании Галлии Юлием Цезарем. Приехал в Могилёв в 3 ч. Был встречен ген. Алексеевым и штабом. Провёл час времени с ним. Пусто показалось в доме без Алексея.*

Обедал со всеми иностранцами и нашими. Вечером писал и пил общий чай».

Начала революции его величество не заметил.

24 февраля

В газетах напечатали сообщение, что муки на складах более чем достаточно, но дело было уже не в хлебе.

Город митинговал и манифестировал, причем лозунги были сплошь политические: «Долой войну!», «Долой самодержавие!». Бастовали больше 200 тысяч рабочих.

Полиция и казаки всё чаще сталкивались с неповиновением и прямым сопротивлением. Несколько десятков городовых получили увечья.

Положение становилось неконтролируемым.

Царь вечером записывает важные с его точки зрения события дня: *«В 10½ пошёл к докладу, который окончился в 12 час. Перед завтраком принесли мне от имени бельгийского короля военный крест. Погода была неприятная — метель. Погулял недолго в садике. Читал и писал. Вчера Ольга и Алексей заболели корью, а сегодня Татьяна последовала их примеру».*

Антимонархическая демонстрация

25 февраля

В этот день демонстранты добрались до центральных районов. В нескольких местах звучали выстрелы, лилась кровь. Началась всеобщая стачка.

Совет министров заседал, но так и не определился с конкретными мерами. У бунтовщиков не было ни штаба, чтоб его разгромить, ни вождей, чтобы их изолировать. Не арестовывать же весь город?

Царь прислал телеграмму генералу Хабалову с требованием «завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны против Германии и Австрии». Но сам остался в Ставке, не считая положение слишком тревожным.

«Встал поздно. Доклад продолжался полтора часа. В 2½ заехал в монастырь и приложился к иконе Божией матери. Сделал прогулку по шоссе на Оршу. В 6 ч. пошёл ко всенощной. Весь вечер занимался».

Николай на семейной прогулке. 1916 г.

26 февраля

С утра было относительно спокойно — воскресенье. Командующий округом даже поспешил доложить императору, что его воля исполнена.

Но именно в этот день наметился перелом. Перед сумерками к безоружным горожанам начали присоединяться солдаты.

Очень важным — вероятно, даже главным фактором, определившим исход восстания, — стало скопление в Петрограде армейских резервов. Отсюда «запасных» отправляли эшелонами на фронт. В некоторых из так называемых рот могло состоять по полторы

тысячи человек. Естественно, офицеров не хватало, нижние чины по большей части были предоставлены сами себе. «Циммервальдская» агитация приносила свои плоды. «Солдатская масса была проникнута одним страстным желанием — чуда, которое избавило бы ее от необходимости идти на убой», — пишет Ольденбург.

Всего в столичных казармах находилось около 160 тысяч (!) таких солдат, плохо дисциплинированных и в значительной мере распропагандированных.

Солдатская демонстрация на Невском проспекте

Когда в середине дня опять начались беспорядки, правительственные войска, выполняя приказ командующего, стали применять оружие. Было застрелено около полутора сотен человек. Возможно, устрашение и сработало бы, но внезапно по полиции открыли стрельбу запасные лейб-гвардии Павловского полка. Их поспешно окружили, вынудили сдать оружие, вожаков арестовали, но вечером и ночью неспокойно стало во многих казармах. В армии началось брожение.

Государь император тем временем занимался вот чем:

«В 10 час. пошёл к обедне. Доклад кончился вовремя. Завтракало много народа и все наличные иностранцы. Написал Аликс и поехал по Бобруйскому шоссе к часовне, где погулял. Погода была ясная и морозная. После чая читал и принял сенатора Трегубова до обеда. Вечером поиграл в домино».

27 февраля

Это день, в который всё решилось.

Начался он с того, что восстал запасной батальон другого гвардейского полка, Волынского. Солдаты убили офицера, пытавшегося их остановить, и с оружием покинули казарму. К ним присоединились павловцы и солдаты Литовского полка.

У генерала Хабалова вдруг оказалось очень мало войск, на которые можно положиться. Основная масса гарнизона митинговала. Давать им оружие было рискованно.

К середине дня правительственные отряды удерживали только центр и мосты. Весь правый берег Невы, весь юг, Литейная часть были в руках мятежных солдат и рабочих дружин. Повсюду раздавалась стрельба.

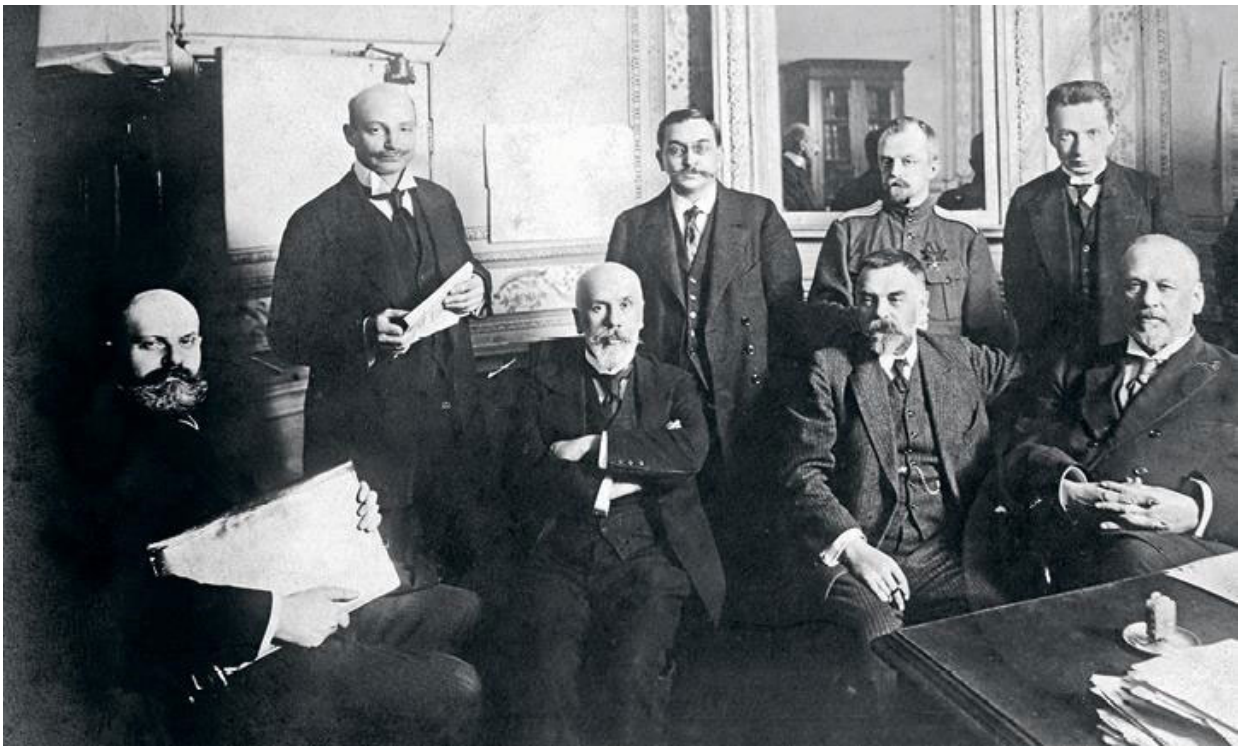
Председатель Думы Родзянко отправил царю телеграмму с призывом немедленно учредить «министерство доверия», потому что в столице анархия. Николай сказал своему министру двора: «Опять этот толстяк написал мне разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать». Вместо этого император приказал распустить Думу и отправить с фронта к Петрограду «ударный кулак», две бригады под командованием генерал-адъютанта Н. Иванова. (Пока генерал соберет свой «кулак», всё уже закончится.)

Депутаты собрались, выслушали извещение о роспуске, после чего немедленно создали Временный комитет во главе с тем же Родзянко. Постановили указ не признавать и брать власть в свои руки. Объединились почти все: кадеты, октябристы, центристы, отчасти даже националисты — их лидер В. Шульгин был одним из самых активных деятелей этого конвента.

Если бы депутаты Думы проявили меньше решительности или даже были арестованы, это ничего не изменило бы. Революция достигла

той стадии, когда она уже могла обойтись без формальной легитимности. Одновременно с созданием Временного комитета возродился руководящий орган, опробованный в 1905 году, — Совет депутатов, только теперь не «рабочих», а «рабочих и солдатских», потому что основной движущей силой революции являлись запасные. Совет возглавили «умеренные» революционеры: меньшевики Н. Чхеидзе, Ю. Стеклов, М. Скобелев, трудовик А. Керенский (последний состоял в обоих революционных штабах).

Однако наличие юридически правомочного, всем известного представительного органа — Думы — облегчило процедуру перехода власти. Иначе кровопролития и хаоса было бы намного больше.



Временный комитет Думы. Сидят (слева направо): В.Н. Львов, В.А. Ржевский, С.И. Шидловский, М.В. Родзянко. Стоят (слева направо): В.В. Шульгин, И.И. Дмитряков, Б.А. Энгельгардт, А.Ф. Керенский

Слабый премьер Голицын объявил об отставке. Правительство самоликвидировалось. Опасаясь расправы, министр внутренних дел Протопопов сам сдался новой власти. Скоро весь кабинет уже находился под арестом, в Петропавловской крепости.

В городе спешно создавалась рабочая милиция, войска массово переходили на сторону революции. Тот же процесс начался в Москве и других городах. «Положение окончательно прояснилось, — вспоминает Милюков. — Мы были победителями».

В дневнике его величества впервые звучат тревожные нотки: *«В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад; к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия! Был недолго у доклада»*. Но далее следует: *«Днём сделал прогулку по шоссе на Оршу. Погода стояла солнечная»*.

28 февраля

Пока Николай гулял по шоссе и наслаждался солнечной погодой, новая власть решала его судьбу.

«Весь день 28 февраля был торжеством Государственной думы как таковой, — читаем у Милюкова. — К Таврическому дворцу шли уже в полном составе полки, перешедшие на сторону Государственной думы, с изъявлениями своего подчинения Государственной думе».

Победители собрали совещание по самому насущному или, как выражается Милюков, «самому рогатому» вопросу: что делать с царем и монархией.

Насчет Николая ни у кого сомнений не было. Спорили, пора ли уже объявлять республику или подождать до выборов Учредительного собрания. В конце концов Милюков убедил всех, что нужно делать царем мальчика Алексея, а его дядю Михаила — регентом, иначе может начаться гражданская война.

Это соображение звучало резонно. За пределами столицы революционное движение уже начинало принимать буйный характер: матросы в Кронштадте убивали офицеров, толпы громили винные склады, а ведь еще не проснулась вся огромная страна. Смена одного монарха на другого при условии, что реальная власть находится в руках парламента, действительно могла бы остановить развал государства.

А Николай всё еще не понимает, что дело проиграно. Он надеется на «ударный кулак» Иванова и наконец сам направляется из Могилева в Петроград.

Но железнодорожники на стороне победившей революции. Ни карательные войска, ни самого императора в столицу не пропустят.

1 марта

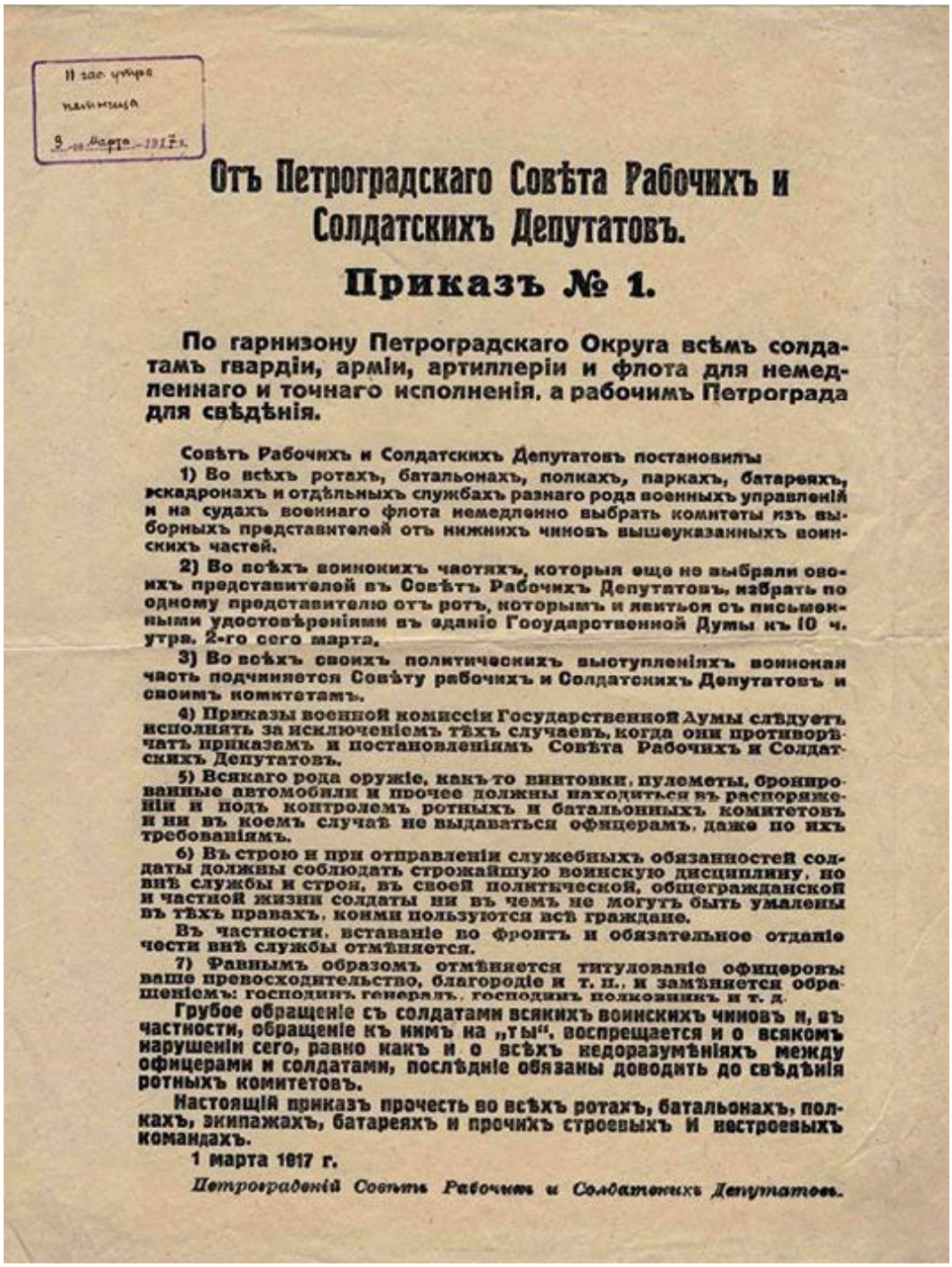
Царский поезд вынужден повернуть обратно. Николай едет в расположенный неподалеку Псков, где расквартирован штаб генерала Рузского, командующего Северным фронтом. Рузскому подчинено полтора миллиона солдат, на него теперь вся надежда — так, во всяком случае, кажется царю.

Однако никакой надежды уже нет. Рузский говорит царским приближенным: «Вот что вы наделали, вся ваша распутинская клика. До чего вы теперь довели Россию». Поддержки от генерала ждать не приходится.

Революционные солдаты и матросы в Думе

Петроградский совет по собственному почину берет командование над войсками округа и выпускает «Приказ № 1», адресованный всей российской армии. Там объявляется, что воинские части должны «немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов». Солдатские комитеты фактически упраздняли систему единоначалия, без которого армия становится трудноуправляемой. Не доверяя генералам и офицерам, революционный орган подорвал военную дисциплину и обрек вооруженные силы страны на разложение. С этого момента начинается развал Восточного фронта.

Правая рука государя, его начальник штаба Алексеев, присылает царю из Ставки телеграмму: умоляет договориться с Думой об «ответственном министерстве». Но это смехотворно. Временный комитет уже разослал по министерствам и ведомствам своих полномочных представителей. Вот-вот будет сформировано временное правительство — разумеется, без разрешения монарха. В первый день весны происходит символический акт подчинения августейшей семьи новой власти: великий князь Кирилл Владимирович, командир гвардейского морского экипажа, повязывает красный бант и «предоставляет себя в распоряжение Государственной думы».



11 час. утра
пятница
9-го марта 1917 г.

Отъ Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Приказъ № 1.

По гарнизону Петроградскаго Округа всѣмъ солдатамъ гвардіи, арміи, артиллеріи и флота для немедленнаго и точнаго исполненія, а рабочимъ Петрограда для свѣдѣнія.

Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ постановилъ:

1) Во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, паркахъ, батареяхъ, эскадронахъ и отдѣльныхъ службахъ разнаго рода военныхъ управленій и на судахъ военнаго флота немедленно выбрать комитеты изъ выборныхъ представителей отъ нижнихъ чиновъ вышеуказанныхъ воинскихъ частей.

2) Во всѣхъ воинскихъ частяхъ, которыя еще не выбрали своихъ представителей въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, избрать по одному представителю отъ ротъ, которымъ и явиться съ письменными удостовѣреніями въ зданіе Государственной Думы къ 10 ч. утра, 2-го сего марта.

3) Во всѣхъ своихъ политическихъ выступленіяхъ воинская часть подчиняется Совѣту рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и своимъ комитетамъ.

4) Приказы военной комиссіи Государственной Думы слѣдуетъ исполнять за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они противорѣчатъ приказамъ и постановленіямъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

5) Всякаго рода оружіе, какъ то винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться въ распоряженіи и подъ контролемъ ротныхъ и батальонныхъ комитетовъ и ни въ коемъ случаѣ не выдаваться офицерамъ, даже по ихъ требованіямъ.

6) Въ строю и при отправленіи служебныхъ обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но внѣ службы и строя, въ своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни въ чемъ не могутъ быть умалены въ тѣхъ правахъ, коими пользуются всѣ граждане.

Въ частности, вставаніе во фронтъ и обязательное отданіе чести внѣ службы отмѣняется.

7) Равнымъ образомъ отмѣняется титулованіе офицеровъ: ваше превосходительство, благородіе и т. п., и замѣняется обращеніемъ: господинъ генералъ, господинъ полковникъ и т. д.

Грубое обращеніе съ солдатами всякихъ воинскихъ чиновъ и, въ частности, обращеніе къ нимъ на „ты", воспрещается и о всякомъ нарушеніи сего, равно какъ и о всѣхъ недоразумѣніяхъ между офицерами и солдатами, послѣдніе обязаны доводить до свѣдѣнія ротныхъ комитетовъ.

Настоящій приказъ прочесть во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, экипажахъ, батареяхъ и прочихъ строевыхъ и нестроевыхъ командахъ.

1 марта 1917 г.

Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Приказ № 1 Петросовета

Николай пишет в дневнике: *«Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства всё время там!* [Не в Петрограде, нет.] *Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помоги нам Господь!»*

2 марта

Создано Временное правительство из представителей Временного комитета и Петросовета. Председателем становится центрист князь Г. Львов, фигура компромиссная. Руководитель «Земгора» пользуется уважением и у умеренных левых, и у умеренных правых. («Неумеренные правые» все попрятались, «неумеренные левые» еще не вернулись из эмиграции и ссылки.) Милюков возглавляет министерство иностранных дел, военное и морское ведомства — Гучков, ключевое в условиях транспортного коллапса путейское ведомство — кадет В. Некрасов, финансы — миллионер М. Терещенко, министром юстиции становится А. Керенский, заместитель председателя Петросовета.

К царю командируют Гучкова и Шульгина, которые должны убедить Николая без борьбы отречься от престола в пользу сына при регентстве Михаила.

Но к этому моменту император бороться уже не думает. Он остался в полном одиночестве. В середине дня поступили депеши от командующих фронтами, включая великого князя Николая Николаевича: надо отрекаться. То же теперь пишет и Алексеев: «Династический вопрос поставлен ребром, и победоносную войну можно продолжать лишь при исполнении предъявленных требований».

Единственное, в чем царь отказал посланцам Временного правительства — в передаче короны сыну. Это был уже поступок не самодержца, а отца, желавшего снять с хрупкого, нездорового мальчика непосильную ношу.

В манифесте говорилось: *«В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной думою признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского».*

Царствование Николая II завершилось.

Свергнутый император

3 марта

На следующий день завершилась и монархическая история России.

Члены Временного правительства встретились с новым царем — Михаилом II, который пошутил, что это даже хорошо — «быть в положении английского короля» (то есть не править, а только царствовать).

Но в ходе беседы вдруг выяснилось, что никто, кроме Милюкова, монархии, даже конституционной, не желает. У Михаила не осталось иного выбора кроме как тоже отречься.

«Оказывается, Миша отрекся… — пишет в дневнике гражданин Николай Романов. — *Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше».*

Увы, беспорядки только начинались. Российское государство, лишившись своей самодержавной, «ордынской» основы, не могло не рассыпаться на куски.

Заключение. Продолжение следует

Приступая к работе над писательской (то есть заведомо дилетантской) историей государства, я написал в предисловии, что у меня нет концепции, которую я собираюсь обосновывать и доказывать. Ее действительно не было. Она возникла в процессе чтения и анализа прочитанного. Не могла не возникнуть, поскольку я отношусь к категории авторов, которые верят, что человечество эволюционирует, что в этом движении есть смысл и что *история учит* — тех, кто хочет и умеет у нее учиться.

Позволю себе в самом конце еще раз кратко суммировать те основные выводы, к которым я пришел за годы погружения в события отечественной истории. Очень возможно, что мои заключения не покажутся читателю убедительными, но лично мне они многое объясняют.

Прежде всего, для понимания специфики и природы российского государства важно учитывать, что возникло оно не в IX веке при полумифическом Рюрике, а намного позже. Домонгольская Русь, тем более Русь Киевская — это далекий предок России (как и еще нескольких современных стран). Фундамент государства, в котором мы сегодня живем, заложен во второй половине XV столетия Иваном III, великим князем московским — и великим государственным строителем. За образец для подражания Иван Васильевич взял единственный известный ему успешный «проект» — чингисхановскую конструкцию, возродив ее главные принципы. Поэтому я называю тип нашего государства «ордынским». В этом термине нет ничего осуждающего. Великий монгол в свое время создал удивительно прочную, логичную и эффективную модель сильного и крепкого государства.

Назову еще раз непременные атрибуты «ордынскости».

Это прежде всего **сверхцентрализованность** и абсолютная «вертикальность» управления (хан — начальники туменов — тысяцкие — сотники — десятники), а также три подпорки, без которых сверхцентрализация невозможна:

— **сакрализация Государя** как живого олицетворения власти;

— **сакрализация Государства** как высшей ценности;

— **закон подчинен политической конъюнктуре**, ибо никакая буква не должна быть выше воли Власти. Как сказал Бенкендорф барону Дельвигу: «Законы пишутся для подчиненных, а не для начальства».

Сильные стороны подобного государства — ударопрочность, легкоуправляемость и высокая мобилизуемость. Слабых черт только две: чрезмерная зависимость от личных качеств правителя (при монархии это фактор случайный, непредсказуемый) и замедленность развития, потому что диктат вездесущего государства парализует естественную предприимчивость подданных. При Иване III, в условиях средневекового застоя, второй дефект не имел особенной важности, но после того, как Западная Европа двинулась по пути экономического и социального прогресса, Россия все время оказывалась в ситуации «догоняющего».

Чтобы понять логику всех изгибов и извивов российской истории, достаточно проследить за ее главной фабулой — метаморфозами «ордынскости».

Первая версия государства продержалась полтора века и рассыпалась, когда пресеклась династия Рюрика. Это подрубило опорную колонну «сакральности» царской власти, что привело к Смуте и иностранной оккупации.

Вторая версия, возникшая в 1613 году, просуществовала менее века, ибо была рыхлой, не вполне «ордынской». Новая династия, Романовы, чувствовала себя неуверенно, и это вынуждало ее делиться властью с патриархией и высшей аристократией (Боярской думой), а время от времени даже созывать народных представителей (земские соборы). Выгодные стороны «ордынскости» при такой ослабленной централизации работали плохо.

Петр Великий, которого принято считать реформатором, на самом деле был контрреформатором, поскольку он вернул государство к прежней, изначальной конструкции, восстановив и укрепив все четыре «ордынские» опоры. Церковь и аристократия были отстранены от соучастия в управлении, авторитет царя (теперь — императора) вознесен до небывалых высот, всё население поставлено на службу государству, жизнь страны регламентировалась не законами, а бесчисленным потоком царских указов. Отремонтированная и

отреставрированная система стала работать гораздо лучше и превратила Россию в великую (правда, только в военном отношении) державу.

Но одной административной «вертикалью» управлять такой большой страной во второй половине восемнадцатого века становилось уже трудно, поэтому Екатерина Великая несколько модернизировала формат государства: привлекла к управлению дворянство, превратив его из «служащих» в своего рода «миноритариев», объединенных с «главой корпорации» общностью интересов.

Тем самым был ослаблен главный принцип «ордынскости» — не делиться властью. Дворянское сословие, с одной стороны, очень помогало в строительстве и управлении империей, с другой — начало сознавать себя некоей отдельной силой. Так в России зародилось Общество, то есть прослойка (сначала очень узкая) людей, которые имели опасную склонность к независимому мышлению.

В девятнадцатом веке Общество постепенно становится всё многочисленней, всё влиятельней — по мере того, как в условиях мировой индустриальной революции острее проявляются недостатки «ордынской» модели: техническое отставание, экономическая неэффективность. Власть блюдет свою «вертикальность», не допускает Общество к управлению (это разрушило бы главную опору государственной стабильности), в результате часть Общества радикализируется, и возникает третья сила — революционное движение.

Как уже говорилось, сущностная разница между революционерами (любой партийной принадлежности) и той общественной силой, которую я очень условно называю «либералами», заключалась в методах, которыми два эти лагеря добивались власти. Революционеры делали ставку на ее насильственный захват, «либералы» — на «ползучий».

Государству с его сильным полицейским аппаратом совладать с революционерами было проще — Охранка и Жандармский корпус с этой задачей, как мы видели, вполне справились. Но раздавить «либеральную» оппозицию способен только режим, готовый к беспощадным массовым репрессиям, то есть в принципе отвергающий традиционную этику и всякую претензию на респектабельность.

Монархия могла себе такое позволить при Иване Грозном или Петре Первом, но не в XX веке.

Государство развалилось прежде всего вследствие кризиса верховной власти — самодержавия. Главная российская опора насквозь прогнила. Ее разрушили не революционеры и даже не «либералы», она рухнула сама. Мы видели, как в феврале правительство по сути дела самоликвидировалось, а высший генералитет отказал царю в поддержке.

Власть сама упала в руки «либералам», и они, конечно, ее не удержали, потому что сразу же дорушили все «ордынские» опоры и не создали взамен других. Дезорганизованность центрального управления при низком престиже государственных институтов и слабости исполнительной инфраструктуры, да еще в условиях войны, могла закончиться только новой Смутой, хаосом и тотальным распадом.

Зато большевики при всех их разглагольствованиях о народной свободе очень хорошо понимали природу «ордынскости» и быстро воссоздали все ее четыре опоры в такой монолитности, какой страна еще не видывала.

В семнадцатом году «историческая история» России заканчивается и начинается история современная — период, который еще не закончен и потому с трудом поддается объективному, бесстрастному анализу.

Над Россией до сих пор витает дух минувшего столетия и главной его фигуры — Иосифа Сталина, об исторической роли которого сегодня всё еще невозможно рассуждать, не впадая в эмоции. В общественно-политическом пространстве по-прежнему идет борьба «государственников» с «либералами» — всё так же и всё из-за того же. Сохранять в этой полемике нейтралитет затруднительно. У меня, во всяком случае, это не получается. Россия все никак не выберется из проблематики двадцатого века. Лишь когда он наконец — с большим опозданием — завершится, можно будет, оглянувшись назад, осмыслить его уроки и подвести итоги.

Российское государство продолжает ходить всё по тому же заколдованному кругу. Можно ли из него вырваться?

Читателю, осилившему всю мою девятитомную эпопею, должен быть очевиден ответ, к которому привело меня изучение минувшего.

Всякая попытка изменить формат государства с авторитарного на демократический будет обречена на неуспех, если принцип сверхцентрализации управления сохранится. Расшатывание любой из «опорных колонн» без отказа от практики принимать все решения «в ханской ставке», то есть в едином центре, неминуемо повлечет за собой распад и хаос, после чего испуганное население столь же неминуемо предпочтет вернуться к «твердой власти» — даже ценой всех обретенных свобод.

Так, вероятно, и будет до тех пор, пока Россия не превратится из «вертикального» государства в «горизонтальное», то есть в настоящую, а не номинальную федерацию. Когда это произойдет и какой ценой, покажет будущее. Возможно, неотдаленное.

---

notes

Сноски

1

Цифры всех этих потерь в разных источниках оцениваются по-разному — я еще выбрал умеренные. Сама размытость мрачной статистики красноречивее всего свидетельствует о невероятной девальвации человеческих жизней: миллион туда, миллион сюда — какая разница?

2

Царь и царица переписывались на английском, иногда вставляя русские слова и фразы.

3

Речь идет о популярной лубочной книжке «Повесть о приключении аглицкого милорда Георга».

4

Цитирую по статистико-документальному справочнику «Россия. 1913 год», изданному Институтом российской истории (1995).